ИЗВЕСТИЯ ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ
ПОВОЛЖСКИЙ РЕГИОН

ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

№ 4 (36) 2015

СОДЕРЖАНИЕ

ПРАВО

Вырва П. А., Гутник С. И. Конфиденциальность персональных данных, подпадающих под правовой режим врачебной тайны, в образовательном процессе студентов медицинских вузов 5

Рузляев М. Ю. Две функции конституционного правосудия в субъектах Российской Федерации 13

Кюрджиев В. А. Мониторинг правил подготовки нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти 20

Воронюк Е. П. О влиянии нотариальных действий на реализацию конституционных прав граждан 28

Пузенцова Ю. А. Социальное неравенство как причина возникновения структур гражданского общества 34

Безрукова О. В. Зарубежный опыт регулирования экономических отношений..... 43

Девяткин Г. С. Актуальные вопросы постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации о применении законодательства о праве на защиту..... 52

Даневская А. М. К вопросу о конституционно-правовой ответственности общественных объединений..... 60

Сизов В. А., Мещерякова А. Ф. Проблемные вопросы и практика использования правоохранительными органами оперативного эксперимента с учетом Постановления Европейского суда по правам человека от 30.10.2014 «Дело «Носко и Нефедов против Российской Федерации» (жалобы № 5753/09 и 11789/10)..... 66

Султанов Е. Б. Муниципальные территориально-правовые образования как субъекты права собственности на землю 76

Саломатин А. Ю., Мещерякова А. Ф. Социально-правовой мониторинг интеграционного правосудия и задачи его развития в эпоху глобализации 84

СОЦИОЛОГИЯ

Полутин С. В., Седлецкий А. В. Формирование социального механизма мотивации работников к инновационной деятельности 96

Отделкина Т. Н. Формирование института замещающей семьи: история и современность 104

Васильева Е. Н., Полтавская М. Б. Экономическая и социальная активность населения как индикатор формирования социального капитала 113

Юрасов И. А., Кошарный В. П., Юрасова О. Н. Восприятие коррупции жителями Пензенской области 120

Дорофеев В. Д., Тугускина Г. Н. Роль качества жизни в формировании человеческого капитала 127

Шиняева О. В., Тчапе А. К. Теоретико-методологические подходы к исследованию профессиональной идентификации молодежи 134

Кошарная Г. Б. Мотивация современных российских предпринимателей 146

Сеидов Ш. Г., Сеидов В. Г., Юрасов И. А. Инновационное развитие региона в условиях информатизации общества 155

Рассадина Т. А. Имидж региона: аспекты формирования и оценки населения (на примере Ульяновской области) 163

ЭКОНОМИКА

Чернецова Н. С. Промышленная политика – основа модернизации российской экономики 179

Кошевой О. С., Фудина Е. В. Продовольственная безопасность – основа обеспечения экономической безопасности 188

Ильина (Ржевская) М. С. Роль управления в процессе трансформации капиталистической формы собственности: от частной к «менеджерской»? 197

Володин В. М., Рожкова Л. В., Скворцова В. А. Национальные экономические интересы и обеспечение экономической безопасности России 210

Володин В. М., Сергеева И. А., Дорофеев В. Д. Государственная политика обеспечения экономической безопасности России 219

Неретина Е. А., Соловьев Т. Г. Динамические способности высшего учебного заведения в контексте организационной идентичности 228

Питайкина И. А. К вопросу о теории человеческого капитала 237

Канакина В. А., Понукалин А. В. Межфирменная интеграция как одна из форм кооперации 246

Щеглов Ю. А. Экономическая оценка «рейдпригодности» предприятий 258

Андриянова А. А., Андриянова Л. С. К вопросу о валютной политике Банка России 266

UNIVERSITY PROCEEDINGS
VOLGA REGION

SOCIAL SCIENCES

№ 4 (36) 2015

CONTENTS

LAW

Vyrva P. A., Gutnik S. I. Confidentiality of personal data falling under the legal regime of medical confidentiality in the educational process of medical universities 5

Ruzlyaev M. Yu. Two functions of regional constitutional justice in Russia 13

Kyurdzhiev V. A. Monitoring of normative legal acts preparation rules at federal executive bodies 20

Voronyuk E. P. On influence of notarial actions on realization of constitutional rights of citizens 28

Puzentsova Yu. A. Social inequality as a reason for civil society structures occurrence 34

Bezrukova O. V. Foreign experience of regulation of economic relations 43

Devyatkin G. S. On some important issues of the resolution of the Russian Supreme Court plenum “On application of legislation on the right of defense”..... 52

Danevskaya A. M. On the issue of constitutional and legal responsibility of public associations 60

Sizov V. A., Meshcheryakova A. F. Problematic issues and practice of using the operational experiment by al law enforcement authorities based on the European Court of Human Rights judgment from 30.10.2014 “Case of Nosko and Nefedov against the Russian Federation” (application № 5753/09 and 11789/10)..... 66

Sultanov E. B. Municipal jurisdiction as legal subjects of land ownership..... 76

Salomatin A. Yu., Mescheryakova A. F. Social and legal monitoring of integrated justice and tasks of its development in globalization 84

SOCIOLOGY

Polutin S. V., Sedletskiy A. V. Formation of a social mechanism for workers motivation to innovative activity..... 96

Otdelkina T. N. Historical retrospective problems of child orphanhood and family problems as a cause of formation of the institution of substitute family 104

Vasil'eva E. N., Poltavskaya M. B. Economic and social activity of population as an indicator of social capital formation 113

Yurasov I. A., Kosharnyy V. P., Yurasova O. N. Perception of corruption by residents of Penza region 120

Dorofeev V. D., Tuguskina G. N. Life quality importance in human capital formation 127

Shinyaeva O. V., Tchape A. K. Theoretical and methodological approaches to studying professional identity of youth 134

Kosharnaya G. B. Motivation of modern russian entrepreneurs 146

Seidov Sh. G., Seidov V. G., Yurasov I. A. Regional innovative development in conditions of society informatization 155

Rassadina T. A. Regional image: formation aspects and population's attitude (by the example of Ulyanovsk region) 163

ECONOMICS

Chernetsova N. S. Industrial policy – the basis of Russian economy modernization 179

Koshevoy O. S., Fudina E. V. Food security – the basis of economic security 188

Ilyina (Rzhevskaya) M. S. The role of management in the process of capitalist ownership form transformation: from private to "managerial"? 197

Volodin V. M., Rozhkova L. V., Skvortsova V. A. National economic interests and economic protection of Russia 210

Volodin V. M., Sergeeva I. A., Dorofeev V. D. Public policy of ensuring economic security of Russia 219

Neretina E. A., Solovyev T. G. Dynamic capabilities of higher education institutions in the context of organizational identity 228

Pitaikina I. A. On the issue of the human capital theory 237

Kanakina V. A., Ponukalin A. V. Intercompany integration as one of the forms of cooperation 246

Shcheglov Yu. A. Economic assessment of "raid-suitability" of enterprises 258

Andrianova A. A., Andrianova L. S. On the issue of the monetary policy of the Bank of Russia 266

УДК 342.72

П. А. Вырва, С. И. Гутник

КОНФИДЕНЦИАЛЬНОСТЬ ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ, ПОДПАДАЮЩИХ ПОД ПРАВОВОЙ РЕЖИМ ВРАЧЕБНОЙ ТАЙНЫ, В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ СТУДЕНТОВ МЕДИЦИНСКИХ ВУЗОВ

Аннотация.

Актуальность и цели. Законодательство о персональных данных в последние годы активно развивается и изменяется. При этом оно регулирует различные сферы общества, в том числе и образовательную сферу, устанавливая различные режимы информации и персональных данных. Одним из режимов персональных данных является режим врачебной тайны. Однако у обучающихся не всегда имеется правильное представление о защите персональных данных и о соблюдении врачебной тайны. Именно поэтому необходимы превентивные меры, которые позволили бы предотвратить нарушение права на неприкосновенность частной жизни. Цель работы – выявить представление о режиме конфиденциальности персональных данных, подпадающих под режим врачебной тайны, среди студентов медицинских вузов, а также предложить ряд мер по предупреждению нарушения режима врачебной тайны в студенческой среде.

Материалы и методы. Реализация целей и задач исследования была достигнута с помощью анализа действующего законодательства о персональных данных и о врачебной тайне. В качестве методов исследования были использованы: метод анализа нормативно-правового регулирования, статистический метод анкетирования, формально-юридический метод, логический метод.

Результаты. Изучена нормативно-правовая база регулирования оборота персональных данных, подпадающих под правовой режим врачебной тайны, а также вопросы ответственности за незаконное разглашение сведений, составляющих врачебную тайну. Выявлены проблемы, связанные с реализацией некоторых законодательных положений, относящихся к врачебной тайне. Проведен опрос студентов медицинского вуза на предмет осведомленности о правовом режиме информации, составляющей врачебную тайну, и выявлено, что не все из опрошенных имеют правильное представление о нормативном регулировании данного вопроса.

Выводы. Сделан вывод о том, что студенты медицинских вузов также являются носителями персональных данных, подпадающих под правовой режим врачебной тайны. К сожалению, не все из опрошенных студентов осведомлены об ограничениях и запретах, установленных в отношении врачебной тайны. В связи с этим для предупреждения неправомерных посягательств в отношении врачебной тайны предложен ряд профилактических мер для студентов медицинских вузов.

Ключевые слова: конфиденциальность, неприкосновенность частной жизни, врачебная тайна, медицинские вузы, уголовная ответственность, предупреждение нарушения неприкосновенности частной жизни.

P. A. Vyrva, S. I. Gutnik

CONFIDENTIALITY OF PERSONAL DATA FALLING UNDER THE LEGAL REGIME OF MEDICAL CONFIDENTIALITY IN THE EDUCATIONAL PROCESS OF MEDICAL UNIVERSITIES

Abstract.

Background. Legislation on personal data has been actively developing and changing. It regulates various spheres of society, including the educational sphere, setting different modes of information and personal data. One of the modes of personal data is the regime of medical confidentiality. However, students sometimes do not have the right idea about personal data protection and medical confidentiality keeping. It is therefore necessary to undertake preventive measures that would prevent violation of the right to privacy. The purpose of the article is to identify understanding of the mode of cofinedtiality of personal data falling under the regime of patient confidentiality among medical students, and to offer a number of measures to prevent violations of patient confidentiality among students.

Materials and methods. The goals and objectives of the study were achieved by analysis of the current legislation on personal data and patient confidentiality. The following research methods were used: the method of legal regulation analysis, the statistical method of questioning, the legalistic method, the logical method.

Results. The authors have studied the legal framework regulation of personal data falling under the legal regime of patient confidentiality, as well as the liability for illegal disclosure of information constituting a medical secret, as well as revealed problems with implementation of certain legal provisions relating to patient confidentiality. The researchers have conducted a survey of students of a medical school on the subject of awareness of the legal regime of information constituting a medical secret and revealed that not all of the respondents have the correct understanding of the normative regulation of this issue.

Conclusions. It is concluded that medical students are also carriers of personal data falling under the legal regime of medical confidentiality. Unfortunately, not all of the students surveyed are aware of the restrictions and prohibitions in respect of medical confidentiality. In this regard, in order to prevent illegal infringements of medical confidentiality, the authors propose a number of preventive measures for medical students.

Key words: confidentiality, privacy, medical confidentiality, medical universities, criminal liability, prevention of privacy violations.

С медициной и медицинскими учреждениями каждый гражданин сталкивается начиная с рождения. Это та сфера общественной жизнедеятельности, без существования которой немыслимо обеспечение реализации гражданином права на здоровье.

В своей практической деятельности медицинские работники, будь то врачи, фельдшеры, медсестры или даже студенты медицинских учебных заведений, вынуждены непосредственно сталкиваться с реальными больными, получать информацию относительно анамнеза заболевания с целью установить правильный диагноз и назначить необходимое лечение и в конечном счете оказать квалифицированную медицинскую помощь, обеспечив тем самым право граждан на здоровье. В процессе данного взаимодействия медицинские работники, а также студенты получают информацию относительно состояния здоровья и о наличии определенных заболеваний у конкретных граждан.

Такого рода информация находится под охраной государства и подпадает под режим врачебной тайны, а также относится к охраняемым законом персональным данным. Как указывается в научной литературе, в медицинской этике и деонтологии принцип неразглашения сведений о пациенте именуют обычно конфиденциальностью [1]. Отсюда следует, что неразглашение сведений о пациенте является важным моральным правилом, упорядочивающим отношения в медицинской сфере. Но данный аспект имеет не только моральное, но и юридическое значение, поэтому регулируется на уровне норм права.

Указанный принцип закреплен в российском законодательстве. Так, Конституция Российской Федерации, гарантируя право каждого на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну (ст. 23, ч. 1), запрещает сбор, хранение, использование и распространение информации о частной жизни лица без его согласия, устанавливает, что признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства (ст. 2), реализация которой может выражаться в обеспечении их превентивной защиты посредством определения законных оснований собирания, хранения, использования и распространения сведений о частной жизни лица, составляющих его личную или семейную тайну, а также в установлении мер юридической ответственности, в том числе уголовно-правовых санкций, за противоправные действия, причиняющие ущерб находящимся под особой защитой Конституции Российской Федерации правам личности [2].

Сведения о факте обращения гражданина за оказанием медицинской помощи, состоянии его здоровья и диагнозе, иные сведения, полученные при его медицинском обследовании и лечении, составляют врачебную тайну, что вытекает из ст. 13 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» [3]. Этому соответствуют и нормативные положения Указа Президента Российской Федерации «Об утверждении перечня сведений конфиденциального характера» от 06.03.1997 № 188, в соответствии с п. 4 которого установлено, что сведения, связанные с профессиональной деятельностью, доступ к которым ограничен в соответствии с Конституцией РФ и федеральными законами, в том числе врачебная тайна, являются сведениями конфиденциального характера [4].

Конфиденциальность указанной информации устанавливается законом, и ее разглашение недопустимо. Из этого правила, однако, существует несколько исключений: в частности, если имеется письменное согласие пациента, либо если согласие отсутствует, но при этом гражданин в результате своего состояния не способен выразить свою волю, либо в медицинскую организацию, в которой гражданин проходит лечение, направлен запрос органов дознания и следствия в рамках производства по уголовному делу, а также в иных случаях, предусмотренных законом. Кроме того, как справедливо отмечается в литературе, несмотря на значимость института врачебной тайны, его нельзя абсолютизировать, и именно поэтому права личности в этой части могут быть ограничены [5].

Правило о неразглашении врачебной тайны распространяется на медицинских работников, если такого рода информация стала им известна в силу исполнения ими трудовых или должностных обязанностей. Несмотря на то что студенты медицинских учебных заведений еще не являются медицин-

скими работниками, правило о неразглашении врачебной тайны на них также должно распространяться. Так, ч. 2 ст. 13 Федерального закона «Об основах охраны здоровья в Российской Федерации» запрещает разглашение врачебной тайны лицам, которым данные сведения «стали известны при обучении, исполнении трудовых, должностных, служебных и иных обязанностей». Таким образом, наряду с медицинскими работниками студенты подпадают под категорию «третьи лица», которым недопустимо разглашать информацию, входящую в правовой режим врачебной тайны. Поэтому, на наш взгляд, представляется обоснованным мнение И. Л. Петрухина о том, что более правильным было бы именовать институт врачебной тайны «медицинской тайной», поскольку ее субъектами являются не только врачи, но также средний и младший медицинский персонал, работники администраций медицинских учреждений и др. [6].

Хотя Конституция РФ и предусматривает в ч. 4 ст. 29 право на свободный поиск, получение, передачу, производство и распространение информации [7], ограничение этого права в связи с соблюдением правового режима врачебной тайны связано со специфическими характеристиками такой информации. В частности, диагноз больного, примененные методы лечения могут существенным образом влиять на его дальнейшую судьбу, социальное положение в обществе и т.д. Поэтому сведения о состоянии его здоровья не случайно относят к категории частной жизни и устанавливают в отношении них режим конфиденциальности.

Следует также отметить, что сведения о состоянии здоровья являются персональными данными и подлежат защите в соответствии с Федеральным законом «О персональных данных» [8]. В частности, данным законом в ст. 7 установлено императивное правило: «Операторы и иные лица, получившие доступ к персональным данным, обязаны не раскрывать третьим лицам и не распространять персональные данные без согласия субъекта персональных данных». Студентов как раз можно отнести к данной категории лиц, которые получают доступ к такой специальной категории персональных данных, как сведения о состоянии здоровья. Разглашение персональных данных со стороны не только медицинских работников, но и студентов также недопустимо. Получение студентами осведомленности о состоянии здоровья того или иного пациента – объективное обстоятельство, поскольку в силу учебного процесса в медицинском вузе студенты становятся участниками необходимого информационного обмена. Таким образом, можно сделать вывод, что информация о пациентах, получаемая как медицинскими работниками, так и студентами, подпадает под два правовых режима конфиденциальности: с одной стороны, это режим врачебной тайны, с другой – режим конфиденциальности персональных данных. Это подтверждает статус информации о пациенте как объекта повышенной правовой охраны.

Весьма частыми примерами нарушения указанных нормативных положений могут быть дружеские беседы медицинских работников или студентов с третьими лицами относительно пациентов медицинского учреждения, которым была оказана медицинская помощь или с которыми определенным образом сталкивались в процессе обучения в медицинском учебном заведении. Аналогичным образом обстоят и ситуации, связанные с распространением информации, составляющей врачебную тайну, медицинскими работниками

или студентами своим родственникам. Очевидно, что формы подобных нарушений весьма разнообразны, и все они так или иначе могут быть наказуемы с позиции закона.

За разглашение врачебной тайны или сведений, относящихся к персональным данным, лицо может быть привлечено к установленной законом ответственности, в том числе уголовной. На практике органы дознания, следствия и суда в подобных случаях квалифицируют действия виновных лиц по ст. 137 Уголовного кодекса РФ «Нарушение неприкосновенности частной жизни». Ответственность за данное преступление достаточно серьезная, в том числе может быть применено наказание в виде лишения свободы до двух лет [9].

Так, приговором Таганрогского городского суда Ростовской области К. был признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 137 УК РФ (незаконное собирание или распространение сведений о частной жизни лица, составляющих его личную или семейную тайну, без его согласия). К. ознакомился с двумя справками, полученными на основании соответствующего запроса из медицинского учреждения ГУЗ «Психоневрологический диспансер Ростовской области», содержащими сведения о том, что потерпевший по делу состоит на диспансерном учете с диагнозом «параноидная шизофрения». К., имея умысел на распространение информации о частной жизни потерпевшего, осознавая, что полученные им сведения составляют личную и семейную тайну, на почве личных неприязненных отношений в конце 2010 – начале 2011 г., находясь в различных местах, распространил помимо воли потерпевшего ставшие ему известными сведения о его частной жизни, составляющие его личную и семейную тайну, в устной форме третьим лицам о прохождении последним лечения в ГУЗ «Психоневрологический диспансер Ростовской области». Приговором суда К. назначено наказание в виде семи месяцев исправительных работ [10].

Представляется интересным вопрос о том, допустимо ли разглашение информации относительно лекарственных средств и препаратов, которые были назначены пациенту. На данный вопрос закон не содержит прямого ответа. В то же время, на наш взгляд, из системного толкования норм Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в РФ» следует, что разглашение подобной информации также недопустимо. Во-первых, при разглашении такой информации может быть разглашен и сам факт обращения гражданина за медицинской помощью, что напрямую запрещено законом. Во-вторых, многие из препаратов направлены на лечение конкретного заболевания, и наличие информации о препарате позволит узнать примерный диагноз пациента, а данные сведения уже являются врачебной тайной, которые недопустимо разглашать. Именно поэтому в целях предостережения совершения правонарушения данные сведения также не подлежат разглашению.

В рамках подготовки данного исследования авторами был проведен социологический опрос 45 студентов старших курсов Красноярского государственного медицинского университета на предмет того, как они понимают институт врачебной тайны, а также каковы, по их мнению, правовые последствия неправомерного разглашения подобного рода сведений. Результаты опроса показали, что в подавляющем большинстве (80,5 %) опрошенные понимают под врачебной тайной сведения о факте обращения гражданина за

оказанием медицинской помощи, состоянии его здоровья и диагнозе, иные сведения, полученные при его медицинском обследовании и лечении. Кроме того, 82,7 % из них полагают, что понятие «обладатель врачебной тайны» нужно толковать широко, и в это понятие включаются не только врачи, но и весь медицинский персонал, а также студенты и иные лица, которым сведения стали известны при обучении, исполнении трудовых, должностных, служебных и иных обязанностей.

На вопрос о формах разглашения сведений, составляющих врачебную тайну, большинство считает, что таковыми являются любая передача информации о факте обращения гражданина за оказанием медицинской помощи, состоянии его здоровья и диагнозе лицом, которому она стала известна. Но мнения по этому вопросу разделились, так как вопрос предполагал возможность отметить несколько вариантов ответов. На втором месте – ответ о том, что формой разглашения врачебной тайны является разглашение врачом третьим лицам сведений о диагнозе пациента, и самый непопулярный ответ – беседы студентов медицинских вузов между собой, а также со своими близкими о пациентах и их диагнозах, которые стали им известны в процессе обучения.

Наконец, при ответе на последний вопрос о мерах ответственности, установленных за разглашение врачебной тайны, мнения опрошенных разделились. Большинство опрошенных полагают, что за разглашение врачебной тайны наступает уголовная ответственность, причем некоторые из опрошенных отметили только этот вариант ответа. Относительно же остальных стоит сказать, что на втором месте оказался вариант «административная ответственность», на третьем месте – «дисциплинарная ответственность»; на четвертом месте по популярности – «гражданская правовая ответственность»; шесть человек отметили «моральную ответственность» за разглашение врачебной тайны; двое же указали, что за разглашение врачебной тайны в законе никакой ответственности не установлено.

Не могут не вызывать опасений ответы на два последних вопроса анкеты, так как выявлено, что все же имеются студенты, которые не осознают, что в дружеских беседах между собой о больных, за которыми они наблюдали в процессе обучения, они могут разглашать сведения, составляющие врачебную тайну. Кроме того, среди опрошенных оказались те, кто полагает, что разглашение врачебной тайны не влечет за собой применения каких-либо мер юридической ответственности.

Безусловно, данное исследование не претендует на репрезентативность и универсальность, однако из него можно сделать вывод, что среди тех, кто получает медицинское образование, следует проводить превентивную работу для недопущения нарушения неприкосновенности частной жизни пациентов, а также неправомерного разглашения врачебной тайны.

Для предупреждения совершения незаконных действий со сведениями, составляющими врачебную тайну, можно предложить следующие профилактические меры:

1. Информирование медицинских работников, преподавателей и студентов медицинских вузов о необходимости соблюдения режима врачебной тайны, а также о том, что соблюдение принципа конфиденциальности информации при работе с пациентами – их прямая обязанность, предусмотренная за-

коном, несоблюдение которой влечет за собой применение соответствующих мер юридической ответственности.

2. Установление обязательного сбора подписок о неразглашении информации о пациенте.

3. Закрепление в правилах внутреннего трудового распорядка медицинского вуза положения о неразглашении сведений конфиденциального характера при работе с больными в медицинских учреждениях, а также установление конкретного перечня данных сведений.

Подводя итог сказанному, следует обратить внимание, что наряду с медицинскими работниками студенты также являются носителями врачебной тайны, и ее разглашение недопустимо, за исключением некоторых случаев. Врачебной тайной являются сведения о факте обращения гражданина за оказанием медицинской помощи, состоянии его здоровья и диагнозе, иные сведения, полученные при его медицинском обследовании и лечении. Кроме того, сведения о медицинских препаратах также разглашать недопустимо, поскольку они косвенным образом могут разглашать информацию о состоянии здоровья и диагнозе пациента.

Список литературы

1. **Николаева, Е. В.** Врачебная тайна: медицинские и юридические аспекты, вопросы разглашения / Е. В. Николаева, С. М. Смбатян // Главврач. – 2012. – № 3.
2. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Супруна Михаила Николаевича на нарушение его конституционных прав статьей 137 Уголовного кодекса Российской Федерации : Определение Конституционного Суда РФ от 28.06.2012 № 1253-О // СПС «КонсультантПлюс».
3. Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации : Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».
4. Об утверждении перечня сведений конфиденциального характера : Указ Президента РФ от 06.03.1997 № 188 // СПС «КонсультантПлюс».
5. **Куранов, В. Г.** К вопросу о совершенствовании правового регулирования института врачебной тайны / В. Г. Куранов // Медицинское право. – 2014. – № 2.
6. **Петрухин, И. Л.** Личные тайны (человек и власть). – М., 1998. – С. 161–162.
7. Конституция Российской Федерации от 12.12.1993 (с изм. и поправками) // СПС «КонсультантПлюс».
8. О персональных данных : Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ (ред. от 04.06.2014) // СПС «КонсультантПлюс».
9. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».
10. Приговор Таганрогского городского суда. – URL: http://taganrogsky.ros.sudrf.ru

References

1. Nikolaeva E. V., Smbatyan S. M. *Glavvrach* [Chief physician]. 2012, no. 3.
2. *Ob otkaze v prinyatii k rassmotreniyu zhaloby grazhdanina Supruna Mikhaila Nikolaevicha na narushenie ego konstitutsionnykh prav stat'ey 137 Ugolovnogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii: Opredelenie Konstitutsionnogo Suda RF ot 28.06.2012 № 1253-O* [On revocation of the complaint by a citizen Suprun Mikhail Nikolaevich on violation of his constitutional rights by the article 137 of the Criminal Code of the Russian Federation: the decision of the Constitutional Court of the Russian Federation from 28.06.2012 № 1253-O]. “ConsultantPlus” reference system.
3. *Ob osnovakh okhrany zdorov'ya grazhdan v Rossiyskoy Federatsii: Federal'nyy zakon ot 21.11.2011 № 323-FZ* [On citizens’ health protection foundations in the Russian

federation: the Federal law from 21.11.2011 № 323-FZ]. “ConsultantPlus” reference system.
4. *Ob utverzhdenii perechnya svedeniy konfidentsial'nogo kharaktera: Ukaz Prezidenta RF ot 06.03.1997 № 188* [On adoption of the list of confidential types of information: the Decree of the RF President from 06.03.1997 № 188]. “ConsultantPlus” reference system.
5. Kuranov V. G. *Meditsinskoe pravo* [Medical law]. 2014, no. 2.
6. Petrukhin I. L. *Lichnye tayny (chelovek i vlast')* [Privacy (people and authorities)]. Moscow, 1998, pp. 161–162.
7. *Konstitutsiya Rossiyskoy Federatsii ot 12.12.1993 (s izm. i popravkami)* [The Constitution of the Russian Federation from 12.12.1993 (revised and amended)]. “ConsultantPlus” reference system.
8. *O personal'nykh dannykh: Federal'nyy zakon ot 27.07.2006 № 152-FZ (red. ot 04.06.2014)* [On personal data: the Federal law from 27.07.2006 № 152-FZ (revised on 04.06.2014)]. “ConsultantPlus” reference system.
9. *Ugolovnyy kodeks Rossiyskoy Federatsii ot 13.06.1996 № 63-FZ* [The Criminal Code of the Russian Federation from 13.06.1996 № 63-FZ]. “ConsultantPlus” reference system.
10. *Prigovor Taganrogskogo gorodskogo suda* [Sentence of the Taganrog municipal court]. Available at: http://taganrogsky.ros.sudrf.ru

---

Вырва Петр Александрович
аспирант, Сибирский федеральный университет
(Россия, г. Красноярск, ул. Маерчака, 6)

Vyrva Pyotr Aleksandrovich
Postgraduate student, Siberian Federal University
(6 Mayerchaka street, Krasnoyarsk, Russia)

E-mail: hope.solo@mail.ru

Гутник Сергей Иосифович
старший преподаватель, кафедра деликтологии и криминологии, Сибирский федеральный университет
(Россия, г. Красноярск, ул. Маерчака, 6)

Gutnik Sergey Iosifovich
Senior lecturer, sub-department of criminology and criminal science, Siberian Federal University
(6 Mayerchaka street, Krasnoyarsk, Russia)

E-mail: sergeygutnik89@mail.ru

УДК 342.72

Вырва, П. А.

Конфиденциальность персональных данных, подпадающих под правовой режим врачебной тайны, в образовательном процессе студентов медицинских вузов / П. А. Вырва, С. И. Гутник // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2015. – № 4 (36). – С. 5–12.

УДК 342.56

М. Ю. Рузляев

ДВЕ ФУНКЦИИ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВОСУДИЯ В СУБЪЕКТАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация.

Актуальность и цели. Данная статья посвящена краткому анализу двух взаимосвязанных функций регионального конституционного контроля в России. Первая из них совпадает со специальным конституционным контролем. Она характеризует конституционные и уставные суды как охранителей соответствующих республиканских конституций и областных уставов. Вторая функция охватывает конституционный контроль национального правопорядка в его целостности и единстве. Посредством анализа конкретного дела автор доказывает, что специальный конституционный контроль не является самоцелью, а лишь преддверием для глобального конституционного контроля.

Материалы и методы. Статья построена на основе анализа решений конституционных и уставных судов субъектов РФ. Основными методами исследования стали формально-юридический и сравнительно-правовой.

Результаты. Исследование функций конституционного правосудия в субъектах РФ выявило противоречия в толковании учредительных актов субъектов РФ.

Выводы. Конституционный контроль в субъектах РФ не является самоцелью, он лишь открывает путь для технически вторичного, но по предмету первичного глобального контроля всего национального правопорядка. Когда специальный конституционный контроль полностью заслоняет глобальную перспективу деятельности конституционных и уставных судов, то в результате нередко возникает парадоксальная ситуация: высший орган правосудия, наделенный компетенцией выносить окончательные вердикты, лишь «конституционно освящает» *отказ* в правосудии.

Ключевые слова: конституционный контроль, правосудие, конституционный суд, уставный суд.

M. Yu. Ruzlyaev

TWO FUNCTIONS OF REGIONAL CONSTITUTIONAL JUSTICE IN RUSSIA

Abstract.

Background. The article briefly deals with two concomitant functions of constitutional control as exercised by constitutional and statutory courts of political entities within the Russian Federation. The first function consists in special constitutional control. It characterises the Russian constitutional and statutory courts as guardians of respective constitutions and regional statutes. The second function embraces constitutional control of the legal order in its entity and integrity. By means of a case study the author argues that special constitutional control is not an end in itself. It is but a precursor for global constitutional control of national law and order.

Materials and methods. The article is constructed on the basis of the analysis of decisions of constitutional and statutory courts of territorial subjects of the Russian Federation. The main methods of research were legallistic and comparative-legal ones.

Results. The research of functions of constitutional justice in territorial subjects of the Russian Federation has revealed contradictions in interpretation of constituent acts of territorial subjects of the Russian Federation.

Conclusions. The constitutional control in territorial subjects of the Russian Federation isn't an end in itself, it only opens a way for technically secondary, but by a subject – primary, global control of all national law and order. When special constitutional control completely covers a global prospect of activity of constitutional and statutory courts, there often occurs a paradoxical situation: the supreme body of justice, allocated with competence to render final verdicts, only "constitutionally consecrates" a denial of justice.

Key words: constitutional control, justice, constitutional court.

Имманентная особенность института конституционного контроля заключается в том, что он одновременно является специальным и глобальным. Хотя в этом «сожительстве» нет логического противоречия, оптимальное соотношение *специального* и *глобального* измерения конкретного спора органом конституционного контроля само по себе может стать технической проблемой. Итак, в деятельности любого органа конституционного правосудия следует различать специальный и глобальный подход и, соответственно, специальный и глобальный конституционный контроль.

С одной стороны, органы конституционного контроля должны оставаться в рамках своей специализации, т.е. в рамках отрасли конституционного права. Как говорил Карл Шмитт, они прежде всего являются «охранителями конституции» (Hüter der Verfassung) [1], а точнее, охранителями содержания ее глав (материальная конституция), а также верховенства ее юридической силы (формальная конституция). Спецификой конституционного контроля является то, что орган конституционного контроля – единственный среди других органов верховной публичной власти – специализируется на охране конституции как таковой. В этом заключается специальная функция конституционного контроля.

С другой стороны, органы конституционного контроля призваны осуществлять сквозной контроль всего национального правопорядка. Здесь конституционно-правовое измерение конституционного контроля (= *формальная* проверка законов и прочих нормативно-правовых актов на их конституционность) неизбежно перерастает в глобальное измерение *предметной* функциональности национального правопорядка в целом. Здесь речь уже идет о защите *правильного* права в духе принципа «*suum cuique* tribuere» (лат. «каждому причитается свое»). Технически это означает проверку любого акта публичной власти на соответствие базовым принципам права (равенство, справедливость и т.п.). Глобальная функция конституционного контроля неизбежно поднимает вопрос о соотношении этого института конституционного права с другими отраслями национального правопорядка.

Проведенный мною анализ объема и характера дел, рассмотренных конституционными и уставными судами в субъектах России за период с 2009 по 2014 г., оставляет тройственное впечатление. С одной стороны, иногда возникает ощущение «*deja vu*» по аналогии с «бюрократическими сюжетами» произведений Гоголя или Салтыкова-Щедрина. С другой стороны, по контрасту к первому впечатлению, нельзя не заметить порой подвижническую мотивацию некоторых определений и решений конституционных и

уставных судов России (см., например, обращение гражданина Сарыглара в Конституционный суд Республики Тыва) [2, с. 46–47].

С третьей стороны, некоторые аспекты деятельности конституционных и уставных судов Российской Федерации вообще не поддаются однозначной интерпретации. Иначе говоря, вопрос об их позитивном или негативном содержании остается открытым; он не может быть решен абстрактно, но зависит от того, *как* эти изначально нейтральные аспекты деятельности конституционных и уставных судей проявляют себя в конкретных делах и *какова* тенденция (скорее, негативная или позитивная) этих проявлений.

Начнем по порядку. **Первое** и крайне неблагоприятное впечатление оставляет почти повсеместный *воинствующий формализм*. Конституционные и уставные суды России, похоже, угодили (вольно или невольно) в подготовленную для них учредителями нормативную ловушку. Речь идет о том, что конституционные и уставные суды России занимаются *исключительно* толкованием нормативно-правовых актов. В отношении того, насколько монолитна и исключительна данная компетенция, можно и нужно дискутировать [3, с. 49–52].

Как бы то ни было, во многих отказах в принятии обращений граждан по поводу нарушения их конституционных прав [4] прослеживается одна и та же техника, универсальная практически для всех конституционных и уставных судов РФ: «Мы не можем принять обращение, так как заявитель фактически оспаривает акт государственной власти, который не является нормативным». Данный аргумент вполне умещается в контексте учения Аристотеля о софистических уловках [5, с. 533–594].

В самом деле, в чем вообще заключается задача толкования нормативных актов *судебными* органами конституционного контроля? Ведь не для себя же самих судьи конституционных или уставных судов интерпретируют те или иные нормы права. Хотя конституционные и уставные суды являются прежде всего органами специальной компетенции, они также являются частью судебной власти, т.е. органами судопроизводства. Как таковые в рамках своих судебных полномочий они должны не только защищать объективное право от противоправной невостребованности или нарушения со стороны органов государственной власти, но и от *кривого* толкования со стороны последних. Они также должны защищать публичные *субъективные* права и прежде всего конституционные права и свободы граждан.

В конечном счете компетенция толкования нормативно-правовых актов выполняет внешнюю функцию: результаты толкования адресованы прежде всего органам исполнительной власти [6, с. 37–42], которые на основании этих нормативных актов издают индивидуальные административные акты. Но, возвращаясь к проблематике публичных субъективных прав [7], нельзя обойти латентную проблему непрозрачности административной рутины. Что делать, если чиновник издает административные акты «автоматически», подгоняя их под какой-нибудь излюбленный нормативный шаблон? Как быть, если он вообще не интерпретировал смысл якобы очевидной для него нормы или истолковал ее криво и в результате этого, быть может, пострадали конституционные права конкретных граждан? Что делать в таком случае?

Господствующее мнение среди судей конституционных и уставных судов субъектов России гласит, что в таком случае конституционное правосу-

дие «умывает руки»: дескать, не дело конституционных и уставных судов растолковывать тому или иному административному органу правильный или хотя бы приемлемый смысл нормы, на основании которой орган исполнительной власти принял свое решение.

На мой взгляд, все эти проблемы можно адекватно разрешить без формального ущерба для указанной выше нормативной ловушки (= «конституционные и уставные суды России занимаются *исключительно* толкованием нормативных актов»). В контексте глобальной функции конституционного правосудия нет никаких препятствий для того, чтобы открыть врата конституционного контроля также и для тех обращений граждан, которые основаны на *административных* актах [8, с. 38–40]. Для этого при рассмотрении конкретного обращения конституционному или уставному суду требуется вовлечь в сферу толкования *те* нормы, на которые *ссылается* должностное лицо исполнительной власти в обоснование своего решения.

Разумеется, органы публичного управления могут ссылаться на подзаконные или даже локальные акты. В этом случае задача конституционного или уставного суда несколько усложняется, поскольку следует восстановить восходящую иерархичность нормативной силы всей цепочки актов хотя бы до уровня федерального законодательства.

Если толкование конституционного или уставного суда окажется несовместимым с *последствиями* оспариваемого административного акта, то остаются две принципиальные альтернативы. Либо конституционный или уставный суд выносит вердикт о *неконституционности* нормативного основания оспариваемого административного акта, либо он формулирует окончательную версию допустимого *толкования* этого нормативного основания.

Если, как сказано выше, толкование конституционного или уставного суда приводит к иным последствиям, чем оспариваемый административный акт, то в силу самой логики конституционного контроля это будет достаточным основанием рассматривать предшествующее толкование этой нормы конкретным должностным лицом как недействительное. Соответственно, вместе с нормативным основанием оспариваемый административный акт автоматически лишается и юридической силы: при этом судьям конституционных и уставных судов нет никакой необходимости «нисходить» до уровня интерпретации индивидуальных (административных) актов.

Другими словами, в стремлении найти (или опровергнуть) конституционно-правовое основание индивидуального административного акта конституционный или уставный суд будет оставаться в рамках своей компетенции нормативного толкования. Они вообще не будут вторгаться в компетенцию органов публичной администрации [9, с. 50–61]. Нормативно безопорный административный акт сам по себе становится недействительным: если должностное лицо, издавшее такой акт, его не отзывает, то оно фактически навлекает на себя серьезное обвинение, а именно неуважение к судебной власти. В любом случае заинтересованный гражданин может инфорсировать такой отзыв по суду общей юрисдикции.

Особую проблему для расширительного толкования компетенции конституционных и уставных судов в субъектах РФ представляют собой гибридные констелляции публичного и частного права в рамках одного и того же обращения индивида или группы граждан. В качестве примера можно указать

на обращение 27 апреля 2009 г. в Уставный суд Калининградской области гражданки **Ольги Ивановны Бутылиной** о соответствии Уставу (Основному Закону) Калининградской области Постановления Правительства Калининградской области от 15 мая 2007 г. № 268 «О правилах работы розничных рынков на территории Калининградской области» (Постановление № 268) [10, с. 17–20].

Из материалов дела следует, что 1 сентября 2008 г. О. И. Бутылина заключила с ООО «Центральный рынок» договор аренды. В результате ей было предоставлено торговое место на рынке г. Черняховска. Договор был составлен в соответствии с типовой формой, установленной Постановлением № 268. Срок действия договора был определен с 1 сентября 2008 г. по 31 декабря 2008 г. В декабре 2008 г. О. И. Бутылина получила уведомление о том, что ей отказано в пролонгации договора на 2009 г.

О. И. Бутылина в своем обращении указала, что ООО «Центральный рынок» организует свою работу в соответствии с требованиями Постановления № 268, в котором определен порядок заключения договора о предоставлении торговых мест на розничных рынках Калининградской области. По этому постановлению управляющая рынком компания осуществляет предоставление торговых мест по договору, заключенному в соответствии с установленной типовой формой. В правах лица, организующего деятельность рынка в соответствии с Постановлением № 268, отсутствуют полномочия в отказе заключения договора по аренде торгового места.

По мнению заявителя, ООО «Центральный рынок» должно было по окончании срока действия договора заключить с ним новый договор. Пункт 5 действующего договора, а также типового договора, предусмотренного Постановлением № 268, устанавливает преимущественное право арендатора на пролонгирование арендных отношений. ООО «Центральный рынок» в истекшем договоре определяет себя как собственник с правами общества с ограниченной ответственностью. На этом основании ООО «Центральный рынок» отказало О. И. Бутылиной в пролонгации договора аренды торгового места на 2009 г. По мнению заявителя, это повлекло, исходя из ст. 67 и 78 Устава Калининградской области, нарушение его прав.

Обращение О. И. Бутылиной вызывает интерес скорее по формальным, чем материальным основаниям. Мы видим нередкую для муниципально-правового уровня гибридную ситуацию, когда заявитель сталкивается с проблемой, в которой переплетены публично-правовые и частноправовые аспекты. Вообще из анализа рассмотренных за период с 2009 по 2014 г. обращений граждан можно говорить о тенденции органов регионального конституционного контроля отказывать в приеме обращений граждан на том формальном основании, что в их деле присутствует гражданско-правовая компонента.

Но тут же возникает вопрос: а разве частное право РФ в нашем контексте и частноправовые отношения, в отличие, например, от частного права Германии, имеют индульгенцию от «просвечивания» их на соответствие Конституции РФ 1993 г. [11, с. 529–563]? При отрицательном ответе на этот вопрос нарушение преимущественного права арендатора на продление договора аренды из «чисто» гражданско-правового вопроса становится проблемой конституционно-правового уровня. Ведь принцип защиты доверия – в данном случае веры предпринимателя в стабильность правовых основ его

деятельности – является краеугольным камнем конституционной свободы предпринимательства (ч. 3 ст. 33 Конституции РФ 1993 г.).

Решение Уставного суда Калининградской области по делу О. И. Бутылиной, на мой взгляд, репрезентативно как раз в контексте соотношения специальной и глобальной функции конституционного контроля. Органы регионального конституционного правосудия в Российской Федерации склонны акцентировать специальную функцию конституционного контроля (охрана конституции как таковой) за счет его глобальной функции (охрана конституционности правильного и справедливого правопорядка). Формальным оправданием данного обстоятельства является тот факт, что специальный конституционный контроль всегда является технически первичным.

Однако такой контроль не является самоцелью, он лишь открывает путь для технически вторичного, но по предмету первичного глобального контроля всего национального правопорядка. Когда специальный конституционный контроль полностью заслоняет глобальную перспективу деятельности конституционных и уставных судов, то в результате нередко возникает парадоксальная ситуация: высший орган правосудия, наделенный компетенцией выносить окончательные вердикты, лишь «конституционно освящает» *отказ* в правосудии (denial of justice, deni de justice) [12]. К сожалению, общий принцип права, получивший классическое оформление в ст. 4 ФГК, пока еще не стал императивным принципом деятельности конституционных и уставных судов в России: «*Le juge qui refusera de juger, sous prétexte du silence, de l'obscurité ou de l'insuffisance de la loi, pourra être poursuivi comme coupable de déni de justice*» (фр. «судья, который отказывается выносить вердикт под предлогом молчания, неясности или недостаточности закона, может быть привлечен к ответственности как виновный в отказе правосудия»).

Список литературы

1. **Schmitt, C.** Der Hüter der Verfassung / C. Schmitt. – Berlin : Duncker und Humblot, 1996.
2. Дайджест оперативной информации. Акты конституционного правосудия субъектов Российской Федерации. – 2010. – № 1. – С. 46–47.
3. **Морозова, А. С.** Вопросы компетенции конституционных (уставных) судов субъектов Российской Федерации / А. С. Морозова // Российская юстиция. – 2013. – № 3. – С. 49–52.
4. **Цалиев, А. М.** Право на конституционное право / А. М. Цалиев // Российская Федерация сегодня. – 2012. – № 18.
5. **Аристотель.** О софистических опровержениях / Аристотель // Сочинения : в 4 т. / Аристотель. – М. : Мысль, 1978. – Т. 2. – С. 533–594.
6. **Друзь, К. А.** Приемы толкования конституций (уставов) субъектов Российской Федерации / К. А. Друзь, В. В. Гошуляк // Закон и право. – 2014. – № 8. – С. 37–42.
7. **Jellinek, G.** System der subjektiven öffentlichen Rechte / G. Jellinek. – Freiburg : Mohr/Siebeck, 1892.
8. **Гошуляк, В. В.** Граждане и их объединения как субъекты права обращения в конституционные (уставные) суды субъектов РФ: недостатки правового регулирования / В. В. Гошуляк // Российская юстиция. – 2013. – № 6. – С. 38–40.
9. **Худолей, К. М.** Компетенция конституционных (уставных) судов субъектов РФ / К. М. Худолей // Вестник Пермского университета. Серия: Юридические науки. – 2014. – Вып. 2 (24). – С. 50–61.
10. Дайджест оперативной информации. Акты конституционного правосудия субъектов Российской Федерации. – 2010. – № 2. – С. 17–20.

11. **Oeter, St.** “Drittwirkung” der Grundrechte und die Autonomie des Privatrechts / St. Oeter // Archiv des öffentlichen Rechts. – 1994. – Band 119, № 4. – S. 529–563.
12. **Renard-Payen, O.** La responsabilité de l’Etat pour faute du fait du fonctionnement défectueux du service public de la justice judiciaire et administrative / O. Renard-Payen, Y. Robineau. – URL: https://www.courdecassation.fr/publications_cour_26/rapport_annuel_36/rapport_2002_140/deuxieme_partie_tudes_documents_143/tudes_theme_responsabilite_145/faute_fait_6107.html

References

1. Schmitt C. *Der Hüter der Verfassung* [A keeper of constitution]. Berlin: Duncker und Humblot, 1996.
2. *Daydzhest operativnoy informatsii. Akty konstitutsionnogo pravosudiya sub"ektov Rossiyskoy Federatsii* [Operative information digest. Constitutional justice acts of subject of the Russian Federation]. 2010, no. 1, pp. 46–47.
3. Morozova A. S. *Rossiyskaya yustitsiya* [Russian justice]. 2013, no. 3, pp. 49–52.
4. Tsaliev A. M. *Rossiyskaya Federatsiya segodnya* [The Russian Federation today]. 2012, no. 18.
5. Aristotel'. *Sochineniya: v 4 t.* [Works: in 4 volumes]. Moscow: Mysl', 1978, vol. 2, pp. 533–594.
6. Druz' K. A., Goshulyak V. V. *Zakon i pravo* [Law and order]. 2014, no. 8, pp. 37–42.
7. Jellinek G. *System der subjektiven öffentlichen Rechte* [System of subjective public law]. Freiburg: Mohr/Siebeck, 1892.
8. Goshulyak V. V. *Rossiyskaya yustitsiya* [Russian justice]. 2013, no. 6, pp. 38–40.
9. Khudoley K. M. *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya: Yuridicheskie nauki* [Bulletin of Perm University. Series: Juridical sciences]. 2014, iss. 2 (24), pp. 50–61.
10. *Daydzhest operativnoy informatsii. Akty konstitutsionnogo pravosudiya sub"ektov Rossiyskoy Federatsii* [Operative information digest. Constitutional justice acts of subject of the Russian Federation]. 2010, no. 2, pp. 17–20.
11. Oeter St. *Archiv des öffentlichen Rechts* [Archive of public law]. 1994, vol. 119, no. 4, pp. 529–563.
12. Renard-Payen O., Robineau Y. *La responsabilité de l’Etat pour faute du fait du fonctionnement défectueux du service public de la justice judiciaire et administrative* [State’ responsibility for negligence caused by faulty state service of administrative and court justice]. Available at: https://www.courdecassation.fr/publications_cour_26/rapport_annuel_36/rapport_2002_140/deuxieme_partie_tudes_documents_143/tudes_theme_responsabilite_145/faute_fait_6107.html

Рузляев Михаил Юрьевич
аспирант, Пензенский
государственный университет
(Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40)

Ruzlyaev Michael Yur'evich
Postgraduate student, Penza
State University
(40 Krasnaya street, Penza, Russia)

E-mail: ruzlyaev@gmail.com

УДК 342.56
Рузляев, М. Ю.
Две функции конституционного правосудия в субъектах Российской Федерации / М. Ю. Рузляев // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2015. – № 4 (36). – С. 13–19.

УДК 340.13

В. А. Кюрджиев

МОНИТОРИНГ ПРАВИЛ ПОДГОТОВКИ НОРМАТИВНЫХ ПРАВОВЫХ АКТОВ ФЕДЕРАЛЬНЫХ ОРГАНОВ ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ

Аннотация.

Актуальность и цели. Правила подготовки нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти представляют собой основу правового регулирования нормотворческих полномочий. При этом разнообразие видов нормативных правовых актов, принимаемых федеральными органами исполнительной власти, требует их согласования в целях определения полноты и единства подходов к подготовке нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти. Повышение эффективности нормотворческой функции исполнительных органов власти на федеральном уровне в значительной степени связано с качеством подготовки проектов нормативных правовых актов, которые становятся основой, а в определенном смысле эталоном для исполнительных органов иных уровней.

Материалы и методы. Исследовательские задачи были решены при помощи анализа разнообразных нормативных правовых актов, регламентирующих правила подготовки нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти. Методологическую основу исследования составили общенаучные и специальные методы познания. Особое место было отведено, в частности, формально-юридическому, структурно-функциональному, сравнительно-правовому и системному методам. На основе формально-юридического метода исследовались нормативные правовые акты и отдельные ресурсы юридической техники. Структурно-функциональный метод позволил рассмотреть специфику организации нормативного материала в тексте нормативного правового акта и выявить проблемы структурирования при подготовке проектов различных видов нормативных правовых актов. При помощи сравнительно-правового и системного методов проводилось сопоставление правил подготовки нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти, установленных различными нормативными правовыми актами с учетом их юридической силы.

Результаты. Исследована группа нормативных правовых актов и иных документов, устанавливающих правила подготовки нормативных правовых актов федеральных органов власти, проанализировано единство подходов, закрепленных различными нормативными правовыми актами и полнота подобных правил подготовки.

Выводы. Нормативная основа правил подготовки нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти отличается разнообразием с точки зрения юридической силы этих актов и спецификой правил подготовки различных видов актов. Особое место в определении правил подготовки занимают документы рекомендательного характера, что создает широкое поле для усмотрения разработчика проекта нормативного правового акта. Установленные правила подготовки нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти необходимо структурировать и привести к единой системе.

Ключевые слова: правила подготовки проектов правовых актов, нормативные правовые акты, юридическая техника, органы исполнительной власти, правила подготовки, полномочия.

V. A. Kyurdzhiev

MONITORING OF NORMATIVE LEGAL ACTS PREPARATION RULES AT FEDERAL EXECUTIVE BODIES

Abstract.

Background. Rules of preparation of normative legal acts at federal executive bodies are the basis of legal regulation of law-making powers. Herewith, the variety of regulatory legal acts of federal executive bodies requires their approval in order to determine completeness and unity of approaches to preparation of normative legal acts at federal executive bodies. Improving the efficiency of standard-setting function of executive authorities at the federal level is largely due to the quality of preparation of regulations drafts, which become the basis and, in a certain sense, a benchmark for executive bodies of other levels.

Materials and methods. The research problems were solved by analyzing a variety of regulatory and legal acts regulating the rules of preparation of normative legal acts at federal executive bodies. The methodological basis of the research included general scientific and special methods of cognition. Special attention was given, inter alia, to formal and legal, structural and functional, comparative legal and systematic methods. On the basis of the formal-legal methods the author researched regulations and individual resources of the legal technique. The structural and functional method allowed to consider the organizational specifics of standard materials in texts of normative legal acts and revealed problems in preparation of drafts of various kinds of normative legal acts. Using comparative legal and systematic methods the author compared the rules of preparation of normative legal acts at federal executive bodies established by various regulatory acts taking into account their legal force.

Results. The researcher studied a group of normative legal acts and other documents establishing the rules of preparation of normative legal acts of federal authorities, analyzed the unity of approaches, fixed in different regulations, and the completeness of such rules of preparation.

Conclusions. The regulatory framework of rules of preparation of normative legal acts at federal bodies of executive power is distinguished by a diversity in terms of the legal force of such acts and specifics of preparation of different types of acts. A special place in determining the rules of preparation is taken by law instruments, which create ample capacity at discretion of a developer of a draft regulatory act. The established rules of preparation of normative legal acts of federal executive authorities need to be structured and brought to a single system.

Key words: rules of preparation of legal acts, normative legal acts, legal technique, executive authorities, preparation rules, powers.

Одним из важнейших полномочий федеральных органов исполнительной власти выступает нормотворчество, но многообразие нормативных правовых актов, регламентирующих подготовку проектов нормативных правовых актов федеральными органами исполнительной власти, является избыточным и требует согласования. Главенствующая роль в реализации соответствующих полномочий принадлежит Правительству Российской Федерации. Видами издаваемых Правительством РФ нормативных правовых актов согласно п. 3 Постановления Правительства РФ от 01.06.2004 № 260 «О Регламенте Правительства Российской Федерации и Положении об Аппарате Правительства Российской Федерации» [1] выступают постановления и распоряжения.

Постановления и распоряжения включают следующие реквизиты:

– наименование вида акта, который может быть постановлением или распоряжением Правительства Российской Федерации;

– дату акта, которая ставится в момент подписания акта при помощи словесно-цифрового способа;

– номер, присваиваемый после подписания документа (для распоряжений предусмотрено добавление к порядковому номеру через дефис буквы «р»), печатается после даты, номер оформляется арабскими цифрами и включает знак «№» и порядковый номер;

– место издания указывается после реквизитов «Дата» и «Номер» по центру страницы.

Структурным элементом, следующим за указанными выше реквизитами, является заголовок. Он печатается полужирным шрифтом и начинается с прописной буквы. Обычно текст включает констатирующую часть (преамбулу) и постановляющую часть (в распоряжениях – распорядительную), но это правило не является обязательным. Предваряет текст преамбула, которая завершается словами «Правительство Российской Федерации постановляет».

Постановляющая (распорядительная) часть проектов постановлений (распоряжений) Правительства Российской Федерации по общему правилу состоит из пунктов, которые не имеют заголовков. Приложения к постановлениям и распоряжениям Правительства Российской Федерации печатают на отдельных листах бумаги и визируются.

Подпись – это слова «Председатель Правительства Российской Федерации», инициалы имени и фамилия Председателя Правительства Российской Федерации.

Определенные шаги по установлению правил подготовки нормативных правовых актов федеральных органов власти сделаны в Постановлении Правительства РФ от 13.08.1997 г. № 1009 «Об утверждении правил подготовки нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти и их государственной регистрации» [2] (далее – Правила) и Приказе Министерства юстиции РФ от 04.05.2007 № 88 «Об утверждении разъяснений о применении правил подготовки нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти и их государственной регистрации» [3] (далее – Разъяснения), которые определяют нормативную основу для федеральных органов исполнительной власти. Нормативными правовыми актами федеральных органов исполнительной власти являются постановления, приказы, распоряжения, правила, инструкции и положения. Запрещено издавать нормативные правовые акты в виде писем и телеграмм.

Структурная организация нормативного правового акта направлена на обеспечение логического развития темы правового регулирования. Нормативные предписания оформляются в виде пунктов с номером арабской цифрой с точкой без заголовков. Пункты могут включать подпункты, которые могут иметь как буквенную, так и цифровую нумерацию. Если нормативный правовой акт значителен по объему, то он может быть разделен на главы с нумерацией римскими цифрами, которые имеют заголовки. Отдельными структурными элементами нормативного правового акта являются таблицы, графики, карты, схемы, оформляемые как приложения.

Реквизитами нормативных правовых актов являются: наименование органа (органов), издавшего акт; наименование вида акта и его название; дата подписания (утверждения) акта и его номер; наименование должности и фамилия лица, подписавшего акт. Помимо этого специальным требованием к оформлению нормативного правового акта согласно Федеральному конституционному закону от 25.12.2000 № 2-ФКЗ «О Государственном гербе Российской Федерации» [4] является требование к бланкам: бланки федеральных органов исполнительной власти содержат изображение Государственного герба Российской Федерации. Следовательно, официальный статус тексту нормативного правового акта федеральных органов исполнительной власти придает помещаемый на бланки в качестве обязательного реквизита Государственный герб Российской Федерации. При подготовке нормативного правового акта, издаваемого совместно с другими федеральными органами исполнительной власти, необходимо учитывать, что он имеет номер и единую дату.

Правила и Разъяснения к ним содержат отдельные реквизитные и структурные правила подготовки проектов нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти, а также требования к государственной регистрации, присвоению регистрационного номера нормативному правовому акту и положения по поводу его официального опубликования.

Основные правила организации документооборота в федеральных органах исполнительной власти определены Постановлением Правительства РФ от 28.07.2005 № 452 «О Типовом регламенте внутренней организации федеральных органов исполнительной власти» [5], согласно которому издание нормативных правовых актов федеральным органом исполнительной власти осуществляется в виде приказов или в иных установленных законодательством Российской Федерации видах. В дополнение к указанному документу действуют Правила делопроизводства в федеральных органах исполнительной власти (далее – Правила делопроизводства) [6]. В соответствии с указанными Правилами делопроизводства федеральный орган исполнительной власти издает инструкцию по делопроизводству, в которой определены правила создания документов в федеральном органе исполнительной власти.

Методическими рекомендациями по разработке инструкций по делопроизводству в федеральных органах исполнительной власти [7] (далее – Рекомендации) в разделе «Подготовка нормативных правовых актов федерального органа исполнительной власти» закреплено, что издание указанных видов нормативных правовых актов базируется на федеральных законах, правовых актах Президента Российской Федерации, Правительства Российской Федерации, а также на основе инициативы федеральных органов исполнительной власти в пределах их компетенции.

Организационно-распорядительными документами федеральных органов исполнительной власти являются: приказ; положение; правила; инструкция; регламент; постановление; протокол заседаний (совещательных, координационных, экспертных и других органов); акт; аналитическая справка; докладная и служебная записки; договор (контракт, соглашение); деловая (служебная) переписка и др.

Правила делопроизводства устанавливают реквизиты документов, создаваемых в процессе деятельности федерального органа исполнительной власти, относя к ним достаточно обширный перечень. Инструкция по делопро-

изводству устанавливает требования к подготовке отдельных видов документов, связывая конкретный вид правового акта с характером тех вопросов, на регулирование которых он должен быть направлен. Так, приказы и распоряжения представляют собой индивидуальные правовые акты, которые закрепляют решения персонального характера, оперативные, организационные и другие вопросы работы федерального органа исполнительной власти, рассчитанные на разовое выполнение.

Официальный характер приказов (распоряжений) обеспечивается наличием следующих реквизитов: Государственного герба Российской Федерации; официального наименования федерального органа исполнительной власти; вида документа (ПРИКАЗ, РАСПОРЯЖЕНИЕ); даты; регистрационного номера; места составления (издания) документа; наименования документа (заголовка к тексту); подписи должностного лица; визы.

Заголовок приказа призван кратко и точно отражать содержание его текста. Заголовок документов, оформляемых на бланках с продольным расположением реквизитов, должен быть выровнен по центру. От заголовка текст отделяется интервалами. Обычно текст приказа состоит из двух достаточно самостоятельных частей: констатирующей (преамбулы) и распорядительной. В проектах приказов преамбула завершается словом «приказываю», которое печатается вразрядку.

Констатирующая часть содержит краткое изложение целей и задач, фактов и событий, которые выступают основанием для издания приказа. Эта часть начинается словами «в целях», «во исполнение» и т.п. В том случае, когда издание приказа основано на положениях иного документа, то констатирующая часть должна содержать указание на наименование этого документа, наименование органа, издавшего документ, дату, регистрационный номер и заголовок к тексту.

Распорядительная часть приказа содержит поручения (задания) с указанием исполнителя (исполнителей) и сроков исполнения. Допускается деление распорядительной части на пункты и подпункты с нумерацией арабскими цифрами. Действия, предписываемые распорядительной частью однородного характера, перечисляются в одном пункте. Исполнителями приказов могут быть указаны структурные подразделения или конкретные должностные лица. В последнем пункте распорядительной части могут содержаться сведения о должностном лице, осуществляющем контроль за исполнением приказа.

Виза на документе включает должность визирующего, личную подпись, расшифровку подписи и дату. Приложения к приказу также визируются. С момента согласования проекта документа или подписания приказа, распоряжения внесение изменений в него не допускается.

Приказы (распоряжения) подлежат подписанию руководителем федерального органа исполнительной власти, а при его отсутствии – лицом, которое его замещает.

Совместный приказ федеральных органов исполнительной власти должен содержать следующие сведения:

– наименования федеральных органов исполнительной власти, располагаемые на одном уровне;

– название вида документа – ПРИКАЗ, располагаемое по центру;

– дату приказа, которая определяется датой более поздней подписи, т.е. дата единая;

– регистрационный номер, который включает регистрационные номера, присвоенные документу разными органами власти – авторами документа через косую черту в том порядке, в котором они указаны в документе;

– подписи руководителей федеральных органов исполнительной власти.

Инструкция по делопроизводству устанавливает требования к подготовке аналогичных инструкций в федеральных органах исполнительной власти, которыми разрабатываются и утверждаются подобные инструкции [8–12]. Помимо документов, касающихся делопроизводства, отдельные правила оформления также установлены Постановлением Госстандарта РФ от 03.03.2003 № 65-ст «О принятии и введении в действие государственного стандарта Российской Федерации» [13]. Специальных технико-юридических правил данный стандарт не содержит.

В настоящее время возросла активность Правительства РФ и федеральных органов исполнительной власти в правотворческой деятельности, свидетельством чему является количественный рост правовых актов соответствующих органов власти. Но это практически никак не сказалось на нормативном регулировании правил подготовки правовых актов Правительства РФ и федеральных органов исполнительной власти, поскольку принимаемые ими нормативные правовые акты в основе лишь вносят изменения и дополнения в ранее принятые нормативные правовые акты. Проведенное исследование показало, что нормативная основа подготовки нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти требует совершенствования в части приведения совокупности правовых актов, регламентирующих подобную деятельность, в единую, стройную систему.

Нормативное регулирование технико-юридических правил подготовки правовых актов Правительства РФ и федеральных органов исполнительной власти состоит из правовых актов различных видов, правового статуса и подведомственности. При этом следует отметить, что основу регулирования составляют Постановления Правительства РФ, которые определяют правила подготовки правовых актов, их регистрации и взаимодействия федеральных органов исполнительной власти при совместном участии в осуществлении правотворческой политики. Другая группа нормативных правовых актов и иных документов содержит правила делопроизводства, в которых определяются некоторые реквизитные, структурные правила правовых актов Правительства РФ и федеральных органов исполнительной власти, а также условия регистрации правовых актов и их опубликования. Причем весьма позитивным аспектом является дифференциация правил по субъектам (Правительство РФ, федеральные органы исполнительной власти, их структурные и территориальные подразделения) и видам издаваемых правовых актов – нормативные и индивидуальные; постановления, распоряжения, приказы, положения, правила, инструкции и положения.

Вместе с этим установленные правила подготовки правовых актов недостаточно структурированы в соответствии с последовательностью разработки проектов: содержательные правила, реквизитные правила, структурные правила, специально-юридические и языковые правила, что повысит качество нормотворчества Правительства РФ и федеральных органов исполнительной власти, а значит, будет работать на усиление эффективности исполнительной ветви власти.

Список литературы

1. О Регламенте Правительства Российской Федерации и Положении об Аппарате Правительства Российской Федерации : Постановление Правительства РФ от 01.06.2004 № 260 (ред. от 30.07.2014) // Собрание законодательства РФ. – 2004. – 7 июня. – № 23. – Ст. 2313.
2. Об утверждении Правил подготовки нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти и их государственной регистрации : Постановление Правительства РФ от 13.08.1997 № 1009 (ред. от 17.02.2014) // Российская газета. – 1997. – № 161 (21 августа).
3. Об утверждении Разъяснений о применении Правил подготовки нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти и их государственной регистрации : Приказ Минюста РФ от 04.05.2007 № 88 (ред. от 26.05.2009) // Российская газета. – 2007. – № 108 (24 мая).
4. О Государственном гербе Российской Федерации : Федеральный конституционный закон от 25.12.2000 № 2-ФКЗ (ред. от 12.03.2014) // Собрание законодательства РФ. – 2000. – 25 декабря. – № 52 (ч. I). – Ст. 5021.
5. О Типовом регламенте внутренней организации федеральных органов исполнительной власти : Постановление Правительства РФ от 28.07.2005 № 452 (ред. от 27.03.2013) // Российская газета. – 2005. – № 171 (5 августа).
6. Об утверждении Правил делопроизводства в федеральных органах исполнительной власти : Постановление Правительства РФ от 15.06.2009 № 477 (ред. от 07.09.2011) // Собрание законодательства РФ. – 2009. – 22 июня. – № 25. – Ст. 3060.
7. Методические рекомендации по разработке инструкций по делопроизводству в федеральных органах исполнительной власти (утв. Приказом Росархива от 23.12.2009 № 76) // СПС «КонсультантПлюс».
8. Об утверждении Инструкции по оформлению проектов нормативных правовых актов, подготавливаемых в Судебном департаменте для представления в органы государственной власти : Приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 19.11.1999 № 144 // СПС «КонсультантПлюс».
9. Об утверждении Регламента Федеральной службы исполнения наказаний : Приказ ФСИН РФ от 19.05.2006 № 245 (ред. от 13.10.2009) // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. – 2006. – 26 июня. – № 26.
10. Об утверждении Инструкции по делопроизводству в Федеральной службе исполнения наказаний : Приказ ФСИН России от 10.08.2011 № 464 (ред. от 28.08.2013) // Ведомости уголовно-исполнительной системы. – 2011. – № 11.
11. О Регламенте Следственного комитета Российской Федерации : Приказ СК России от 30.09.2011 № 137 // СПС «КонсультантПлюс».
12. По делопроизводству в системе ФМС России : Приказ ФМС России от 08.11.2010 № 400 (вместе с «Инструкцией по делопроизводству в системе ФМС России») // СПС «КонсультантПлюс».
13. О принятии и введении в действие государственного стандарта Российской Федерации : Постановление Госстандарта РФ от 03.03.2003 № 65-ст (вместе с «ГОСТ Р 6.30–2003. Государственный стандарт Российской Федерации. Унифицированные системы документации. Унифицированная система организационно-распорядительной документации. Требования к оформлению документов»). – М. : ИПК Издательство стандартов, 2003. – (Требования к оформлению документов).

References

1. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collected laws of the Russian Federation]. 2004, 7 June, no. 23, art. 2313.
2. *Rossiyskaya gazeta* [The Russian newspaper]. 1997, no. 161 (21 August).
3. *Rossiyskaya gazeta* [The Russian newspaper]. 2007, no. 108 (24 May).
4. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collected laws of the Russian Federation]. 2000, 25 December, no. 52 (part I), art. 5021.

5. *Rossiyskaya gazeta* [The Russian newspaper]. 2005, no. 171 (5 August).
6. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collected laws of the Russian Federation]. 2009, 22 June, no. 25, art. 3060.
7. *Metodicheskie rekomendatsii po razrabotke instruktsiy po deloproizvodstvu v federal'nykh organakh ispolnitel'noy vlasti (utv. Prikazom Rosarkhiva ot 23.12.2009 № 76)* [Methodological guidelines to development of office-work instructions at federal executive bodies (approved by the decree of the Federal archival agency from 23.12.2009 №76)]. "ConsultantPlus" reference system.
8. *Ob utverzhdenii Instruktsii po oformleniyu proektov normativnykh pravovykh aktov, podgotavlivaemykh v Sudebnom departamente dlya predstavleniya v organy gosudarstvennoy vlasti: Prikaz Sudebnogo departamenta pri Verkhovnom Sude RF ot 19.11.1999 № 144* [On approval of instructions on preparation of draft legal acts to be submitted by the Court Department to public authorites: the order of the Court Department of the Supreme Court of Russia from 19.11.1999 № 144]. "ConsultantPlus" reference system.
9. *Byulleten' normativnykh aktov federal'nykh organov ispolnitel'noy vlasti* [Bulletin of normative acts of federal executive bodies]. 2006, 26 June, no. 26.
10. *Vedomosti ugolovno-ispolnitel'noy sistemy* [Bulletin of the penitentiary system]. 2011, no. 11.
11. *O Reglamente Sledstvennogo komiteta Rossiyskoy Federatsii: Prikaz SK Rossii ot 30.09.2011 № 137* [On regulations of the Investigative Committee of the Russian Federation: the order of the SK of Russia from 30.09.2011 № 137]. "ConsultantPlus" reference system.
12. *Po deloproizvodstvu v sisteme FMS Rossii: Prikaz FMS Rossii ot 08.11.2010 № 400 (vmeste s «Instruktsiey po deloproizvodstvu v sisteme FMS Rossii»)* [On office-work at the Federal Migration Service of Russia: the order of the FMS of Russia from 08.11.2010 № 400 (along with "The office-work instructions at the FMS of Russia")]. "ConsultantPlus" reference system.
13. *O prinyatii i vvedenii v deystvie gosudarstvennogo standarta Rossiyskoy Federatsii: Postanovlenie Gosstandarta RF ot 03.03.2003 № 65-st (vmeste s «GOST R 6.30–2003. Gosudarstvennyy standart Rossiyskoy Federatsii. Unifitsirovannye sistemy dokumentatsii. Unifitsirovannaya sistema organizatsionno-rasporyaditel'noy dokumentatsii. Trebovaniya k oformleniyu dokumentov»)* [On adoption and enactment of the state standard of the Russian Federation: the decree of the State Standard Agency of Russia from 03.03.2003 № 65-st (along with "GOST R 6.30–2003. State Standard of the Russian Federation. Unified documentation systems. Unified system of organizationl-executive documentation. Document preparation requirements")]. Moscow: IPK Izdatel'stvo standartov, 2003.

Кюрджиев Валерий Александрович
аспирант, Северо-Кавказский федеральный университет
(Россия, г. Ставрополь, ул. Пушкина, 1)

Kyurdzhiev Valeriy Aleksandrovich
Postgraduate student, North Caucasus Federal University
(1 Pushkina street, Stavropol, Russia)

E-mail: vaalera003@mail.ru

УДК 340.13
Кюрджиев, В. А.
Мониторинг правил подготовки нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти / В. А. Кюрджиев // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2015. – № 4 (36). – С. 20–27.

УДК 342.72/.73, 347.961

Е. П. Воронюк

О ВЛИЯНИИ НОТАРИАЛЬНЫХ ДЕЙСТВИЙ НА РЕАЛИЗАЦИЮ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРАВ ГРАЖДАН

Аннотация.

Актуальность и цели. Согласно ч. 1 ст. 1 Основ законодательства о нотариате, нотариат в Российской Федерации призван обеспечивать в соответствии с Конституцией Российской Федерации, конституциями (уставами) субъектов Российской Федерации, Основами законодательства защиту прав и законных интересов граждан и юридических лиц. Данная защита производится путем совершения нотариусами предусмотренных законодательными актами нотариальных действий от имени Российской Федерации.

Материалы и методы. В статье проведен анализ Конституции Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ); Основ законодательства Российской Федерации о нотариате (утв. ВС РФ 11.02.1993 № 4462-1) (ред. от 13.07.2015); Федерального закона от 29.12.2014 № 457-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»; Приказа Минюста РФ от 15.03.2000 № 91 «Об утверждении Методических рекомендаций по совершению отдельных видов нотариальных действий нотариусами Российской Федерации»; Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 06.04.2015) (с изм. и доп., вступ. в силу с 15.09.2015); Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 29.06.2015) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.10.2015); Федерального закона от 22.02.2014 № 20-ФЗ (ред. от 05.10.2015) «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации»; Федерального закона от 12.06.2002 № 67-ФЗ (ред. от 05.10.2015) «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации»; Федерального закона от 10.01.2003 № 19-ФЗ (ред. от 24.11.2014) «О выборах Президента Российской Федерации».

Результаты. Анализ действующего законодательства позволяет дополнить существующую классификацию нотариальных действий в сфере защиты конституционных прав граждан еще двумя пунктами – «нотариальные действия в сфере защиты конституционного права на обращение в государственные органы и органы местного самоуправления», «нотариальные действия, направленные на защиту конституционных прав в сфере избирательного процесса».

Выводы. Как мы видим, значение института нотариата для защиты конституционных прав и свобод граждан в современном обществе трудно переоценить. Нотариусы, являясь незаменимой частью российской правовой системы, эффективно осуществляют функции по правовой охране самых различных конституционных прав граждан.

Ключевые слова: нотариальные действия, нотариус, конституционные права.

E. P. Voronyuk

ON INFLUENCE OF NOTARIAL ACTIONS ON REALIZATION OF CONSTITUTIONAL RIGHTS OF CITIZENS

Abstract.

Background. According to p. 1 art. 1 of fundamental principles of the Russian legislation on the notary, notaries public in the Russian Federation are to provide

protection of rights and legal interests of citizens and legal entities in accordance with the Constitution of the Russian Federation, constitutions (charters) of subjects of the Russian Federation, Fundamentals of legislation. The said protection is performed by notaries through improvement of notarial actions, stipulated by legislative acts, on behalf of the Russian Federation.

Materials and methods. The author analyzed the Constitution of the Russian Federation (adopted by a natiowide vote on 12.12.1993) (subject to amendments by RF laws on amendments to the RF Constitution from 30.12.2008 № 6-FKZ, from 30.12.2008 № 7-FKZ, from 05.02.2014 № 2-FKZ, from 21.07.2014 № 11-FKZ); Fundamental principles of the Russian legislation on the notary (adopted by the Supreme Court of RF on 11.02.1993 № 4462-1) (revised on 13.07.2015); the Federal law from 29.12.2014 № 457-FZ "On amendments to certain legislative acts of the Russian Federation"; The Decree of the Ministry of Justice of RF from 15.03.2000 № 91"On adoption of Methodological recommendation on improvement of certain types of notarial actions of notiries of the Russian Federation"; the Code of civil procedures of the Russian Federation from 14.11.2002 № 138-FZ (revised on 06.04.2015) (revised and amended, effective from 15.09.2015); the Code of arbitration procedure of the Russian Federation from 24.07.2002 № 95-FZ (revised on 29.06.2015) (revised and amended, effective from 01.10.2015); the Federal law from 22.02.2014 № 20-FZ (revised on 05.10.2015) "On election of deputies of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation"; the Federal law from 12.06.2002 № 67-FZ (revised on 05.10.2015) "On basic guarantees of electoral rights and the right to participate in referendum for citizens of the Russian Federation"; the Federal law from 10.01.2003 № 19-FZ (revised on 24.11.2014) «On presidential elections in the Russian Federation".

Results. Analysis of the active legislation allows to amend the existing classification of notarial actions in the sphere of protection of constitutional rights of citizens with two more paragraphs – "notarial actions in the sphere of protection of the constitutional right to address to state organs and local self-government organs", "notarial actions, aimed at protection of constitutional rights in the field of elections".

Conclusions. As we can see, the importance of the notarial institution regarding protection of constitutional rights and freedoms of citizens in the modern society can scarcely be overestimated. Being an indispensable part of the Russian law system, notaries efficiently perform their functions in protection of various constitutional rights of citizens.

Key words: notarial actions, notary, constitutional rights.

Согласно ч. 1 ст. 1 Основ законодательства о нотариате [1] (далее – Основы) нотариат в Российской Федерации призван обеспечивать в соответствии с Конституцией Российской Федерации, конституциями (уставами) субъектов Российской Федерации, Основами законодательства защиту прав и законных интересов граждан и юридических лиц. Данная защита производится путем совершения нотариусами предусмотренных законодательными актами нотариальных действий от имени Российской Федерации.

А. М. Азнаев предлагает [2] следующую классификацию нотариальных действий в сфере защиты конституционных прав граждан:

1) нотариальные действия в сфере защиты конституционного права граждан на судебную защиту;

2) нотариальные действия в сфере защиты конституционных прав граждан в сфере гражданского оборота и предпринимательской деятельности;

3) нотариальные действия в сфере защиты конституционных прав в области семейных и наследственных правоотношений.

Судебная защита прав и законных интересов граждан гарантирована ст. 46 Конституции РФ [3]. К нотариальным действиям, влияющим на обеспечение права на судебную защиту, можно отнести обеспечение доказательств, удостоверение доверенностей представителей для представления интересов доверителей в судебных процессах. При этом после внесения изменений [4] в Основы обеспечение доказательств производится нотариусом как до возбуждения производства дела в суде или административном органе, так и в ходе рассмотрения дела. Подготовленный по итогам обеспечения доказательств протокол (п. 45 Методических рекомендаций по совершению отдельных видов нотариальных действий [5]) имеет в суде доказательственную силу наравне с иными доказательствами (ч. 2 ст. 67 ГПК РФ [6], ч. 5 ст. 71 АПК РФ [7]).

Говоря про влияние нотариальных действий на обеспечение права на судебную защиту, нельзя не согласиться с мнением А. М. Азнаева, который отмечает важную роль нотариата в досудебной защите прав и свобод граждан, а также указывает, что «нотариат не подменяет собой органы судебной системы и не осуществляет правосудие, являющееся исключительной прерогативой судов… нотариат выступает институтом превентивного, предупредительного правосудия, прежде всего, непосредственно обеспечивает защиту прав и свобод человека и гражданина, что делает возможность субъектам права избежать обращения в суд за защитой тех же прав» [2].

Ко второй группе следует отнести большинство нотариальных действий: удостоверение сделок, наложение и снятие запрета на отчуждение имущества, свидетельствование верности копий документов и выписок из них, подлинности подписи на документах [8], верности перевода документов с одного языка на другой, удостоверение факта нахождения гражданина в живых, в определенном месте, тождественности гражданина с лицом, изображенным на фотографии, времени предъявления документов, передачи заявлений и документов одних лиц другим, прием в депозит денег и ценных бумаг, совершение исполнительных надписей, протестов векселей, предъявление чеков к платежу и удостоверение неоплаты чеков, прием на хранение документов, совершение морских протестов, регистрация уведомления о залоге движимого имущества, выдача выписок из реестра уведомлений о залоге движимого имущества, выдача дубликатов нотариальных свидетельств, исполнительных надписей и дубликатов документов, выражающих содержание нотариально удостоверенных сделок, удостоверение равнозначности электронного документа документу на бумажном носителе, удостоверение равнозначности документа на бумажном носителе электронному документу, представление документов на государственную регистрацию прав на недвижимое имущество и сделок с ним, удостоверение тождественности собственноручной подписи инвалида по зрению с факсимильным воспроизведением его собственноручной подписи, удостоверение решения органов управления юридических лиц.

Столь значительный перечень нотариальных действий, влияющих на защиту конституционных прав граждан в сфере гражданского оборота и предпринимательства, объясняется тем, что нотариат призван предупреждать возможные правонарушения в экономической сфере. Очень точно охарактеризовал значение нотариата для гражданского оборота В. Ф. Яковлев, кото-

рый в одном из своих выступлений отметил, что нотариат является средством обеспечения правовой безопасности участников экономических отношений в условиях частной собственности и товарно-денежного оборота, что нотариат вносит порядок и определенность в важнейшие экономические отношения [9].

Третью группу нотариальных действий составляют действия по удостоверению сделок, выдаче свидетельств о праве собственности на долю в общем имуществе супругов, свидетельств о праве на наследство, принятии мер, направленных на охрану наследственного имущества.

Представляется однако, что предложенную классификацию можно дополнить еще двумя пунктами – «нотариальные действия в сфере защиты конституционного права на обращение в государственные органы и органы местного самоуправления», «нотариальные действия, направленные на защиту конституционных прав в сфере избирательного процесса».

К группе нотариальных действий, связанных с обращением в органы власти, можно отнести в первую очередь действия нотариуса, связанные с установлением тождественности электронных документов документам на бумажном носителе, удостоверением доверенностей, подписей, обеспечением доказательств в случае возникновения дела в административном органе. Примером обращения в орган местного самоуправления, для которого может быть необходимым совершение одного или нескольких из указанных нотариальных действий, может послужить подача заявления через представителя по нотариально удостоверенной доверенности в местную администрацию с требованием предпринять меры по устранению нарушений в сфере жилищного законодательства (к примеру, когда один из собственников жилого помещения в многоквартирном доме провел незаконную перепланировку). Нотариальные действия, необходимые для такого обращения, следует выделить в отдельную группу, поскольку, во-первых, данное обращение не направлено на судебную защиту прав и свобод заявителя, во-вторых, не совсем корректным будет отнесение подобного обращения к сфере гражданского оборота [10].

Важно также выделение в отдельную группу нотариальных действий, направленных на защиту конституционных прав в сфере избирательного процесса, к которой прежде всего относится удостоверение нотариусом сведения о лицах в случаях, предусмотренных законодательством Российской Федерации. К таким случаям относятся, в частности:

– удостоверение сведений о лицах, осуществляющих сбор подписей избирателей при выборах в Государственную Думу Федерального Собрания РФ (ч. 8 ст. 45 ФЗ от 22.02.2014 № 20-ФЗ «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации») [11];

– удостоверение сведений о лицах, осуществляющих сбор подписей избирателей в поддержку выдвижения кандидатов, списков кандидатов, инициативы проведения референдума при проведении выборов в орган государственной власти субъекта Российской Федерации, при выдвижении инициативы проведения референдума в субъекте Российской Федерации (ч. 16 ст. 37 ФЗ от 12.06.2002 № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» [12]);

– удостоверение сведений о лицах, осуществляющих сбор подписей избирателей в поддержку кандидата, выдвинутого на выборы Президента РФ (ч. 8.1. ст. 36 ФЗ от 10.01.2003 № 19-ФЗ «О выборах Президента Российской Федерации») [13].

Кроме того, к данной группе нотариальных действий может быть отнесено удостоверение подписи лица, собирающего подписи избирателей, которое может быть необходимо при нотариальном удостоверении сведений о данном лице в указанных выше случаях.

Подводя итог, можно сказать, что значение института нотариата для защиты конституционных прав и свобод граждан в современном обществе трудно переоценить. Нотариусы, являясь незаменимой частью российской правовой системы, эффективно осуществляют функции по правовой охране самых различных конституционных прав граждан.

Список литературы

1. Основы законодательства Российской Федерации о нотариате (утв. ВС РФ 11.02.1993 № 4462-1) (ред. от 13.07.2015) // Российская газета. – 1993. – № 49 (13 марта).
2. **Азнаев, А. М.** Конституционно-правовые основы деятельности нотариата в Российской Федерации : автореф. дис. … канд. юрид. наук / Азнаев А. М. – М., 2008.
3. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ. – 2014. – 4 августа. – № 31. – Ст. 4398.
4. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : Федеральный закон от 29.12.2014 № 457-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2015. – 5 января. – № 1 (ч. I). – Ст. 10.
5. Об утверждении Методических рекомендаций по совершению отдельных видов нотариальных действий нотариусами Российской Федерации : Приказ Минюста РФ от 15.03.2000 № 91 // Бюллетень Минюста РФ. – 2000. – № 4.
6. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 06.04.2015) (с изм. и доп., вступ. в силу с 15.09.2015) // Собрание законодательства РФ. – 2002. – 18 ноября. – № 46. – Ст. 4532.
7. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 29.06.2015) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.10.2015) // Собрание законодательства РФ. – 2002. – 29 июля. – № 30. – Ст. 3012.
8. **Синцов, Г. В.** Об особенностях удостоверения подлинности документов, представляемых для совершения нотариального действия / Г. В. Синцов // Нотариус. – 2015. – № 6. – С. 38–40.
9. **Яковлев, В. Ф.** Текст выступления на IV Конгрессе нотариусов России / В. Ф. Яковлев // Нотариальный вестник. – 2013. – № 7.
10. **Синцов, Г. В.** О влиянии последних изменений, внесенных Федеральным законом от 29 декабря 2014 г. № 457-ФЗ, в законодательство о нотариате Российской Федерации / Г. В. Синцов // Нотариус. – 2015. – № 2. – С. 10–12.
11. О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации : Федеральный закон от 22.02.2014 № 20-ФЗ (ред. от 05.10.2015) // Собрание законодательства РФ. – 2014. – 24 февраля. – № 8. – Ст. 740.
12. Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации : Федеральный закон от 12.06.2002 № 67-ФЗ (ред.

от 05.10.2015) // Собрание законодательства РФ. – 2002. – 17 июня. – № 24. – Ст. 2253.
13. О выборах Президента Российской Федерации : Федеральный закон от 10.01.2003 № 19-ФЗ (ред. от 24.11.2014) // Собрание законодательства РФ. – 2003. – 13 января. – № 2. – Ст. 171.

References

1. *Rossiyskaya gazeta* [The Russian newspaper]. 1993, no. 49 (13 March).
2. Aznaev A. M. *Konstitutsionno-pravovye osnovy deyatel'nosti notariata v Rossiyskoy Federatsii: avtoref. dis. kand. yurid. nauk* [Constitutional-legal basis of notaries public actions in the Russian Federation: author's abstract of dissertation to apply for the degree of the candidate of juridical sciences]. Moscow, 2008.
3. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collected laws of the Russian Federation]. 2014, 4 August, no. 31, art. 4398.
4. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collected laws of the Russian Federation]. 2015, 5 January, no. 1 (part I), art. 10.
5. *Byulleten' Minyusta RF* [Bulletin of the Ministry of Justice of Russia]. 2000, no. 4.
6. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collected laws of the Russian Federation]. 2002, 18 November, no. 46, art. 4532.
7. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collected laws of the Russian Federation]. 2002, 29 July, no. 30, art. 3012.
8. Sintsov G. V. *Notarius* [Notary]. 2015, no. 6, pp. 38–40.
9. Yakovlev V. F. *Notarial'nyy vestnik* [Notarial bulletin]. 2013, no. 7.
10. Sintsov G. V. *Notarius* [Notary]. 2015, no. 2, pp. 10–12.
11. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collected laws of the Russian Federation]. 2014, 24 February, no. 8, art. 740.
12. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collected laws of the Russian Federation]. 2002, 17 June, no. 24, art. 2253.
13. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collected laws of the Russian Federation]. 2003, 13 January, no. 2, art. 171.

Воронюк Екатерина Павловна
аспирант, Пензенский
государственный университет
(Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40)

Voronyuk Ekaterina Pavlovna
Postgraduate student, Penza
State University
(40 Krasnaya street, Penza, Russia)

E-mail: sergei_kolos@mail.ru

УДК 342.72/.73, 347.961
Воронюк, Е. П.
О влиянии нотариальных действий на реализацию конституционных прав граждан / Е. П. Воронюк // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2015. – № 4 (36). – С. 28–33.

УДК 342.4

Ю. А. Пузенцова

СОЦИАЛЬНОЕ НЕРАВЕНСТВО КАК ПРИЧИНА ВОЗНИКНОВЕНИЯ СТРУКТУР ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА

Аннотация.

Актуальность и цели. Важнейшей предпосылкой и одновременно фактором формирования политической системы демократического типа является наличие гражданского общества. Гражданское общество характеризует всю совокупность разнообразных форм социальной активности населения, не обусловленную деятельностью государственных органов и воплощающую реальный уровень самоорганизации социума. Описываемое понятием «гражданское общество» состояние общественных связей и отношений является качественным показателем гражданской самостоятельности жителей той или иной страны, основным критерием разделения функций государства и общества в социальной сфере. Реальная свобода личности становится возможной в обществе подлинной демократии, где не государство, политическая власть господствует над обществом и его членами, а общество имеет безусловное первенство по отношению к государству. Цель работы – проанализировать социальное неравенство как явление, дать оценку ряду причин возникновения так называемых структур гражданского общества.

Материалы и методы. Данная статья посвящена вопросам развития современного гражданского общества в России, оценке его формирования; рассматриваются точки зрения ученых-правоведов по данному вопросу. Дается оценка современному состоянию структурных элементов гражданского общества. Рассматривается условная классификация типов социального неравенства в обществе. Проведен подробный анализ материалов Фонда развития гражданского общества РФ и Совета при Президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека.

Результаты. Автором проведена работа по исследованию ряда факторов, влияющих на выделение (обособление) определенных классовых структур общества. Дается качественная оценка современному состоянию гражданского общества. Выделены и проанализированы типы современного социально-экономического неравенства.

Выводы. Изучение причин возникновения структурных элементов современного гражданского общества – важный вопрос. Формирование любой демократической системы невозможно без структурирования одной из базовых составляющих – гражданского общества. Именно оно становится реальным гарантом демократичности происходящих трансформаций, обеспечивает основания социальной стабильности. Обсуждение вопросов, связанных с особенностями формирования гражданского общества в России, весьма важно на сегодняшний день, поскольку становление гражданского общества является важным элементом процесса демократизации.

Ключевые слова: гражданское общество, социальные отношения, развитие общества, классовое неравенство, социологические исследования.

Yu. A. Puzentsova

SOCIAL INEQUALITY AS A REASON FOR CIVIL SOCIETY STRUCTURES OCCURRENCE

Abstract.

Background. A major prerequisite and, at the same time, a factor of formation of a political system of democratic type is existence of civil society. A civil society

characterizes the whole complex of various forms of social activity of the population which isn't caused by activity of government bodies and embodying the real level of self-organization of society. The condition of public relations and the relations described by the concept "civil society" is a quality indicator of civil independence of residents of one or another country, the main criterion of division of functions of the state and society in the social sphere. The real personal freedom becomes possible in the society of genuine democracy, where not the state, the political power dominates over society and its members, but the society has unconditional superiority in relation to the state. The goal of the study is to analyze social inequality as a phenomenon, to give assessment to a variety of reasons of emergence of so-called of structures of civil society.

Materials and methods. This article is devoted to questions of development of the modern civil society in Russia, assessment of its formation; the points of view of scientists-jurists on the matter. The author's assessment is given to the current state of structural elements of civil society. Conditional classification of types of social inequality in society is considered. The detailed analysis of materials of the Foundation for development of civil society of the Russian Federation and the Russian President's Council for Civil Society and Human Rights is described.

Results. The author researched a number of factors influencing allocation (isolation) of certain class structures of society, qualitatively assessed the current state of civil society. Types of modern social and economic inequality were allocated and analyzed.

Conclusions. Studying of the reasons of emergence of structural elements of the modern civil society is an important question. Formation of any democratic system is impossible without structuring one of basic components – civil society. It becomes the real guarantor of democratic character of the happening transformations, provides the bases of social stability. Discussion of the questions connected with features of civil society formation in Russia is very important today as formation of a civil society is an important element of the process of democratization of society.

Key words: civil society, social relations, development of society, class inequality, sociological researches.

Изучение вопросов, связанных с особенностями формирования гражданского общества в России, весьма актуально, поскольку становление гражданского общества является важным элементом процесса демократизации общества. В настоящее время этот процесс протекает сложно и противоречиво, и, соответственно, теоретический анализ феномена гражданского общества в России позволяет выявить основные проблемы общества как такового и обозначить приоритетные направления его демократизации [1].

Многие исследователи оценивают современное состояние гражданского общества в России критически. Пишут о том, что в России есть всего лишь начала гражданского общества, но до тех пор, пока человек не почувствует себя силой, влияющей на решение проблем, о гражданском обществе как состоявшемся говорить проблематично (Ж. Тощенко); что тезис о наличии в России гражданского общества весьма спорен, поскольку в настоящее время мы имеем дело, скорее, с совокупностью атомизированных и довольно бесправных индивидов (О. Митрошенков); что только для 10 % граждан нашей страны сегодня гражданское общество состоялось, остальные же с их ощущениями, оценками и мнениями проживают в другом негражданском обществе (В. Левашов). Или же, как считает Д. Шмидт, эмпирические исследования с очевидностью показывают, что современное российское граждан-

ское общество – явление не исчезающее, но в то же время и не традиционное [2]. Значительное число исследователей утверждает, будто российское гражданское общество остается слабым и внутренне разобщенным, пребывающим на низком уровне развития или даже вообще не существует. В то же время ряд исследователей подчеркивает, что гражданское общество в России существует объективно, более того, опирается на давние традиции [3]. Многие ученые соглашаются с тем, что российское гражданское общество трудно оценивать по западным стандартам, поскольку понятие «гражданское общество» ценностно нагружено и не может быть определено как таковое без четкого указания на конкретный социокультурный и исторический контекст, в котором оно обсуждается.

В развитии общественных отношений значительную роль играют социальные факторы. Формирование концепции национальной стратегии развития любой национальной экономики предопределяется влиянием социальных потребностей общества, тесно связанных с закономерностями развития экономической системы. На сегодняшний день ключевой целью социальной политики любого государства выступают обеспечение достойного уровня жизни и благосостояния граждан, достижение социальной справедливости. По своей сути устойчивое экономическое развитие страны предполагает, что экономика обладает потенциалом, достаточным для поддержания качества жизни и обеспечения социальной стабильности, не только в настоящий момент, но и в будущем. Другими словами, обладает «запасом прочности» для противостояния внутренним и внешним угрозам. В свою очередь государство, формируя экономическую политику, выделяет приоритетные социальные направления, которые наряду с экономическими факторами оказывают влияние на уровень жизни людей [4].

Гражданское общество складывается на определенном этапе развития общества, когда возникает государство и появляется гражданин с определенной совокупностью прав и обязанностей. Гражданское общество обеспечивает согласование частного и общественного интересов, необходимое посредничество между личностью и государством. Поэтому можно утверждать, что гражданское общество возникает вместе и наряду с государством, ибо ни то, ни другое не способно к самостоятельному, а тем более взаимоисключающему существованию. Гражданское общество в этом контексте представляет собой социальную основу власти и государства. Идея отдельно стоящего гражданского общества есть всего лишь философская абстракция, акцентирующая внимание на современном свободном плюралистическом обществе. Под институтами гражданского общества мы будем понимать организованные так или иначе объединения граждан, действия которых направлены на реализацию каких-либо целей и задач, на разрешение собственных, общих для групп проблем. Чаще всего сегодня это общественные движения, неправительственные организации, еще не организованные, но уже объединившиеся неформально для консолидированных коллективных действий граждане (такие группы называют гражданскими инициативами), а также структуры, их объединяющие, например сетевые общероссийские или региональные неправительственные организации, общественные палаты, комитеты и т.п. Иными словами, анализу подлежат субъекты социального действия или социальные факторы [5]. Методологически в связи с вышеозначенным предме-

том исследования возникает первая проблема. Среди аналитиков процесса глобализации наиболее утвердился, в частности, подход, в котором глобализация предстает абсолютно новым явлением не только потому, что ликвидирует (а скорее, упрощает) социальное неравенство, но и потому, что фактически ликвидирует человека (социальную группу) как главное действующее лицо в происходящих процессах – социальный фактор. Глобальные потоки движутся не в чьих-либо интересах, не в результате чьих-либо действий, а сами по себе, даже если те, кто когда-то их запустил, обладали соответствующими интересами. Люди лишь обслуживают, регулируют (но не формируют, не направляют или изменяют) движение, заданное автоматическим, по сути, механизмом. Они более не факторы, они лишь агенты, выполняющие заданную потоком функцию.

Однако не все социологи разделяют эту точку зрения. Один из теоретиков деятельностно-активистского подхода А. Турэн выдвинул положение о сохранении в современном обществе субъекта социального действия. Он признает, что «в рыночной экономике, где главная забота – отказ от любого регулирования или экономического, политического и социального контроля экономической деятельности», исчезает тот социальный фактор, который влияет на социальные и политические процессы своим участием в них. Однако физически «человек действующий» не ушел, он продолжает существовать и проявлять активность за пределами институтов глобализации или «глобализационных потоков», уже даже не пытаясь влиять на них. Его сегодняшняя деятельность как свободного от «общества» индивидуума или группы соотносится уже не с «принципами рациональной организации общества или с понятием прогресса, а с шансами социального субъекта на жизнь и с рисками смерти». Современные социальные движения, утратив «единство социальной системы», приобрели «единство самого субъекта в его отношении к себе, а не к внешнему или трансцендентному принципу строя». Для российского исследователя это означает, что в соотношении глобальных процессов с деятельностью субъекта социального действия этот подход работает: действительно, радикально влиять на происходящее в мире он не способен. Но на локальном уровне, т.е. непосредственно в месте своего проживания, в ситуации трансформации, реформирования социальных институтов для защиты собственной жизни он вынужден делать попытки оказывать влияние на происходящее. Основной вопрос заключается в том, является ли эта «репрезентация социальной жизни» столь же прочной, как и репрезентация, которая «сейчас, в конце века, исчезла из вида». Тему развивает видный ученый-социолог М. Вевёрка, утверждая, что с конца 1960-х гг. наблюдаются две главные тенденции появления культурных притязаний. Первая – «выражение различий во всех областях, принявших форму новых (или оживших) культурных вызовов, требующих публичного признания фактора, ассоциируемого с ними». Вторая тенденция – «сочетание социальных требований с требованиями культурного признания». Это означает, что в условиях глобализации, когда огромная масса людей подвергается эксклюзии как в экономической (низкие доходы, приводящие к снижению качества жизни), так и в политической (отсутствие любого политического или социального участия) сферах, возрастает роль культурной идентификации субъектов (расовой, религиозной, местной, способов ведения хозяйства, сохранения национальной культу-

ры или традиций и т.п.). Попробуем применить этот подход к анализу современных российских реалий, выясним, являются ли указанные различия почвой для возникновения субъекта социального действия и приводит ли это к их институционализации в виде выдвижения соответствующих требований и в деятельности определенных структур гражданского общества, направленных на их реализацию. Самодеятельные объединения граждан (в виде общественных движений, неправительственных организаций или гражданских инициатив) формируются на основе общих проблем, требующих разрешения и базируются на культурной, социальной, национальной, политической самоидентификации индивидов. В любом случае речь идет о социальных различиях, которые объединяют или разъединяют людей и которые, в первую очередь, зависят от типов неравенства, существующих в современном российском обществе. Рассмотрим последовательно, как влияют социальные различия и социально-политические условия в современной России на возникновение и развитие самоорганизации населения и институтов гражданского общества [5].

Какие же появились типы социального неравенства за последние годы, кто осознает их наличие и является носителем возникающих на этом основании интересов и ценностей, а также каковы следствия этого, обнаруживающиеся на арене публичной политики? Иными словами, на примере происходящего в российских местных сообществах попытаемся проанализировать, как «равенство в одном отношении сочетается с неравенством в другом, равенство одних социальных субъектов идет рука об руку с неравенством других или с другими».

Первый тип – социально-экономическое неравенство. Следует отметить, что большая часть населения страны (и особенно жители российской глубинки) обладает равенством (т.е. большинство граждан равны друг другу) в отношении их социально-экономического положения. Однако внутри этого равенства уже существует и, что социологически зафиксировано, крепнет процесс возникновения неравенства. Можно утверждать, что современное социально-экономическое неравенство основывается на неравенстве внутренних возможностей индивидуумов (психологических, физиологических, возрастных, свойств характера, уровня квалификации и т.п.) при адаптации к новым условиям [6]. Углубляющееся социально-экономическое расслоение ведет к более определенному делению на различные социальные группы (частные предприниматели, сотрудники бюджетных организаций, работники предприятий и т.п.), которые формулируют и актуализируют групповые интересы, постепенно преобразующиеся в новые ценности, носители которых создают общественные объединения. В результате появились, например, объединения представителей крупного, среднего и малого бизнеса, ставшие или постепенно преобразующиеся во влиятельные неправительственные организации, представляющие и защищающие соответствующие интересы (например, Российский союз предпринимателей). Актуализируются и набирают силу профсоюзы [7].

Второй тип неравенства – степень мобильности населения. На первый план здесь выходят неправительственные организации вынужденных переселенцев. Поселившись на новом месте, понеся при этом большие материальные, моральные и правовые потери, они оказались на крайнем полюсе иммо-

бильности. Слабая поддержка государства и местных властей, а также часто агрессивное или, в лучшем случае, пассивное поведение окружающих их граждан, мобилизуют мигрантов на создание объединений для коллективной деятельности по обустройству их жизни. В результате такого типа неравенства по всей стране все чаще появляются гражданские инициативы жителей домов, подъездов, дворов, которые самостоятельно обустраивают свои территории, а в случае угрозы извне выступают в их защиту.

Третий тип – экологическое неравенство. Оно теснейшим образом связано с иммобильностью. Люди, не имеющие возможности покинуть экологически опасное место проживания или обеспечить себе благоприятную среду другим образом, вынуждены активно выступать за сохранение своей среды обитания. В большинстве российских городов действуют экологические неправительственные организации, целью которых является контроль за состоянием окружающей среды, выявление «загрязнителей» и выдвижение требований к власти о наведении порядка в этой сфере.

Четвертый тип неравенства связан с глобализационными процессами. В первую очередь проникновение глобализации на местный уровень вызывает беспокойство иммобильной части населения и местных экоНПО в связи с изменением состояния окружающей среды. Речь идет о возникновении ресурсодобывающих и ресурсоперерабатывающих предприятий и в различных российских локальностях, подчас – самых удаленных. Во многих случаях местные НПО считают, что эти предприятия наносят значительный ущерб окружающей среде и природе и в различных формах пытаются противостоять подобной активности.

Пятый тип – этническое неравенство. Проблема, существовавшая в многонациональной России всегда, усугубилась в период трансформаций в связи с ростом национального самосознания на основе социокультурных различий, усиленного политическими устремлениями лидеров государственных структур, поддержанных лидерами соответствующих общественных организаций (часто националистических ориентаций).

Шестой тип – социокультурное неравенство. Многие коренные народы и местные сообщества поставлены в условия необходимости сохранения, поддержания собственной культуры или комплекса традиций и установок. В первую очередь это вызывает к жизни самодеятельные организации этнической принадлежности (например, многочисленные местные организации коренных малочисленных народов Севера, для которых утрата традиций есть утрата национальной идентичности). Процесс глобализации, все более утверждаясь в России, лишь усиливает необходимость защиты местной культурной идентичности, что дает основания предполагать дальнейший рост общественных организаций, деятельность которых будет носить именно такую направленность.

О. В. Аксенова, И. А. Халий выделяют седьмой тип – политическое неравенство, реализующееся по причине отсутствия политических каналов и процедур, обеспечивающих участие граждан в принятии значимых для них решений. В этих условиях протестные и конвенциональные выступления неправительственных организаций создают прецеденты общественного участия, возникновения диалога «население – власти – бизнес», которые становятся частью современной городской публичной политики. Несмотря на все

политические заявления о необходимости развития гражданского общества, его институты в нашей стране находятся в условиях глубочайшего политического неравенства. Их роль в политическом процессе не обеспечена ни в виде отработанных практик политического участия, ни в виде готовности властей к сотрудничеству или хотя бы учету их мнений и позиций. Неправительственные организации выступают инициаторами создания и утверждения таких практик, действуя различными способами: осуществляя прямые действия (акции протеста), настаивая на выполнении процедур, установленных законом (общественные слушания, общественная экологическая экспертиза, обращение в суд), настаивая на переговорных процессах, площадками которых являются местные представительные органы власти. Тем не менее пропасть политического неравенства, если и сокращается, то весьма и весьма медленно. Более того, в условиях глобализации возникает и новый вид политического неравенства: местные власти окончательно теряют возможность принятия собственных решений, если дело касается деятельности на их территории ТНК, поскольку, во-первых, чаще всего подобные решения принимаются на более высоком уровне – региональном или федеральном, которым местные власти противостоять не в состоянии, и, во-вторых, политическая воля сковывается перспективой экономических возможностей: поскольку на местном уровне основной задачей властей является улучшение экономического положения, то отказаться от экономической выгоды, которую можно получить вследствие деятельности ТНК, не представляется реальным, не говоря уж о тех случаях, когда решения местных властей основываются на личных интересах. В результате местные неправительственные организации, чтобы справиться с возникающими рисками, все чаще апеллируют к поддержке международного сообщества в лице ряда зарубежных неправительственных организаций или их коалиций [2]. Политическое неравенство выливается в социально-политическую отчужденность, фиксируемую социологами. С социально-политическим неравенством теснейшим образом связано неравенство в доступе к информации (восьмой тип неравенства) и к самим СМИ.

Во-первых, период полной свободы СМИ закончился: все они ныне жестко контролируются учредителями. На локальном уровне чаще всего это означает полный контроль над местными газетами со стороны властей. В результате обществу транслируется информация, интерпретируемая в их интересах. Во-вторых, трудное финансовое положение местных жителей заставляет их черпать информацию только из местных источников и электронных СМИ, что также не очень меняет качество информированности. К тому же в России до сих пор есть места, куда не поступает телесигнал. В-третьих, информационное неравенство заключается еще и в том, что во многих случаях на местах отсутствует возможность публикации материалов, подготовленных институтами гражданского общества, равно как и материалов о них самих. Как видим, неравенство затрагивает практически все стороны, аспекты и сферы жизнедеятельности российского общества – экономическую, социальную, социокультурную, этническую, политическую и информационную [8]. Вероятно, это означает, что главной задачей должно стать создание механизмов, способов, каналов, обеспечивающих возможности социально активной части населения уменьшать степень всех видов неравенства, что повлечет за собой и расширение круга социально активных граждан. В связи с проблемой

консолидации российского общества для дальнейшего устойчивого социального, экономического, политического развития, процесс снижения уровня различных видов неравенства будет означать увеличение количества тех, кто готов к консолидированным действиям в этом направлении [6].

Сильное гражданское общество – это обязательный признак стабильного демократического государства с конкурентоспособной экономикой. Гражданское общество одновременно выступает и как партнер власти в реализации всех ее начинаний, и как ее конструктивный оппонент, отстаивающий свободы и интересы каждого гражданина и различных групп общества [9]. Развитие современных гражданских институтов и поощрение гражданских инициатив послужат катализатором устойчивого развития страны и создадут гарантии экономических и политических прав и свобод российских граждан.

Список литературы

1. **Красин, Ю. А.** Публичная сфера и публичная политика. Российские проблемы / Ю. А. Красин // Россия в условиях трансформаций. Историко-политологический семинар : материалы. – М., 2002. – Вып. 25.
2. **Ананьева, М. Н.** Современное состояние гражданского общества в России // Общество. – 2010. – № 1. – С. 26.
3. **Лысенко, В. В.** Гражданское общество и неправительственные организации: внутригосударственный и международно-правовой статус / В. В. Лысенко // Конституционное и муниципальное право. – 2008. – № 13. – С. 16–22.
4. **Вайнштейн, Г. И.** Закономерности и проблемы посткоммунистических трансформаций / Г. И. Вайнштейн // Политические институты на рубеже тысячелетий. – Дубна, 2001. – С. 48.
5. **Грудцына, Л. Ю.** Политические партии, гражданское общество и государство / Л. Ю. Грудцына // Законодательство и экономика. – 2007. – № 10. – С. 5–13.
6. **Затонский, В. А.** Гражданское общество и государство: противостояние или партнерство? / В. А. Затонский // Конституционное и муниципальное право. – 2007. – № 16. – С. 10–13.
7. **Гришковец, А. А.** Государственная служба и гражданское общество: правовые проблемы взаимодействия (практика России) / А. А. Гришковец // Государство и право. – 2006. – № 1. – С. 24–36.
8. **Хлопин, А. В.** Гражданское общество в России: идеология, утопия, реальность / А. В. Хлопин // Pro et contra. – 2002. – № 1. – С. 13.
9. **Перегудов, С. П.** Гражданское общество как субъект публичной политики / С. П. Перегудов // Полис. – 2008. – № 2. – С. 127–128.

References

1. Krasin Yu. A. *Rossiya v usloviyakh transformatsiy. Istoriko-politologicheskiy seminar: materialy* [Russia in transformation. Historical and political seminar: proceedings]. Moscow, 2002, iss. 25.
2. Anan'eva M. N. *Obshchestvo* [Society]. 2010, no. 1, p. 26.
3. Lysenko V. V. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo* [Constitutional and municipal law]. 2008, no. 13, pp. 16–22.
4. Vaynshteyn G. I. *Politicheskie instituty na rubezhe tysyacheletiy* [Political institutions at the turn of the millennium]. Dubna, 2001, p. 48.
5. Grudtsyna L. Yu. *Zakonodatel'stvo i ekonomika* [Legislation and economy]. 2007, no. 10, pp. 5–13.
6. Zatonskiy V. A. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo* [Constitutional and municipal law]. 2007, no. 16, pp. 10–13.

7. Grishkovets A. A. *Gosudarstvo i pravo* [State and law]. 2006, no. 1, pp. 24–36.
8. Khlopin A. V. *Grazhdanskoe obshchestvo v Rossii: ideologiya, utopiya, real'nost'* [Civil society in Russia: ideology, utopia, reality]. Pro et contra. 2002, no. 1, p. 13.
9. Peregudov S. P. *Polis* [Polis]. 2008, no. 2, pp. 127–128.

Пузенцова Юлия Андреевна
аспирант, Пензенский
государственный университет
(Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40)

Puzentsova Yulia Andreevna
Postgraduate student, Penza
State University
(40 Krasnaya street, Penza, Russia)

E-mail: juli-jurist@rambler.ru

УДК 342.4
Пузенцова, Ю. А.
Социальное неравенство как причина возникновения структур гражданского общества / Ю. А. Пузенцова // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2015. – № 4 (36). – С. 34–42.

УДК 342.417

О. В. Безрукова

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ РЕГУЛИРОВАНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Аннотация.

Актуальность и цели. Цель работы – на основе анализа конституций отдельных зарубежных стран рассмотреть особенности регулирования вопросов экономики, финансов, бюджета.

Материалы и методы. Статья подготовлена на основе анализа конституций отдельных зарубежных стран в части, касающейся регулирования экономических отношений. Основные методы, использованные при написании статьи, – сравнительно-правовой, формально-юридический.

Результаты. В ходе исследования норм зарубежного законодательства в части регулирования экономических отношений отмечена взаимообусловленность социально-экономического и конституционно-правового развития, их взаимосвязь. Представленный анализ зарубежного законодательства констатирует значимость как закрепления, так и разъяснения в конституциях приоритетов, в частности социально-экономических. При этом не имеет принципиального значения, какой государственный строй провозглашен в той или иной стране, политика реализуется в зависимости от гарантируемых конституционных ценностей, как ими государство обеспечивает общество, как они будут доступны правосознанию народа.

Выводы. Обобщая содержание норм зарубежных конституций, можно сформулировать следующее: выделяется особая роль экономики страны в текстах зарубежных конституций – от фиксации базовых положений в отдельных нормах до включения специальных разделов или глав; закрепляется базовая роль публичных институтов в регулировании стратегии экономического развития страны.

Ключевые слова: экономика, экономические отношения, принципы экономического строя, органы государственной власти, конституции отдельных государств.

O. V. Bezrukova

FOREIGN EXPERIENCE OF REGULATION OF ECONOMIC RELATIONS

Abstract.

Background. The purpose of the work is to consider peculiarities of regulation of questions of economy, finance, budget on the basis of the analysis of constitutions of certain foreign countries.

Materials and methods. This article was prepared on the basis of the analysis of constitutions of certain foreign countries in respect of regulation of economic relations. The main techniques used when preparing the article included comparative-legal, formal-legal methods.

Results. In the course of the study of the norms of foreign legislation regulating economic relations the author marked the interdependence of socio-economic and constitutional development, the relationship between them. The presented analysis of foreign legislation acknowledges the importance of consolidation as well as clarification of priorities in constitutions, in particular the socio-economic ones. In this

case, it does not matter what system of government is proclaimed in the country, the policy is implemented depending on guaranteed constitutional values, on how the state ensures the society, on their availability to legal awareness of people.

Conclusions. Summarizing the content of norms of foreign constitutions, the following can be stated: a special role of the economy in the texts of foreign constitutions is distinguished – from fixing basic provisions in individual standards to introduction of special sections or chapters; a basic role of public institutions in regulation of economic development strategies of countries is fixed.

Key words: economy, economic relations, principles of economic systems, organs of state power, constitution of individual states.

Важной особенностью конституций большинства зарубежных стран является наличие самостоятельных разделов, глав, которые регулируют вопросы экономики, финансов, бюджета. Подобное свойство выражает логичность создания не только конституционной основы для данных приоритетов, подчеркивая их первостепенную значимость, но и последующее их разъяснение. К примеру, Конституция Японии 1947 г. содержит раздел VII «Финансы» [1], Конституции ФРГ 1949 г. – раздел X «Финансы» [2], Конституция Итальянской Республики 1947 г. – гл. III «Экономические отношения» [3], Конституции Республики Кипра 1960 г. – ч. XI «Положения о государственных финансах» [4], Конституция Литовской Республики 1992 г. – гл. XI «Финансы и государственный бюджет», Конституция Великого герцогства Люксембурга – гл. VIII «О финансах» [5], Конституция Республики Македония 1991 г. – ч. 4 гл. II «Основы экономических отношений» [6], Конституция Республики Мальты 1964 г. – гл. IX «Финансы» [7], Конституция Республики Молдова 1994 г. – раздел IV «Национальная экономика и публичные финансы» [8], Конституция Княжества Монако 1962 г. – титул IV «Публичное достояние, публичные финансы» [9], Конституция Республики Польша 1997 г. – раздел X «Публичные финансы» [10], Конституция Португальской Республики 1976 г. – ч. II «Экономическая организация общества», раздел IV «Финансовая и фискальная система», Конституция Румынии 1991 г. – ч. IV «Экономика и публичные финансы», Конституция Словацкой Республики 1992 г. – гл. III (раздел I) «Экономика Словацкой Республики», Конституция Республики Словения 1990 г. – гл. III «Экономические и социальные отношения», гл. IV «Публичные финансы» [11], Конституция Турецкой Республики 1982 г. – ч. 4 «Финансовые и экономические положения», Конституция Финляндии 1999 г. – гл. 7 «Государственные финансы» [12], Союзная конституция Швейцарской Конфедерации 1999 г. – раздел 7 «Экономика» (ст. 94 «Принципы экономического строя»), гл. 3 «Финансовое устройство», Конституция Швеции – гл. 9 «Финансовая власть» [13], Конституция Эстонской Республики 1992 г. – гл. VIII «Финансы и государственный бюджет» [14], Конституция Союзной Республики Югославия 1992 г. – раздел III «Экономическое устройство» [15].

Конституция Испании 1978 г. содержит ч. VII «Об экономике и хозяйстве». Статья 128 Конституции Испании [16] провозглашает: «1. Все виды богатств страны в своих различных формах, независимо от собственника, служат общим интересам. 2. Признается право государственной инициативы в экономической деятельности. Закон может резервировать за государствен-

ным сектором важнейшие ресурсы или услуги, особенно в случаях монополии, а также разрешать участие в управлении предприятиями, когда этого требуют общие интересы». Раздел седьмой Конституции Испании, в котором помещена цитируемая норма, отводит особую роль государству. Так, ст. 129 указывает на то, что органы государственной власти «активно развивают разные формы предпринимательской деятельности». Согласно ст. 130 органы государственной власти заботятся о модернизации и развитии всех отраслей экономики, в частности земледелия, животноводства, рыболовства и различных ремесел, в целях выравнивания уровня жизни всех испанцев. Статья 131 непосредственно предусматривает возможность «планирования экономической деятельности в целях удовлетворения коллективных потребностей, обеспечения равномерного и гармоничного развития регионов и отраслей и стимулирования роста доходов и богатства, а также наиболее справедливого их распределения».

Конституция Литовской Республики [17] в гл. IV «Народное хозяйство и труд» также уделяет внимание роли государства в регулировании экономических отношений. Статья 46 устанавливает, что государство оказывает поддержку общественно полезным хозяйственным усилиям и инициативе. Государством регулируется хозяйственная деятельность таким образом, чтобы она служила благу народа. Статья 14 Конституции Княжества Лихтенштейн [18] провозглашает: высшей обязанностью государства является способствовать общественному благосостоянию. Статья 20 Конституции Королевства Нидерландов [19] закрепляет, что государственные органы должны заботиться о справедливом распределении богатства. Статья 166 Конституции Турецкой Республики [20] предусматривает: «Планирование экономического, социального и культурного развития, быстрое сбалансированное и гармоничное развитие промышленности и сельского хозяйства по всей стране, эффективное использование национальных ресурсов на основе всестороннего анализа и оценки, а также создание необходимой организации для этой цели – обязанность государства». Сквозь последующие нормы Конституции проведена линия «общественного интереса»: о контроле за состоянием рынков и регулированием внешней торговли (ст. 167), об исследованиях эксплуатации природных ресурсов (ст. 168), о защите лесных ресурсов (ст. 169), о содействии кооперативам (ст. 171) и др.

Союзная конституция Швейцарской Конфедерации [21] подробно регулирует порядок реализации государством публичных интересов в экономической сфере и различных отраслях народного хозяйства. Например, ст. 75 определяет принципы «пространственного планирования», которое должно служить целесообразному и экономному использованию земли и упорядоченному заселению страны. Раздел 7 называется непосредственно «Экономика». Статья 94 «Принципы экономического строя», помимо провозглашения принципа экономической свободы, дополняет тем, что государство соблюдает интересы швейцарского народного хозяйства и содействует частному хозяйству в интересах благосостояния и экономической безопасности населения. Отдельные статьи раздела раскрывают общие положения денежной, валютной, внешнеэкономической политики, политики в отношении конъюнктуры и т.д.

Наибольший интерес среди европейских стран вызывает Конституция Португальской Республики [22], содержащая ч. II «Экономическая организация общества». Статья 80 определяет принципы социально-экономической организации, к которым относит:

– подчинение экономической власти демократической политической власти;

– сосуществование государственного сектора, частного сектора и кооперативного и общественного сектора;

– свобода предпринимательской организации и инициативы в рамках смешанной экономики;

– обобществление средств производства и земель, а также природных ресурсов в соответствии с общественными интересами;

– демократическое планирование социально-экономического развития;

– защита кооперативной и общественной собственности на средства производства;

– участие организаций, представляющих трудящихся, и организаций, представляющих экономически активных лиц, в определении главных социально-экономических мер.

В ст. 81 Конституции Португальской Республики закреплены обязанности государства в экономической и социальных сферах. В тексте Конституции используются такие формулировки, как «стратегия устойчивого развития», «социальная справедливость», «распределение национального богатства», «сбалансированный рост всех секторов и регионов», «эффективное функционирование рынка» и т.д. Они указывают на реальное стремление публичных институтов к идеалам социального государства. Провозглашен отход от принципов индивидуализма, стихийного развития рынка, участия государства в экономике страны на основе функций «ночного сторожа». В Конституции четко проведено понятие общественного интереса, которое определяет частные моменты правового регулирования в заявленной сфере: требования к обобществлению (ст. 83), содержание общественного владения (ст. 84), цели иностранных капиталовложений (ст. 87), судьба средств производства, оставленных владельцами (ст. 88). Специальные разделы посвящены сельскохозяйственной, торговой и промышленной политике (раздел III) и финансовой и фискальной системам (раздел IV). Кстати, ст. 103 фиксирует основную цель фискальной системы – справедливое распределение доходов и богатств, а ст. 104 дополняет, что специальный налог нацелен на приспособление потребления к эволюции потребностей экономического развития и социальной справедливости. Раздел II закрепляет конституционные основы планирования экономического и социального развития государства, которое должно сочетать как стимулирование экономического роста, так гармонизированное развитие секторов и областей, справедливое распределение национального продукта между всеми гражданами страны, координацию экономической политики с социальной, защиту сельской округи, охрану качества жизни португальского народа. Нетрудно увидеть, что индивидуалистические ценности отсутствуют в приведенном перечне. Раздел III ч. I Конституции Португальской Республики содержит полный комплекс социально-экономических прав и обязанностей. Предназначение ч. II «Экономическая организация общества» заключается в стремлении гармонизировать индивидуализм и коллективизм на благо развития как единичного, так и целого.

К сущностным характеристикам Конституции Румынии [23] следует отнести провозглашение присущего данной стране типа экономики, его принципов, характеристику содержательных элементов рыночной экономики; проиллюстрирована неразрывная взаимосвязь экономики с финансовой политикой. В рамках единой ч. IV «Экономика и публичные финансы» законодатель сосредоточил нормы, закрепляющие полномочия Счетного Суда как органа, контролирующего осуществление экономической, финансовой и бюджетной политики. Так, ст. 134 гласит: «1. Экономика Румынии является рыночной экономикой. 2. Государство должно обеспечить: a) свободу торговли, защиту добросовестной конкуренции, создание благоприятных правил для реализации всех факторов производства; b) защиту национальных интересов в экономической, финансовой и валютной деятельности; c) стимулирование национальных научных исследований; d) эксплуатацию природных ресурсов в соответствии с национальными интересами; e) восстановление и охрану окружающей среды, а также сохранение экологического равновесия; f) создание условий, необходимых для повышения качества жизни». В Конституции Румынии легитимирован предел собственности. Статья 135 Основного закона «Собственность» определяет: «1. Государство охраняет собственность. 2. Собственность является публичной или частной. 3. Публичная собственность принадлежит государству или административно-территориальным единицам. <…> 6. Частная собственность неприкосновенна при условиях, установленных законом».

Конституция Республики Сан-Марино [24] небольшая по объему, но содержательная в своей основе. В частности, ст. 10 указывает: «Собственность и частная экономическая инициатива гарантируются. Закон очерчивает их пределы с целью защиты публичного интереса».

Конституционной регламентации вопросов экономики Словацкой Республики [25] присущи некоторые особенности. Во-первых, присутствует специальный раздел (хотя небольшой по своему объему), посвященный регулированию вопросов экономики. Во-вторых, к сущностным характеристикам следует отнести то, что экономика Словацкой Республики строится на принципах социально и экологически ориентированного рыночного хозяйства. В-третьих, установлению подлежит тот факт, что государство поддерживает и поощряет «экономическое соревнование» [26, с. 106] (ст. 55). В-четвертых, вызывает интерес при регулировании вопросов экономики конституционно-правовая формулировка: «подробности устанавливаются законом». Данное положение свидетельствует первоочередно о конституционно-правовой регламентации с последующей детализацией. Краткость и лаконичность норм, свойственная экономической структуре Конституции Словацкой Республики, характеризуется содержательным закреплением основ экономики. Следовательно, содержательная сторона подобного конституционно-правового регулирования оказывает значительное влияние на отраслевое законодательство.

Обобщая содержание норм зарубежных конституций, можно сформулировать следующее: выделяется особая роль экономики страны в текстах зарубежных конституций – от фиксации базовых положений в отдельных нормах до включения специальных разделов или глав; закрепляется базовая роль публичных институтов в регулировании стратегии экономического развития страны. Столь подробная справка есть свидетельство взаимообусловленности социально-экономического и конституционно-правового развития,

их взаимосвязи. Представленный анализ зарубежного законодательства констатирует значимость как закрепления, так и разъяснения в конституциях приоритетов, в частности социально-экономических. При этом, как показывает проведенное исследование, не имеет принципиального значения, какой государственный строй провозглашен в той или иной стране, политика реализуется в зависимости от гарантируемых конституционных ценностей, как ими государство обеспечивает общество, как они будут доступны правосознанию народа.

Список литературы

1. Конституции Японии 1947 года. – URL: http://asiapacific.narod.ru/countries/japan/constitusion_of_japan.htm
2. Конституция Федеративной Республики Германии (Основной закон Федеративной Республики Германии) от 23 мая 1949 года. – URL: http://constitution.garant.ru/DOC_3864885.htm
3. Конституция Итальянской Республики 1947 года. – URL: http://constitution.garant.ru/DOC_3864831.htm#sub_para_N_992
4. Конституция Республики Кипр от 16 августа 1960 года. – URL: http://constitution.garant.ru/DOC_3864835.htm
5. Конституция Великого герцогства Люксембург от 17 октября 1868 года. – URL: http://constitution.garant.ru/DOC_3864843.htm
6. Конституция Республики Македонии от 17 ноября 1991 года. – URL: http://constitution.garant.ru/DOC_3864845.htm
7. Конституция Республики Мальты от 1964 года. – URL: http://constitution.garant.ru/DOC_3864847.htm
8. Конституция Республики Молдовы от 29 июля 1994 года. – URL: http://constitution.garant.ru/DOC_3864849.htm
9. Конституция Княжества Монако от 17 декабря 1962 года. – URL: http://constitution.garant.ru/DOC_3864851.htm
10. Конституция Республики Польши от 2 апреля 1997 года. – URL: http://constitution.garant.ru/DOC_3864857.htm
11. Конституция Словении (Республики Словения) от 23 декабря 1990 года. – URL: http://constitution.garant.ru/DOC_3864903.htm
12. Конституция Финляндии (Финляндской Республики) от 11 июня 1999 года. – URL: http://constitution.garant.ru/DOC_3864909.htm
13. Конституция Швеции (Королевства Швеция) от 27 февраля 1974 года. – URL: http://constitution.garant.ru/DOC_3864917.htm
14. Конституция Эстонии (Эстонской Республики) от 28 июня 1992 года. – URL: http://constitution.garant.ru/DOC_3864919.htm
15. Конституция Югославии (Союзной Республики Югославия) от 27 апреля 1992 года. – URL: http://constitution.garant.ru/DOC_3864921.htm
16. Конституция Королевства Испании от 27 декабря 1978 года. – URL: http://constitution.garant.ru/DOC_3864829.htm/DOC_3864829.htm#sub_para_N_10000
17. Конституция Литовской республики [принята 25 октября 1992 года. Вступила в силу 2 ноября 1992 года]. – URL: http://www3.lrs.lt/home/Konstitucija/Konstitucija_RU.htm
18. Конституция Лихтенштейна (Княжества Лихтенштейн) от 5 октября 1921 года. – URL: http://constitution.garant.ru/DOC_3864841.htm
19. Конституция Нидерландов (Королевства Нидерландов) от 17 февраля 1983 года. – URL: http://constitution.garant.ru/DOC_3864853.htm
20. Конституция Турецкой Республики [принята на всенародном голосовании 7 ноября 1982 года]. – URL: http://www.turtsia.ru/rus/index/tureckoe_zakonodatelstvo/konstituciya_tureckoj_respubliki

21. Конституция Швейцарии (Швейцарской Конфедерации) от 18 апреля 1999 года. – URL: http://constitution.garant.ru/DOC_3864915.htm
22. Конституция Португалии (Португальской Республики) от 2 апреля 1976 года. – URL: http://constitution.garant.ru/DOC_3864859.htm
23. Конституция Румынии от 21 ноября 1991 года. – URL: http://constitution.garant.ru/DOC_3864899.htm
24. Конституция Сан-Марино (Декларация прав граждан и основных принципов государственного устройства Сан-Марино (Республики Сан-Марино)) от 8 июля 1974 года. – URL: http://constitution.garant.ru/DOC_3864897.htm
25. Конституция Словакии (Словацкой Республики) от 1 сентября 1992 года № 460/1992 Z.z. – URL: http://constitution.garant.ru/DOC_3864901.htm
26. Конституции государств Европы : в 3 т. Т. 3 / под общ. ред. и со вступ. ст. директора Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации Л. А. Окунькова ; коммент. канд. юрид. наук С. С. Новиковой. – М. : НОРМА, 2001. – С. 106.

References

1. *Konstitutsii Yaponii 1947 goda* [The constitution of Japan of 1947]. Available at: http://asiapacific.narod.ru/countries/japan/constitusion_of_japan.htm
2. *Konstitutsiya Federativnoy Respubliki Germanii (Osnovnoy zakon Federativnoy Respubliki Germanii) ot 23 maya 1949 goda* [The constitution of the Federaal Republic of Germany (The basic law of the Federal Republic of Germany) from 23 May 1949]. Available at: http://constitution.garant.ru/DOC_3864885.htm
3. *Konstitutsiya Ital'yanskoy Respubliki 1947 goda* [The constitution of the Italian Republic of 1947]. Available at: http://constitution.garant.ru/DOC_3864831.htm#sub_para_N_992
4. *Konstitutsiya Respubliki Kipr ot 16 avgusta 1960 goda* [The constitution of the Republic of Cyprus from 16 August 1960]. Available at: http://constitution.garant.ru/DOC_3864835.htm
5. *Konstitutsiya Velikogo gertsogstva Lyuksemburg ot 17 oktyabrya 1868 goda* [The constitution of the Grand Dutchy of Luxembourg from 17 October 1868]. Available at: http://constitution.garant.ru/DOC_3864843.htm
6. *Konstitutsiya Respubliki Makedonii ot 17 noyabrya 1991 goda* [The constitution of the Republic of Macedonia from 17 November 1991]. Available at: http://constitution.garant.ru/DOC_3864845.htm
7. *Konstitutsiya Respubliki Mal'ty ot 1964 goda* [The constitution of the Republic of Malta of 1964]. Available at: http://constitution.garant.ru/DOC_3864847.htm
8. *Konstitutsiya Respubliki Moldovy ot 29 iyulya 1994 goda* [The constitution of the Republic of Moldova from 29 July 1994]. Available at: http://constitution.garant.ru/DOC_3864849.htm
9. *Konstitutsiya Knyazhestva Monako ot 17 dekabrya 1962 goda* [The constitutions of the Principality of Monaco from 17 December 1962]. Available at: http://constitution.garant.ru/DOC_3864851.htm
10. *Konstitutsiya Respubliki Pol'shi ot 2 aprelya 1997 goda* [The constitution of the Republic of Poland from 2 April 1997]. Available at: http://constitution.garant.ru/DOC_3864857.htm
11. *Konstitutsiya Slovenii (Respubliki Sloveniya) ot 23 dekabrya 1990 goda* [The constitution of Slovenia (the Republic of Slovenia) from 23 December 1990]. Available at: http://constitution.garant.ru/DOC_3864903.htm
12. *Konstitutsiya Finlyandii (Finlyandskoy Respubliki) ot 11 iyunya 1999 goda* [The constitution of Finland (The republic of Finland) from 11 June 1999]. Available at: http://constitution.garant.ru/DOC_3864909.htm

13. *Konstitutsiya Shvetsii (Korolevstva Shvetsiya) ot 27 fevralya 1974 goda* [The constitution of Sweeden (the Kingdom of Sweeden) from 27 February 1974]. Available at: http://constitution.garant.ru/DOC_3864917.htm
14. *Konstitutsiya Estonii (Estonskoy Respubliki) ot 28 iyunya 1992 goda* [The constitution of Estonia (The Republic of Estonia) from 28 June 1992]. Available at: http://constitution.garant.ru/DOC_3864919.htm
15. *Konstitutsiya Yugoslavii (Soyuznoy Respubliki Yugoslaviya) ot 27 aprelya 1992 goda* [The constitution of Yugoslavia (the Federal Republic Yugoslavia) from 27 April 1992]. Available at: http://constitution.garant.ru/DOC_3864921.htm
16. *Konstitutsiya Korolevstva Ispanii ot 27 dekabrya 1978 goda* [The constitution of the Kingdom of Spain from 27 December 1978]. Available at: http://constitution.garant.ru/DOC_3864829.htm/DOC_3864829.htm#sub_para_N_10000
17. *Konstitutsiya Litovskoy respubliki [prinyata 25 oktyabrya 1992 goda. Vstupila v silu 2 noyabrya 1992 goda]* [The constitution of the Republic of Lithuania (adopted on 25th October 1992). Has become effective since 2nd November 1992]. Available at: http://www3.lrs.lt/home/Konstitucija/Konstitucija_RU.htm
18. *Konstitutsiya Likhtenshteyna (Knyazhestva Likhtenshteyn) ot 5 oktyabrya 1921 goda* [The constitution of Liechtenstein (the Principality of Liechtenstein) from 5 October 1921]. Available at: http://constitution.garant.ru/DOC_3864841.htm
19. *Konstitutsiya Niderlandov (Korolevstva Niderlandov) ot 17 fevralya 1983 goda* [The constitution of the Netherlands (The Kingdom of the Netherlands) from 17 February 1983]. Available at: http://constitution.garant.ru/DOC_3864853.htm
20. *Konstitutsiya Turetskoy Respubliki [prinyata na vsenarodnom golosovanii 7 noyabrya 1982 goda]* [The constitution of the Republic of Turkey (adopted by the nationwide vote on 7th November 1982)]. Available at: http://www.turtsia.ru/rus/index/tureckoe_zakonodatelstvo/konstituciya_tureckoj_respubliki
21. *Konstitutsiya Shveytsarii (Shveytsarskoy Konfederatsii) ot 18 aprelya 1999 goda* [The constitution of Switzerland (the Swiss Confederation) from 18 April 1999]. Available at: http://constitution.garant.ru/DOC_3864915.htm
22. *Konstitutsiya Portugalii (Portugal'skoy Respubliki) ot 2 aprelya 1976 goda* [The constitution of Portugal (the republic of Portugal) from 2 April 1976]. Available at: http://constitution.garant.ru/DOC_3864859.htm
23. *Konstitutsiya Rumynii ot 21 noyabrya 1991 goda* [The constitution of Romania from 21 November 1991]. Available at: http://constitution.garant.ru/DOC_3864899.htm
24. *Konstitutsiya San-Marino (Deklaratsiya prav grazhdan i osnovnykh printsipov gosudarstvennogo ustroystva San-Marino (Respubliki San-Marino)) ot 8 iyulya 1974 goda* [The constitution of San-Marino (Declaration of rights to citizens and principles of the state structure of San-Marino (the republic of San-Marino)) from 8 July 1974]. Available at: http://constitution.garant.ru/DOC_3864897.htm
25. *Konstitutsiya Slovakii (Slovatskoy Respubliki) ot 1 sentyabrya 1992 goda № 460/1992 Z.z.* [The constitution of Slovakia (The Slovak Republic) from 1 September 1992]. Available at: http://constitution.garant.ru/DOC_3864901.htm
26. *Konstitutsii gosudarstv Evropy: v 3 t. T. 3* [Constitutions of European states: in 3 volumes. Vol. 3]. Moscow: NORMA, 2001, p. 106.

Безрукова Олеся Владимировна
кандидат юридических наук, доцент, кафедра уголовного права, Пензенский государственный университет
(Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40)

Bezrukova Olesya Vladimirovna
Candidate of juridical sciences, associate professor, sub-department of criminal law, Penza State University
(40 Krasnaya street, Penza, Russia)

E-mail: olesia_8013-10@mail.ru

УДК 342.417
Безрукова, О. В.
Зарубежный опыт регулирования экономических отношений / О. В. Безрукова // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2015. – № 4 (36). – С. 43–51.

УДК 343

Г. С. Девяткин

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПОСТАНОВЛЕНИЯ ПЛЕНУМА ВЕРХОВНОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ О ПРИМЕНЕНИИ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О ПРАВЕ НА ЗАЩИТУ

Аннотация.

Актуальность и цели. Одной из традиционных проблем российского уголовного процесса является обеспечение права на защиту, в первую очередь подозреваемого, обвиняемого, подсудимого. В принятом 30 июня 2015 г. Постановлении Пленума Верховного Суда № 29 предпринята попытка разъяснить некоторые нормы Уголовно-процессуального кодекса, регулирующие участие адвоката-защитника, а также иные вопросы реализации права на защиту. Насколько раскрыты вопросы обеспечения права на защиту?

Материалы и методы. В работе проанализированы Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 29 «О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве», Решение Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации от 27 сентября 2013 г. «О назначении защитников-дублеров», а также нормы Уголовно-процессуального кодекса.

Результаты. Постановление Пленума формально не легализовало понятия «злоупотребления правом на защиту», а также возможность участия в суде «адвокатов-дублеров». Однако данная неопределенность не запрещает судьям продолжать такую порочную практику и использовать для этого «карманных адвокатов». Также установлены некоторые разногласия в позициях, занимаемых ведущими адвокатами по вопросу участия «адвокатов-дублеров» в уголовных делах.

Выводы. Дальнейшее развитие обеспечения права на защиту возможно исключительно в диалоге суда, законодателя и адвокатуры. Одним из вариантов искоренения «карманных адвокатов» видится запрет в Уголовно-процессуальном кодексе привлечения в дело судом «адвокатов-дублеров», а также законодательное закрепление возможности выбора подсудимым конкретного адвоката по назначению.

Ключевые слова: право на защиту, адвокат, суд.

G. S. Devyatkin

ON SOME IMPORTANT ISSUES OF THE RESOLUTION OF THE RUSSIAN SUPREME COURT PLENUM “ON APPLICATION OF LEGISLATION ON THE RIGHT OF DEFENSE”

Abstract.

Background. Ensuring the right of defense of criminal case participants, primarily a suspect, an accused, a defendant, is considered to be one of the traditional problems of the Russian criminal procedure. One of the attempts to tackle the problem was made on 30th June 2015 in the Resolution No. 29 of Russian Supreme Court. The resolution comments on some entries of the Russian Criminal Procedure Code regulating the role of defense counsels and other application issues of the right of defense.

Materials and methods. The article presents an analysis of the Resolution No. 29 of the Russian Supreme Court Plenum from 30th June 2015 "On application of legislation of the right of defense", the Resolution of the Russian Chamber of Legal Counsels from 27th September 2013 "On appointing backup legal counsels", relevant entries of the Russian Criminal Procedure Code.

Results. The study shows that the Resolution of the Russian Supreme Court Plenum have not officially legalized the notion "abuse of the right of defense" as well as participation of backup legal counsels in criminal trials. This ambiguity gives an opportunity for judges to continue engaging the so-called "pocket legal counsels". The study also reveals the differences of opinions of the leading experts on the issue of backup legal counsels.

Conclusions. Further development of the right of defense in Russia seems to be in the dialogue between the court, the legislator, legal counsels. One of the efficient ways to stop engagement of "pocket legal counsels" may be prohibition in the form of an amendment to the Russian Criminal Procedure Code. There should also be a legislatively fixed opportunity to choose court-appointed legal counsels by defendants.

Key words: right of defence, lawyer, court.

30 июня 2015 г. Пленум Верховного Суда Российской Федерации единогласно принял постановление № 29 «О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве» [1], первое рассмотрение которого состоялось 4 июня (далее – Постановление). Нельзя сказать, что данный документ был принят своевременно и отражает все спорные вопросы о праве на защиту, с которыми регулярно сталкиваются участники процесса. Отметим, что с момента принятия Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) прошло уже 14 лет [2], а с момента принятия постановления Пленума СССР от 16.06.1978 № 5 «О практике применения судами законов, обеспечивающих обвиняемому право на защиту» и вовсе 37 [3]. За почти четыре десятилетия изменилась страна, была принята Конституция РФ, провозгласившая высшей ценностью человека его права и свободы. Кроме того, Россия признала обязательной юрисдикцию Европейского Суда по правам человека (далее – ЕСПЧ), а также присоединилась к Конвенции о защите прав и основных свобод.

Нельзя не сказать и о подготовке к принятию данного Постановления, в результате которой к обсуждению проекта были привлечены многие авторитетные лица в юридическом мире. Так, активную работу провели член Совета при Президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека Т. Г. Морщакова, вице-президент Федеральной палаты адвокатов России (далее – ФПА РФ), президент Федерального союза адвокатов России А. П. Галоганов, а также представители Генеральной прокуратуры РФ, Минюста, иных правоохранительных органов. Отметим, что впервые в ходе доработки данного Постановления были учтены замечания со стороны адвокатуры в лице ее президента – Ю. С. Пилипенко, в результате чего из окончательного текста были удалены некоторые положения. Так, в Постановлении отсутствует определение о «злоупотреблении правом на защиту», а также тезисы об «адвокате-дублере» подсудимого при наличии у него адвоката по соглашению.

Анализ Постановления следует начать с его преамбулы, где указано, что в процессе применения конституционного права на защиту следует учи-

тывать правовые позиции Конституционного суда РФ, а также практику Европейского суда по правам человека. Безусловно, это одно из достоинств Постановления. Россия традиционно занимает одно из первых мест по количеству лиц, обратившихся в ЕСПЧ.

В п. 1 Постановления отмечается, что правом на защиту обладает широкий перечень лиц, права и свободы которых существенно затрагиваются или могут быть существенно затронуты действиями и мерами, свидетельствующими о направленной против них обвинительной деятельности. Помимо подозреваемого, обвиняемого, подсудимого, осужденного, оправданного, речь идет также и о лицах, в отношении которых проводятся процессуальные действия по проверке сообщения о преступлении в порядке, предусмотренном ст. 144 УПК РФ. Именно на этой стадии возможны серьезные ограничения в реализации права на защиту, главным образом путем недопуска либо несвоевременного допуска адвоката к подзащитному, который нередко находится в сильнейшем стрессе и уже дал «признательные показания». Иными словами, Постановление говорит о «сквозном», всеобъемлющем характере предоставляемого права на защиту на любой стадии уголовного судопроизводства.

Положение п. 2 Постановления раскрывает сущность права на защиту, возможности для реализации (лично либо с помощью защитника), а также конкретизирует способы защиты обвиняемого (возражать против обвинения, давать показания по предъявленному ему обвинению либо отказаться от дачи показаний; представлять доказательства; заявлять ходатайства и отводы и т.д.). Безусловно, что право на защиту, реализуемое с помощью адвоката, предполагает получение исключительно квалифицированной юридической помощи. Однако стандартов такой помощи пока еще нет, что было подчеркнуто на ежегодной конференции «Адвокатура. Государство. Общество», проведенной в октябре 2015 г. [4]. Следует отметить, что в настоящее время комиссией по этике и стандартам ФПА РФ ведется работа по выработке критериев понятия «квалифицированная юридическая помощь». Разумеется, что охватить полный перечень всех возможностей стороны защиты по реализации данного права на всех стадиях уголовного судопроизводства в рамках одного Постановления не представлялось возможным.

Содержание п. 8 Постановления в определенной степени не обеспечивает права на защиту подсудимого, а именно в части получения им сведений о произошедших действиях в зале суда во время своего отсутствия. Речь идет о принудительном удалении подсудимого согласно ч. 3 ст. 258 УПК РФ. Пленум указал, что закон не предусматривает обязанность суда уведомлять подсудимого по возвращении в зал судебного заседания о содержании проведенных в его отсутствие судебных действий и исследованных доказательствах. При этом была сделана оговорка, что подсудимый вправе обратиться к своему адвокату с целью получения информации о произведенных в его отсутствие судебных действиях. Полагаем, что это не гарантирует получение подзащитным полноценной и достоверной информации, особенно от адвоката по назначению. Речь идет не об умышленном искажении последним сведений, а о том, насколько невнимательно участвуют в деле некоторые адвокаты. Поэтому уведомление именно судьей подсудимого о проведенных следственных действиях в его отсутствие является одной из гарантий соблю-

дения права на защиту. Нередко именно оперативность и полнота полученной подсудимым информации о допросе судом конкретного свидетеля либо исследовании вещественного доказательства позволяет ему выстроить свою дальнейшую защиту.

Наибольшие споры вызывают положения Постановления, касающиеся отказа подсудимого от защитника, а также обеспечение участия адвоката по назначению судом. Ни для кого не секрет, что некоторые адвокаты по назначению не всегда добросовестно выполняют свои профессиональные обязанности (таких защитников еще именуют «карманными адвокатами»). Выражается это прежде всего в пассивном поведении в зале суда, несвоевременном обжаловании судебных решений, отсутствии выбранной тактики защиты между подсудимым и адвокатом, а также открытое несогласие последнего с мнением подзащитного о его невиновности. Случается, что это приводит к открытому конфликту прямо в зале суда. Так, в Удмуртии было возбуждено уголовное дело в отношении подсудимого, который во время перерыва набросился с кулаками на своего адвоката, нанеся ему несколько ударов [5]. Причиной такого поведения явилось то, что позицию назначенного ему для защиты адвоката он категорически не разделял, считая себя совершенно невиновным.

Термин «карманные адвокаты» широко распространился в начале двухтысячных годов после организации адвокатских палат, и борьба с «карманными адвокатами» ведется уже не первый год. В свое время сложилась ситуация, когда следователи, дознаватели и судьи практически сами назначали удобных им адвокатов, пополняя касту «карманных адвокатов». «Карманные адвокаты» – особая категория. Многие судьи и следователи предпочитают «работать» именно с ними, так как их присутствие в деле формально и не создает особых «помех». В свою очередь, «карманным адвокатам» назначаются высокие гонорары за такое «участие».

Определенные шаги по искоренению данного явления проводятся в некоторых регионах страны. Так, в Самарской и Ленинградской областях адвокатские палаты разработали и утвердили порядок назначения адвокатов, предусматривающий ежедневные дежурства адвокатов по графику, централизованное направление заявок в координационный центр, в котором операторы, не являющиеся адвокатами, круглосуточно по телефону и по факсу принимают заявки на адвоката по назначению. Похожая практика назначения адвокатов существует в Голландии. Первый вице-президент палаты адвокатов Самарской области Т. Д. Бутовченко подчеркивает, что основные претензии подсудимых, обжалующих действия своих защитников по назначению, сводятся к тому, что адвокат пассивно присутствует при проведении следственных действий, ставит подписи в протоколах, делая тем самым их допустимыми доказательствами [6].

Статья 52 УПК РФ закрепляет право подозреваемого (обвиняемого) отказаться от помощи защитника на любом этапе уголовного судопроизводства. Как мы уже отмечали ранее, при обсуждении проекта Постановления из его текста были устранены положения о принудительном участии «адвоката-дублера». Однако на практике остаются случаи, когда, несмотря на участие в деле адвоката по соглашению, судьи принудительно привлекают в качестве защитника адвоката по назначению. Как правило, это происходит по причине

того, что некоторые подсудимые, по мнению судей, умышленно затягивают рассмотрение уголовного дела, часто меняя адвокатов по соглашению, что в итоге приводит к волоките, нарушению прав потерпевших.

Вице-президент ФПА РФ Г. М. Резник приводит пример, когда уголовное дело с участием шести подсудимых продолжается уже больше двух лет. По его словам, затягивание вызвано тем, что в деле часто меняются адвокаты по назначению, однако ни одного дня подсудимые не были лишены помощи защитников. Воспользовавшись моментом, когда в деле не участвовал ни один из защитников, суд привлек адвоката по назначению. Один из подсудимых заявил отказ от данного защитника, мотивировав это тем, что ему не доверяет, а свою защиту поручает адвокату по соглашению. Суд же не удовлетворил данный отвод, но защитник по назначению покинул зал суда, услышав, что у подсудимого уже есть адвокат по соглашению и ему он не доверяет [7]. Активная дискуссия по вопросу, когда частая смена адвокатов по соглашению является злоупотреблением правом на защиту, а когда не является, допустимо ли навязывание судом «защитника-дублера», а также как следует действовать такому защитнику, развязалась между двумя вице-президентами ФПА РФ – Г. М. Резником и Г. К. Шаровым.

Так, по мнению Г. М. Резника, «адвокат-дублер», если он привлечен с самого начала процесса, должен покинуть зал суда в случае наличия у подсудимого в деле адвоката по соглашению и отклонения судом отвода, заявленного подзащитным «дублеру». При этом Г. М. Резник делает оговорку, что, если назначение защитника мотивировано затягиванием процесса подсудимым или адвокатами по соглашению, адвокат обязан принять поручение суда на защиту и осуществлять ее, несмотря на заявленный ему и отклоненный судом отвод. Сложно поспорить с мэтром, однако Решение ФПА РФ от 27 сентября 2013 г. «О назначении защитников-дублеров» не предусматривает выборочного участия либо неучастия, закрепляя, что адвокат не вправе по назначению органов дознания, органов предварительного следствия или суда принимать поручение на защиту лиц против их воли, если интересы этих лиц в уголовном судопроизводстве защищают адвокаты на основании заключенных соглашений [8].

Другой вице-президент ФПА РФ Г. К. Шаров апеллирует мнению Г. М. Резника, отмечая, что выборочные решения покинуть зал суда либо принять защиту «адвокатом-дублером» в случае усмотрения последним злоупотребления права на защиту подсудимым не стыкуется с принятым Постановлением, позицией Конституционного суда, также уголовно-процессуальными нормами [9].

В этой связи обратимся к п. 18 Постановления, где указано, что суд может не признать право обвиняемого на защиту нарушенным в тех случаях, когда отказ в удовлетворении ходатайства либо иное ограничение в реализации отдельных правомочий обвиняемого или его защитника обусловлены явно недобросовестным использованием ими этих правомочий в ущерб интересам других участников процесса. Очевидно, что данное положение суды могут применять и при назначении «адвоката-дублера», отклоняя отказ подсудимого от данного защитника. Формально Верховный Суд поддержал ФПА РФ и исключил норму о легализации практики назначения «дублеров». Однако в Постановлении отсутствует и запрет на данные действия. Принцип «что

не запрещено, то разрешено»? Получается, что определенный состав суда, руководствуясь внутренним убеждением, способен предопределять, являются ли конкретные методы выбранной защиты допустимыми и не нарушают ли они права иных лиц, а также достоин ли подсудимый менять защитников по соглашению. Очевидно, что четких критериев злоупотребления правом на защиту определить не представляется возможным.

Не исключено, что порочная практика назначения «адвокатов-дублеров» может быть продолжена. Следует подчеркнуть, что позиции, которые заняли Г. М. Резник и Г. К. Шаров, аргументированы, обоснованы и подкреплены практикой ЕСПЧ, однако это лишь вершина айсберга существующих проблем обеспечения права на защиту. Необходимо констатировать, что существовавшая конфронтация между судьями и «неудобными» адвокатами достигает своей вершины. Приведем пример: в Чудовском районном суде Новгородской области в декабре 2014 г. судебные приставы по указанию судьи вынесли за руки и за ноги адвоката из зала суда. На видеозаписи, размещенной на крупнейшем видеохостинге «Youtube», хорошо слышно, как перед этим судья заявляет: «Я сейчас покину зал... У меня адвокат удален, он не должен на этом месте сидеть <...> после того как будет наведен порядок, я войду» [10]. Отметим, что после «выноса» из зала суда адвоката по соглашению, в дело вступил адвокат по назначению.

По нашему мнению, спорным также является п. 14 Постановления в части того, что закон не предусматривает права обвиняемого выбирать конкретного адвоката, который должен быть назначен для осуществления его защиты. Данное положение ограничивает обвиняемого в реализации своего права на защиту в случаях, когда он отказался от одного защитника, например, по причине недоверия, после этого в дело вступил другой защитник, от которого также впоследствии обвиняемый отказался. Полагаем, что ходатайство обвиняемого о назначении ему конкретного адвоката несет в себе дополнительную возможность для обеспечения права на защиту. Бесспорно, что могут возникнуть определенные сложности, например, когда обвиняемый требует назначить ему адвоката, который по причине большого количества дел не способен принять на себя защиту. Однако «карманных адвокатов», бесспорно, станет меньше. Молодые, энергичные защитники, желающие проявить себя, нередко остаются «за бортом» уголовных дел по назначению.

В завершение хотелось бы сказать, что, несмотря на некоторые неопределенности и пробелы, принятое Постановление Пленума применения законодательства о праве на защиту – это большой шаг на пути к достижению реальной состязательности сторон в уголовном процессе. Суды стали прислушиваться к мнению адвокатуры, что подтверждается фактом выступления президента ФПА РФ при обсуждении проекта Постановления. Вместе с тем не до конца проработан вопрос об участии «адвоката-дублера».

Полагаем, что установление судом границ допустимой защиты подсудимого с последующим навязыванием против его воли «адвоката-дублера», а тем более ограничение права подсудимого в отказе от защитника не способствуют обеспечению права на защиту. В случае усмотрения в действиях адвоката явного затягивания процесса (так же, как и иных действий, нарушающих право на защиту) оптимальным будет не назначение «дублера», а обращение в соответствующую адвокатскую палату с частным определени-

ем, о чем говорится и в п. 18 Постановления. Необходимо закрепление запрета порочной практики участия «адвокатов-дублеров» в УПК РФ, а также установление возможности обращения подсудимого с ходатайством в суд о назначении ему конкретного адвоката.

Список литературы

1. О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве : Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.06.2015 № 29 // СПС «КонсультантПлюс».
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 13.07.2015) // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 52 (ч. 1). – Ст. 4921.
3. О практике применения судами законов, обеспечивающих обвиняемому право на защиту : Постановление Пленума Союза ССР от 16.06.1978 № 5 // СПС «КонсультантПлюс».
4. **Петелина, М.** Благородное дело / М. Петелина // Новая адвокатская газета. – 2015. – № 21 (206).
5. Житель Камбарского района накинулся на своего адвоката с кулаками. Новости следственного управления следственного комитета Российской Федерации по Удмуртской республике. – URL: http://udm.sledcom.ru/news/item/970711/ (дата обращения: 25.10.2015).
6. **Бутовченко, Т.** Бесплатный адвокат – хуже прокурора / Т. Бутовченко // Новая адвокатская газета. – 2015. – № 12 (197).
7. **Резник, Г.** Наши разногласия / Г. Резник // Новая адвокатская газета. – 2015. – № 17 (202).
8. О назначении защитников-дублеров : Решение Федеральной Палаты адвокатов Российской Федерации от 27 сентября 2013 г. (протокол № 1) // СПС «КонсультантПлюс».
9. **Шаров, Г.** Адвокат не должен нарушать закон / Г. Шаров // Новая адвокатская газета. – 2015. – № 19 (204).
10. Адвоката выкинули из зала суда // Видеохостинг Youtube. – URL: http://www.youtube.com/watch?v=Dvjsx1JHHZk (дата обращения: 25.10.2015).

References

1. *O praktike primeneniya sudami zakonodatel'stva, obespechivayushchego pravo na zashchitu v ugolovnom sudoproizvodstve: Postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda RF ot 30.06.2015 № 29* [On practice of courts' disposal of the legislation ensuring the right of defense during criminal proceedings: the decree of the Russian Supreme Court Plenum from 30.06.2015 № 29]. "ConsultantPlus" reference system.
2. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collected laws of the Russian Federation]. 2001, no. 52 (part 1), art. 4921.
3. *O praktike primeneniya sudami zakonov, obespechivayushchikh obvinyaemomu pravo na zashchitu: Postanovlenie Plenuma Soyuza SSR ot 16.06.1978 № 5* [On practice of courts' disposal of the legislation ensuring the right of defense to the acused: the decree of the USSR Plenum from 16.06.1978 № 5]. "ConsultantPlus" reference system.
4. Petelina M. *Novaya advokatskaya gazeta* [New counsel newspaper]. 2015, no. 21 (206).
5. *Zhitel' Kambarskogo rayona nakinulsya na svoego advokata s kulakami. Novosti sledstvennogo upravleniya sledstvennogo komiteta Rossiyskoy Federatsii po Udmurtskoy respublike* [A Kambarsky distric resident attacked his counsel. News of the Investigative Committee of the Russian Federation in the Republic of Udmurtiya]. Available at: http://udm.sledcom.ru/news/item/970711/ (accessed 25 Oct. 2015).
6. Butovchenko T. *Novaya advokatskaya gazeta* [New counsel newspaper]. 2015, no. 12 (197).

7. Reznik G. *Novaya advokatskaya gazeta* [New counsel newspaper]. 2015, no. 17 (202).
8. *O naznachenii zashchitnikov-dublerov: Reshenie Federal'noy Palaty advokatov Rossiyskoy Federatsii ot 27 sentyabrya 2013 g. (protokol № 1)* [On counsel-doubles appointment: the decision of the Federal Chamber of Counselors of Russia from 27 September 2013 (record № 1)]. "ConsultantPlus" reference system.
9. Sharov G. *Novaya advokatskaya gazeta* [New counsel newspaper]. 2015, no. 19 (204).
10. *Advokata vykinuli iz zala suda* [Counsel thrown out of court room]. Videokhosting Youtube. Available at: http://www.youtube.com/watch?v=Dvjsx1JHHZk (accessed 25 Oct. 2015).

Девяткин Генрих Сергеевич
кандидат юридических наук, доцент, кафедра правоведения, Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева (Ковылкинский филиал)
(Россия, г. Ковылкино, ул. Желябова, 26)

Devyatkin Genrikh Sergeevich
Candidate of juridical sciences, associate professor, sub-department of legal science, Ogarev Mordovia State University (Kovylkino Branch)
(26 Zhelyabova street, Kovylkino, Russia)

E-mail: devyatkings@gmail.com

УДК 343
Девяткин, Г. С.
Актуальные вопросы постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации о применении законодательства о праве на защиту / Г. С. Девяткин // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2015. – № 4 (36). – С. 52–59.

УДК 342

А. М. Даневская

К ВОПРОСУ О КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОБЪЕДИНЕНИЙ

Аннотация.

Актуальность и цели. Конституционно-правовая ответственность является совершенно уникальным видом ответственности, коренным образом отличающимся от иных видов ответственности общественных объединений. Общее определение конституционно-правовой ответственности в российском законодательстве не содержится. Это особый вид юридической ответственности.

Материалы и методы. В статье проведен анализ Федерального закона от 19.05.1995 № 82-ФЗ (ред. от 08.03.2015) «Об общественных объединениях»; Федерального закона от 11.07.2001 № 95-ФЗ (ред. от 23.05.2015) «О политических партиях»; Указа Президента РФ от 13.10.2004 № 1313 (ред. от 12.09.2015) «Вопросы Министерства юстиции Российской Федерации»; Федерального закона от 25.07.2002 № 114-ФЗ (ред. от 08.03.2015) «О противодействии экстремистской деятельности»; Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 № 21-ФЗ (ред. от 29.06.2015).

Результаты. Анализ указанных полномочий позволяет говорить о том, что институт конституционно-правовой ответственности общественных объединений является необходимым для поддержания правопорядка в обществе, поскольку именно применяемые своевременно и в соответствие с законом меры позволяют пресекать любые возможные попытки нарушения законодательства, прав и свобод граждан недобропорядочными лицами, входящими в общественные объединения.

Выводы. Как мы видим, представляется необходимым совершенствование нормативной базы, регламентирующей конституционно-правовую ответственность общественных объединений, а именно более четкое разделение предупреждений и предписаний, выносимых в адрес общественных объединений.

Ключевые слова: конституционно-правовая ответственность, общественные объединения.

A. M. Danevskaya

ON THE ISSUE OF CONSTITUTIONAL AND LEGAL RESPONSIBILITY OF PUBLIC ASSOCIATIONS

Abstract.

Background. Constitutional and legal responsibility is a unique type of liability, drastically differing from other liabilities of public associations. There is no general definition of constitutional and legal responsibility in the Russian legislation. It is a special type of legal liabilities.

Materials and methods. The author analyzed the Federal Law from 19.05.1995 № 82-FZ (revised on 08.03.2015) “On public associations”; the Federal Law from 11.07.2001 № 95-FZ (revised on 23.05.2015) “On political parties”; the Decree of the President of RF from 13.10.2004 № 1313 (revised on 12.09.2015) “Issues of the Ministry of Justice of the Russian Federation”; the Federal Law from 25.07.2002 № 114-FZ (revised on 08.03.2015) “On counteraction against extremist activity”; the Code of Administrative Court Proceedings of the Russian Federation from 08.03.2015 № 21-FZ (revised on 29.06.2015).

Results. Analysis of the stated authorities allows to conclude that the institution of constitutional and legal responsibility of public associations is necessary for maintenance of law-and-order in society, as it is the timely measure, executed according to law, that allows to suppress any possible violations of legislation, rights and freedoms of citizens by dishonest individuals, employed at public associations.

Conclusions. As we can see, it is necessary to improve the normative framework, regulating constitutional and legal responsibility of public associations, particularly, clearer and more distinct division of warnings and exigencies forwarded to public associations.

Key words: constitutional and legal responsibility, public associations.

В соответствии с Федеральным законом «Об общественных объединениях» [1] общественным объединением в России признается добровольное, самоуправляемое, некоммерческое формирование, созданное по инициативе граждан, объединившихся на основе общности интересов для реализации уставных целей. Общественные объединения несут за свою деятельность конституционно-правовую, административную, гражданско-правовую и материальную ответственность. Предметом данного исследования является конституционно-правовая ответственность.

Конституционно-правовая ответственность [2] является совершенно уникальным видом ответственности, коренным образом отличающимся от иных видов ответственности общественных объединений.

Общее определение конституционно-правовой ответственности в российском законодательстве не содержится. Это особый вид юридической ответственности. Наиболее верной представляется позиция А. А. Кондрашева, который определяет конституционно-правовую ответственность в широком и узком смыслах [3]. В широком смысле конституционно-правовая ответственность – это «правовая связь (состояние), возникающая вследствие несоблюдения конституционно-правовой нормы участниками нарушенного конституционного правоотношения, воплощенная в нормативном требовании, обращенном к правонарушителю, подвергнуться государственному осуждению». В узком смысле «конституционно-правовая ответственность представляет собой применение соответствующими государственными органами (в редких случаях народом) к субъектам, наделенным конституционной правосубъектностью, государственно-принудительных средств воздействия» [3].

Говоря про конституционно-правовую ответственность общественных объединений в целом, нельзя не согласиться с мнением Е. Д. Павловой, которая указывает, что важно различать «конституционно-правовую ответственность общественного объединения и ответственность, которую могут нести входящие в него граждане» [4]. Кроме того, конституционно-правовую ответственность могут нести лица, руководящие общественным объединением и допустившие в ходе руководства нарушения законодательства.

Законодатель выделяет несколько видов общественных объединений в Российской Федерации: общественная организация, общественное движение, общественный фонд, общественное учреждение, орган общественной самодеятельности, политическая партия. При этом законодатель условно делит все общественные объединения на две большие группы: объединения, обладающие статусом юридического лица (т.е. прошедшие государственную регистрацию в соответствии с Федеральным законом «О государственной

регистрации юридических лиц»), а также объединения, не обладающие статусом юридического лица. В зависимости от вида общественного объединения, от наличия или отсутствия статуса юридического лица различаются и меры применяемой конституционно-правовой ответственности.

К мерам конституционно-правовой ответственности относятся:

1) предупреждение;

2) вынесение предписания;

3) приостановление деятельности общественного объединения;

4) ликвидация общественного объединения;

5) запрет деятельности общественного объединения.

Предупреждение является формой ответственности, которая по общему правилу предусмотрена для руководства общественного объединения, допустившего в своей деятельности нарушение действующего законодательства (в соответствии с п. 5 ст. 38 ФЗ «Об общественных объединениях»). Однако предупреждение может быть вынесено и в адрес всего общественного объединения: ч. 1 ст. 39 Федерального закона «О политических партиях» [5] предусматривает возможность вынесения предупреждения политической партии в случае нарушения политической партией федерального законодательства, совершения действий, противоречащих уставным целям.

В случае с предупреждениями существует определенное противоречие, которое до сих пор не устранено законодателем. Так, согласно ст. 38 ФЗ «Об общественных объединениях» предупреждение вправе вынести орган, принимающий решение о государственной регистрации общественных объединений (в соответствии с подп. 30.7 п. 7 Указа Президента РФ от 13.10.2004 № 1313 «Вопросы Министерства юстиции Российской Федерации» [6] данные полномочия переданы Министерству юстиции). При этом срок устранения нарушений, указанных в предупреждении, составляет не менее одного месяца. Однако законом не установлены последствия несоблюдения общественным объединением требований, указанных в предупреждении осуществляющего государственную регистрацию органа. Согласно же ст. 42 ФЗ «Об общественных объединениях» в случае нарушения общественным объединением Конституции Российской Федерации, законодательства Российской Федерации и совершения действий, противоречащих уставным целям, федеральный орган государственной регистрации или его соответствующий территориальный орган либо Генеральный прокурор Российской Федерации или подчиненный ему соответствующий прокурор вносит в руководящий орган данного объединения представление об указанных нарушениях и устанавливает срок их устранения. При этом в случае, если указанные в представлении нарушения не будут устранены в установленный срок, орган или должностное лицо, вынесшие представление, имеют право приостановить деятельность общественного объединения на срок до шести месяцев.

Таким образом, имеет место очевидное противоречие между полномочиями органа, принимающего решение о государственной регистрации общественных объединений, поскольку невыполнение предупреждения не несет за собой никаких правовых негативных последствий, тогда как невыполнение предписания может повлечь за собой применение другой меры конституционно-правовой ответственности – приостановление деятельности.

Приостановление деятельности общественного объединения может также произойти в результате обращения прокурора или Министерства юс-

тиции в суд с заявлением о ликвидации (запрете деятельности) общественного объединения, осуществляющего экстремистскую деятельность (в соответствии со ст. 10 ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» [7]).

Приостановление деятельности общественного объединения означает приостановление его права как учредителя средств массовой информации, запрет на организацию и проведение собраний, митингов, демонстраций, шествий, пикетирования, любых других массовых акций или публичных мероприятий, запрет на участие в выборах, на использование банковских вкладов (за исключением расчетов по обязательным и текущим платежам).

Сроки приостановления деятельности различны: при вынесении представления уполномоченным органом максимальный срок приостановления деятельности составляет шесть месяцев (при этом приостановление деятельности отменяется в случае устранения общественным объединением нарушений, указанных в представлении); при обращении уполномоченного органа в суд с заявлением о ликвидации (запрете деятельности) общественного объединения приостановление деятельности прекращается после вступления в силу решения суда об отказе в удовлетворении заявленных уполномоченным органом требований.

Ликвидация общественного объединения или запрет его деятельности – меры конституционно-правовой ответственности, после которых общественное объединение фактически перестает существовать. Запрет деятельности общественного объединения как мера конституционно-правовой ответственности применяется к общественным объединениям, не обладающим статусом юридического лица.

В случае, если общественное объединение было зарегистрировано в качестве юридического лица, оно может быть ликвидировано (при этом его деятельность также будет запрещена).

Решение о запрете деятельности или ликвидации общественного объединения вправе принять суд на основании заявления уполномоченного лица (прокурора или Министерства юстиции). В соответствии со ст. 20, 21 Кодекса административного судопроизводства [8] дела по заявлениям с требованиями о запрете деятельности (ликвидации) общественных объединений подведомственны Верховным судам республик, краевым, областным судам, судам города федерального значения, судам автономной области и судам автономных округов, Верховному Суду РФ. Запрет деятельности и ликвидация общественного объединения может произойти в следующих случаях: нарушения общественным объединением прав и свобод человека и гражданина; неоднократных или грубых нарушений общественным объединением действующего законодательства или систематического осуществления общественным объединением деятельности, противоречащей его уставным целям; неустранения в срок, установленный федеральным органом государственной регистрации или его территориальным органом, нарушений, послуживших основанием для приостановления деятельности общественного объединения; осуществления общественным объединением экстремистской деятельности.

Подводя итог, можно сказать, что институт конституционно-правовой ответственности общественных объединений является необходимым для поддержания правопорядка в обществе, поскольку именно применяемые своевременно и в соответствие с законом меры позволяют пресекать любые

возможные попытки нарушения законодательства, прав и свобод граждан недобропорядочными лицами, входящими в общественные объединения. При этом представляется необходимым совершенствование нормативной базы, регламентирующей конституционно-правовую ответственность общественных объединений, а именно более четкое разделение предупреждений и предписаний, выносимых в адрес общественных объединений.

Список литературы

1. Об общественных объединениях : Федеральный закон от 19.05.1995 № 82-ФЗ (ред. от 08.03.2015) // Собрание законодательства РФ. – 1995. – 22 мая. – № 21. – Ст. 1930.
2. **Синцов, Г. В.** О статусе конституционных судов субъектов Российской Федерации / Г. В. Синцов // Российский судья. – 2015. – № 5. – С. 15–17.
3. **Кондрашев, А. А.** Теория конституционно-правовой ответственности в Российской Федерации : автореф. дис. … д-ра юрид. наук : 12.00.02 – конституционное право, муниципальное право / Кондрашев А. А. ; науч. конс. С. А. Авакьян. – М., 2011. – 56 с.
4. **Павлова, Е. Д.** Основания и меры конституционно-правовой ответственности общественных объединений / Е. Д. Павлова // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2011. – Вып. 9.
5. О политических партиях : Федеральный закон от 11.07.2001 № 95-ФЗ (ред. от 23.05.2015) // Собрание законодательства РФ. – 2001. – 16 июля. – № 29. – Ст. 2950.
6. Вопросы Министерства юстиции Российской Федерации : Указ Президента РФ от 13.10.2004 № 1313 (ред. от 12.09.2015) // Собрание законодательства РФ. – 2004. – 18 октября. – № 42. – Ст. 4108.
7. О противодействии экстремистской деятельности : Федеральный закон от 25.07.2002 № 114-ФЗ (ред. от 08.03.2015) // Собрание законодательства РФ. – 2002. – 29 июля. – № 30. – Ст. 3031.
8. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 № 21-ФЗ (ред. от 29.06.2015) // Собрание законодательства РФ. – 2015. – 9 марта. – № 10. – Ст. 1391.

References

1. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collected laws of the Russian Federation]. 1995, 22 May, no. 21, art. 1930.
2. Sintsov G. V. *Rossiyskiy sud'ya* [A Russian judge]. 2015, no. 5, pp. 15–17.
3. Kondrashev A. A. *Teoriya konstitutsionno-pravovoy otvetstvennosti v Rossiyskoy Federatsii: avtoref. dis. d-ra yurid. nauk: 12.00.02 – konstitutsionnoe pravo, munitsipal'noe pravo* [Theory of constitutional-legal responsibility in the Russian Federation: author's abstract of dissertation to apply for the degree of the doctor of juridical sciences]. Moscow, 2011, 56 p.
4. Pavlova E. D. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki* [Bulletin of Tambov University. Series: Humanities]. 2011, iss. 9.
5. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collected laws of the Russian Federation]. 2001, 16 July, no. 29, art. 2950.
6. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collected laws of the Russian Federation]. 2004, 18 October, no. 42, art. 4108.
7. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collected laws of the Russian Federation]. 2002, 29 June, no. 30, art. 3031.
8. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collected laws of the Russian Federation]. 2015, 9 March, no. 10, art. 1391.

Даневская Анита Муратовна
аспирант, Пензенский
государственный университет
(Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40)

Danevskaya Anita Muratovna
Postgraduate student, Penza
State University
(40 Krasnaya street, Penza, Russia)

E-mail: sergei_kolos@mail.ru

УДК 342
Даневская, А. М.
К вопросу о конституционно-правовой ответственности общественных объединений / А. М. Даневская // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2015. – № 4 (36). – С. 60–65.

УДК 34.343.352.4

В. А. Сизов, А. Ф. Мещерякова

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ И ПРАКТИКА ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫМИ ОРГАНАМИ ОПЕРАТИВНОГО ЭКСПЕРИМЕНТА С УЧЕТОМ ПОСТАНОВЛЕНИЯ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА ОТ 30.10.2014 «ДЕЛО «НОСКО И НЕФЕДОВ ПРОТИВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ» (ЖАЛОБЫ № 5753/09 И 11789/10)

Аннотация.

Актуальность и цели. Современная практика использования в правоохранительной деятельности оперативного эксперимента для документирования фактов взяточничества и коммерческого подкупа сталкивается с проблемами, которые обусловлены несовершенством действующего федерального законодательства об оперативно-разыскной деятельности. Отсутствует легально закрепленное понятие оперативного эксперимента, не регламентирована законом процедура его проведения. Указанные пробелы порождают спорные ситуации при оценке правомерности действий правоохранительных органов при проведении оперативного эксперимента.

Материалы и методы. В статье проведен анализ нормативной базы, отклоненного Проекта Федерального закона № 831609-6 «Оперативно-разыскной кодекс Российской Федерации», Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2013 № 24 (ред. от 03.12.2013) «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях», Постановления ЕСПЧ от 30.10.2014 «Дело «Носко и Нефедов (Nosko and Nefedov) против Российской Федерации» (жалобы № 5753/09 и 11789/10).

Результаты. Решением Европейского суда по правам человека от 30.10.2014 по делу «Носко и Нефедов против России» признаны недопустимыми результаты, полученные в ходе негласной операции в отношении врача Носко, задержанной с поличным при получении взятки. Европейским судом по правам человека отмечено, что недостатки процедуры проведения оперативного эксперимента обусловлены отсутствием адекватного законодательного регулирования. Данное обстоятельство оказывает негативное влияние на эффективность деятельности российских правоохранительных органов и снижает результативность мероприятий по противодействию коррупции и взяточничеству.

Выводы. Российское законодательство об оперативно-разыскной деятельности нуждается в совершенствовании, в частности, требуется легальное закрепление понятия оперативного эксперимента, процедуры его проведения и критериев, позволяющих однозначно отграничить законное моделирование ситуации при проведении оперативного эксперимента от подстрекательства к совершению преступления.

Ключевые слова: оперативно-разыскное мероприятие, оперативный эксперимент, задержание с поличным, взяточничество, коммерческий подкуп, подстрекательские действия, провокация.

V. A. Sizov, A. F. Meshcheryakova

PROBLEMATIC ISSUES AND PRACTICE OF USING THE OPERATIONAL EXPERIMENT BY AL LAW ENFORCEMENT AUTHORITIES BASED ON THE EUROPEAN COURT OF HUMAN RIGHTS JUDGMENT FROM 30.10.2014 "CASE OF NOSKO AND NEFEDOV AGAINST THE RUSSIAN FEDERATION" (APPLICATION № 5753/09 AND 11789/10)

Abstract.

Background. The current practice of using the operational experiment in law enforcement to document facts of bribery and commercial bribery is facing problems caused by imperfections in the existing federal law on operative and investigative activities: no legally secured concept of operational experiment, no legally regulated procedure of its conduct. These problems give rise to disputes in assessing the lawfulness of the actions of law enforcement agencies during the operational experiment.

Materials and methods. The article analyzes the regulatory framework, the rejected draft Federal Law № 831609-6 "Operational-investigative Code of the Russian Federation", the Resolution of the Supreme Court Plenum from 09.07.2013 № 24 (revised on 03.12.2013) "On judicial practice in cases of bribery and other corruption crimes", ECHR judgment from 30.10.2014 "Case of Nosko and Nefedov against the Russian Federation" (the complaint № 5753/09 and 11789/10).

Results. The decision of the European Court of Human Rights from 10.30.2014 in the case of "Nosko and Nefedov against Russia" declared the results, obtained in the course of covert operations against doctor Nosko caught red-handed while taking a bribe, to be invalid. The European Court of Human Rights noted that the deficiencies of the operational procedures of the experiment were caused by the lack of adequate legislative regulation. This fact has a negative impact on effectiveness of Russian law enforcement agencies and reduces effectiveness of measures to combat corruption and bribery.

Conclusions. The Russian operational-investigative legislation needs to be improved, in particular, it require legal consolidation of operational concepts of the experiment, the procedure of its conduct meeting and criteria enabling to clearly distinguish legitimate situation modeling during the operational experiment from an incitement to commit a crime.

Key words: operational-invistigative actions, operational experiment, detention in the act, corrupt practices, commercial bribery, incitement, provocation.

В науке и правоохранительной деятельности является общепринятым мнением, что оперативный эксперимент, сопровождаемый проведением различных технических мероприятий, представляет собой наиболее эффективный способ выявления и пресечения коррупционных преступлений, так как в этом случае преступление прекращается, а наносимый государству ущерб минимизируется [1, с. 39].

Однако современная практика его использования правоохранительными органами сталкивается с проблемами, которые обусловлены несовершенством действующего федерального законодательства об оперативно-разыскной деятельности. В частности, законом не регламентирована процедура проведения оперативного эксперимента, не закреплено в нормах права и его по-

нятие. Отдельные положения конкретизируются нормами приказов органов, уполномоченных на осуществление оперативно-разыскной деятельности, однако ведомственный нормативный акт не может способствовать разрешению проблем, возникающих на межведомственном уровне.

В связи с этим в теории и нормативных актах правоохранительных органов предлагаются различные определения анализируемого оперативно-разыскного мероприятия (ОРМ), с учетом которого формулируются критерии его допустимости.

Так, например, традиционное понимание органами внутренних дел сущности оперативного эксперимента опирается на методические рекомендации по тактике выявления и документирования фактов взяточничества и коммерческого подкупа, разработанные МВД России от 14.04.1999. Исходя из позиции разработчиков, оперативный эксперимент – это «создание для лица, в отношении которого имеется достоверная информация относительно его причастности к преступной деятельности, возможностей проявить себя в определенных условиях и наблюдение за тем, как оно проявляет себя в них». Иными словами, оперативный эксперимент предполагает совершение сотрудниками полиции активных действий по моделированию условий и последующему контролю ситуации.

В большинстве научных источников также предлагается считать оперативным экспериментом ОРМ, предполагающее совершение определенных опытных действий.

Например, авторский коллектив под руководством А. Н. Козырина определил оперативный эксперимент как ОРМ, направленное на создание и использование негласно контролируемых искусственных условий или объектов для совершения преступных посягательств на них в целях своевременного выявления, задержания с поличным или пресечения действий лиц, подготавливающих, совершающих или совершивших тяжкие преступления [2, с. 109–110].

С. Д. Долгинов полагает, что оперативный эксперимент – это оперативно-разыскное мероприятие, осуществляемое путем создания негласно контролируемой и управляемой ситуации с целью выявления и задержания лиц, подготавливающих, совершающих или совершивших преступление. При этом нужно исключить искусственное создание доказательств совершения преступления, связанное с провоцированием лица к совершению противоправных действий [3, с. 333–336].

А. Ю. Шумилов и Е. С. Лапин полагают, что оперативный эксперимент – это изучение поведения лица в искусственно созданных управляемых или контролируемых условиях либо проведение иных опытных действий, непосредственно не связанных с поведением лица, для получения информации, которой проверяют и (или) уточняют имеющиеся сведения о приготовлении, покушении или совершении преступления средней тяжести, тяжкого или особо тяжкого преступления [4, с. 274; 5, с. 43].

Ряд авторов, раскрывая понятие оперативного эксперимента, использует определение, закрепленное в ст. 26 Рекомендательного законодательного акта «О борьбе с организованной преступностью», принятого Постановлением Межпарламентской ассамблеи государств – участников СНГ от 26 ноября 1996 г.

В соответствии с данной нормой оперативный эксперимент представляет собой «воспроизведение действий, обстановки, обстоятельств преступ-

ного события и совершение необходимых опытных действий в целях пресечения преступления, выявления субъектов, их совершающих, а также проверки и оценки собранных данных о возможности совершения определенных противоправных действий или получения иных данных о криминальной деятельности» [6, с. 22].

Приведенная конструкция не является совершенной и отличается громоздкостью. Однако в ней отражается концепция оперативного эксперимента как опытного действия, в ходе которого осуществляется создание условий, благоприятных для выявления преступных намерений проверяемых субъектов, перемещение предмета взятки, установление контроля над ним и участниками прогнозируемого криминального события.

В русле данной концепции в ст. 54 отклоненного в сентябре 2015 г. Советом Государственной Думы проекте федерального закона № 831609-6 «Оперативно-разыскной кодекс Российской Федерации», внесенного депутатом Государственной Думы А. А. Агеевым, предлагалось определить оперативный эксперимент как создание условий, обстановки или иных обстоятельств для проявления лицом преступных намерений [7].

В то же время имеется точка зрения, согласно которой оперативный эксперимент, используемый для проверки информации о готовящемся преступлении, предусмотренном ст. 290 УК РФ, представляет собой пассивный процесс фиксации передачи взятки и задержание с поличным участников взяточничества, т.е. при его производстве практически не выполняются опытные действия.

Так, М. А. Фомин определяет оперативный эксперимент как «целенаправленное негласное наблюдение, в условиях которого происходит выявление, пресечение и раскрытие преступления, установление взяткополучателя» [8, с. 21].

На первый взгляд определение понятия оперативного эксперимента имеет чисто теоретическое значение. Однако отсутствие легально закрепленного понятия, раскрывающего сущность рассматриваемого действия, приводит к признанию судами результатов, полученных в ходе оперативного эксперимента, недопустимыми.

Пленум Верховного Суда РФ в п. 34 Постановления от 09.07.2013 № 24 (ред. от 03.12.2013) «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» [9] разъясняет, что не может расцениваться как уголовно-наказуемое деяние принятие должностным лицом денег, имущества или имущественных прав, совершенное при подстрекательских действиях. Указанные действия совершаются в нарушение требований ст. 5 Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-разыскной деятельности» [10] и состоят в передаче взятки или предмета коммерческого подкупа с согласия или по предложению должностного лица либо лица, выполняющего управленческие функции в коммерческой или иной организации, когда такое согласие либо предложение было получено в результате склонения этих лиц к получению ценностей при обстоятельствах, свидетельствующих о том, что без вмешательства сотрудников правоохранительных органов умысел на их получение не возник бы и преступление не было бы совершено.

Очевидно, что такая общая формулировка при отсутствии четко закрепленного в законодательстве алгоритма проведения оперативного эксперимента только усугубляет проблемы правоприменительной практики.

Более того, российские суды руководствуются при рассмотрении дел решением Европейского суда по правам человека от 30.10.2014 по делу «Носко и Нефедов против России» [11], признавшим недопустимыми результаты, полученные в ходе негласной операции в отношении врача Носко, получившей незаконное денежное вознаграждение. При этом Европейским судом отмечается, что «недостатки процедуры, по-видимому, объясняются отсутствием адекватного законодательного регулирования», поскольку в отсутствие ясной и предсказуемой процедуры граница между законным внедрением негласного сотрудника и подстрекательством к совершению преступления с большей вероятностью будет преодолена.

Документирование факта получения взятки осуществлялось путем проведения сотрудниками органа внутренних дел Пензенской области ОРМ «Оперативный эксперимент».

23.11.2007 А. В. Носко в своем служебном кабинете, получив незаконное денежное вознаграждение, без фактического медицинского осмотра внесла заведомо ложные сведения в амбулаторную карту А., а также запись о продлении листа временной нетрудоспособности, выданного ею 20.11.2007 также за незаконное денежное вознаграждение. На основании данных оперативного эксперимента А. В. Носко было предъявлено обвинение. По приговору Зареченского городского суда Пензенской области от 26.05.2008 А. В. Носко была осуждена по ч. 2 ст. 290 УК РФ.

Однако сторона защиты, ссылаясь в судебных инстанциях на то, что информация, полученная из анонимного источника, являлась единственным основанием для проведения оперативного эксперимента, обжаловала приговор во всех инстанциях, в том числе в Европейском суде по правам человека (жалоба № 5753/09).

В жалобе сторона защиты изложила предположения, что А. регулярно сотрудничала с милицией, которая направила ее к сослуживцу А. В. Носко. Следовательно, рассчитывая на доверие Носко к сослуживцу и готовность помочь коллеге, сотрудники милиции не бездействовали и тем самым в ходе оперативного эксперимента оказали давление на фигурантку.

ЕСПЧ принял указанные доводы во внимание и пришел к выводу о наличии в деле недостатков фактического и процессуального характера.

В частности, ЕСПЧ констатировал, что негласные операции сами по себе не являются вмешательством в право на справедливое судебное разбирательство и что допустимое полицейское поведение от подстрекательства отделяет наличие ясных, адекватных и достаточных процессуальных гарантий. Конвенция о защите прав человека и основных свобод не препятствует использованию на стадии предварительного следствия, если этого требует характер преступления, таких источников, как анонимные информаторы. Однако последующее использование подобных источников судом первой инстанции при признании виновности составляет иной вопрос и является допустимым только при наличии адекватных и достаточных гарантий против злоупотреблений. Хотя допустимость доказательств относится к компетенции внутригосударственных судов, по мнению ЕСПЧ, в делах, в которых ос-

новное доказательство получено в результате негласной операции, власти должны доказать, что они имели достаточные основания для организации негласного мероприятия. Европейский суд также отмечал в своей прецедентной практике, что негласные операции должны проводиться существенно пассивным образом в отсутствие оказания давления на заявителя для совершения преступления за счет таких средств, как принятие на себя инициативы в контактах с заявителем, настойчивое побуждение, обещание финансовой выгоды или обращение к чувству сострадания заявителя.

Оценка выводов ЕСПЧ с позиций российского правоприменителя приводит к выводу об острой необходимости законодательной регламентации сущности и процедуры оперативного эксперимента. В современных условиях механизм получения взятки статусными фигурантами трансформировался из одномоментного получения «конверта с деньгами» в служебном кабинете в процесс разностороннего коррупционного взаимодействия взяткополучателя и взяткодателя в неформальных условиях. В такой ситуации оперативный эксперимент как пассивное наблюдение, осуществляемое путем проведения негласных оперативно-технических мероприятий в служебном кабинете либо по месту жительства фигуранта, не обеспечивает результата и не способствует выполнению задач, предусмотренных законодательством об ОРД.

Кроме того, с учетом решений, принятых по делу А. В. Носко, региональная правоприменительная и судебная практика вынуждена исходить из необходимости наличия заявления о совершенном преступлении как основания проведения оперативного эксперимента и обязательного участия в проведении ОРМ заявителя, а не какого-либо иного лица.

Сложившаяся ситуация ограничивает применение эффективных приемов и средств, предусмотренных законодательством об оперативно-разыскной деятельности, в противодействии практике незаконных денежных вознаграждений.

В целях выработки механизма проведения ОРМ «Оперативный эксперимент», исключающего условия и обстоятельства, которые могут быть квалифицированы как элементы провокации, правоохранительными органами применяется два способа документирования фактов взяточничества и, по аналогии, коммерческого подкупа.

Первый предполагает получение первичной оперативной информации, которая проверяется в рамках дела оперативного учета. При подтверждении информации проводятся оперативно-разыскные мероприятия, направленные на установление лиц, осведомленных о преступных действиях фигуранта, в том числе имеющих намерение передать ему денежное вознаграждение за те или иные действия.

С установленными по результатам ОРМ лицами проводится разъяснительная работа с целью получения заявления и привлечения к сотрудничеству в изобличении взяточника.

Следует учитывать, что к оформлению заявления также установлены определенные требования. В частности, рекомендуется во всех случаях получать заявление, написанное заявителем собственноручно, с обязательным указанием сведений о разъяснении ему положений ст. 306, 307 УК РФ и предупреждении об уголовной ответственности за заведомо ложный донос и заведомо ложные показания.

В тех случаях, когда гражданин согласен подать заявление, ему отводится активная роль в документировании преступных действий взяткополучателя, что предполагает большой объем предварительной работы с заявителем. Особое значение при этом имеет тщательная проработка линии поведения заявителя, исключающей элементы провокации в ходе ОРМ.

Далее в соответствии с требованиями законодательства об ОРД и ведомственных приказов осуществляется непосредственная подготовка, проведение ОРМ «Оперативный эксперимент» и легализация его результатов.

Второй способ, по объективным причинам реализуемый в единичных случаях, предполагает гражданскую инициативу со стороны лиц, попавших в коррупционную ситуацию. В подобных случаях лицо, у которого явно или «конклюдентными» действиями вымогают незаконное денежное вознаграждение, по собственной инициативе обращается с заявлением в органы внутренних дел. При таком развитии ситуации ОРМ проводятся в рамках проверки зарегистрированного сообщения о преступлении без заведения дела оперативного учета.

После регистрации заявления незамедлительно проводится проверка всех лиц, названных заявителем в качестве подозреваемых, при отсутствии полных установочных данных устанавливается их личность. Одновременно проводится анализ всех имеющихся сведений, полученных в ходе беседы с заявителем, оценивается их достоверность и полнота для решения вопроса о наличии состава преступления, определяется достаточность оснований для проведения ОРМ «Оперативный эксперимент».

При положительном выводе с заявителем в кратчайшие сроки проводится предварительная работа, аналогичная вышеописанной, осуществляется подготовка и проведение ОРМ «Оперативный эксперимент».

Вместе с тем указанными способами, предусматривающими обязательное участие в оперативном эксперименте заявителя и никакого иного лица, невозможно обеспечить надлежащую эффективность мероприятий по противодействию «статусной» коррупции, в том числе с признаками организованности.

Преступления, совершаемые «статусными» фигурантами и организованной преступной группой, обладают высокой степенью латентности и характеризуются «криминальной профессиональностью» в реализации фигурантами преступных замыслов. Соответственно, проведение оперативного эксперимента требует профессиональных оперативных навыков от лица, непосредственно участвующего в оперативно-разыскном мероприятии.

Указанные обстоятельства практически исключают возможность реализации первого из вышеописанных способов документирования, поскольку лица, передающие «статусному» фигуранту денежные вознаграждения, как правило, сами являются активными участниками в реализации коррупционных схем и находятся в длительных, а не эпизодических отношениях с фигурантами. Склонить таких лиц к добросовестному, без риска «двурушичества» участию в оперативном эксперименте, даже получив от них соответствующее заявление, практически невозможно.

Соответственно также малоприменим и второй вариант документирования. Добросовестные граждане, попадающие в коррупционную ситуацию

со «статусным» фигурантом, предпочитают не обращаться в правоохранительные органы.

В редких случаях обращения в органы внутренних дел такие заявители, как правило, не соглашаются на активное участие в оперативном эксперименте по причине страха, нежелания негативных последствий личного или делового характера. Даже в случае согласия заявителя на участие в оперативном эксперименте, его «непрофессиональные» действия на фоне эмоциональных факторов легко просчитываются фигурантами и не позволяют эффективно провести оперативно-разыскное мероприятие.

Данные проблемы правоприменительной практики требуют обсуждения и разрешения на межведомственном федеральном уровне, в том числе путем внесения соответствующих инициатив по совершенствованию законодательства об ОРД.

Список литературы

1. **Федоренко, Д. Н.** Оперативный эксперимент как основное средство противодействия взяточничеству в таможенных органах Российской Федерации / Д. Н. Федоренко // Таможенное дело. – 2013. – № 1. – С. 38–40.
2. О федеральных органах налоговой полиции : комментарий Закона Российской Федерации / под ред. А. Н. Козырина. – М. : Статут, 2000.
3. **Долгинов, С. Д.** Оперативный эксперимент или провокация: пределы возможного / С. Д. Долгинов // 20 лет Конституции Российской Федерации: актуальные проблемы юридической науки и правоприменения в условиях совершенствования российского законодательства : Четвертый пермский Междунар. конгресс ученых-юристов (г. Пермь, 18–19 октября 2013 г.) : избранные материалы / отв. ред. В. Г. Голубцов, О. А. Кузнецова. – М. : Статут, 2014. – 368 с.
4. **Шумилов, А. Ю.** Курс основ оперативно-розыскной деятельности : учеб. для вузов / А. Ю. Шумилов. – М. : Издательский дом И. И. Шумиловой, 2008. – 391 с.
5. **Лапин, Е. С.** Оперативно-розыскная деятельность. Курс правовых и теоретических основ : учеб. пособие / Е. С. Лапин. – М. : Юрлитинформ, 2011. – 232 с.
6. **Борисенко, К. А.** К вопросу о понятии оперативного эксперимента как эффективного средства борьбы с преступлениями коррупционной направленности в уголовно-исполнительной системе России / К. А. Борисенко // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. – 2014. – № 1. – С. 21–23.
7. **Агеев, А. А.** Оперативно-разыскной Кодекс Российской Федерации : проект Федерального закона № 831609-6 (ред., внесенная в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 06.07.2015) / А. А. Агеев. – URL: http://asozd.duma.gov.ru
8. **Фомин, М. А.** Допустимость материалов ОРМ в качестве доказательств по делам о получении взятки / М. А. Фомин // Уголовный процесс. – 2010. – № 2. – С. 21–22.
9. О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях : Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2013 № 24 (ред. от 03.12.2013) // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2013. – № 9.
10. Об оперативно-розыскной деятельности : Федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ (ред. от 29.06.2015) // Собрание законодательства РФ. – 1995. – № 33. – Ст. 3349.
11. Дело «Носко и Нефедов (Nosko and Nefedov) против Российской Федерации (жалобы № 5753/09 и 11789/10) : Постановление ЕСПЧ от 30.10.2014 // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. – 2015. – № 4 (154).

References

1. Fedorenko D. N. *Tamozhennoe delo* [Customs service]. 2013, no. 1, pp. 38–40.
2. *O federal'nykh organakh nalogovoy politsii: kommentariy Zakona Rossiyskoy Federatsii* [On federal fiscal police bodies: comments to the Russian Federation Law]. Ed. by A. N. Kozyrin. Moscow: Statut, 2000.
3. Dolginov S. D. *20 let Konstitutsii Rossiyskoy Federatsii: aktual'nye problemy yuridicheskoy nauki i pravoprimeneniya v usloviyakh sovershenstvovaniya rossiyskogo zakonodatel'stva: Chetvertyy permskiy Mezhdunar. kongress uchenykh-yuristov (g. Perm', 18–19 oktyabrya 2013 g.): izbrannye materialy* [20th anniversary of the Constitution of the Russian federation: urgent problems of juridical science and law enforcement in the modern Russian legislation: 4th Perm international congress of lawyers-scholars (Perm, 18–19 October 2013)]. Moscow: Statut, 2014, 368 p.
4. Shumilov A. Yu. *Kurs osnov operativno-rozysknoy deyatel'nosti: ucheb. dlya vuzov* [The course of operational investigations: tutorial for universities]. Moscow: Izdatel'skiy dom I. I. Shumilovoy, 2008, 391 p.
5. Lapin E. S. *Operativno-rozysknaya deyatel'nost'. Kurs pravovykh i teoreticheskikh osnov: ucheb. posobie* [Operational investigations. The course of legal and theoretical foundations: tutorial]. Moscow: Yurlitinform, 2011, 232 p.
6. Borisenko K. A. *Ugolovno-ispolnitel'naya sistema: pravo, ekonomika, upravlenie* [Penal system: law, economy, management]. 2014, no. 1, pp. 21–23.
7. Ageev A. A. *Operativno-razysknoy Kodeks Rossiyskoy Federatsii: proekt Federal'nogo zakona № 831609-6 (red., vnesennaya v GD FS RF, tekst po sostoyaniyu na 06.07.2015)* [The operational investigation code of the Russian Federation: the Federal law draft № 831609-6 (edition introduced to GD FS RF, the text as of 06.07.2015)]. Available at: http://asozd.duma.gov.ru
8. Fomin M. A. *Ugolovnyy protsess* [Criminal procedure]. 2010, no. 2, pp. 21–22.
9. *Byulleten' Verkhovnogo Suda RF* [Bulletin of the Supreme Court of Russia]. 2013, no. 9.
10. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collected laws of the Russian Federation]. 1995, no. 33, art. 3349.
11. *Byulleten' Evropeyskogo Suda po pravam cheloveka* [Bulletin of ECHR]. 2015, no. 4 (154).

Сизов Владимир Александрович
кандидат социологических наук, доцент, кафедра правосудия, Пензенский государственный университет
(Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40);
начальник управления экономической безопасности и противодействия коррупции УМВД России по Пензенской области
(Россия, г. Пенза, ул. Злобина, 52)

Sizov Vladimir Aleksandrovich
Candidate of sociological sciences, associate professor, sub-department of justice, Penza State University
(40 Krasnaya street, Penza, Russia);
head of the economic security and anti-corruption office of the Ministry of Internal Affairs of Russia in Penza region
(52 Zlobina street, Penza, Russia)

E-mail: vas-055@mail.ru

Мещерякова Анна Федоровна
кандидат юридических наук, доцент, кафедра правосудия, Пензенский государственный университет
(Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40)

Meshcheryakova Anna Fedorovna
Candidate of juridical sciences, associate professor, sub-department of justice, Penza State University
(40 Krasnaya street, Penza, Russia)

E-mail: fuga9@yandex.ru

УДК 34.343.352.4

Сизов, В. А.

Проблемные вопросы и практика использования правоохранительными органами оперативного эксперимента с учетом Постановления Европейского суда по правам человека от 30.10.2014 «Дело «Носко и Нефедов против Российской Федерации» (жалобы № 5753/09 и 11789/10) / В. А. Сизов, А. Ф. Мещерякова // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2015. – № 4 (36). – С. 66–75.

УДК 342.25

Е. Б. Султанов

МУНИЦИПАЛЬНЫЕ ТЕРРИТОРИАЛЬНО-ПРАВОВЫЕ ОБРАЗОВАНИЯ КАК СУБЪЕКТЫ ПРАВА СОБСТВЕННОСТИ НА ЗЕМЛЮ

Аннотация.

Актуальность и цели. Конституция РФ 1993 г. в п. 2 ст. 9 закрепила, что земля и другие природные ресурсы могут находиться в частной, государственной, муниципальной и иных формах собственности. Вместе с тем в соответствии с ч. 3 ст. 6 Земельного кодекса РФ в качестве объекта права собственности признается не земля как таковая, а сформированный земельный участок. Исходя из этого, на законодательном уровне имеются противоречия в части регуляции отношений землепользования, субъектами которых выступают муниципальные территориально-правовые образования. Цель работы – проанализировать и систематизировать правовые подходы законодателя, а также дать рекомендации, направленные на устранение правовой неопределенности в регуляции отношений в сфере реализации муниципальными территориально-правовыми образованиями права собственности на землю.

Материалы и методы. Реализация исследовательских задач была достигнута на основе анализа таких правовых категорий, как право собственности на землю, в контексте его реализации муниципальными территориально-правовыми образованиями, уяснения правовой природы категории «баланс интересов». Особое место в рамках настоящего исследования занимает поиск решения, направленного на гармонизацию правовой регуляции отношений землепользования.

Результаты. Исследовано понятие «право собственности на землю» с учетом его нормативной регламентации в отечественном законодательстве. Проанализированы особенности правовых подходов законодателя и отношения, в которых в качестве субъекта права выступает муниципальное территориально-правовое образование, а в качестве объекта – земля и земельный участок.

Выводы. В заключение даются рекомендации по совершенствованию отраслевого законодательства в целях его приведения в соответствие Конституции Российской Федерации.

Ключевые слова: собственность на землю, муниципальное территориально-правовое образование, правомочия, статус, суверенитет.

E. B. Sultanov

MUNICIPAL JURISDICTION AS LEGAL SUBJECTS OF LAND OWNERSHIP

Abstract.

Background. The Constitution of the Russian Federation 1993, p. 2, Art. 9 has consolidated that land and other natural resources may be in private, state, municipal and other forms of ownership. However, in accordance with Part 3 of Art. 6 of the Land Code of the Russian Federation the object of ownership is considered to be not a land as such, but a formed land plot. On this basis, at the legislative level, there are contradictions with regard to the regulation of land relations, which are the subjects of the municipal legal jurisdictions. The purpose of the work is to analyze and systematize the legal approaches of the legislator, and to make recommendations aimed

at eliminating legal uncertainty in regulation of relations in the sphere of realization of land ownership by the municipal jurisdictions.

Materials and methods. Implementation of the research objectives was achieved on the basis of the analysis of such legal categories as land ownership, in the context of its implementation by the municipal jurisdictions, understanding the legal nature of the category of "balance of interests". A special place in this study is given to the search for solutions oriented to harmonization of the legal regulation of land relations.

Results. The concept "land ownership" was studied in recognition of its normative regulation in the domestic legislation. The author investigated peculiarities of legal approaches of the legislator and such relationships, where municipal jurisdictions stand as legal subjects, and lands and land plots – as objects.

Conclusions. In conclusion, the author gives recommendations to improve sectoral legislation in order to bring it into conformity with the Constitution of the Russian Federation.

Key words: land ownership, territorial jurisdictions, powers, status, sovereignty.

Муниципальной собственности на землю, как составной части публичной собственности, в научной среде уделяется достаточно много внимания. Вместе с тем на сегодняшний день остаются весьма актуальными вопросы, относящиеся к процедуре реализации муниципальными территориально-правовыми образованиями права собственности на землю.

Именно муниципальная собственность выступает в качестве одной из основных гарантий независимости органов местного самоуправления. Данная гарантия закреплена в ст. 12 Конституции РФ 1993 г. [1], где сказано, что местное самоуправление в пределах своих полномочий самостоятельно.

Собственность муниципальных образований на земельные ресурсы также выступает в качестве одной из основных гарантий независимости органов местного самоуправления. Однако в нашей стране доля земельных платежей в общей структуре доходов местных бюджетов составляют незначительную часть, хотя в других странах они традиционно являются одним из главных источников бюджета [2, с. 448]. По мнению некоторых ученых-юристов, сегодня местные органы власти придают огромное значение возрастающей роли земельных отношений в общем комплексе экономических реформ и системе управления муниципальной собственностью [3, с. 83].

Конституция РФ 1993 г. в п. 2 ст. 9 закрепила, что земля и другие природные ресурсы могут находиться в частной, государственной, муниципальной и иных формах собственности. Нормы, закрепленные в статьях гл. 8 Конституции РФ, детализировали, что местное самоуправление в Российской Федерации обеспечивает самостоятельное решение населением вопросов местного значения, владение, пользование и распоряжение муниципальной собственностью (ст. 130), а также что органы местного самоуправления самостоятельно управляют муниципальной собственностью, формируют, утверждают и исполняют местный бюджет, устанавливают местные налоги и сборы, осуществляют охрану общественного порядка, а также решают иные вопросы местного значения (ст. 132). Рассматривая вышеприведенные конституционные положения в их взаимосвязи, можно сделать вывод, что органы местного самоуправления наделены определенными полномочиями для реализации их права собственности на муниципальную землю.

Свое развитие указанные выше конституционные законоположения находят в отраслевом законодательстве, в частности в Федеральном законе от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [4]. Там в п. 20 ст. 14 названного Федерального закона указано, что к вопросам местного значения городского поселения относится, в том числе, утверждение генеральных планов поселения, правил землепользования и застройки, утверждение подготовленной на основе генеральных планов поселения документации по планировке территории, выдача разрешений на строительство (за исключением случаев, предусмотренных Градостроительным кодексом Российской Федерации, иными федеральными законами), разрешений на ввод объектов в эксплуатацию при осуществлении строительства, реконструкции объектов капитального строительства, расположенных на территории поселения, утверждение местных нормативов градостроительного проектирования поселений, резервирование земель и изъятие земельных участков в границах поселения для муниципальных нужд, осуществление муниципального земельного контроля в границах поселения, осуществление в случаях, предусмотренных Градостроительным кодексом Российской Федерации, осмотров зданий, сооружений и выдача рекомендаций об устранении выявленных в ходе таких осмотров нарушений.

Таким образом, органы местного самоуправления планируют использование земли, организуют проведение работ по землеустройству, участвуют в осуществлении земельного контроля, а также взимают плату за землю. Однако, как мы уже отмечали выше, земельные платежи в общей структуре доходов местных бюджетов составляют незначительную часть.

Остановимся подробнее на рассмотрении вопроса о реализации муниципальными территориально-правовыми образованиями права собственности на землю.

Согласно ч. 3 ст. 3.1 Федерального закона от 25.10.2001 № 137-ФЗ «О введении в действие Земельного кодекса Российской Федерации» [5] (в целях разграничения государственной собственности на землю) к собственности поселений, городских округов, муниципальных районов относятся:

– земельные участки, занятые зданиями, строениями, сооружениями, находящимися в собственности соответствующих муниципальных образований;

– земельные участки, предоставленные органам местного самоуправления соответствующих муниципальных образований, а также казенным предприятиям, муниципальным унитарным предприятиям или некоммерческим организациям, созданным указанными органами местного самоуправления;

– иные предусмотренные федеральными законами и принятыми в соответствии с ними законами субъектов Российской Федерации земельные участки и предусмотренные федеральными законами и принятыми в соответствии с ними законами субъектов Российской Федерации земли.

В ч. 2 ст. 3.3 того же Федерального закона закреплено, что распоряжение земельными участками, государственная собственность на которые не разграничена, осуществляется:

– органом местного самоуправления городского округа в отношении земельных участков, расположенных на территории городского округа, за исключением случаев, предусмотренных настоящим пунктом;

– органом местного самоуправления поселения в отношении земельных участков, расположенных на территории поселения, при наличии утвержден-

ных правил землепользования и застройки поселения, за исключением случаев, предусмотренных настоящим пунктом;

– органом местного самоуправления муниципального района в отношении земельных участков, расположенных на территории поселения, входящего в состав этого муниципального района, при отсутствии утвержденных правил землепользования и застройки поселения, а также в отношении земельных участков, расположенных на межселенных территориях муниципального района.

Из этого следует, что законодатель рассматривает в качестве объекта прав собственности муниципальных территориально-правовых образований исключительно земельный участок, в то время, как указывалось выше, Конституция Российской Федерации гарантировала возможность нахождения в муниципальной собственности именно земли. Отметим, что согласно ч. 3 ст. 6 Земельного Кодекса РФ [6] земельный участок как объект права собственности и иных предусмотренных настоящим Кодексом прав на землю является недвижимой вещью, которая представляет собой часть земной поверхности и имеет характеристики, позволяющие определить ее в качестве индивидуально определенной вещи.

Представляется, что подобного рода тенденциозность регуляции правоотношений землепользования, при которой применяется сугубо цивилистический подход, не только не в полной мере соответствует положениям Конституции Российской Федерации (ч. 2 ст. 9), но на практике неизбежно вызовет негативные последствия. В этой связи, несомненно, прав М. М. Бринчук, полагающий, что «оказавшись в сфере гражданского права, моментально были выхолощены правовая сущность и функциональность земельного кадастра как ресурса земельного права, как публичного, как основы планирования землепользования и охраны земель от деградации. Реестр, став «пустышкой» в манипулировании землей в гражданско-правовом обороте, не только не подтверждал экономическую эффективность, но и успешно продемонстрировал деградацию важного элемента в правовом механизме земельного права» [7, с. 30]. Более того, представляется, что подобное смещение вектора нормативного регулирования не способствует укреплению баланса частных и публичных интересов, который председатель Конституционного Суда РФ В. Д. Зорькин рассматривает как «разумный способ соединения начала власти и свободы под углом зрения гуманизма» [8, с. 10]. При этом в России выработка и реализация в законодательстве и на практике принципа баланса государственных и частноправовых интересов становится важнейшим вопросом экономико-правовой безопасности государства и требует не декларативного провозглашения, а эффективного практического применения [9, с. 67].

Следует отметить, что в юридической литературе, особенно среди ученых-цивилистов, прочно укрепилось мнение, ставящее под сомнение сам смысл существования публичной формы собственности. В частности, по словам Е. А. Суханова, «принадлежность материальных благ гражданам и юридическим лицам – обычным субъектам гражданского (частного) права, то есть частная собственность, представляет собой нормальную ситуацию. Тогда как принадлежность этих благ государственным и муниципальным образованиям является особым случаем» [10, с. 480]. Однако, на наш взгляд, «ненормальность» публичной собственности с точки зрения представителей

школы частного права отнюдь не отменяет ее значимости с позиций конституционного и муниципального права.

Очевидно, что в настоящее время собственность не разграничена, в большинстве своем, именно на землю (как неопределенный в пространстве природный ресурс), а не на земельные участки (сформированные объекты права в частноправовой концепции). Полагаем, что представленный подход законодателя виделся бы логичным в том случае, если вся земля, составляющая территорию страны, была поделена на отдельные земельные участки, поставленные на кадастровый учет. Однако на текущий момент это далеко от действительности.

Обращаясь к исторической ретроспективе процесса разграничения государственной собственности на землю, в частности анализируя ныне утратившие силу Закон РФ от 06.07.1991 № 1550-1 «О местном самоуправлении в Российской Федерации» [11]; Постановление Верховного Совета РФ от 27.12.1991 № 3020-1 «О разграничении государственной собственности Российской Федерации на федеральную собственность, государственную собственность республик в составе Российской Федерации, краев, областей, автономной области, автономных округов, городов Москвы и Санкт-Петербурга и муниципальную собственность» [12], а также Федеральный закон от 17.07.2001 № 101-ФЗ «О разграничении государственной собственности на землю» [13], можно сделать следующий вывод. Процесс разграничения государственной собственности на землю был организован нецелесообразно: сначала из земель, государственная собственность на которые не разграничена, формировались перечни земельных участков с присущими им уникальными характеристиками. Затем данные списки земельных участков согласовывались и утверждались Правительством РФ. По техническим причинам процедура согласований занимала в среднем 2,5–3 года, а количество земельных участков, право собственности на которые было разграничено, составляло от 100 до 500 в месяц, что в масштабах страны ничтожно мало. Поэтому исполнение закона о разграничении вместо назначенного 2007 г. грозило затянуться к 2028–2030 годам [14, с. 28].

Если прямое указание в законе на принадлежность земельных участков конкретному муниципальному образованию не вызывает сложности в понимании данных норм, то отнесение земельных участков к муниципальной собственности при разграничении государственной собственности на землю представляет собой более сложную проблему.

По мнению В. А. Барсуковой, при определении имущества, подлежащего передаче в муниципальную собственность при разграничении публичной собственности, необходимо учитывать не только целевое назначение, но и необходимость для муниципального образования, предлагаемого к передаче имущества [15, с. 10]. Разделяя данную точку зрения, мы полагаем, что помимо необходимости передачи имущества (в частности земельного участка) муниципальному образованию в качестве критерия возможности такой передачи должен быть установлен критерий готовности муниципального образования нести бремя содержания переданного ему имущества.

По данному вопросу свою позицию высказал и Конституционный Суд РФ. Так, в его Определении от 7 декабря 2006 г. № 542-О по проверке конституционности ряда положений ч. 11 ст. 154 Федерального закона от 22 ав-

густа 2004 г. № 122-ФЗ «О внесении изменений в законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу некоторых законодательных актов Российской Федерации в связи с принятием Федеральных законов «О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон “Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации”» и «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» указывается, что положения ч. 11 ст. 154 данного Федерального закона, устанавливающие порядок безвозмездной передачи имущества в связи с разграничением полномочий органов публичной власти, предполагают необходимость волеизъявления принимаемого имущества органа местного самоуправления на такую передачу и наличие согласованных действий между органами местного самоуправления и органами государственной власти [16]. Как справедливо отмечает И. А. Кеня, тем самым Конституционный Суд РФ закрепил самостоятельность муниципальных образований по вопросу управления и распоряжения муниципальной собственностью [17, с. 31].

Подводя итог данной статье, можно сделать вывод, что в настоящее время нормативная правовая регламентация отношений землепользования с участием муниципальных территориально-правовых образований нуждается в совершенствовании. Законодатель не должен переоценивать важность регламентации только частноправовых отношений, в которых объектом права выступает земельный участок, оставаясь в стороне от регуляции публичных отношений, где объектом права является земля в целом.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации // Российская газета. – 1993. – № 237 (25 декабря).
2. **Руднев, А. В.** Управление земельными ресурсами муниципальных образований / А. В. Руднев. – СПб., 2006. – 448 с.
3. **Сигуля, А.** Споры по продаже земли в городах / А. Сигуля // Жилищное право. – 2015. – № 3. – С. 83–96.
4. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации : Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2003. – № 40 (6 октября). – Ст. 3822.
5. О введении в действие Земельного кодекса Российской Федерации : Федеральный закон от 25.10.2001 № 137-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 44 (29 октября). – Ст. 4148.
6. Земельный кодекс Российской Федерации от 25.10.2001 № 136-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 44 (29 октября). – Ст. 4147.
7. **Бринчук, М. М.** Право как ресурс деградации природы, общества и государства / М. М. Бринчук // Государство и право. – 2012. – № 4. – С. 30.
8. **Соколов, А. Н.** Понятие правового государства: проблемы, противоречия, тенденции и пути их разрешения / А. Н. Соколов, Л. Э. Котковский // Правовое государство: теория и практика. – 2013. – № 4 (34). – С. 10.
9. **Пучков, О. А.** Принцип баланса публичных и частноправовых начал в правовом режиме собственности на земельный участок в праве Англии и России: постановка проблемы / О. А. Пучков // Бизнес, менеджмент и право. – 2015. – № 1. – С. 66–70.
10. Гражданское право : в 2 т. / отв. ред. проф. Е. А. Суханов. – М., 1998. – Т. 1. – 480 с.

11. О местном самоуправлении в Российской Федерации : Закон РФ от 06.07.1991 № 1550-1 (утратил силу) // Ведомости СНД и ВС РСФСР. – 1991. – № 29 (18 июля). – Ст. 1010.
12. О разграничении государственной собственности в Российской Федерации на федеральную собственность, государственную собственность республик в составе Российской Федерации, краев, областей, автономной области, автономных округов, городов Москвы и Санкт-Петербурга и муниципальную собственность : Постановление ВС РФ от 27.12.1991 № 3020-1 // Ведомости СНД и ВС РСФСР. – 1992. – № 3 (16 января). – Ст. 89.
13. О разграничении государственной собственности на землю : Федеральный закон от 17.07.2001 № 101-ФЗ (утратил силу) // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 30 (23 июля). – Ст. 3060.
14. **Бочаров, М. В.** Развитие законодательства о разграничении государственной собственности на землю / М. В. Бочаров // Российская юстиция. – 2006. – № 10. – С. 19–22.
15. **Барсукова, В. А.** Правовое регулирование формирования муниципальной собственности в результате разграничения публичной собственности : автореф. дис. … канд. юрид. наук : 12.00.02 / Барсукова В. А. – Тюмень, 2011. – С. 10.
16. Определение Конституционного Суда РФ от 7 декабря 2006 г. № 542-О // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2007. – № 10. – Ст. 1260.
17. **Кеня, И. А.** Обеспечение законности в правовом регулировании местного самоуправления / И. А. Кеня // Государственная власть и местное самоуправление. – 2009. – № 8. – С. 31.

References

1. *Rossiyskaya gazeta* [The Russian newspaper]. 1993, no. 237 (25 December).
2. Rudnev A. V. *Upravlenie zemel'nymi resursami munitsipal'nykh obrazovaniy* [Management of land resources owned by municipal jurisdictions]. Saint-Petersburg, 2006, 448 p.
3. Sigulya A. *Zhilishchnoe pravo* [Housing law]. 2015, no. 3, pp. 83–96.
4. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collected laws of the Russian Federation]. 2003, no. 40 (6 October), art. 3822.
5. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collected laws of the Russian Federation]. 2001, no. 44 (29 October), art. 4148.
6. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collected laws of the Russian Federation]. 2001, no. 44 (29 October), art. 4147.
7. Brinchuk M. M. *Gosudarstvo i pravo* [State and law]. 2012, no. 4, p. 30.
8. Sokolov A. N., Kotkovskiy L. E. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika* [Law-governed state: theory and practice]. 2013, no. 4 (34), p. 10.
9. Puchkov O. A. *Biznes, menedzhment i pravo* [Business, management and law]. 2015, no. 1, pp. 66–70.
10. *Grazhdanskoe pravo: v 2 t.* [Civil law: in 2 volumes]. Moscow, 1998, vol. 1, 480 p.
11. *Vedomosti SND i VS RSFSR* [Bulletin of SND and VS RSFSR]. 1991, no. 29 (18 July), art. 1010.
12. *Vedomosti SND i VS RSFSR* [Bulletin of SND and VS RSFSR]. 1992, no. 3 (16 January), art. 89.
13. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collected laws of the Russian Federation]. 2001, no. 30 (23 July), art. 3060.
14. Bocharov M. V. *Rossiyskaya yustitsiya* [Russian justice]. 2006, no. 10, pp. 19–22.
15. Barsukova V. A. *Pravovoe regulirovanie formirovaniya munitsipal'noy sobstvennosti v rezul'tate razgranicheniya publichnoy sobstvennosti: avtoref. dis. kand. yurid. nauk: 12.00.02* [Legal regulation of municipal property formation as a result of public proper-

ty demarcation: author's abstract of dissertation to apply for the degree of the candidate of juridical sciences]. Tyumen, 2011, p. 10.
16. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii* [Collected laws of the Russian Federation]. 2007, no. 10, art. 1260.
17. Kenya I. A. *Gosudarstvennaya vlast' i mestnoe samoupravlenie* [State authority and local self-government]. 2009, no. 8, p. 31.

Султанов Евгений Батырович
кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой конституционного и административного права, Казанский (Приволжский) федеральный университет
(Россия, г. Казань, ул. Кремлевская, 18)

Sultanov Evgeniy Batyrovich
Candidate of juridical sciences, associate professor, head of sub-department of constitutional and administrative law, Kazan (Volga) Federal University
(18 Kremlevskaya street, Kazan, Russia)

E-mail: sultanov2007@yandex.ru

УДК 342.25
Султанов, Е. Б.
Муниципальные территориально-правовые образования как субъекты права собственности на землю / Е. Б. Султанов // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2015. – № 4 (36). – С. 76–83.

УДК 340

А. Ю. Саломатин, А. Ф. Мещерякова

СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВОЙ МОНИТОРИНГ ИНТЕГРАЦИОННОГО ПРАВОСУДИЯ И ЗАДАЧИ ЕГО РАЗВИТИЯ В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ[1]

Аннотация.

Актуальность и цели. Интеграционное правосудие – это результат процесса региональной интеграции в условиях глобализации. Существует множество интгерационных судов, но Европейский Суд справедливости и Европейский Суд по правам человека являются наиболее выдающимися. Интересно посмотреть отношение общественного мнения в России к этим двум органам.

Материалы и методы. Авторы разработали анкету, изучающую отношение к интеграционным судам в России. Исследование стало продолжением предыдущего опроса. Участвовало 100 человек, включая 20 представителей от судебной системы и 20 представителей от правоохранительных органов Пензенского региона, 10 профессоров и преподавателей вуза и 50 студентов. Первая часть опросника была посвящена Европейскому Суду по правам человека, вторая – Европейскому Суду справедливости.

Результаты. 71 участник процедуры поддержал патриотическую позицию, которая состоит в том, что Россия под влиянием санкций против нее может игнорировать эти органы международного правосудия. Только девять опрошенных признали позитивное воздействие этого органа на российское право. Большинство (59 из 100) указали на длительную задержку в правосудии, но 73 опрошенных не согласились с позицией Конституционного Суда России в деле Маркина, которая защищала суверенитет нашей страны. Относительно деятельности Европейского суда справедливости только десять из ответивших знали о нем.

Выводы. Органы интеграционного правосудия в условиях глобализации должны осторожно обращаться с государственным суверенитетом. Несмотря на желание некоторых ускорить интеграцию, необходимо помнить о внутреннем факторе в развитии государств и уважать их национальные интересы.

Ключевые слова: Европейский Суд справедливости, Европейский Суд по правам человека, интеграция, глобализация, государственный суверенитет.

A. Yu. Salomatin, A. F. Mescheryakova

SOCIAL AND LEGAL MONITORING OF INTEGRATED JUSTICE AND TASKS OF ITS DEVELOPMENT IN GLOBALIZATION

Abstract.

Background. Integrated Justice is a result of the process of regional integration under globalization. There are many integrated courts, but the European Court of Justice and the European Court of Human Rights are the most outstanding. It's interesting to see the attitude of public opinion in Russia toward these two organs.

Materials and methods. The authors have worked out a questionnaire about the attitude towards Integrated Courts in Russia. This research was a continuation of the previous questionnaire. About 100 people participated, including 20 representatives

[1] Статья выполнена на средства гранта РГНФ № 14-03-00284 «Стратегия развития правосудия в условиях глобализации (сравнительно-правовое исследование)».

from the the judiciary and 20 representetives of law enforcement of Penza region, 10 higher school professors and doctors and 50 students. The first part of questions was devoted to the European Court of Human Rights, the second part covered the European Court of Justice.

Results. 71 participants backed patriotic position that Russia under the impact of sanctions may ignor the jurisdiction of the European Court of Human Rights, only 9 people acknowledged the positive effect of this organ upon the Russian Law. The majority (59 out of 100) pointed out the long delays in justice. But 73 people didn't agree with the position of the Constitutional Court of Russia in the Markin case, which defended the sovereignty of our country. Concerning the activity of the European Court of Justice only 10 respondents knew about it.

Conclusions. Organs of integrated justice under globalization must be careful with state sovereignty. In spite of the desire of someones to boost integration it's necessary to remember about the inner factor in development of states and respect its national interests.

Key words: European Court of Justice, European Court of Human Rights, integration, globalization, state sovereignty.

Интеграционное правосудие – относительно новый феномен государственно-правовой жизни и международного правопорядка, который необходимо глубоко осмыслить. «Интеграция (экономическая, политическая, оборонная, транспортно-логистическая, научно-информационная, межрегиональная в той или иной сфере общественных отношений) является одновременно проявлением, формой развития и механизмом регулирования глобализации в современном мире» [1, с. 10–11].

Интеграционное правосудие, в свою очередь, – это система разрешения споров, основанных на интеграционных нормах, регулирующих внутригосударственную и международную интеграцию. При значительном многообразии интеграционных объединений не удивительно, что существует множество моделей интеграционного правосудия. При этом Суд ЕС, сформированный в 1952 г., в силу длительного срока существования и активного судейского правотворчества служит образцом для других интеграционных объединений. В частности, многим импонирует, что «именно в судебной практике Суда ЕС были сформулированы принципы верховенства права ЕС и его прямого действия, т.е. преимущественной силы по отношению к внутригосударственному законодательству и применения непосредственно к их гражданам и юридическим лицам» [1, с. 50].

Другой весьма популярный орган интеграционного правосудия – Европейский Суд по правам человека (ЕСПЧ), приступивший к работе в 1958 г. «Европейский Суд осуществляет наднациональный контроль за соблюдением государствами – членами Совета Европы (в том числе и Россией) прав и свобод, закрепленных в учредившей его Концепции, причем делает это главным образом по жалобам, подаваемым непосредственно "жертвами нарушений" (официальный термин Конвенции), которые не смогли защитить нарушенные права в судебных органах своей страны» [1, с. 66].

В последнее время поднимается вопрос о взаимодействии между Европейским Судом и Европейским Судом по правам человека, что влечет за собой, однако, немало процедурных трудностей [2].

По нашему же мнению, соподчинение или по крайней мере принятие каких-либо взаимных обязательств между двумя разными интеграционными

органами неуместны. Они сковывают их инициативу и создают ненужные проблемы, вольно или невольно нарушают права стран – учредителей обеих организаций.

К сожалению, российская юридическая общественность слабо проинформирована о функционировании ЕС справедливости и ЕСПЧ. Именно об этом свидетельствуют результаты второго этапа социально-правового мониторинга, который был проведен группой исследователей в рамках проекта «Стратегия развития правосудия в условиях глобализации (сравнительно-правовое исследование)». Напомним, что выводы, полученные в ходе проведения первого этапа исследования, касались различных аспектов проведения судебной реформы, а также организации и деятельности российских судов и были представлены год назад [3]. Как и ранее, респондентам предлагалось ответить на вопросы, обозначенные в анкете «Европейское и российское правосудие в условиях интеграции». Следует отметить, что в процессе подготовки к проведению мониторинга нам не удалось найти аналогичных социологических исследований, носящих комплексный характер и посвященных различным аспектам интеграции наднациональных судебных учреждений. Это дает основание предположить, что мы столкнулись с малоизученной на сегодняшний день проблематикой.

Анкетирование проводилось анонимно, с тем чтобы его участники смогли максимально откровенно высказать свою точку зрения по тому или иному вопросу. Содержание анкеты было посвящено различным аспектам деятельности европейских судов, их влиянию на функционирование системы национальных судов. Всего было опрошено 100 человек. В мониторинге в качестве экспертов приняли участие специалисты-практики в области права (по 20 человек из числа работников суда и правоохранительных органов Пензенской области), представители высшей научной школы (10 человек) и студенты юридических вузов (50 человек). Род занятий опрашиваемым предлагалось указать в первом вопросе. При этом каждый из них мог указать несколько вариантов ответа на тот или иной вопрос, не являющихся взаимоисключающими по отношению друг к другу.

Уже при первичной обработке данных стало ясно, что практически все участники опроса знают о существовании наднациональных судов (98,2 %). Здесь сработал фактор избирательности, так как каждый из опрошенных нами обладает некоторым багажом знаний в сфере юриспруденции. Но общее впечатление о наднациональных судах у респондентов различное. Те из них, кто непосредственно связан с юридической практикой, ставят европейским судам оценки ниже, чем непрофессионалы. Так, из числа судейских работников положительно к ЕСПЧ и Суду ЕС относятся 17 человек, из сотрудников правоохранительных органов – 15. Представители науки и высшей школы также считают, что наднациональные суды необходимы (8 и 7 человек соответственно). Студенты вузов несколько идеализируют европейское правосудие, в своем большинстве положительно оценивая сам факт его существования. Из 50 опрошенных положительно о ЕСПЧ и Суде ЕС отозвались 43 человека.

Следующие вопросы в анкете мы условно разделили на два блока. Первый блок касался ЕСПЧ, второй – Суда Евросоюза.

Европейский Суд по правам человека (European Court of Human Rights) – международный судебный орган, юрисдикция которого распространяется на все государства – члены Совета Европы, ратифицировавшие Конвенцию о защите прав человека и основных свобод (Рим, 4 ноября 1950 г.), и включает все вопросы, относящиеся к толкованию и применению конвенции, включая межгосударственные дела и жалобы отдельных лиц. Россия признала юрисдикцию ЕСПЧ обязательной по вопросам толкования и применения Конвенции и протоколов к ней, а также в части рассмотрения жалоб о нарушении Россией этих документов. На основании ст. 46 Конвенции Россия обязана исполнять окончательные постановления ЕСПЧ. Кроме того, согласно ст. 15 Конституции РФ, общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры России являются составной частью ее правовой системы. Если международным договором установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора. Иными словами, закреплено верховенство международного права по отношению к российскому.

Начав свою деятельность в 1959 г., Европейский Суд к концу 1998 г. (когда он был реформирован) принял решения по существу в 837 делах, подавляющее большинство из которых – по жалобам граждан. Первое решение по существу дела суд принял в 1960 г. (Lawless v. Ireland), первое решение по существу в пользу заявителя – в 1968 г. (Neumeister v. Austria). После реформы Суда в 1998 г. его активность повысилась, и к началу 2010 г. суд вынес уже 12 198 решений по существу, из них в 10 156 констатировал нарушения конвенции или ее протоколов [4].

Характеризуя роль ЕСПЧ в системе защиты прав и свобод человека, К. В. Энтин отмечает, что «Суд – особая гордость Европы, ее ценнейшее достояние» [5]. Как бы в подтверждение данной мысли многие участники опроса (87 человек) признают, что в настоящее время ЕСПЧ выполняет роль общеевропейского «конституционного суда», а Конвенция о защите прав человека – роль общеевропейской конституции. Иными словами, они позиционируют Суд в качестве высшей судебной инстанции, распространяющей свою юрисдикцию на Евросоюз. Многие (всего 57 человек) также указали, что они способствуют формированию в сознании людей идеи единой правовой Европы.

Но, выражая в общем положительное отношение к Суду и ставя его на вершину европейской судебной системы, тем не менее в ответах респондентов прослеживается некоторый укор. Так, часть работников судебной системы (девять человек) полагает, что ЕСПЧ без достаточных на то оснований, не проявляя должного уважения к государственному суверенитету, вмешивается в полномочия национального законодателя, т.е. фактически эти респонденты заявляют о судебной экспансии. С ними солидарны пять представителей высшей школы и шесть опрошенных, чья сфера деятельности связана с юриспруденцией.

Об излишней политизированности решений ЕСПЧ заявили только лишь 19 опрошенных. Из них два работника судебной системы, пять научных работников, шесть представителей высшей школы, три представителя иных юридических профессий и три студента. Как видно, число обративших внимание на этот минус в деятельности ЕСПЧ достаточно невелико, хотя

проблема смешения вопросов права и политики становилась предметом обсуждения на уровне высших эшелонов власти. Выступая на встрече с членами фракций политических партий в Госдуме 14 августа 2014 г., Президент РФ В. В. Путин высказал мнение о политизированности многих решений Европейского Суда по правам человека. В связи с этим, по его мнению, если подобная практика сохранится, возможен выход России из-под юрисдикции данного суда. В свою очередь, поводом для столь резкого высказывания главы государства в отношении ЕСПЧ стало как раз предложение депутата Госдумы Е. Мизулиной о денонсации Конвенции и протоколов к ней. Также она предложила пересмотреть положения Конституции РФ о верховенстве ратифицированных международных договоров. «Следует честно признать, что сегодня ЕСПЧ не является символом справедливости, он превратился в примитивное орудие политического давления на Россию. Более того, это канал вмешательства во внутренние дела России через судебные решения», – заявила политик.

Признание юрисдикции ЕСПЧ, так же как и Суда ЕС, является неотъемлемым условием членства в Совете Европы. Совет Европы – одна из старейших и самых авторитетных международных организаций, объединяющих государства, разделяющие европейские ценности и взявшие на себя обязательства соблюдать права, которые были зафиксированы еще во Всеобщей декларации прав человека 1948 г. Таким образом, участие в европейских судебных учреждениях – практически такой же атрибут, как членство в ООН. Исключение или выход России из них будет означать добровольное изгнание из сферы международных отношений на территории Европы. Поэтому мы решили выяснить, насколько участники опроса разделяют эту точку зрения, предложив им ответить на четвертый вопрос анкеты: «Может ли Россия обойтись без признания юрисдикции ЕСПЧ и Суда ЕС?». И снова мнения людей, привлеченных к участию в процедуре социально-правового мониторинга, разошлись. Одни продемонстрировали свою приверженность патриотическим настроениям и утвердительно заявили, что в условиях санкций так и следовало бы поступить (71 человек). Причем большинство давших такой вариант ответа составили студенты юридических вузов (факультетов) (32 человека), т.е. представители молодежи. Другие, напротив, убеждены, что выход из-под юрисдикции европейских судов может нанести удар по правам человека в России, негативно сказаться на правосудии и привести к изоляции страны в сфере международных отношений. Правда, таких оказалось меньшинство – 24 человека. Из них шесть работников аппарата судов, восемь представителей сферы науки и образования, семь представителей иных юридических профессий и только три студента. На необходимость для России сохранить свое участие в Совете Европы указали 18 человек.

Всего лишь девять опрошенных отметили вклад ЕСПЧ в развитие российского законодательства и признали, что уровень правового развития России без практики европейских судов снизится. Это при том, что в нашей стране активно идет процесс европеизации национального права. И практика европейских судов играет здесь важнейшую роль. Например, в своих решениях ЕСПЧ неоднократно упрекал нашу страну в ущемлении свободы совести и религиозных прав граждан, тем самым призывая российских парламентариев привести Федеральный закон «О свободе совести и о религиозных

объединениях» в соответствие с международными правовыми актами (дело Skugar and Others v. Russia, 2009 г.; Jehovah's Witnesses of Moscow v. Russia, 2010 г.)[1].

Между тем, как указал Конституционный РФ в Постановлении от 5 февраля 2007 г. № 2-П, не только Конвенция, но и решения ЕСПЧ – в той части, в какой ими дается толкование Конвенции, – являются составной частью российской правовой системы. В связи с этим они должны учитываться федеральным законодателем при регулировании общественных отношений, а правоприменительными органами – при применении соответствующих норм права.

Определенным событием в реализации данного принципа стало Постановление Пленума ВС РФ от 27 июня 2013 г. № 21 «О применении судами общей юрисдикции Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года и Протоколов к ней». В нем отмечается, что правовые позиции ЕСПЧ, которые содержатся в его окончательных постановлениях в отношении России, являются обязательными для судов общей юрисдикции.

Помимо этого, суды общей юрисдикции обязаны учитывать правовые позиции ЕСПЧ при применении российского законодательства. В частности, содержание предусмотренных им прав и свобод должно определяться с учетом содержания аналогичных прав и свобод, раскрываемого ЕСПЧ при применении Конвенции и Протоколов к ней.

В 2014 г. Россия занимала 24-е место в рейтинге стран по количеству жалоб, поданных в ЕСПЧ. Общее количество зарегистрированных жалоб против России (12 330) вернулось на уровень 2011 г. (12 454)[2]. Тем не менее причины, побуждающие российских граждан обращаться за защитой в ЕСПЧ, продолжают сохраняться. Мы попытались их узнать, предложив участникам мониторинга ответить на пятый вопрос. Преобладали два варианта ответа, в которых подчеркивалась неудовлетворительная работа отечественной судебной системы и наличие существенных пробелов в национальном законодательстве. На судебную систему сетовали 76 человек, на «плохое» законодательство – 68. При этом 44 человека одновременно указали оба варианта ответа. В отношении национальных судов результат оказался ожидаемым, поскольку на первом этапе социально-правового мониторинга, проведенном в прошлом году, были выявлены существенные недостатки и даже сбои в работе национальной системы правосудия. Уже тогда была высказана необходимость дальнейшего реформирования судебной системы России.

В качестве одной из задач реформы называлось повышение доверия населения к российским судам. Еще одним подтверждением данной мысли служат результаты, полученные при ответе респондентов на шестой вопрос о том, насколько опрошенные считают для себя возможным обратиться в ЕСПЧ для защиты прав и свобод. Утвердительно ответили лишь 27 человек, некоторую степень сомнения выразили 45 человек, выбрав вариант «скорее да, чем нет»; 11 человек повели бы себя пассивно и с большой долей вероят-

[1] Подробнее о влиянии ЕСПЧ на законодательство стран – участниц Конвенции в части закрепления религиозных прав см. [6].

[2] Европейский суд по правам человека, статистика за 2014 год. – URL: http://pavel-shipilin.livejournal.com/379814.html (дата обращения: 09.10.2015).

ности отказались бы от обращения в наднациональный суд, остальные деликатно уклонились от ответа, отметив вариант «затрудняюсь ответить». Интересно, что среди тех, кто решился бы инициировать рассмотрение дела в ЕСПЧ, 32 человека. Это юристы-профессионалы из числа судейских работников и представителей иных юридических профессий, многим из которых по роду своей деятельности приходится участвовать в судебных тяжбах.

Побудить обратиться в ЕСПЧ для 23 опрошенных могло бы вынесение несправедливого решения российским судом, для 31 человека – невозможность решить дело в России, для 11 участников опроса – грубое нарушение прав органами государственной власти, семь посчитали целесообразным прибегнуть к помощи Европейского Суда во всех перечисленных случаях.

Оценивая при ответе на восьмой вопрос качество работы ЕСПЧ, участники опроса обозначили положительные стороны, которые, вероятно, обусловливают желание подать жалобу в международный орган правосудия. Респонденты высоко оценивают (4 и 5 баллов) деятельность Суда по таким критериям, как «тщательность рассмотрения каждого дела» (всего 47 человек, из них восемь работников высшей школы, шесть научных работников, четыре судебных работника, девять представителей иных юридических профессий, 20 – студентов юридических вузов). Также отмечается, что судебные решения отличаются «ясностью правовой аргументации» (4 балла поставили 22 человека, 5 баллов – 13).

К числу недостатков в работе ЕСПЧ опрошенные явно относят длительные сроки рассмотрения дел. Так, критерий «разумные сроки рассмотрения дела в суде» получил низкие оценки (3 балла) у 59 опрошенных, из которых 14 работников судебной системы, 10 сотрудников правоохранительных органов, 8 представителей высшей школы, 5 научных работников и 22 студента-юриста. Кстати, лидирующие позиции занял вариант ответа на девятый вопрос, касающийся поиска средств повышения эффективности деятельности ЕСПЧ как органа европейского правосудия: «Сокращение срока для обращения в Суд» (68 человек).

Завершая исследование различных аспектов функционирования ЕСПЧ, мы обратимся к такой проблеме, как столкновение правовых позиций Европейского Суда с органом конституционного правосудия – Конституционным Судом РФ.

Важной процессуальной гарантией обеспечения исполнения решений ЕСПЧ служит возможность пересмотра вступившего в законную силу судебного постановления по заявлению заинтересованного лица ввиду возникновения нового обстоятельства, каковым признается решение ЕСПЧ, устанавливающее нарушение в отношении данного лица положений Конвенции при ранее имевшем место рассмотрении его дела национальным судом. При этом существует риск появления противоположных правовых позиций Конституционного Суда и ЕСПЧ относительно примененных при рассмотрении конкретного дела норм национального законодательства. Более того, исполнение решения ЕСПЧ может оказаться связанным с отказом от применения положений национального законодательства, в отношении которых Конституционный Суд ранее пришел к выводу об отсутствии нарушения ими конституционных прав заявителя.

Наиболее резонансным примером расхождений между конституционной и европейской практикой стало так называемое «дело Маркина» (2010 г.)[1]. В деле «Маркин против России» ЕСПЧ рассматривал предоставление отпуска по уходу за ребенком отцу-военнослужащему. Несмотря на кажущуюся малозначительность этого вопроса на фоне многих других рассматриваемых ЕСПЧ жалоб, в том числе против России, это дело стало предметом бурных дебатов в российской прессе и даже гневных комментариев со стороны российских политиков, судей и высших должностных лиц. Причина в том, что именно в этом деле позиции КС РФ и ЕСПЧ впервые серьезно разошлись.

В 2009 г. КС отказался принять жалобу к рассмотрению, сочтя, что федеральный законодатель был вправе установить для военнослужащих «ограничения в части реализации гражданских прав и свобод», поскольку военнослужащие «выполняют конституционно значимые функции, чем предопределяется их специальный правовой статус». «Поскольку военная служба в силу предъявляемых к ней специфических требований исключает возможность массового неисполнения военнослужащими своих служебных обязанностей без ущерба для охраняемых законом публичных интересов, отсутствие у военнослужащих мужского пола, проходящих службу по контракту, права на отпуск по уходу за ребенком не может рассматриваться как нарушение их конституционных прав и свобод», – говорится в «отказном» определении КС[2].

Судьи ЕСПЧ подтвердили, что в отношении Константина Маркина имела место дискриминация в пользовании правом на уважение его частной и семейной жизни по признаку пола, т.е. нарушение ст. 14 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, взятой в совокупности со ст. 8 Конвенции. Заявителю присуждена компенсация морального вреда (3000 евро) и издержек (3150 евро).

В результате Конституционный Суд в совершенно рядовом деле оказался перед – без преувеличения – цивилизационным выбором. Либо сделать шаг к компромиссу с ЕСПЧ с целью поддержать интеграцию России «в правовое сообщество миролюбивых и свободных государств», как выразился по подобному поводу Конституционный Суд Германии (подчеркнув суверенитет Германии, но при этом полностью поддержав позицию ЕСПЧ в очень спорном «деле Гёргёлю»), либо отвергнуть позицию ЕСПЧ, что в сложившейся ситуации будет означать фактический отказ России от выполнения требований Европейской Конвенции о правах человека. Это чревато дальнейшим ухудшением международных отношений, а в случае эскалации конфликта – исключением России из Совета Европы.

---

[1] Постановление по делу «Константин Маркин против России» от 22.03.2012 (KonstantinMarkinv.Russia, жалоба № 30078/06) // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. – 2012. – № 6.

[2] Об отказе в принятии к рассмотрению жалоб гражданина Маркина Константина Александровича на нарушение его конституционных прав положениями статей 13 и 15 Федерального закона «О государственных пособиях гражданам, имеющим детей», статей 10 и 11 Федерального закона «О статусе военнослужащих», статьи 32 Положения о порядке прохождения военной службы и пунктов 35 и 44 Положения о назначении и выплате государственных пособий гражданам, имеющим детей : Определение Конституционного Суда РФ от 15.01.2009 № 187-О-О // СПС «Консультант Плюс – 2015» (дата обращения: 10.09.2015).

На примере дела «Константин Маркин против России» мы попросили участников опроса выразить свое отношение к сложившейся ситуации. При ответе на данный вопрос оказалось, что большинство опрошенных выступили в защиту интересов гражданина Маркина. Так, 73 человека сказали, что Конституционный Суд РФ должен скорректировать правовую позицию под влиянием решения ЕСПЧ, при этом 46 человек подчеркнули, что «данное решение является обоснованным и справедливым и полностью соответствует как национальным интересам, так и сложившейся международной практике. При этом 57 человек признались, что впервые слышат об этом решении. Удивительно, что далеко не все юристы-практики знают об этом прецеденте (всего лишь пять работников аппарата судов и три представителя иных юридических профессий).

Только 17 человек увидели в столь непростой ситуации нарушение принципа государственного суверенитета, что в полной мере соответствует результатам, полученным при обработке ответов на третий вопрос (о роли ЕСПЧ на международной арене), когда доля респондентов, ответивших, что ЕСПЧ без достаточных оснований вмешивается во внутренние дела российского государства, была достаточно низкая.

Еще 27 выразили недоверие к Конституционному Суду РФ, указав, что решение ЕСПЧ служит еще одним подтверждением неэффективности российской системы правосудия, в том числе конституционного. Среди них четыре работника судебной системы, девять представителей высшей школы и семь научных работников, шесть юристов-практиков, занятых в иной сфере деятельности, 26 студентов юридических вузов.

Второй блок вопросов анкеты был посвящен Суду ЕС. Наше внимание к этому судебному учреждению было обращено постольку, поскольку Суд ЕС – институт, который в системе институтов и правовой системе Европейского Союза далеко превосходит роль арбитра, разрешающего индивидуальные споры между участниками правовых отношений в ЕС. Во-первых, Суд ЕС фактически является органом конституционного контроля, рассматривает и разрешает дела, связанные с толкованием и применением учредительных договоров европейских сообществ. Во-вторых, Суд ЕС выступает в качестве высшего судебного авторитета единой судебной системы Европейского союза: несмотря на наличие в каждом государстве-члене собственной системы органов правосудия, все национальные суды связаны с Европейским Судом преюдициальной (косвенной) юриспруденцией, позволяющей установить единые принципы правоприменения в ЕС и, более того, дающей возможность Суду ЕС осуществлять собственное правотворчество, устанавливать общеобязательные правила поведения (нормы права). В-третьих, выступая одновременно правоприменительным и правотворческим институтом Европейского Союза, в своих решениях Суд ЕС на протяжении всего периода своей деятельности неуклонно проводил линию на расширение компетенции ЕС, укрепление правопорядка ЕС, на примат этого правопорядка над национальными системами права.

Полученные результаты нас несколько удивили, поскольку оказалось, что для многих людей Суд ЕС является «темной лошадкой». Отвечая на одиннадцатый вопрос «Что Вам известно о деятельности Европейского суда справедливости?», 59 человек заявили, что им «ничего не известно», 31 чело-

век знает о существовании такого органа, и только десять человек имеют определенные представления о его деятельности. Причем самыми «компетентными» в этом вопросе оказались представители науки и высшей школы (шесть и три человека соответственно). Один человек был в числе работников судебной системы.

Естественно, что при слабой информированности или отсутствии представлений о работе Суда ЕС основная масса опрошенных не смогла ответить на последующие вопросы. Те же, кто немного знаком с Судом ЕС, при ответе на 12-й вопрос поставили либо «нейтральную» оценку (три человека), либо отозвались положительно о его деятельности (два человека), остальные затруднились ответить (пять человек).

Последний 13-й вопрос анкеты был рассчитан исключительно на специалистов. Мы прямо спросили, что эксперты думают об экспансии Судом ЕС своих полномочий, насколько, на их взгляд, это является допустимым в практике столь авторитетного образования. Получили однозначный ответ: «Нет, не приемлем». Семеро отметили, что подобный подход дискредитирует идею интеграции и подрывает доверие ко всем коллективным органам Европейского Союза, трое аргументировали свою позицию возможностью ущемления полномочий других исполнительных структур ЕС.

В целом же данные, полученные в результате проведения мониторинга, нас не обрадовали. В попытке проанализировать данные второго этапа исследования развития правосудия в условиях интеграции выяснилось, что отношение к ЕСПЧ и Суду ЕС у людей довольно противоречивое. Мы также можем констатировать наличие несколько идеализированных представлений, а также несоответствие завышенных оценок их работы наряду с непониманием и низкой осведомленностью опрошенных о функциях и специфике деятельности этих органов международного правосудия. В лучшем случае люди знают о существовании наднациональных судов, знают, что они могут туда обратиться. Некоторые даже не против попробовать себя в роли заявителя, но слабо представляют, как они функционируют и какое влияние деятельность этих судов оказывает на российское законодательство и на систему национального правосудия.

Однако недостаточность представлений общественности не может являться поводом для игнорирования изучения проблемы интегративного правосудия. Опыт Евросоюза как старейшей и наиболее продвинутой интеграционной организации несет в себе далеко не только положительные моменты. Равным образом негативные стороны все явственнее обнаруживаются и в работе Европейского Суда справедливости, прежде всего в его неадекватной судебной экспансии.

Однако останавливаться на достигнутом не следует. Предстоит еще большая работа по проведению третьего этапа социально-правового мониторинга, посвященного поиску путей реформирования правосудия в России, с учетом тенденций постмодернизационного развития и зарубежного опыта (как отдельных стран, так и межгосударственных интеграционных объединений).

Авторы проекта, анализируя деятельность интеграционных судов, одновременно справедливо обращают внимание на внешнюю непоследовательность проводимых судебных преобразований в России. С одной стороны, ус-

танавливаются общие правила рассмотрения дел в судах общей юрисдикции и арбитражных судах, с другой стороны, принимается Кодекс об административном судопроизводстве [7]. На самом деле подобная непоследовательность отвечает духу современной постмодернизационной эпохи с ее острейшей политической турбулентностью и высоким уровнем конкуренции между внешними и внутренними факторами развития. Внешние факторы стимулируют «подстраивание» под зарубежный государственно-правовой опыт (иногда достаточно наивное и волюнтаристское), внутренние – побуждают соблюдать национальные интересы и не допускать ослабления государства. То же самое мы можем сказать и об интеграционном правосудии. С одной стороны, существует соблазн, чтобы интеграционный судебный орган выполнил роль инструмента консолидации интеграционного объединения. С другой стороны, требуется соблюдать известную осторожность в подобной политике, чтобы не ущемить государственный суверенитет участников интеграционного объединения и не подорвать доверие между ними. Иными словами, необходимо принимать во внимание внутренние факторы развития интегрирующихся государств. Как справедливо отмечают авторы первой у нас в стране монографии по интеграционному правосудию, «сложилось два подхода к определению составных элементов (состава) интеграционных правонарушений».

При формальном подходе, который реализуется в праве ЕС, «в своей судебной практике Суд ЕС отказался учитывать какие-либо факторы, относящиеся к субъективной стороне (наличие или отсутствие вины государства)» [1, с. 24].

Однако более дальновидным и щадящим для суверенитета государств-участников является материальный подход, используемый в праве ВТО. Он, что очень важно, учитывает не только само правовое нарушение, но и неблагоприятные последствия, порождаемые для других государств, нарушения интеграционных норм.

Список литературы

1. **Кашкин, С. Ю.** Интеграционное правосудие в современном мире: основные модели / С. Ю. Кашкин, А. О. Четвериков. – М., 2014.
2. **Энтин, К. В.** Право Европейского Союза и практика Суда Европейского Союза / К. В. Энтин. – М., 2015. – С. 71–74.
3. **Мещерякова, А. Ф.** Процедура социально-правового мониторинга в связи с проведением реформы высших судов России / А. Ф. Мещерякова // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2014. – № 2 (30). – С. 112–119.
4. The European Court of Human Rights. Some Facts and Figures. – Strasbourg : Council of Europe, 2010. – P. 3, 5, 17.
5. **Энтин, К. В.** В поисках партнерских отношений: Россия и Европейский союз в 2004–2005 годах : моногр. / К. В. Энтин. – СПб. : СКФ «Россия-Нева», 2006. – С. 465.
6. **Мещерякова, А. Ф.** Принцип светскости государства в практике Европейского Суда по правам человека / А. Ф. Мещерякова // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2012. – № 8. – С. 76–82.
7. **Мещерякова, А. Ф.** Специализация судов и унификация процессуального законодательства как средство повышения качества правосудия / А. Ф. Мещерякова // Правовая политика и правовая жизнь. – 2015. – № 3. – С. 147–149.

References

1. Kashkin S. Yu., Chetverikov A. O. *Integratsionnoe pravosudie v sovremennom mire: osnovnye modeli* [Integrational justice in the modern world: basic models]. Moscow, 2014.
2. Entin K. V. *Pravo Evropeyskogo Soyuza i praktika Suda Evropeyskogo Soyuza* [The European Union Law and the European Union Court practice]. Moscow, 2015, pp. 71–74.
3. Meshcheryakova A. F. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Obshchestvennye nauki* [University proceedings. Volga region. Social sciences]. 2014, no. 2 (30), pp. 112–119.
4. *The European Court of Human Rights. Some Facts and Figures*. Strasbourg: Council of Europe, 2010, pp. 3, 5, 17.
5. Entin K. V. *V poiskakh partnerskikh otnosheniy: Rossiya i Evropeyskiy soyuz v 2004–2005 godakh: monogr.* [In search of partnerships: Russia and the European Union in 2004–2005: monograph]. Saint-Petersburg: SKF "Rossiya-Neva", 2006, p. 465.
6. Meshcheryakova A. F. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika* [Russian laws: experience, analysis, practice]. 2012, no. 8, pp. 76–82.
7. Meshcheryakova A. F. *Pravovaya politika i pravovaya zhizn'* [Legal policy and law-based life]. 2015, no. 3, pp. 147–149.

Саломатин Алексей Юрьевич
доктор юридических наук, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой теории государства и права и политологии, Пензенский государственный университет
(Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40)

E-mail: valeria_zinovev@mail.ru

Salomatin Aleksey Yur'evich
Doctor of juridical sciences, doctor of historical sciences, professor, head of sub-department of state and law theory and political science, Penza State University
(40 Krasnaya street, Penza, Russia)

Мещерякова Анна Федоровна
кандидат юридических наук, доцент, кафедра правосудия, Пензенский государственный университет
(Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40)

E-mail: fuga9@yandex.ru

Mescheryakova Anna Fedorovna
Candidate of juridical sciences, associate professor, sub-department of justice, Penza State University
(40 Krasnaya street, Penza, Russia)

УДК 340

Саломатин, А. Ю.

Социально-правовой мониторинг интеграционного правосудия и задачи его развития в эпоху глобализации / А. Ю. Саломатин, А. Ф. Мещерякова // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2015. – № 4 (36). – С. 84–95.

УДК 316.453

С. В. Полутин, А. В. Седлецкий

ФОРМИРОВАНИЕ СОЦИАЛЬНОГО МЕХАНИЗМА МОТИВАЦИИ РАБОТНИКОВ К ИННОВАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Аннотация.

Актуальность и цели. Российское общество в настоящее время переживает социально-экономический кризис, связанный как с проблемами в наращивании инновационного потенциала, так и с реализацией инновационного типа развития. Для решения данных проблем необходимо формировать инноваторов, деятельность которых будет основываться на действенных мотивах и стимулах к творчеству. Цель работы – исследовать социальные механизмы мотивации работников к инновационной деятельности.

Материалы и методы. Реализация поставленных задач была достигнута путем анализа понятий, связанных с социальными механизмами мотивации к инновационной деятельности. В ходе исследования мы проанализировали значение социального механизма мотивации к инновационной деятельности для развития инновационной сферы в России. Исследование опирается на системный анализ, структурно-функциональный и сравнительный методы.

Результаты. Результатом исследования стало раскрытие сущности социальных механизмов инновационных процессов. Приведены основные условия, способствующие эффективной реализации социальных механизмов мотивации к инновационной деятельности.

Выводы. Изучение влияния социального механизма мотивации инновационной деятельности на реализацию инновационного потенциала в России позволяет сделать выводы о том, что для генерации новых научных идей и концепций, создания новых продуктов, новых технологий и проектов нужно формировать условия для результативной работы инноваторов в организациях.

Ключевые слова: социальный механизм, мотивация, инновационная деятельность, инновационное развитие, система, социальные регуляторы, общество, социальные потребности, социальные институты, социальные процессы, социальные группы.

S. V. Polutin, A. V. Sedletskiy

FORMATION OF A SOCIAL MECHANISM FOR WORKERS MOTIVATION TO INNOVATIVE ACTIVITY

Abstract.

Background. Russian society is currently experiencing a social and economic crisis, coupled with the problems of how to build innovation capacity, and with implementation of an innovative type of development. To solve these problems it is necessary to form innovators whose activities will be based on effective motives and incentives to creativity. The purpose of the work is to examine social mechanisms to motivate employees to innovate.

Materials and methods. Implementation of the tasks was achieved by analyzing the concepts related to the social mechanisms of motivation to innovate. In the study, we analyzed the importance of the social mechanism of motivation to innovate for innovation development in Russia. The study was based on the systematic analysis, structural-functional and comparative methods.

Results. The result of the study was the discolure of the essence of social mechanisms of innovation processes. The article describes basic conditions promoting effective implementation of the social mechanisms of motivation to innovate.

Conclusions. Study of the influence of the social mechanisms of motivation on implementation of innovations in Russia allow to conclude that for generation of new scientific ideas and concepts, for creation of new products, new technologies and projects it is necessary to create conditions for effective work of innovators at organizations.

Key words: social mechanism, motivation, innovation, innovative development, system, social controls, society, social needs, social institutions, social processes, social groups.

Основой инновационной экономики является практическая реализация инновационной деятельности, заключающейся в трансформации идей, результатов научно-технических исследований и разработок в технологически новые или усовершенствованные продукты или услуги, технологические процессы. Инновационная экономика стала целью экономического развития ведущих мировых держав, в том числе Российской Федерации.

В связи с этим в современных условиях большое значение имеет определение основных путей обеспечения инновационного роста национальной и региональной экономик и выявление факторов мотивации экономических субъектов к инновациям. Изучение данного вопроса напрямую связано с разработкой соответствующих инструментов федеральной и региональной инновационной политики.

В рамках опроса руководителей территориальных торгово-промышленных палат (представителей работодателей одного из субъектов системы социального партнерства) в 2014 г. была проведена экспертная оценка значимости факторов, оказывающих влияние на уровень инновационной активности.

Всего было опрошено 73 руководителя организаций, входящих в состав Южно-Уральской торгово-промышленной палаты. Среди опрошенных: 25 % – первые руководители; 42 % – директора по направлениям; 33 % – руководители подразделений организаций. В основном в анкетировании участвовали представители малого и среднего бизнеса. Из общего числа опрошенных 1/3 – руководители небольших организаций с численностью персонала до 50 человек; 1/3 – с численностью персонала от 50 до 100 человек; 1/3 – с численностью персонала от 100 до 500 человек.

Были определены факторы, влияющие на инновационную деятельность. Степень значимости влияния каждого из этих факторов на уровень инновационной активности в баллах оценили руководители территориальных торгово-промышленных палат.

Среднюю степень значимости влияния на уровень инновационной активности респонденты отметили для таких факторов, как инновационная инфраструктура (создание технопарков), недвижимость (возможность и легкость получения в аренду помещений и земельных участков для осуществле-

ния инновационной деятельности); административный фактор (уровень административных барьеров, защита прав работников и работодателей); инфраструктура (развитость дорожной и коммунально-инженерной сетей).

Наибольшую значимость для инновационной активности имеют такие факторы, как доступность финансовых и квалифицированных трудовых ресурсов.

Большинство опрошенных респондентов (58 %) отметили, что на их предприятии нет системы, направленной на стимулирование изобретательской и рационализаторской деятельности работников.

На вопрос «Принимает ли персонал вашего предприятия участие в проводимых на городском и областном уровнях конкурсах и программах с целью стимулирования инновационной активности?» ответы распределились следующим образом: 24,6 % опрошенных ответили, что сотрудники их предприятий принимали участие в проводимых на городском и областном уровнях конкурсах и программах, направленных на стимулирование инновационной активности; 50,6 % опрошенных ответили отрицательно; 24,8 % затруднились с ответом.

Данные экспертного опроса свидетельствуют о том, что в настоящее время на большинстве предприятий отсутствует механизм мотивации к инновациям, реализации творческого потенциала работников. В экономической литературе даже появился термин «интеллектуальная пассивность персонала» – это бездеятельность персонала в отношении реализации его интеллектуального потенциала, проявляющаяся в незаинтересованности создавать и использовать интеллектуальные продукты. Пока не создан мотивационный механизм к инновациям, не сформировано инновационное мышление работников и предпринимателей, невозможен переход к инновационной экономике [1].

Разрабатывая социальный механизм мотивации к инновационной деятельности, нужно сформулировать понятие социального механизма. Сущность социального механизма формируют следующие компоненты:

– совокупность организационных форм социума (политический курс, властные структуры, принципы и убеждения, управление народным хозяйством и т.д.);

– условия деятельности социальных групп на производстве и в быту;

– определенные аспекты их целенаправленной деятельности – целей, нужд, интересов и потребностей;

– конкретные виды социальной деятельности.

К механизмам, обеспечивающим инновационное развитие, относятся инновационные механизмы. По мнению Г. А. Гершанока, инновационный механизм – это организационно-экономическая форма осуществления инновационной деятельности, способствующая проведению, поиску инновационных решений, а также рычаг стимулирования и регулирования этой деятельности. Существует множество таких механизмов, выполняющих конкретные функции. Причем это множество не является закрытым, и появление новых механизмов является закономерным событием. Названные механизмы должны формировать инновационное, инвестиционное и финансовое обеспечение предпринимательских структур в его привязке к стадиям их жизненного цикла. Совокупность этих механизмов образует функциональное обеспечение инновационной деятельности [2].

В рыночных условиях трансформируются объективные условия производства, изменяются производственные отношения, что требует совершенствования механизма управления инновационной деятельностью, основной частью которого являются организационно-экономические отношения, охватывающие отношения, складывающиеся в процессе управления инновационной деятельностью [3].

Механизм управления инновационной деятельностью представляет собой совокупность экономических, организационных и правовых способов целенаправленного взаимодействия субъектов хозяйствования и воздействия на их деятельность, обеспечивающих согласование интересов взаимосвязанных сторон, объектов и субъектов управления инновационной деятельностью.

Механизмы функционального обеспечения будут различными в зависимости от того, на какой стадии развития находится та или иная предпринимательская структура. Увязка элементов функционального обеспечения со стадиями развития предпринимательских структур способствует более эффективному принятию управленческих решений.

Термин «социальный механизм» очень часто используется при рассмотрении социально-экономических факторов, влияющих на протекание инновационных процессов. Остановимся на некоторых методологических моментах, связанных с данным понятием.

Исследователи, пытающиеся применить для анализа способов включения человека в инновационную деятельность системный подход, предпочитают в данном случае использовать не понятие «система», а понятие «механизм». Первое, по их мнению, не в полной мере отражает динамичность процесса, так как восприятие всякой системы останавливается на характеристике «статики» того или иного процесса. А вот понятие «механизм» в большей степени отражает функционирование, динамичность процесса. Такой подход (в отличие от традиционного «факторного») обладает рядом преимуществ, так как не ограничивается изучением условий-факторов, а направляет исследование на изучение системообразующих (в том числе функциональных) связей [4].

Социальные механизмы – это особого рода сложные социальные системы, включающие тот или иной набор социальных институтов данного общества, те или иные условия, производственные или непроизводственные, жизнедеятельности субъектов, те или иные стороны их сознания – целей, интересов, потребностей, те или иные формы активности деятельности, поведения, призванных урегулировать определенный социальный процесс и позволяющих в конечном счете достигнуть запрограммированного результата.

Социальный механизм погружен в более широкую систему – общество, в которой определяющее значение имеет человеческий фактор как активная сила развития общества, опосредующая влияние всех других подсистем общественной жизни. Специфика социального механизма ярче всего выявляется через субъекты – «конструкторы» этого механизма, они сами включены в процесс развития, который они же должны регулировать и совершенствовать.

Лучше всего раскрыть содержание понятия «социальный механизм» можно через сведение его к системе социальных регуляторов. Именно эта система является конкретным выражением социального механизма инновационных процессов. При этом важно отметить, что социальный механизм

инноваций включает в себя как регулирование, так и спонтанные элементы, которые всегда проявляются даже при преобладающей роли сознательного регулирования, планирования и управления в обществе. Наличие таких элементов является проявлением синергетической природы инновационной деятельности вообще.

Исследователи выделяют разные виды социальных регуляторов, что ставит на повестку дня вопрос об их классификации.

В качестве основного критерия взят признак – масштабность деятельности. С этой позиции социальные регуляторы делятся на две группы: глобальные и локальные. Первые действуют в масштабе общества в целом и представляют собой наиболее важные социальные институты. Вторые действуют на уровне отдельных предприятий, а следовательно, они должны учитывать конкретные характеристики своих объектов и особенности формирования в них инновационного климата.

Все глобальные регуляторы в совокупности образуют систему, в которой элементы находятся в иерархическом порядке и в целом соответствуют друг другу в периоды стабильного развития общества. Если же спокойное течение развития общества нарушается или последнее не устраивает имеющийся инновационный потенциал и темпы появления инноваций, то система перестраивается, роль локомотива берут на себя политика и идеология, начинают вырабатываться и осуществляться меры, направленные на создание новых принципов организации и деятельности основных социальных институтов, чьи функции тесно связаны с появлением инноваций.

Воздействие глобальных регуляторов идет не непосредственно, а через систему локальных регуляторов, которые, в свою очередь, тесно связаны с характеристиками отдельных субъектов инновационной деятельности, а также между собой: изменение одних может вызвать изменение других. К локальным регуляторам относят следующие: территориальный (близость или удаленность от руководящего центра); производственный (размеры, техническая оснащенность, инновационный потенциал); социальный в узком смысле слова (характер и структура трудового коллектива, социальные качества работников, производственное поведение, инновационное сознание и др.).

Предметом социального механизма мотивации к инновационной деятельности является инновационное поведение работников организации. Подобная трактовка объекта социального механизма мотивации к инновационной деятельности способствует рассмотрению его целей, функции и задач. Цель социального механизма мотивации к инновационной деятельности состоит в формировании условий для креативной деятельности работников организации, содействие в реализации идей, преодоление антагонизма персонала. Важной задачей также является создание искомого позитивного отношения работников к организационным инновациям [5].

Отношение работников к инновациям в организации может быть отрицательным, безучастным и позитивным. Исходя из этого, должны быть решены следующие задачи:

1) устранение отрицательного отношения работников к инновациям;

2) создание и укрепление позитивного отношения работников к инновациям.

Характерной чертой механизма мотивации к инновационной деятельностью в организации является его системная природа. Он не только побуждает к инновационной деятельности работников, но и «осуществляет комплексное совершенствование и целесообразное применение социально-экономических, организационно-управленческих и общественно-политических факторов».

Таким образом, значимыми отличительными чертами механизма мотивации к инновационной деятельности являются: 1) комплексная сущность; 2) многосубъектность; 3) влияние на инновационное мышление и деятельность работников организации; 4) влияние на позицию сотрудников по их отношению к инновациям, устранение отрицательного отношения; 5) функциональная особенность осуществляемых действий; 6) особенность применяемых инструментов и технологий мотивации инновационной деятельности. Из этого следует, что отличительной чертой инновационной деятельности является ее постоянная трансформация.

Под инновационной средой организации можно подразумевать совокупность обстоятельств, содействующих стремлению сотрудников реализовать инновационные замыслы.

Изменения социальных механизмов могут влиять на тех субъектов, которые сопротивляются переменам. Смысл итератива «социальный механизм» обусловливает особенность «механизменного» отношения к исследованию социальных процессов. В пределах этого подхода подразумевается, что в основе каждого социального процесса лежит свой механизм. Развитие социальных процессов является следствием функционирования воздействующего на него социального механизма.

Создание социальных механизмов происходит под влиянием социальных потребностей, лежащих в основе их формирования. Следовательно, социальные механизмы создаются для решения социальных проблем и удовлетворения социальных потребностей. Формируемые обществом социальные механизмы мотивации труда выражают потребности в полной реализации возможностей работников, повышении их интереса в осуществлении значимых производственных процессов. Социальные механизмы способствуют в реализации потребностей общества в исполнении конкретных социальных функций. Чтобы понять, как социальные механизмы реализуют потребности общества, следует проанализировать структуру социальных механизмов.

На «входе» в социальный механизм находится насущная общественная потребность, а на «выходе» социальные процессы, необходимые для ее реализации. Социальный механизм мотивации к инновационной деятельности связан с реализацией общественных потребностей в инновациях. Данная потребность закреплена за социальными институтами, формирующими среду для ее реализации. Социальный механизм мотивации инновационной деятельности и социально-экономическая политика государства относятся к институтам, координирующим инновационные процессы [5].

Функционирование социальных механизмов – это взаимодействие входящих в их состав элементов. Оно сводится к следующему. Социальные институты формируют условия жизнедеятельности социальных групп, а следовательно, определяют характер их социального положения. Условия и положение групп детерминируют характер их целей и интересов. Цели и интересы

групп непосредственно влияют на их деятельность и поведение. Последние определяют характер соответствующих социальных процессов.

Таким образом, система регуляторов инновационных процессов носит сложный, иерархический характер. Можно сказать, что эти процессы управляются целой цепочкой регуляторов (а точнее, множеством цепочек). Она начинается с глобальных (глубинных, институциональных) и кончается локальными регуляторами, действующими на уровне предприятия и непосредственно определяющими инновационные процессы.

Действие социальных механизмов основано на взаимосвязи включенных в их состав компонентов:

– социальные институты создают среду и основу для деятельности социальных групп;

– особенности функционирования групп определяют природу их целей, потребностей и мотивы деятельности;

– потребности и мотивы деятельности оказывают воздействие на проявление особенностей их поведения.

Потребности и мотивы деятельности и формируют основу социальных процессов. В настоящее время руководителям инновационных систем следует использовать комбинацию методов мотивации и материального поощрения. Кроме того, система материального поощрения не обязательно может формироваться на базе финансового обеспечения инновационной деятельности в целом. Прежде всего необходимо поощрять определенные замыслы и инноваторов.

Список литературы

1. **Колмакова, И. Д.** Инновационная деятельность: пути обеспечения и факторы мотивации / И. Д. Колмакова, Е. М. Колмакова // Вестник Челябинского государственного университета. – 2014. – № 2. – С. 45–47.
2. **Гершанок, Г. А.** Методы и механизмы инноваций и предпринимательства : учеб.-метод. пособие / Г. А. Гершанок, Е. И. Вейсгербер. – Пермь : Изд-во Перм. гос. техн. ун-та, 2010. – 133 с.
3. **Самойлов, А. В.** Механизм управления инновационной деятельностью / А. В. Самойлов // Вопросы экономики и права. – 2012. – № 3. – С. 181.
4. **Kammeyer, K. C. W.** Sociology: Experiencing Changing Sosienties / K. C. W. Kammeyer, G. Ritzer, N. R. Yetman. – Boston ; London, 1992. – P. 12.
5. **Седлецкий, А. В.** Основные подходы к мотивации инновационной деятельности / А. В. Седлецкий // Экономика и общество: проблемы и перспективы модернизации в России : моногр. / под общ. ред. В. В. Бондаренко, В. А. Дресвянникова, О. В. Лосевой. – Пенза : Изд-во ПГУ, 2013. – С. 529–537.
6. **Иванов, В. В.** Территории высокой концентрации научно-технического потенциала в странах ЕС / В. В. Иванов. – М., 2005. – 180 с.
7. **Полутин, С. В.** Интеграция высшей школы как социального института в инновационную систему России / С. В. Полутин, А. В. Седлецкий // Интеграция образования. – 2011. – № 1. – С. 3–9.

References

1. Kolmakova I. D., Kolmakova E. M. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Chelyabinsk State University]. 2014, no. 2, pp. 45–47.
2. Gershanok G. A., Veysgerber E. I. *Metody i mekhanizmy innovatsiy i predprinimatel'stva: ucheb.-metod. posobie* [Methods and mechanisms of innovations and entrepreneurship: learner's guide]. Perm: Izd-vo Perm. gos. tekhn. un-ta, 2010, 133 p.

3. Samoylov A. V. *Voprosy ekonomiki i prava* [Issues of economics and law]. 2012, no. 3, p. 181.
4. Kammeyer K. C. W., Ritzer G., Yetman N. R. *Sociology: Experiencing Changing Sosienties*. Boston; London, 1992, p. 12.
5. Sedletskiy A. V. *Ekonomika i obshchestvo: problemy i perspektivy modernizatsii v Rossii: monogr.* [Economics and society: problems and prospects of modernization in Russia: monograph]. Penza: Izd-vo PGU, 2013, pp. 529–537.
6. Ivanov V. V. *Territorii vysokoy kontsentratsii nauchno-tekhnicheskogo potentsiala v stranakh ES* [Areas with high concentration of scientific and technical potential in EU countries]. Moscow, 2005, 180 p.
7. Polutin S. V, Sedletskiy A. V. *Integratsiya obrazovaniya* [Integration of education]. 2011, no. 1, pp. 3–9.

Полутин Сергей Викторович
доктор социологических наук, профессор,
заведующий кафедрой социологии,
Мордовский государственный
университет им. Н. П. Огарева
(Россия, г. Саранск,
ул. Большевистская, 68)

E-mail: polutin.sergei@yandex.ru

Polutin Sergej Viktorovich
Doctor of sociological sciences, professor,
head of sub-department of sociology,
Ogarev Mordovia State University
(68 Bolshevistskaya street, Saransk, Russia)

Седлецкий Александр Викторович
кандидат социологических наук, доцент,
кафедра менеджмента и маркетинга,
Финансовый университет
при Правительстве РФ
(Пензенский филиал)
(Россия, г. Пенза, ул. Калинина, 33Б)

E-mail: alexsus_75@mail.ru

Sedleckij Aleksandr Viktorovich
Candidate of sociological sciences,
associate professor, sub-department
of management and marketing, Financial
University under the Government
of the Russian Federation
(33b Kalinina street, Penza, Russia)

УДК 316.453
Полутин, С. В.
Формирование социального механизма мотивации работников к инновационной деятельности / С. В. Полутин, А. В. Седлецкий // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2015. – № 4 (36). – С. 96–103.

УДК 316.356.2

Т. Н. Отделкина

ФОРМИРОВАНИЕ ИНСТИТУТА ЗАМЕЩАЮЩЕЙ СЕМЬИ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Аннотация.

Актуальность и цели. Сегодня замещающая семья является одним из эффективных институтов, направленных на социализацию детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. Однако для обеспечения его функционирования необходимо определить истоки его формирования. Целью статьи является раскрытие теоретических основ и исторических истоков формирования института замещающей семьи.

Материалы и методы. Основой для реализации исследовательских задач послужил анализ теоретических подходов и концепций, изучающих проблемы социального сиротства и семейного неблагополучия в исторической ретроспективе, и анализ современного состояния данных социальных явлений на территории Нижегородской области.

Результаты. Результаты исследования показывают, что такие исторически сформировавшиеся социальные явления, как социальное сиротство и семейное неблагополучие, послужили основными причинами формирования института замещающей семьи.

Выводы. На основе полученных в рамках проведенного анализа результатов можно сделать вывод о необходимости внедрения новых технологий по преодолению проблем социального сиротства и семейного неблагополучия, а также усовершенствования системы профилактики подобных социальных явлений.

Ключевые слова: социальное сиротство; семейное неблагополучие; замещающая семья; дети-сироты; дети, оставшиеся без попечения родителей.

T. N. Otdelkina

HISTORICAL RETROSPECTIVE PROBLEMS OF CHILD ORPHANHOOD AND FAMILY PROBLEMS AS A CAUSE OF FORMATION OF THE INSTITUTION OF SUBSTITUTE FAMILY

Abstract.

Background. Today, substitute families are one of effective institutions, aimed at socialization of orphans and children without parental care. However, it is necessary to determine the origins of its formation to ensure its functioning. The article presents an analysis of theoretical approaches and concepts of studying the problems of child orphanhood and family problems in a historical perspective and analysis of the current state of these social phenomena in Nizhny Novgorod region. The aim of the article is to reveal theoretical foundations and historical origins of the institution of substitute family.

Materials and methods. The research tasks were implemented on the basis of the analysis of theoretical approaches and concepts of studying the problems of child orphanhood and family problems in a historical perspective and the analysis of the current status of these social phenomena in Nizhny Novgorod region.

Results. The results show that such historically formed social phenomena like social orphanhood and family problems were the main reasons of formation of the institution of substitute family.

Conclusions. On the basis of the results of the conducted research one can conclude about the need to introduce new technologies to address the problems of child abandonment and family problems, as well as to improve the system of prevention of these social phenomena.

Key words: social orphanhood, family problems, substitute family, orphans, children without parental care.

Тенденция увеличения числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, большая часть которых являлась социальными сиротами, возникла вследствие изъятия детей из семьи и лишения родителей их прав в отношении ребенка по причине их девиантного и асоциального поведения, а также смерти родителей от заболевания, военных действий и несчастных случаев. В результате начинают определяться и выделяться категории семей, которые становятся объектом поддержки государства (например, семья в трудной жизненной ситуации, семья в социально опасном положении).

На разных этапах исторического развития первостепенной причиной социального сиротства можно назвать невозможность семьи обеспечить минимальные потребности ребенка и, как следствие, формирование социального неблагополучия семьи. Согласно патриархальным взглядом семья является основной ячейкой общества и представляет собой прообраз государства, где отец – домовладыка, является главой семьи и воплощает в себе прообраз монарха, а его власть является прообразом и источником государственной власти. Этому типу семьи соответствовала расширенная семья, включающая детей, имеющих собственные семьи [1, с. 31]. Помимо этого, как правило, такие семьи были многодетными, но не в нынешней интерпретации (многодетной считается семья, в которой трое и более детей), а много больше, так как ребенок был подспорьем и рабочей силой для ведения совместного семейного хозяйства. К сожалению, в таких семьях не всегда родители могли обеспечить даже базовые потребности всех детей. В феодальном же обществе церковный брак становится обязательным для всех сословий населения, в том числе крепостных, которым для этого необходимо было разрешение своего помещика. Однако не все следовали данному обряду, что стало причиной увеличения числа внебрачных рождений и роста социального сиротства.

Помимо этого основными событиями, которые повлекло за собой распространение данного явления, стали Октябрьская революция 1917 г., Первая мировая война, гражданская война. Они привели к упадку «великого здания русской культуры» [2], что, в свою очередь, не могло не повлиять на состояние семьи. К тому же увеличение числа неполных семей вследствие упрощения процедур вступления в брак и его расторжения также негативно отражалось на воспитании детей и повлияло на увеличение числа отказных детей, которых матери отдавали на попечение государству, отказываясь от своих родительских прав. Все это нанесло сильнейший удар по патриархальному укладу общества и межпоколенным связям.

Сегодня можно говорить об увеличении количества судебных решений в отношении родителей и их прав на ребенка. Предпосылками подобных судебных решений являются такие демографические процессы, широко распространившиеся в современном российском обществе, как изменение структуры семьи, неустойчивость брачно-партнерских отношений, ослабление внут-

рисемейных связей, снижение воспитательно-социализирующего потенциала семьи [3, с. 7]. Социально-экономические трансформации, изменяющие условия общественной жизни, приводят к появлению новых социальных проблем современной семьи, классификация которых представлена на рис. 1.

Социально-демографические:

1. Снижение уровня рождаемости – депопуляция – уменьшение процента русского населения – приток в страну мигрантов – новые экономические проблемы.
2. Старение населения – усиление нагрузки на людей трудоспособного возраста.
3. Появление новых форм семейных отношений – появление новых проблем – снижение благополучности ребенка.

Социально-экономические:

1. Жилищные проблемы молодых семей.
2. Низкий уровень благосостояния населения, который влияет на социализацию детей.

Проблемы в трудовой сфере – дискриминация женщин на работе.

3. Дороговизна инфраструктуры детства; нехватка детских садов.

Социально-психологические:

1. Снижение качества родительско-детских отношений вне зависимости от статусности семьи.
2. Конфликты в семье, являющиеся предпосылкой домашнего насилия.
3. Снижение родительского авторитета.

Социально-медицинские:

1. Низкая контрацептивная культура, приводящая к росту числа болезней, передающихся половым путем.
2. Увеличение числа ранних рождений.
3. Снижение возраста сексуального дебюта, так как добрачные отношения рассматриваются как норма.
4. Увеличение числа внебрачных детей – отказ от детей.
5. Социальные болезни (наркомания, алкоголизм).
6. Семьи с инвалидами.

Рис. 1. Социальные проблемы современной семьи

К сожалению, не каждая семья может справиться с подобного рода проблемами и успешно адаптироваться к изменяющейся социально-экономической обстановке. Следствием этого становится появление неблагополучной семьи, нуждающейся в поддержке государства, в частности в сфере социального обслуживания. Проблемы, характеризующие семейное неблагополучие, снижают социальный ресурс семьи и ребенка, будущее которого зависит от социального положения, здоровья и образования его родителей. Чем меньше у семьи ресурсов, тем выше уровень неблагополучия семьи и риск социального сиротства. Оказавшись перед лицом множества сложнейших социальных проблем, дети могут быть лишены будущих жизненных перспектив. Таких детей чаще всего относят к категории «дети в трудной жизненной ситуации». Они сталкиваются на своем жизненном пути с преградами, препят-

ствующими их нормальному развитию, воспитанию и дальнейшей социализации, что приводит к исключенности из социальной, культурной и экономической жизни общества.

Для эффективного преодоления тенденции увеличения числа неблагополучных семей необходим комплекс мер, который на ранних этапах позволит их выявлять. Профилактическая работа должна осуществляться с семьями группы риска, которые несут в себе латентную угрозу для негативной социализации подрастающего поколения. Для предотвращения перехода этой латентной угрозы в явную необходим комплексный профилактический подход к работе со всеми членами семьи. С семьями, уже оказавшимися в социально опасном положении, необходимо проводить реабилитационную работу как по предотвращению ситуации социального неблагополучия, так и по социальной включенности.

Согласно данным, опубликованным Министерством труда и социальной политики РФ в Государственном докладе «О положении детей и семей, имеющих детей, в Российской Федерации» [4], наблюдается положительная тенденция по сокращению числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, выявленных в течение года (рис. 2).

Рис. 2. Динамика численности детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, выявленных в течение года, тыс. человек

Из данных федеральной статистики можно сделать вывод, что за десять лет численность детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, выявленных в течение года, сократилась практически в два раза. Это является результатом реализации комплекса мер по работе с семьями группы риска и профилактике социального сиротства и семейного неблагополучия в рамках реализации комплексной семейной национальной политики. Можно предположить, что снижение численности данной категории детей происходит и за счет развития форм жизнеустройства детей в семьи. Данная динамика констатируется Федеральной службой государственной статистики РФ с 2008 г. Это может быть связано с тем, что именно 2008 г. был объявлен годом семьи, что, в свою очередь, послужило дополнительным импульсом для развития

государственной политики в сфере семьи, материнства и детства. За последующие шесть лет наблюдалось увеличение количества детей, принятых на воспитание в семьи, и в Российской Федерации в целом, и в Нижегородской области в частности (табл. 1). Однако, говоря о темпах роста количества семей, желающих принять на воспитание ребенка-сироту или ребенка, оставшегося без попечения родителей, стоит отметить, что в 2010–2011 гг. наблюдалось снижение их количества, и данная ситуация характерна для всех федеральных округов и субъектов Российской Федерации (табл. 2). Причиной всплеска желания граждан в 2008–2009 гг. можно назвать динамичную государственную семейную политику, активно пропагандирующую семейные ценности и ценность детей.

Таблица 1

Доля детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, переданных на семейные формы устройства, %

	2008	**2009**	**2010**	**2011**	**2012**	**2013**
РФ	71,0	77,0	78,9	79,9	80,4	78,3
Нижегородская область	66,8	78,7	80,8	82,3	84,0	81,7

Таблица 2

Темп роста/снижения числа семей, желающих принять ребенка на воспитание в РФ, на конец отчетного года, в процентах к предыдущему году

2008	**2009**	**2010**	**2011**	**2012**	**2013**
126,1	168,9	98,1	77,5	101,0	140,8

В 2008 г. был принят ряд законов, направленных на защиту семьи и самых социально незащищенных ее членов. Это Указ Президента России от 14 июля 2007 г. «О создании Фонда по поддержке детей, находящихся в трудной жизненной ситуации». В апреле 2008 г. принят Федеральный закон «Об опеке и попечительстве» – первый в России единый документ, регулирующий отношения опекунов, попечителей и их подопечных, который упорядочивает процедуры установления, осуществления и прекращения опеки и попечительства, определяет полномочия органов опеки и попечительства, правовой статус опекунов и попечителей, а также определяет формы их поддержки государством.

Исходя из вышесказанного, возникает вопрос о мотивации будущих замещающих родителей при снижении общего уровня желания принятия ребенка в семью. Возможно, подобная ситуация объясняется увеличением количества опекунских семей и семей, взявших ребенка на попечение, так как в основном замещающими родителями в рамках данной формы жизнеустройства детей, оставшихся без попечения родителей, являются родственники ребенка. Однако подтверждающей этот факт официальной статистики нет. Если говорить о Нижегородской области, то 2008 г. стал одним из пиковых по численности детей, родители которых были лишены или ограничены в родительских правах.

Стоит отметить, что для сохранения тенденции снижения числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, необходимо проведение

не только работы с семьями с детьми категории группы риска для предотвращения их попадания в категорию неблагополучных, но и мероприятий, направленных на пропаганду семейных ценностей и ответственного родительства. Это поможет как развитию и укреплению внутрисемейных связей кровных семей, так и повышению уровня сознания замещающих родителей и предотвращению возврата приемных детей.

С 2009 г. наблюдалась тенденция сокращения числа детей, родители которых лишены родительских прав, а также числа родителей, ограниченных или лишенных родительских прав. Помимо этого, необходимо отметить, что за последние три года численность родителей, восстановленных в родительских правах, и численность родителей, в отношении которых отменено ограничение родительских прав, не имеет положительной тенденции, что говорит о снижении уровня ответственного родительства.

Заметим, что не только влияние негативных внешних факторов на семью может привести к ее дестабилизации и, как следствие, лишению или ограничению в правах родителей, но и слом в межпоколенных отношениях в ходе исторических трансформационных процессов [5, с. 212].

Вопрос о введении социального работника в штат общеобразовательных учреждений в целях повышения эффективности профилактики семейного неблагополучия, а также выявления на ранней стадии семей группы риска и семей, оказавшихся в трудной жизненной ситуации, и оказания помощи им является особенно актуальным. Задача данного специалиста – осуществлять комплексный мониторинг и анализ обучающей деятельности учеников для выявления детей с низкими показателями успеваемости и уровнем воспитания; определять причины подобных показателей для формирования программы по оказанию помощи семье и ребенку. Дальнейшая реализация данной программы проводится специалистами социальной сферы, а социальный работник школы уже выполняет связующую, сопровождающую роль. Однако здесь существует возможность столкновения с барьерами, связанными с конфронтацией интересов специалиста социальной сферы и специалиста сферы образования, так как для каждого общеобразовательного учреждения крайне важны их показатели в рейтинге среди других школ, свидетельствующие о качестве образования и признании. В связи с этим можно предположить, что подобное взаимодействие не будет носить объективного характера и случаи выявления социально неблагополучного обучающегося будут замалчиваться специалистами. Возможно, здесь уместно провести параллель со школьными инспекторами по делам несовершеннолетних, работа которых направлена на профилактику безнадзорности и правонарушений. Специалистами отмечается сокращение числа правонарушений среди несовершеннолетних, связанное с деятельностью данных специалистов. Несмотря на это, в связи с реорганизацией и переводом сотрудников из «милиции» в «полицию» было принято решение об оптимизации трудовых единиц, в том числе школьных инспекторов.

В Российской Федерации структуру взаимодействия органов и учреждений системы профилактики социального сиротства можно выстроить на основе анализа Федерального закона от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» [6]. Нормативно-правовое регулирование в сфере социального си-

ротства на федеральном уровне осуществляют три министерства: Министерство образования и науки Российской Федерации, которое является основным законотворческим субъектом в иерархической системе межведомственного взаимодействия учреждений по вопросам профилактики социального сиротства; Министерство труда и социальной защиты Российской Федерации и Министерство здравоохранения Российской Федерации, которые являются сопутствующими учреждениями в организации деятельности по данному вопросу. В соответствии с этим в системе создания нормативно-правового акта на федеральном уровне и его реализации в субъекте Федерации вторым в иерархии учреждением является региональное Министерство образования и науки, осуществляющее взаимодействие с региональным аппаратом губернатора, которое в зависимости от направленности вопроса спустившегося документа определяет его дальнейшее движение в соответствующее министерство или ведомство. В каждом федеральном министерстве существует структурное подразделение, в компетенцию которого входят вопросы, связанные как с выявлением детей – социальных сирот и предупреждением трудных жизненных ситуаций семей, так и профилактикой асоциального поведения и социальной защиты семей (рис. 3).

Рис. 3. Структурные подразделения федеральных министерств, действующих в интересах семьи и детей

На федеральном уровне финансирование этой сферы в субъектах Федерации осуществляется посредством Фонда поддержки детей, находящихся в трудной жизненной ситуации, одно из направлений деятельности которого – профилактика семейного неблагополучия и социального сиротства детей, включая профилактику жестокого обращения с детьми, восстановление благоприятной для воспитания ребенка семейной среды, семейное устройство детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. Учредителем данного Фонда является Министерство труда и социальной защиты Российской Федерации. В связи с этим Правительство Российской Федерации обеспечивает направление средств федерального бюджета фонду для осуществления его деятельности, а также для софинансирования комплекса мер по поддержке детей, находящихся в трудной жизненной ситуации [7].

На региональном уровне координирующую и контролирующую функцию в сфере профилактики социального сиротства выполняет Комиссия по делам несовершеннолетних и защите их прав при Правительстве Нижегородской области (далее – КДНиЗП при Правительстве Нижегородской области), в состав которой входят представители всех органов и учреждений, осуществляющих деятельность по профилактике социального сиротства. Анализ материалов заседаний КДНиЗП при Правительстве Нижегородской области, представленных на сайте Правительства Нижегородской области, позволяет сделать вывод, что заседания данного органа происходит не на систематической основе [8].

Социальное сиротство и социальное неблагополучие как исторические социальные явления входят в число главных предпосылок в формировании института замещающей семьи. К сожалению, не приходится говорить об исчезновении подобных социальных проблем не из жизненного социального поля, не из исследовательского, так как в условиях современной экономической ситуации, а также с учетом роста военных конфликтов, социальной и политической нестабильности можно только констатировать их стабилизацию, а в худшем случае – рост. Это является дополнительным поводом для разработки, модификации и реализации эффективных мер профилактики социального сиротства и семейного неблагополучия для преодоления негативного семейного опыта детей и развития устойчивых детско-родительских отношений, основанных на принципах ответственного родительства.

Список литературы

1. **Антонов, А. И.** Семья – какая она и куда движется / А. И. Антонов // Семья в России. – 1999. – № 1–2. – С. 30–40.
2. **Лотман, М. Ю.** Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века) / М. Ю. Лотман. – СПб., 1994. – URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/Lotman/03.php
3. Дети в трудной жизненной ситуации: преодоление социальной исключенности детей-сирот // Фонд поддержки детей, находящихся в трудной жизненной ситуации. – М., 2012. – 76 с.
4. О положении детей и семей, имеющих детей, в Российской Федерации : докл. – 2013. – URL: http://www.government-nnov.ru/?id=148800.
5. **Козлова, Т. З.** Люди, лишенные родительских прав: их социализация и жизненные траектории : моногр. / Т. З. Козлова. – М. : Издательско-торговая корпорация «Дашков и К», 2015. – 224 с.
6. Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних : Федеральный закон. – URL: http://base.garant.ru/5754159/#help (дата обращения: 25.05.2015).
7. О создании фонда поддержки детей, находящихся в трудной жизненной ситуации : Указ Президента РФ от 26.03.2008 № 404 (ред. от 10.10.2014). – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_130846 (дата обращения: 25.05.2015).
8. Деятельность комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав при Правительстве Нижегородской области. – URL: http://government-nnov.ru/?id=70170 (дата обращения: 12.06.2015).

References

1. Antonov A. I. *Sem'ya v Rossii* [Family in Russia]. 1999, no. 1–2, pp. 30–40.
2. Lotman M. Yu. *Besedy o russkoy kul'ture. Byt i traditsii russkogo dvoryanstva (XVIII – nachalo XIX veka)* [Discussions on Russian culture. Way of life and traditions of Rus-

sian nobility]. Saint-Petersburg, 1994. Available at: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/Lotman/03.php
3. *Fond podderzhki detey, nakhodyashchikhsya v trudnoy zhiznennoy situatsii* [Foundation for support of children in difficult life situation]. Moscow, 2012, 76 p.
4. *O polozhenii detey i semey, imeyushchikh detey, v Rossiyskoy Federatsii: dokl.* [On status of children and families with children in the Russian Federation: a report]. 2013. Available at: http://www.government-nnov.ru/?id=148800.
5. Kozlova T. Z. *Lyudi, lishennye roditel'skikh prav: ikh sotsializatsiya i zhiznennye traektorii: monogr.* [People deprived of parental rights: their socialization and life lines: monograph]. Moscow: Izdatel'sko-torgovaya korporatsiya «Dashkov i K», 2015, 224 p.
6. *Ob osnovakh sistemy profilaktiki beznadzornosti i pravonarusheniy nesovershennoletnikh: Federal'nyy zakon* [On basic elements of the system of juvenile neglect and delinquency prevention: the Federal law]. Available at: http://base.garant.ru/5754159/#help (accessed May 25, 2015).
7. *O sozdanii fonda podderzhki detey, nakhodyashchikhsya v trudnoy zhiznennoy situatsii: Ukaz Prezidenta RF ot 26.03.2008 № 404 (red. ot 10.10.2014)* [On establishment of the foundation for support of children in difficult life situation: the RF President's decree from 26.03.2008 № 404 (revised on 10.10.2014)]. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_130846 (accessed May 25, 2015).
8. *Deyatel'nost' komissii po delam nesovershennoletnikh i zashchite ikh prav pri Pravitel'stve Nizhegorodskoy oblasti* [Activities of the juvenile commission under the Government of Nizhny Novgorod region]. Available at: http://government-nnov.ru/?id=70170 (accessed June 12, 2015).

Отделкина Татьяна Николаевна
аспирант, Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского
(Россия, г. Нижний Новгород, Университетский пер., 7)

Otdelkina Tatiana Nikolaevna
Postgraduate student, Nizhni Novgorod State University named after N. I. Lobachevsky
(7 Universitetskiy lane, Nizhni Novgorod, Russia)

E-mail: otdelkina.t@mail.ru

УДК 316.356.2

Отделкина, Т. Н.

Формирование института замещающей семьи: история и современность / Т. Н. Отделкина // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2015. – № 4 (36). – С. 104–112.

УДК 316.334.2

Е. Н. Васильева, М. Б. Полтавская

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ И СОЦИАЛЬНАЯ АКТИВНОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ КАК ИНДИКАТОР ФОРМИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОГО КАПИТАЛА[1]

Аннотация.

Актуальность и цели. Вопрос измерения социального капитала в научной литературе носит дискуссионный характер. Исследователи предлагают различные индикаторы в зависимости от своих методологических установок. Цель данной статьи заключается в обзоре методик измерения социального капитала и внесении собственных предложений.

Материалы и методы. В данной статье проанализирован социальный капитал одного из регионов России (Волгоградская область); внесено предложение включить в качестве ключевых индикаторов измерения социального капитала два показателя – экономическую и социальную активность населения. Были использованы результаты массового анкетного опроса, проведенного среди различных групп населения Волгоградской области (объем выборки – 1000 человек, тип выборки – территориальная, квотная).

Результаты. Сопоставление статистических данных о численности социально ориентированных некоммерческих организаций (СО НКО) и данных эмпирического исследования, выявляющего уровень вовлеченности населения в деятельность некоммерческих организаций, позволило охарактеризовать социальную активность населения. Данные об экономической активности населения представлены статистическими показателями по региону.

Выводы. Социальный капитал Волгоградской области развит недостаточно, чтобы быть привлекательным для инвесторов. Регион имеет большой потенциал, занимая среднюю по многим показателям позицию. Формирование и развитие социального капитала в регионах должно происходить через информирование населения о деятельности некоммерческих организаций, создание условий для реализации проектов некоммерческих организаций, развития предпринимательской деятельности и решения проблем безработицы. Социальный капитал формируется непрерывно, следовательно, необходимо вести постоянный мониторинг его формирования.

Ключевые слова: социальный капитал, экономическая активность, социальная активность, Волгоградская область.

E. N. Vasil'eva, M. B. Poltavskaya

ECONOMIC AND SOCIAL ACTIVITY OF POPULATION AS AN INDICATOR OF SOCIAL CAPITAL FORMATION

Abstract.

Background. The issue of measuring social capital is of debatable nature. The researchers propose different indicators depending on their methodological settings. The purpose of this article is to review methods to measure social capital and make original proposals.

Materials and methods. The aim of this article is to analyze the social capital of one of the regions of Russia (Volgograd region); there is a proposal to include two

[1] Работа подготовлена при финансовой поддержке РГНФ и Правительства Волгоградской области (проект № 14-13-34016 а(р)).

factors as key indicators for measuring social capital – economic and social activity of population. The data on economic activity of population are illustrated by the statistical indicators of the region. Conclusions about social activity are drawn by comparing statistical data on the number of socially oriented nonprofit organizations (NPOs) and empirical research data, identifying the level of involvement of the population in their activity. The authors used the results of mass questionnaire survey conducted among different groups of population of Volgograd region (sample volume – 1,000 people, sample type – territorial, quota).

Results. The social capital of Volgograd region is developed enough to be attractive to investors. The region has a great potential taking the average position on many indicators.

Conclusions. Formation and development of social capital in the regions should occur through informing the population about the activities of socially oriented NPOs, creation of conditions for implementation of projects of socially oriented NGOs, development of entrepreneurial activities and solving unemployment problems. Social capital is forming on an ongoing basis; therefore, it is necessary to carry out continuous monitoring of its formation, and to choose specific indicators in order to reduce the cost of research.

Key words: social capital, economic activity, social activity, Volgograd region.

Исходная позиция исследователей и организаций, занимающихся измерением социального капитала, такова, что рост социального капитала в современном обществе есть необходимое условие социально-экономического развития стран и регионов.

К основным индикаторам измерения социального капитала относится, во-первых, доверие как индикатор. Пример такого измерения представлен в работах Р. Патнэма [1] и Ф. Фукуямы [2]. Фукуяма полагал, что в разных сообществах социальный капитал неоднороден, и предложил следующую формулу для его расчетов:

$$SC = ((1/rn) \cdot rp \cdot c \cdot n)\ 1 \ldots t, \quad (1)$$

где rn – радиус недоверия, понимаемый как оценка деятельности группы извне; rp – радиус доверия; c – поправочный качественный коэффициент, определяющий меру единства и внутренние связи существующих групп; n – число групп в гражданском обществе; t – функция времени.

Известные исследователи социального капитала С. Нэк и Ф. Кифер, выявляя механизмы связи социального капитала с экономическим ростом, индикаторами социального капитала считали инвестиции и государственное управление [3]. Они предложили регрессионную модель, связывающую экономический рост государств с уровнем доверия, этических норм и членства в ассоциациях. Ч. Бьйорнсков, используя методы факторного анализа, подтвердил правомерность измерения отдачи на социальный капитал в рамках триады «доверие – нормы – сети» и выявил, что доверие значимо связано с качеством государственного управления и удовлетворенностью жизнью [4]. В исследовании Т. Кусака индикатором социального капитала является эффективность работы политических элит [5].

Измерением социального капитала регионов России занимались С. Марш [6], Дж. Твигг [7] и др. Марш использовал три показателя, чтобы на основе взаимодействия между социальным капиталом и демократией вывести «индекс гражданской включенности» (*civic community index*): 1) категория

«электоральная активность», «объем издания газет» и «количество гражданских (социальных) организаций» в соответствующем регионе РФ; 2) наличие или отсутствие связи между «индексом гражданской включенности» и «индексом демократизации»; 3) электоральная активность и конкуренция на президентских и парламентских выборах в регионах РФ. По словам Марша, во многих российских регионах наблюдается высокий уровень индекса гражданской вовлеченности, следовательно, там должны быть запасы социального капитала, поскольку социальный капитал зарождается в очагах гражданской вовлеченности.

Д. Твигг использует четыре показателя, которые определяют уровень доверия в регионах: «уровень преступности» (заменяет показатель «доверие»), «культура» (указывает на уровень вовлеченности в культурные события), «семья» (стабильность и прочность семьи в соответствующих российских регионах также может измерять доверие) и «работа» (замеряет доверие в смысле стабильности рабочего места и комфорта во взаимоотношениях с коллегами). Она вводит шесть дополнительных индикаторов социального капитала, в частности коммуникацию, гражданскую вовлеченность, политическую вовлеченность, здоровье, сетку безопасности (*safety net*) и институты высшего образования.

Индикаторы социального капитала заложены в опросники Всемирного банка, Всемирного исследования ценностей (*World Values Survey*). В России измерение социального капитала не институционализировано, в последние годы Фонд «Общественное мнение» периодически проводит опросы в рамках проекта «Георейтинг», результаты которых позволяют судить об уровне доверия, нормах и ценностях россиян. С 2010 г. Лаборатория прикладного анализа институтов и социального капитала при НИУ «Высшая школа экономики» занимается исследованием социального капитала. Вышел ряд работ по измерению социального капитала регионов России (Н. И. Лапин [8], В. Г. Немировский [9], В. В. Радаев [10] и др.).

Таким образом, краткое перечисление не исчерпывает всех подходов к измерению социального капитала. Разделяя подход, сформулированный Твигг (допустимо включить в исследование любые возможные индикаторы социального капитала и факторы, способствующие его развитию), мы использовали в качестве индикатора социального капитала два показателя: 1) экономическая активность населения; 2) социальная активность населения. Также важен для анализа подход Марша, который предлагает использовать «индекс гражданской включенности» (*civic community index*), но, с нашей точки зрения, достаточно знать «количество гражданских (социальных) организаций» в соответствующем регионе и уровень участия в их деятельности населения.

Авторский подход был апробирован на показателях Волгоградской области (это один из регионов РФ, который занимает площадь 112,9 тыс. кв. км, численность населения Волгоградской области составляет 2 557 397 человек (2015); городское население – 76,53 % (2015)[1]. Волгоградская область – один из экономически развитых регионов России со сбалансированной структурой

[1] Данные о населении Волгоградской области 2015 г. – URL: http://www.webcitation.org/6X7bLwvum

хозяйства. Через территорию области проходят важные железнодорожные, автомобильные, водные и воздушные трассы. Наше исследование позволяет измерить социальный капитал региона через экономическую активность и гражданскую вовлеченность в деятельность НКО и на основе полученных результатов сделать вывод о качестве социального капитала в регионе. Апробируя методику, мы проанализировали экономические показатели Волгоградской области и выявили уровень вовлеченности населения в деятельность СО НКО.

Так как социальный капитал населения региона, аккумулируемый через СО НКО, проявляет себя в способности объединяться на добровольной основе для достижения общих целей совместными усилиями, его можно измерить через статистические и другие количественные данные о деятельности СО НКО.

Экономическая активность измеряется статистическими показателями экономического развития региона. Социальная активность реализуется через участие населения в деятельности некоммерческих социально ориентированных организаций. Для измерения экономической активности мы обратились к статистическим данным (табл. 1).

Таблица 1

Показатели экономической активности
населения Волгоградской области

Показатель	2011	2012	2013
Валовой региональный продукт, всего, млрд руб.*	508,4	573,9	606,1
Уровень экономической активности населения, в процентах**	66,1	66,8	67,5
Уровень безработицы, в процентах***	6,9	6,0	6,6

Примечание. *Источник: Федеральная служба государственной статистики. Валовой региональный продукт. – URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/vvp/vrp98-13.xlsx

**Источник: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2014. Статистический сборник. – М. : Росстат, 2014. – 900 с. – URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b14_14p/IssWWW.exe/Stg/d01/03-06.htm

***Источник: Обследование населения по проблемам занятости. 2014 год. – URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b14_30/IssWWW.exe/Stg/d04/tab4-1g.xls

По данным РИА-Рейтинга социально-экономического положения субъектов РФ, который строится на основе представленных в таблице и других показателей, Волгоградская область из 84 регионов занимает 36-е место (интегральный показатель по данным за 2014 г.[1]). В интегральный показатель входят следующие элементы: численность занятых в экономике (16-е место), объем производства товаров и услуг на одного жителя (35-е место), объем инвестиций в основной капитал на одного жителя (40-е место), уровень безработицы (59-е место), ожидаемая продолжительность жизни при рождении (16-е место). Таким образом, Волгоградская область по социально-экономи-

[1] РИА-Рейтинг социально-экономического положения субъектов РФ за 2014 год. – URL: http://vid1.rian.ru/ig/ratings/rating_regions_2015.pdf

ческим показателям занимает среднее положение по отношению к другим регионам.

Выводы о социальной активности можно сделать на основе статистических показателей о деятельности СО НКО. На территории Волгоградской области зарегистрировано 4827 организаций, из них 1113 общественных организаций[1]. Эмпирическая база измерения активности – реестры СО НКО получателей государственной поддержки, которые составляются в каждом регионе РФ. О социальной активности можно судить по количеству обращений за финансовой помощью к органам государственной власти. Все социальные инициативы, получившие финансовую поддержку, фиксируются в реестре.

В Реестр СО НКО – получателей государственной поддержки Волгоградской области включено 230 поддержанных проектов. Это среднее значение, поскольку есть регионы, показатели которых в два-три раза больше.

Небольшое количество проектов объясняется невысокой вовлеченностью населения региона в деятельность СО НКО. Данные выводы подтверждает проведенное нами социологическое исследование, посвященное вопросам деятельности некоммерческих организаций Волгоградской области (метод – массовый анкетный опрос, N = 1000 человек, тип выборки – территориальная, квотная, репрезентирующая половозрастной состав населения (18–75 лет)). Согласно результатам исследования 57 % опрошенных в Волгоградской области слышали о деятельности некоммерческих организациях. Из этих 57 % респондентов только 32,2 % смогли назвать организации правильно. Несмотря на невысокий уровень информированности о деятельности СО НКО, 83,6 % жителей Волгоградской области к деятельности такого рода организаций относятся позитивно. Однако уровень участия граждан в деятельности СО НКО довольно низкий. Негативной тенденцией можно назвать снижение уровня участия населения в деятельности данных организаций. Если вариант ответа «Я и сейчас участвую» выбирали 4,9 % населения, то вариант «Раньше принимал(а) участие, сейчас – нет» актуален для 9,3 % опрошенных, никогда не участвовали 85,8 % респондентов. Таким образом, можно констатировать, что вовлечены в деятельность СО НКО лишь 14,2 % населения.

Подводя итоги, следует констатировать, что социальный капитал Волгоградской области развит недостаточно для формирования привлекательных для инвесторов условий. Регион имеет большой потенциал, занимая среднюю по многим показателям позицию. Индикаторов измерения социального капитала много, но для верифицируемых выводов достаточно триангулировать те, что указывают на активную жизненную позицию населения. Следующим этапом работы должно стать сопоставление социального капитала и условий его формирования, но уже сейчас можно сформулировать следующие выводы: дальнейшее изучение социальных аспектов развития российских регионов и измерение социального капитала – весьма перспективные направления. Полученные данные служат для планирования, прогнозирования и проектирования в сфере социальной и экономической политики. Формирование и развитие социального капитала в регионах должно происходить через ин-

[1] Министерство юстиции РФ. Данные о зарегистрированных НКО на 12.09.2015. – URL: http://unro.minjust.ru/NKOs.aspx

формирование населения о деятельности СО НКО, создание условий для реализации проектов СО НКО и включения в эти проекты большего числа социальных слоев, формирование условий для реализации экономических интересов населения, содействие развитию предпринимательской деятельности и решение проблем безработицы. Поставленные задачи частично отражены в Государственной программе «Экономическое развитие и инновационная экономика», мероприятия программы проработаны очень хорошо, однако должны охватывать большую долю населения, должны быть ориентированы на молодежь. Социальный капитал формируется непрерывно, следовательно, необходимо вести постоянный мониторинг его формирования, а для снижения затрат на исследование выбирать конкретные индикаторы.

Список литературы

1. **Putnam, R. D.** Making democracy work: Civic traditions in Italy / R. D. Putnam. – Princeton, NJ : Princeton University Press, 1993.
2. **Fukuyama, F.** Social Capital and the Global Economy / F. Fukuyama // Foreign Affairs. – 1995. – № 74 (5). – P. 89–103.
3. **Knack, S.** Does Social Capital Have an Economic Payoff? A Cross-Country Investigation / S. Knack, Ph. Keefer // Quarterly Journal of Economics. – 1997. – Vol. 112, № 4. – P. 1251–1288.
4. **Bjornskov, Ch.** The Multiple Facets of Social Capital / Ch. Bjornskov // European Journal of Political Economy. – 2006. – Vol. 22, № 1. – P. 22–40.
5. **Cusak, T.** Social Capital, Institutional Structures, and Democratic Performance: A Comparative Study of German Local Governments / T. Cusak // European Journal of Political Research. – 1999. – Vol. 35, № 1. – P. 1–34.
6. **Marsh, C.** Social Capital and Grassroots Democracy in Russia's Regions: Evidence from the 1999–2001 Gubernatorial Elections / C. Marsh // Demokratizatsiya: The Journal of Post-Soviet Democratisation. – 2002. – Vol. 10, issue 1. – P. 19–36.
7. **Twigg, Judith L.** Social Capital in Russia's Regions / Judith L. Twigg // Social Capital and Social Cohesion in Post Soviet Russia / ed. by Judith L. Twigg, K. Schecter. – Armonk : M. E. Sharpe, Ink., 2003. – P. 168–188.
8. **Lapin, N. I.** How the Citizens of Russia Feel and What They Are Striving For / N. I. Lapin // Russian Social Science Revie. – 2004. – Vol. 46, № 6. – P. 4–21.
9. **Немировский, В. Г.** Социальная структура и социальный капитал населения Красноярского края : моногр. / В. Г. Немировский, А. В. Немировская. – Красноярск : Сибирский федеральный университет, 2011. – 159 с.
10. **Радаев, В. В.** Понятие капитала, формы капиталов и их конвертация / В. В. Радаев // Общественные науки и современность. – 2003. – № 2. – С. 5–16.

References

1. Putnam R. D. *Making democracy work: Civic traditions in Italy*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1993.
2. Fukuyama F. *Foreign Affairs*. 1995, no. 74 (5), pp. 89–103.
3. Knack S., Keefer Ph. *Quarterly Journal of Economics*. 1997, vol. 112, no. 4, pp. 1251–1288.
4. Bjornskov Ch. *European Journal of Political Economy*. 2006, vol. 22, no. 1, pp. 22–40.
5. Cusak T. *European Journal of Political Research*. 1999, vol. 35, no. 1, pp. 1–34.
6. Marsh C. *Demokratizatsiya: The Journal of Post-Soviet Democratisation* [Democratization: The Journal of Post-Soviet Democratization]. 2002, vol. 10, issue 1, pp. 19–36.
7. Twigg Judith L. *Social Capital and Social Cohesion in Post Soviet Russia.* Ed. by Judith L. Twigg, K. Schecter. Armonk: M. E. Sharpe, Ink., 2003, pp. 168–188.
8. Lapin N. I. *Russian Social Science Revie*. 2004, vol. 46, no. 6, pp. 4–21.

9. Nemirovskiy V. G., Nemirovskaya A. V. *Sotsial'naya struktura i sotsial'nyy kapital naseleniya Krasnoyarskogo kraya: monogr.* [Social structure and social capital of population of Krasnoyarsk region: monograph]. Krasnoyarsk: Sibirskiy federal'nyy universitet, 2011, 159 p.
10. Radaev V. V. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'* [Social sciences and modern times]. 2003, no. 2, pp. 5–16.

Васильева Екатерина Николаевна
кандидат социологических наук, доцент, кафедра социальной работы и педагогики, Волгоградский государственный университет
(Россия, г. Волгоград, Проспект Университетский, 100)

Vasil'eva Ekaterina Nikolaevna
Candidate of sociological sciences, associate professor, sub-department of social work and pedagogy, Volgograd State University
(100 Universitetskiy avenue, Volgograd, Russia)

E-mail: vasilevaen@yandex.ru

Полтавская Мария Борисовна
кандидат социологических наук, доцент, кафедра социологии, Волгоградский государственный университет
(Россия, г. Волгоград, Проспект Университетский, 100)

Poltavskaya Mariya Borisovna
Candidate of sociological sciences, associate professor, sub-department of sociology, Volgograd State University
(100 Universitetskiy avenue, Volgograd, Russia)

E-mail: poltavskayamb@yandex.ru

УДК 316.334.2
Васильева, Е. Н.
Экономическая и социальная активность населения как индикатор формирования социального капитала / Е. Н. Васильева, М. Б. Полтавская // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2015. – № 4 (36). – С. 113–119.

УДК 316.334.23

И. А. Юрасов, В. П. Кошарный, О. Н. Юрасова

ВОСПРИЯТИЕ КОРРУПЦИИ ЖИТЕЛЯМИ ПЕНЗЕНСКОЙ ОБЛАСТИ

Аннотация.

Актуальность и цели. Проблема коррупции принимает в настоящее время системный характер. Она охватывает все больше сфер социальной жизни россиян, проникая в те области, которым она ранее была совсем не свойственна. Государственные органы принимают все больше законов, юридических нормативных актов, но победить коррупцию правовыми методами в современных условиях не получается. Для противодействия этому негативному явлению необходимо выяснить причины коррупции и отношение большинства граждан Российской Федерации к коррупционным проявлениям. Исполнительные органы государственной власти указывают на снижение уровня коррупции на государственной и муниципальной службе. Но она остается сильной в системах здравоохранения, среднего и высшего образования. Социологическое измерение коррупции, безусловно, актуально для принятия эффективных мер по борьбе с этим негативным общественным явлением. Цель работы – выявить отношение жителей Пензенской области к коррупции в различных сферах жизни.

Материалы и методы. В исследовании использовались массовый, экспертный опросы, глубинные интервью.

Результаты. Исследование выявило специфическое отношение населения Пензенского региона к коррупционным проявлениям.

Выводы. В ходе исследования было выявлено в целом положительное отношение населения г. Пензы и Пензенской области к коррупции, особенно на низовом, бытовом уровне. По результатам исследования часто сами жители региона являются инициаторами дачи взяток.

Ключевые слова: коррупция, взяточничество, причины коррупции, социологическая оценка коррупции, типы коррупции.

I. A. Yurasov, V. P. Kosharnyy, O. N. Yurasova

PERCEPTION OF CORRUPTION BY RESIDENTS OF PENZA REGION

Abstract.

Background. The problem of corruption is currently becoming a systemic one. It covers more spheres of social life of Russians, penetrating into areas which it has not been typical for previously. State authorities are adopting more laws and legal regulations, but it is still impossible to tackle corruption by legal methods in the current conditions. To counteract this negative phenomenon it is necessary to learn about the causes of corruption and the attitude of the majority of Russian citizens to corrupt practices. The executive bodies of state power indicate a reducing level of corruption at the state and municipal services. But it remains strong in health-care systems, secondary and higher education. The sociological measurement of corruption, of course, is important for taking effective measures to combat this negative social phenomenon. The Purpose of the work is to reveal the attitude of Penza region residents to corruption in various spheres of life.

Materials and methods. The study used massive and expert interviews, as well as in-depth interviews.

Results. The study revealed a specific attitude of the population of Penza region to corrupt practices.

Conclusions. The study revealed a generally positive attitude of the population of Penza and Penza region to corruption, especially at the low, everyday level. According to the survey, people of the region themselves often are the initiators of bribery.

Key words: corruption, bribery, corruption cause, sociological assessment of corruption, types of corruption.

Развитие коррупции является одним из наиболее существенных деструктивных факторов системного характера, действующих в переходном обществе в России. Она существенно усложняет и экономическую, и социально-политическую модернизацию, обеспечивая приоритет частных интересов в управлении сложными процессами реконструкции общества, переподчиняя политическую волю государства узкогрупповым интересам меркантильных чиновников и всей своей практикой подрывая доверие простых граждан к власти.

Ползучий сетевой характер распространения коррупции позволяет образно ассоциировать ее с раковой болезнью общества, которое смертельно разъедается и становится неконкурентоспособным. Несмотря на принятие различных профилактических, предупредительных и карательных мер, современная коррупция охватывает все новые и новые сферы общественной жизни. Коррупция сказывается прежде всего на политической устойчивости и экономической безопасности страны. Подрывая государство изнутри, коррупция создает реальную угрозу национальной безопасности.

Исследование отношения населения Пензенской области к коррупционным проявлениям проводилось в январе-феврале 2015 г. в Пензе, Кузнецке, Мокшане. В ходе социологического исследования были опрошены 612 человек методом случайной выборки, проведены 11 глубинных интервью со специалистами государственной гражданской службы, высшими чиновниками Правительства Пензенской области, депутатами Законодательного собрания Пензенской области и бывшими депутатами Государственной Думы от Пензенской области от партии «Единая Россия».

Большинство участников опроса составили женщины (55,3 %). В возрастном составе преобладает молодежь: около трети респондентов (29,8 %) не достигли еще 25 лет, еще 22,8 % составляют те, кому 25–30 лет.

Социальный состав участников опроса следующий: 34,2 % – государственные и муниципальные служащие; 15,8 % – студенты; 13,2 % – работники социальной сферы.

Основным теоретико-методологическим положением, которое легло в основу настоящего прикладного исследования восприятия коррупции населением Пензенской области, стала точка зрения Г. А. Сатарова, который утверждал, что коррупция в переходных странах связана с возникновением «зазора» между новыми трансплантированными рыночными и демократическими институтами и старыми неформальными практиками социального взаимодействия. Соответственно, чем масштабнее институциональные реформы, тем более глубоки различия между «старыми» практиками и «новыми» правилами. Открывается простор для использования различных форм коррупционного взаимодействия. Таким образом, коррупция становится индикатором неэффективности институциональных реформ [1].

На сегодняшний день в исследованиях этого явления фактически доминируют криминологические подходы, хотя появляются и монографии о национальной специфике коррупции, изучаются ее экономические аспекты и используются средства математического моделирования (выделим работы таких авторов, как М. И. Левин, В. М. Полтерович, М. Л. Царик). Масштабные исследования коррупции как системного социального явления, обусловленного состоянием ценностно-нормативной и институциональной подсистем переходного российского общества, представлены ограниченно [1–3]. Данное исследование представляет собой попытку использования социологического подхода, который позволяет за отдельными фактами коррупции видеть социальные практики и социальные сети, связать в одно целое поведение людей и организованных систем и тем самым создать эффективную систему профилактики и борьбы с ней.

Социологический подход к пониманию сути коррупции обнаруживает более широкие горизонты ее научного анализа и позволяет перейти от рассмотрения частных преступных практик к описанию коррупции как масштабной, интегрированной и социально опасной системы. Методология перехода сводится к поэтапному, последовательному воссозданию следующих моделей коррупции: 1) как типа индивидуального поведения должностных лиц; 2) как совокупности социальных практик, складывающихся в определенном общественном сегменте, опирающихся на определенный набор социальных представлений, ценностных ориентаций и формирующих коррупцию как нормативную модель поведения; 3) как свойства социальной системы управления; 4) как особого типа социальной системы, существующего параллельно системе легального государственного управления [1, 2, 4, 5].

Социальные характеристики и типология бюрократии коррелируют с выделением западного и восточного типов коррупции. Для рациональной западной бюрократии коррупция выступает рациональной формой решения экономических проблем, для иррациональной восточной – стилем жизни и традиционной формой делового взаимодействия. Для западной бюрократии наиболее распространенными инструментальными формами коррупционного взаимодействия выступает взятка и коммерческий подкуп. Коррупционный стиль иррациональной бюрократии порождает многообразие форм коррупционных преступлений и приспосабливает демократические практики к реализации частных интересов. Таким образом, коррумпированность бюрократии не следует оценивать только в категориях дисфункции и деформации. За стилем коррупционной деятельности и поведения, за спецификой коррупционных социальных связей необходимо видеть состояние ценностно-нормативной и институциональной подсистем общества [2].

Результаты проведенного социологического исследования показывают, что для большинства респондентов понятие «коррупция» неразрывно связано с такими явлениями, как взяточничество (об этом заявили 76,3 % опрошенных пензенцев), использование должностного положения в личных, корыстных интересах (61,4 %), подношение подарков должностным лицам (54,4 %), а также использование благоприятных межличностных отношений для получения доступа к общественным ресурсам (49,1 %).

В качестве основного источника информации о фактах коррупции для большинства пензенцев, принявших участие в исследовании, являются заявления и мнения СМИ (69,3 %), далее следует информация, полученная в Ин-

тернете (61,4 %), и заявления правоохранительных органов (38,6 %). Собственными вариантами респондентов были: «опыт знакомых», «общение с окружающими» и «все вышесказанное».

Главной причиной распространения коррупции основная часть опрошенных считает «нежелание граждан противостоять проявлениям коррупции» (71,9 %), из чего можно заключить, что коррупция для участников исследования не является каким-то неизбежным, объективным явлением, а, напротив, респондентами осознается доля ответственности самих граждан, нередко инициирующих и поддерживающих данную негативную социальную практику собственными действиями (рис. 1).

Рис. 1. Причина распространения коррупции
(в процентах от общего числа опрошенных респондентов)

Вопрос о том, в каких сферах повседневной жизни респондентам приходилось решать свои проблемы путем дачи взяток или оказания различного рода услуг должностным лицам, позволил выявить наиболее проблемные, по мнению опрошенных, области социальных отношений. Ими оказались: здравоохранение (27,2 %), решение проблем с ГИБДД (15,8 %), устройство ребенка в детский сад (14,9 %), поступление и обучение в колледже, техникуме, вузе (14 %). Наименее «коррупционными» по данным исследования оказались: решение коммунальных вопросов, решение вопросов в налоговой службе, оформление паспорта, решение вопросов в прокуратуре. При этом более трети респондентов (36 %) заявили, что такого опыта не имеют.

В качестве инициатора коррупционных действий чаще всего выступали сами респонденты (36 %) и значительно реже должностное лицо (16,7 %) или третьи лица (6,1 %), а 41,2 % опрошенных пензенцев, по их словам, такого опыта не имеют.

В качестве основной причины такой ситуации можно рассматривать тот факт, что, по мнению большинства опрошенных, имевших такой опыт, «без этого невозможно решать личные проблемы» (21,9 %) либо «этого можно избежать, но со взятками все получается гораздо быстрее и качественнее» (20,2 %). Можно предположить, что данная социальная практика глубоко

укоренилась в сознании части опрошенных и расценивается ими как вполне адекватная реалия жизни. Не имеют подобного опыта 37,7 % участников исследования.

В то же время основными последствиями коррупции, по мнению большинства участников опроса, являются однозначно негативные явления: «рост преступности» (69,3 %), «потеря доверия граждан к государству и, как следствие, пренебрежение к законности, что подрывает саму основу государства» (61,4 %), а также «подрыв экономики» (55,3 %). Обнаруживается конфликт: с одной стороны, для части респондентов коррупционные действия являются способом более эффективно решать повседневные проблемы, с другой стороны, ими признается явно деструктивное влияние такой практики на социальную жизнь (рис. 2).

Рис. 2. Последствия коррупции
(в процентах от общего числа опрошенных респондентов)

Большинство опрошенных пензенцев предпочли бы сообщить о фактах коррупции в СМИ (48,2 %), что подтверждает доверие респондентов к СМИ как к «четвертой власти». Далее следуют МВД (35,1 %), ФСБ (28,1 %), прокуратура (23,7 %). Около трети опрошенных (31,6 %) предпочли бы никуда не сообщать. В качестве собственных вариантов были высказаны такие мнения, как «бестолку», «никуда, все знают», «сам решаю свои проблемы».

Принятые государством меры по борьбе с коррупцией за последние два года большинство участников исследования оценило как «неэффективные» (57 %), в то время эффективными их сочли лишь 14,9 % респондентов. Принятые в Пензенской области меры неэффективными расценили 35,1 % опрошенных.

В качестве вывода по результатам проведенного социологического исследования можно заключить, что для большинства респондентов понятие «коррупция» неразрывно связано с такими явлениями, как взяточничество, использование должностного положения в личных интересах, а также использование благоприятных межличностных отношений для получения доступа к общественным ресурсам.

Исследование выявило противоречие в сознании части респондентов в отношении такого явления, как коррупция. С одной стороны, коррупционные действия являются способом более эффективно решать повседневные проблемы, а с другой стороны, опрошенными признается негативное влияние

такой практики на социальную жизнь. Данное противоречие имеет глубинные основания.

В качестве одного из первых шагов на пути к его разрешению можно рассматривать тот факт, что главной причиной распространения коррупции основная часть респондентов считает «нежелание граждан противостоять проявлениям коррупции». Этим признается двусубъектная природа такого рода отношений и частичная ответственность за их распространение самих граждан. При этом важно отметить, что около трети опрошенных заявили, что подобного негативного опыта не имеют.

Список литературы

1. **Сатаров, Г. А.** Российская коррупция: уровень, структура, динамика. Опыт социологического анализа / Г. А. Сатаров. – М., 2013. – 754 с.
2. **Алексеев, С. В.** Коррупция в переходном обществе: социологический анализ : дис. … д-ра социол. наук / Алексеев С. В. – Новочеркасск, 2009. – 389 с. – URL: http://www.dissers.ru/avtoreferati-dissertatsii-sotsiologiya/a128.php.
3. **Шкаратан, О. И.** Социально-профессиональная структура населения России. Теоретические предпосылки, методы и некоторые результаты повторных опросов 1994, 2002, 2006 гг. / О. И. Шкаратан, Г. А. Ястребов // Мир России. – 2007. – Т. XVI, № 3. – С. 42–67.
4. **Штомпка, П.** Социология социальных изменений / П. Штомпка. – URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Psihol/belin/16.php.
5. **Юрасов, И. А.** Социальные технологии в государственной кадровой политике / И. А. Юрасов. – Пенза, 2009. – 220 с.

References

1. Satarov G. A. *Rossiyskaya korruptsiya: uroven', struktura, dinamika. Opyt sotsiologicheskogo analiza* [Russian corruption: level, structure, dynamics. Experience of a sociological analysis]. Moscow, 2013, 754 p.
2. Alekseev S. V. *Korruptsiya v perekhodnom obshchestve: sotsiologicheskiy analiz: dis. d-ra sotsiol. nauk* [Corruption in a changing society: a sociological analysis: dissertation to apply for the degree of the candidate of sociological sciences]. Novocherkassk, 2009, 389 p. Available at: http://www.dissers.ru/avtoreferati-dissertatsii-sotsiologiya/a128.php.
3. Shkaratan O. I., Yastrebov G. A. *Mir Rossii* [World of Russia]. 2007, vol. XVI, no. 3, pp. 42–67.
4. Shtompka P. *Sotsiologiya sotsial'nykh izmeneniy* [Sociology of social changes]. Available at: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Psihol/belin/16.php.
5. Yurasov I. A. *Sotsial'nye tekhnologii v gosudarstvennoy kadrovoy politike* [Social technologies in the state personnel policy]. Penza, 2009, 220 p.

Юрасов Игорь Алексеевич
доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры государственного управления и социологии региона, Пензенский государственный университет (Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40); директор Центра прикладных исследований, Институт регионального развития Пензенской области (Россия, г. Пенза, ул. Попова, 40)

Yurasov Igor' Alekseevich
Doctor of sociological sciences, associate professor, professor of sub-department of public administration and regional sociology, Penza State University (40 Krasnaya street, Penza, Russia); director of the Center of Applied Research, Institute of Regional Development of Penza region (40 Popova street, Penza, Russia)

E-mail: jurassow@mail.ru

Кошарный Валерий Павлович
доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии, Пензенский государственный университет
(Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40)

E-mail: dep-ph@pnzgu.ru

Kosharnyy Valeriy Pavlovich
Doctor of philosophy, professor, head of sub-department of philosophy, Penza State University
(40 Krasnaya street, Penza, Russia)

Юрасова Ольга Николаевна
доцент, кафедра английского языка, Пензенский государственный университет
(Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40)

E-mail: jurassow@mail.ru

Yurasova Ol'ga Nikolaevna
Associate professor, sub-department of English language, Penza State University
(40 Krasnaya street, Penza, Russia)

УДК 316.334.23

Юрасов, И. А.

Восприятие коррупции жителями Пензенской области / И. А. Юрасов, В. П. Кошарный, О. Н. Юрасова // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2015. – № 4 (36). – С. 120–126.

УДК 3.30.301

В. Д. Дорофеев, Г. Н. Тугускина

РОЛЬ КАЧЕСТВА ЖИЗНИ В ФОРМИРОВАНИИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА

Аннотация.

Актуальность и цели. Преобразования, происходящие в современном российском обществе, направленные на реализацию таких важнейших задач, как обеспечение высокой степени эффективности производства, повышение конкурентоспособности предприятий как на внутреннем, так и на мировом рынке, определяются уровнем человеческого капитала, являющегося главной движущей силой социально-экономического развития современного общества.

Материалы и методы. Реализация исследовательских задач была достигнута на основе изучения факторов, влияющих на формирование человеческого капитала.

Результаты. Основные структурные компоненты человеческого капитала напрямую определяются качеством жизни, не только являющимся наиболее важной социальной категорией, которая характеризует структуру потребностей человека и возможности их удовлетворения, но и представляющим собой системное понятие, определяемое единством его компонентов: самого человека как биологического и духовного существа, его жизнедеятельности и условий, в которых она протекает.

Выводы. Высокий уровень образования, выступающий ключевым элементом в формировании человеческого капитала, дает основания для формирования качественного человеческого капитала. Поэтому государственная поддержка образования, здравоохранения, социальной защиты населения способствует не только росту качества жизни, но и увеличению как индивидуального, так и национального человеческого капитала в стране.

Ключевые слова: человеческий капитал, качество жизни, рейтинг.

V. D. Dorofeev, G. N. Tuguskina

LIFE QUALITY IMPORTANCE IN HUMAN CAPITAL FORMATION

Abstract.

Background. Changes in the Russian economy aimed at implementation of basic tasks, such as ensuring a high degree of production efficiency, increasing enterprise competitiveness in both domestic and global market, are determined by the level of human capital, which is the main driving force for socio-economic development of modern society.

Materials and methods. The research tasks were implemented on the basis of a study of factors influencing the formation of human capital.

Results. The main structural components of human capital are directly determined by the quality of life, which is not only the most important social category, characterizing the structure of human needs and their satisfaction, but also represents a system concept, defined by the unity of its components: the human as a biological and spiritual being, his/her life and a context in which it occurs.

Conclusions. A high level of education, acting as a key element in formation of human capital, gives rise to formation of quality human capital. Therefore, state support of education, health, social protection of the population will not only in-

crease the quality of life, but will also increase both individual and national human capital in the country.

Key words: human capital, life quality, rating.

В современном мире человеческий капитал играет определяющую роль как в достижении конкурентных преимуществ, так и обеспечении качественных параметров экономического роста, выступая не только главной движущей силой социально-экономического развития современного общества, но и основой построения новой экономики, экономики знаний, инноваций, глобальных информационных систем и новейших технологий. Не является исключением и Россия. В сентябре 2011 г. Президиум Правительства одобрил стратегию инновационного развития Российской Федерации до 2020 г. общей стоимостью 15,6 трлн рублей. Высшая цель вырабатываемой стратегии и проводимой политики – человек, повышение качества и уровня его жизни. Новое качество жизни, комфортная среда обитания, нормальная экология, инвестиции в образование и здравоохранение – все это «инвестиции в человека». Стратегия развития России до 2020 г. – это стратегия прорыва, который должно осуществить общество с обновленным «человеческим капиталом».

Само понятие «человеческий капитал» учеными трактуется неоднозначно: одни акцентируют внимание на функциональной стороне человеческого капитала, т.е. на возможности обладателя получать доход, на росте его производительности труда; другие выделяют такие содержательные характеристики человеческого капитала, как знания, профессиональные навыки и опыт, творческий потенциал, морально-психологическое и физическое здоровье. Тем не менее различные точки зрения не противоречат друг другу, а являются взаимодополняющими. На наш взгляд, индивидуальный человеческий капитал можно определить следующим образом: это совокупность таких составляющих: врожденные способности, здоровье, мотивы и интересы, творческий и культурный потенциал, накопленные и усовершенствованные в результате инвестиций знания и профессиональный опыт, которые необходимы для профессиональной деятельности, содействуют росту производительности и приносят доход [1].

В составе национального человеческого капитала мы считаем необходимым особо выделить такие компоненты, как капитал жизнеспособности нации, кадрово-ценностный капитал нации, т.е. образовательный и квалификационный уровень людей в стране, наличие творческих и предпринимательских талантов, культурный уровень нации в целом, инновационный, идеологический, интеллектуальный капитал – все то, что составляет главное достояние каждой нации и обеспечивает ее конкурентные преимущества.

Таким образом, основные структурные компоненты как индивидуального, так и национального человеческого капитала напрямую определяются качеством жизни, являющимся не только наиболее важной социальной категорией, характеризующей структуру потребностей человека и возможности их удовлетворения, но и представляющим собой системное понятие, определяемое единством его компонентов: самого человека как биологического и духовного существа, его жизнедеятельности и условий, в которых она протекает. Оценкой качества жизни населения занимаются как зарубежные, так и отечественные ученые.

С 1990 г. Организация Объединенных Наций каждый год публикует доклад о качестве жизни человека в странах мира. В оценке достижения стран учитываются следующие факторы, определяющие место страны в рейтинге: продолжительность жизни, уровень здравоохранения и образования, социальная защищенность, экология, уровень преступности, соблюдение прав человека и размер ВНД (валовой национальный доход) на душу населения. Рейтинг стран мира по качеству жизни разделен на четыре группы: к первой относятся страны с очень высоким уровнем развития, ко второй – страны с высоким уровнем развития, к третьей – со средним уровнем, к четвертой – страны с низким уровнем развития. Согласно рейтингу стран, опубликованному в 2014 г., Россия находится в группе стран с высоким уровнем развития, занимая 57-е место в общем списке стран мира[1].

В рейтинге стран мира по уровню развития человеческого капитала 2015 г., опубликованному аналитической группой Всемирного экономического форума и учитывающему 46 показателей, объединенных в четыре основные группы: образование (высшее, среднее, начальное) и профессиональная подготовка; здоровье, физическое и психологическое благополучие; трудоустройство и занятость; инфраструктура, правовая защита, социальная мобильность, Россия стоит на 26-м месте, поднявшись по сравнению с предыдущим рейтингом сразу на 25 позиций. Наиболее сильные стороны России связаны с доступностью образования в любом возрасте. В то же время, занимая высокие позиции по всем показателям, связанным с распространением начального, среднего и высшего образования, Россия отстает от многих стран с сопоставимым уровнем экономического развития по всем другим критериям, характеризующим реализацию человеческого потенциала, таким как качество рабочих мест, возможности развития на рабочем месте, доступ к повышению квалификации, качество здравоохранения и продолжительность здоровой жизни населения, социальная мобильность.

Мировым лидером по уровню развития человеческого капитала стала Финляндия, которая занимает ведущие позиции по всем основным показателям Индекса. В первую десятку наиболее развитых в этом отношении стран также вошли Норвегия, Швейцария, Канада, Япония, Швеция, Дания, Нидерланды, Новая Зеландия и Бельгия.

Среди стран СНГ и Балтии позиции распределились следующим образом: Эстония заняла 16-е место, Литва – 18-е, Латвия – 3-е, Украина – 31-е, Казахстан – 37-е, Армения – 43-е, Кыргызстан – 44-е, Азербайджан – 63-е, Таджикистан – 65-е, Молдова – 71-е.

Крупнейшие государства мира расположились на разных местах в рейтинге: Франция занимает 14-е место, Соединенные Штаты Америки – 17-е, Великобритания – 19-е, Германия – 22-е, Китай – 64-е, Бразилия – 78-е, Индия – 100-е.

Замыкают рейтинг Нигерия, Бурунди, Мавритания, Чад и Йемен[2].

Представляет интерес рейтинг уровня жизни, разработанный институтом Legatum Institute, который включает в себя такие факторы, как заработная плата, качество медицины и образования, свобода для ведения предпри-

[1] URL: http://www.go-worldwide.ru/rating

[2] Всемирный экономический форум: Рейтинг стран мира по уровню развития человеческого капитала 2015 г. – URL: http://gtmarket.ru/news/2015/05/19/7160

нимательской деятельности, уровень безопасности, экология, уровень коррупции, личная свобода и ряд других факторов. На основании рейтинга были определены самые лучшие страны для проживания в 2015 г. и страны, где жизнь людей находится на грани выживания.

Согласно данному рейтингу, по уровню жизни в 2015 г. Россия находится на 91-м месте среди 142 стран мира, между Гватемалой и Лаосом. По экономическим показателям Россия находится на 95-м месте, по показателю «свобода предпринимательства» – на 88-м месте, по уровню коррупции и эффективности управления страной – на 99-м месте, по уровню безопасности – на 92-м месте, по качеству образования – на 35-м месте, по уровню свободы граждан – на 89-м месте среди стран мира.

На первом месте в мировом рейтинге уровня жизни находится Норвегия, на последнем месте – Чад. По другим показателям самой безопасной страной мира в 2015 г. признана Исландия, самой развитой по экономическим показателям – Сингапур, лучшей страной для ведения предпринимательской деятельности признана Дания, самый лучший уровень образования признан за Австралией, а наиболее свободно в 2015 г. чувствуют себя люди в Канаде[1].

Аналогичный рейтинг провели аналитики американского центра The Earth Institute (Институт Земли), однако при составлении рейтинга ими учитывались такие показатели, как уровень ВВП на душу населения, ожидаемая продолжительность жизни, наличие гражданских свобод, чувство безопасности и уверенности в завтрашнем дне, стабильность семей, гарантии занятости, уровень коррупции, а также уровень доверия в обществе, великодушие и щедрость. В значительной мере аналитики опирались на результаты опросов общественного мнения о том, насколько жители разных стран чувствуют себя счастливыми. Согласно данным за 2015 г. самыми счастливыми являются небольшие европейские страны. Именно они вошли в первую десятку (рис. 1).

Рис. 1. Рейтинг самых счастливых стран мира в 2015 г.

[1] Уровень жизни населения России и стран мира в 2015 г. – URL: http://maxpark.com/community/129/content/3757825

Самой счастливой страной, по результатам данного рейтинга, в 2015 г. стала Швейцария с населением 7 762 000 человек, где «индекс счастья» составил 7,587 балла. Швейцарская Конфедерация считается одним из самых благополучных и развитых государств мира по многим социально-экономическим показателям. Там живут самые довольные жизнью люди, средняя продолжительность их жизни – 82,6 года. Страна имеет достаточно высокий уровень социальной поддержки, в связи с чем бедного населения здесь практически нет. Кроме того, «классовые» различия выражены очень слабо.

Вслед за Швейцарией в рейтинге расположились Исландия, Дания, Норвегия и Канада. В десятку ведущих стран мира по уровню счастья также вошли Финляндия, Нидерланды, Швеция, Новая Зеландия и Австралия. Однако ни одна из крупных экономических держав не вошла в десятку лидеров. Так, Соединенные Штаты Америки находятся на 15-м месте, Бразилия – на 16-м, Великобритания – на 21-м, Франция – на 29-м, Германия – на 26-м, Япония – на 46-м, Италия – на 50-м, Китай – на 84-м, Индия – на 117-м.

Россия в данном рейтинге занимает лишь 64-е место, между Ливией и Ямайкой. Показатель уровня счастья населения России равен 5,716 балла. Из стран бывшего СССР ее обогнали Узбекистан (44-е место), Молдова (52-е), Казахстан (54-е), Литва (56-е) и Беларусь (59-е). Менее счастливы жители Туркменистана (70-е место), Эстонии (73-е), Кыргызстана (77-е), Латвии (89-е) и Украины (111-е – падение на 24 позиции по сравнению с 2013 г.). Замыкают рейтинг Сирия (ввиду военных действий), а также неблагополучные африканские государства Бурунди и Того[1].

Аналогичные рейтинги проводятся и в нашей стране. Так, Центр стратегических исследований компании «Росгосстрах» ежегодно публикует список российских городов с самым высоким уровнем жизни. Рейтинг составляется по результатам опроса жителей из 35 крупнейших городов России. Респонденты оценивают качество жилого фонда, медицинское обслуживание, транспорт, образование, дороги и даже квалификацию местных властей. Лидеры рейтинга расположились в следующей последовательности: Сургут, Краснодар, Тюмень, Уфа, Сочи, Екатеринбург, Ставрополь, Нижневартовск, Южно-Сахалинск и Москва.

В исследованиях социологов из Института территориального планирования «Урбаника» приняли участие населенные пункты с наибольшей численностью жителей (выше уровня в 175 тысяч человек за 2014 г.). При расчете местоположения в рейтинге того или иного города учитывались следующие факторы: качество городской среды, куда включены обеспеченность жильем, загруженность дорог, уровень преступности, состояние экологии и множество других слагаемых комфорта горожанина; стоимость жизни (она учитывает возможность аренды или приобретения жилья, расходы на оплату ЖКХ). Результаты исследований позволили выделить несколько тенденций. Так, города с преобладанием нефтедобывающей промышленности в экономике вполне ожидаемо оказались в первой десятке рейтинга. Муниципалитеты с развитой металлургической промышленностью и нефтехимическим сектором укрепляют свои позиции, а вот угольные центры страны демонстри-

[1] Институт Земли: Рейтинг стран мира по уровню счастья населения в 2015 г. – URL: http://gtmarket.ru/news/2015/04/24/7130

руют отставание. Десятка лучших выглядит следующим образом: Тюмень, Казань, Оренбург, Набережные Челны, Ярославль, Кемерово, Пенза, Санкт-Петербург, Воронеж, Томск.

По данным ВЦИОМ, половина жителей России в 2015 г. довольна жизнью. При этом только каждый пятый однозначно недоволен тем, как живет. Оставшиеся утверждают, что есть в их жизни и плюсы, и минусы. Однако по сравнению с прошлым годом количество недовольных жизнью выросло в 1,5 раза.

Схожие результаты граждане продемонстрировали, оценивая материальное положение своей семьи: те же 19 % считают, что оно плохое; большинство (67 %) оценивают его как среднее, 14 % – как хорошее.

Кроме того, опрос позволил выяснить, каким наши сограждане видят свое будущее. Почти каждый второй (45 %) не верит, что что-либо изменится в плохую или хорошую сторону. 28 % говорят, что через год будут жить лучше. Наконец, 16 % считают, что все изменится к худшему (рис. 2).

Рис. 2. Распределение ответов на вопрос «Как вы видите свое будущее?» (n = 1600, в процентах к опрошенным)

Представляет интерес и рейтинг регионов по уровню благосостояния российских семей, подготовленный экспертами РИА по итогам 2014 г.

Рейтинг строился по количеству денег, которое остается в распоряжении семьи с двумя работающими на среднестатистическую в регионе зарплату после вычета прожиточного минимум двух взрослых и двух детей. В качестве минимального уровня затрат использовался прожиточный минимум. Лидерами рейтинга стали: Ямало-Ненецкий и Чукотский АО, а также город Москва. Замыкают рейтинг Республика Калмыкия, Алтайский край и Псковская область. По мнению экспертов РИА, по итогам текущего 2015 г. сложно ожидать положительной динамики благосостояния населения. Так, по итогам первого квартала 2015 г. начисленная зарплата росла медленнее инфляции, реально располагаемые доходы населения снизились на 1,4 %, количество безработных увеличилось на 2,6 %. Кризисные явления, захватившие боль-

шинство сфер российской экономики, не могут не сказаться на изменениях доходов населения и сокращении свободных денежных ресурсов[1].

Несмотря на то, что в общем рейтинге уровня жизни Россия занимает 91-е место, однако 35-е место по уровню образования дает основания для формирования качественного человеческого капитала. Поэтому государственная поддержка образования, здравоохранения, социальной защиты населения способствует не только росту качества жизни, но и увеличению как индивидуального, так и национального человеческого капитала в стране.

Список литературы

1. **Тугускина, Г. Н.** Качество человеческого капитала: факторы влияния / Г. Н. Тугускина // Экономика качества. – URL: http://eq-journal.ru/archive/2015/номер-1(9)/

References

1. Tuguskina G. N. *Ekonomika kachestva* [Quality economics]. Available at: http://eq-journal.ru/archive/2015/nomer-1(9)/

Дорофеев Владимир Дмитриевич
доктор технических наук, профессор, заведующий кафедрой менеджмента и экономической безопасности, Пензенский государственный университет
(Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40)

E-mail: galina066@mail.ru

Dorofeev Vladimir Dmitrievich
Doctor of engineering sciences, professor, head of sub-department of management and economic safety, Penza State University
(40 Krasnaya street, Penza, Russia)

Тугускина Галина Николаевна
доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры менеджмента и экономической безопасности, Пензенский государственный университет
(Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40)

E-mail: galina066@mail.ru

Tuguskina Galina Nikolaevna
Doctor of economic sciences, associate professor, professor of sub-department of management and economic safety, Penza State University
(40 Krasnaya street, Penza, Russia)

УДК 3.30.301
Дорофеев, В. Д.
Роль качества жизни в формировании человеческого капитала / В. Д. Дорофеев, Г. Н. Тугускина // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2015. – № 4 (36). – С. 127–133.

[1] URL: http://ria.ru/society/20150525/1066316501.html

УДК 316

О. В. Шиняева, А. К. Тчапе

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИССЛЕДОВАНИЮ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ МОЛОДЕЖИ

Аннотация.

Актуальность и цели. Актуальность темы заключается в необходимости рассмотрения социологических особенностей профессиональной идентичности молодых людей в условиях нестабильного рынка труда и появления новых профессий, выявления и реализации их субъективного Я в контексте становления личности. Цель статьи – рассмотреть методологические подходы к исследованию профессиональной идентичности, разработать структурную модель профессиональной идентификации молодежи.

Материалы и методы. Исследование основывалось на анализе концепций профессиональной идентичности зарубежных и российских социологов; выявлении подходов к исследованию идентификации молодых людей со своей профессией; анализе результатов опроса студентов, обучающихся в высших учебных заведениях. Использовались методы историко-социологического дискурса, теоретической итерпретации и операционализации основных понятий, первичного анализа результатов социологического исследования.

Результаты. Среди значимых референтных групп профессиональные общности в сознании студентов не занимают ведущее место. Принцип «отраженной идентичности» применительно к профессиональному становлению студентов вузов не работает. Они не получают независимую оценку результатов освоения профессии. Профессиональное образование в представлениях студентов вузов выступает не терминальной, а инструментальной ценностью. Особенно это характерно для студентов из других стран.

Выводы. Методологическую основу исследования профессиональной идентичности молодежи составляют идеи Р. Мертона о поиске ценностей в референтных группах; концепция «отраженной идентичности» Дж. Мида и Ч. Кули. Институциональный и коммуникативный подходы позволяют осуществить анализ идентификации на уровне больших общностей, а также определить механизм самоидентификации в малых группах через достижение солидарности с ценностями и нормами поведения.

Ключевые слова: профессиональная идентичность, профессиональная идентификация молодежи, освоение профессии студентами вузов.

O. V. Shinyaeva, A. K. Tchape

THEORETICAL AND METHODOLOGICAL APPROACHES TO STUDYING PROFESSIONAL IDENTITY OF YOUTH

Abstract.

Background. The relevance of the topic lies in the necessity of consideration of the sociological features of professional identity of young people in the unstable labour market and emergence of new professions, to identify and implement their subjective I in the context of personality development. The article aims at reviewing the methodological approaches to the study of professional identity, developing a structural model of professional identity of youth and adapting it in a survey of students of Russian universities.

Materials and methods. The research was based on the analysis of the concepts of professional identity by foreign and Russian sociologists; identification of approaches to sociological research identification of young people with their profession; analysis of survey results of students enrolled at higher education institutions. The methods, used in the article, include as follows: historical and sociological discourses, theoretical interpretation and operationalization of the main concepts, the analysis of the sociological research results.

Results. Among the most important reference groups in the minds of students, professional communities do not occupy the leading place. The principle of "reflected identity" doen't work in relation to professional formation of students of higher education institutions: they don't get an independent assessment of the results of their career development. Professional education in perceptions of University students is not a terminal and instrumental value; this is especially true for students from other countries.

Conclusions. The methodological basis of the research of professional identity of youth is the idea by R. Merton on the search of values in the reference groups; the concept of "reflected identity" bu J. Mead and C. Cooley. Institutional and communicative approaches enable to analyze identification at the level of large communities, and to determine the mechanism of self-identification in small groups through solidarity with the values and norms of behavior.

Key words: professional identity, professional identity of youth, career development of University students.

В настоящее время одной из актуальных исследовательских проблем в социологии является формирование профессиональной идентичности молодежи в условиях нестабильного рынка труда. Накопленные в этой области социологической науки знания дают возможности для изучения профессионального становления и развития не только граждан России, но и студентов из других стран, осваивающих профессию в российских вузах. Особую значимость в связи с этим приобретают вопросы идентичности в конкретной профессиональной деятельности, связанные с поиском смысла своей будущей трудовой деятельности и жизненных ориентаций в целом. Подходы к изучению данного вопроса исторически сложились в зарубежной и российской социологии.

Истоки обращения к процессу идентификации как явлению формирования самобытности человека в разных сферах, продуцирования ментальной рефлексии, становления самосознания и отражения «многослойной» реальности восходят к трудам Сократа, Платона, Протагора, И. Канта, И. Фихте. На всех этапах развития социологии ученые отталкивались от идеи социального формирования идентичности, рассматривая идентичность как продукт взаимодействия индивида и общества. В социологии внимание исследователей концентрируется на следующих моментах: соотнесение личности с группой, представления о группе, социальные механизмы самоопределения индивидов в многообразных культурных общностях. Проблема идентификации «Я» решалась многими исследователями на стыке социальной философии, психологии и социологии. Исследователи У. Джеймс, З. Фрейд, Э. Эриксон, В. Абраменкова, В. Мухина, Л. Попова дают понятие основы профессиональной идентичности через природу и формы реализации «Я». Э. Дюркгейм, Л. Шнейдер, О. Емельянова, Ю. Поварёнков, В. Ядов определяют подходы

к выявлению профессиональной идентичности через реализацию функций индивида или группы в конкретных сферах социальной жизни.

Актуальность исследования заключается в необходимости рассмотрения социологических особенностей профессиональной идентичности как отождествления молодых людей, начинающих карьеру, со своей профессией, выявления и реализации их субъективного Я в контексте становления личности.

От понимания сущности идентификационного поведения зависит разработка его показателей, факторов воздействия в период профессионального становления. Общие характеристики идентификационного поведения нашли отражение в социологических концепциях социальной идентичности. Введение понятия «идентичность» в междисциплинарный научный обиход связано с исследованиями Э. Эриксона, посвященными представлениям граждан о принадлежности к национальным, профессиональным, языковым, политическим, религиозным, расовым и другим социальным группам. Понятие идентичности в работе Э. Эриксона «Идентичность: юность и кризис» интерпретируется как «твердо усвоенный и личностно принимаемый образ себя во всем многообразии социальных отношений» [1, с. 8].

Наполненный социальными катаклизмами и сменами уклада жизни XX в. выделил два направления поиска показателей идентификационного поведения: *первое* – исследование идентификации на уровне больших групп, социальных институтов и общностей, результатом которого является внутригрупповая солидарность с принятыми идеалами и стандартами; *второе* – анализ самоидентификации в малых группах и корпорациях, который воспроизводит механизм выбора индивидом своей принадлежности к той или иной группе, как «значимым другим».

Первое направление нашло отражение в *структурно-функциональном подходе* к проблемам исследования идентификации. Структурно-функциональный анализ опирается на обусловленность идентификации позицией индивидов в социальной структуре. Представитель этого подхода Т. Парсонс в работе «Система современных обществ» определил категорию «социальная идентичность» в виде совокупности кодов, посредством которых индивидуальные значения символизируются через язык и ценности, а затем детерминируют социальные действия субъектов [2, с. 123]. В своей работе ученый пришел к утверждению, что в любом обществе идентификационное пространство определяется существующей социокультурной ситуацией, а «идентификации в условиях аморфности ценностно-нормативного компонента характеризуются нестабильностью» [2, с. 125].

В работе Р. Мертона «Референтная группа и социальная структура» нашла отражение идея значимости референтных групп в формировании идентичности: «идентичность индивида складывается в результате его самоотнесения с коллективом, являющимся для него значимым» [3, с. 48]. В качестве референтных групп могут выступать самые разнообразные группы: реальные и идеальные, большие и малые. В своем исследовании Р. Мертон сделал важный вывод: каждый индивид имеет несколько референтных групп, на которые он ориентируется, сравнивает себя по разным параметрам; в процессе освоения профессии – с группами в профессиональной сфере.

Мертон сформулировал механизм влияния внутреннего потенциала референтных групп на процесс идентификации: «В той мере, в какой реаль-

ные или будущие члены группы мотивированы связывать себя с данной группой, они имеют тенденцию усваивать те чувства и быть конформными к тем ценностям, которые присущи авторитарной и престижной страте в данной группе. От конформности зависит признание со стороны данной группы, в то же время – постепенное признание данной группой индивида усиливает тенденцию к конформности. Ценности этих «значимых других» представляют собой «зеркало», в котором индивид находит представление о себе самом…» [3, с. 49].

Второе направление социологического изучения идентичности тесно связано с *символическим интеракционизмом*. Кардинально иное понимание идентичности проистекает из теории «самости», разработанной Дж. Мидом и Ч. Кули. Идентичность – это результат коммуникаций с себе подобными, в ходе которых формируется ролевое поведение; социальная среда рассматривается как фактор развития «самости» индивида.

Дж. Мид считал, что при рождении человек не обладает идентичностью, она возникает как результат социального опыта взаимодействия с другими людьми. Для Дж. Мида социальное взаимодействие не процесс одностороннего приспособления, а «взаимодействие двух относительно автономных систем – личности и общества, а самость (идентичность) – результат свойств, возникших в ходе такого взаимодействия» [4, с. 246].

«Идентичность», по мнению Дж. Мида, выражается через способность человека воспринимать свое поведение и жизнь в качестве единого целого. Социолог различал *два типа идентичности*: осознаваемая (человек сам размышляет о своем поведении, он не автономен, но свободен думать о цели и тактике поведения) и неосознаваемая (человек нерефлексируемо принимает нормы поведения, привычки, ритуалы группы). Переход от неосознаваемой к осознаваемой идентичности связан с когнитивными процессами и проявлением рефлексии. Ученый пришел к принципиальному выводу: «Парадокс состоит в том, что индивид осознает собственную идентичность лишь в том случае, если смотрит на себя глазами другого» [4, с. 98].

Сторонник символического интеракционизма Ч. Кули разработал теорию отраженной идентичности. В данном контексте профессиональная идентичность «имеет три основных элемента: образ нашего облика в представлении другого человека, образ его суждения о нашем облике и какое-то самоощущение, например, гордость или унижение» [5, с. 172]. Эмоции и чувства, выделяемые автором в структуре идентичности, вызваны влиянием сознания Другого.

Представители символического интеракционизма важное значение придавали трем *формам проявления идентичности* – языку, игре и коллективной игре. Все формы «интерсубъективной» активности представлены в профессиональной деятельности: профессиональный язык является средством самовыражения и осознания себя через других; игра связана с выполнением одновременно нескольких ролей, которые предназначены для ролевого научения; коллективная игра выражается в «слаженной деятельности профессиональных коллективов при наличии нормативной солидарности» [5, с. 247]. Получение профессионального образования студентами связано с освоением профессионального языка, выполнением разных ролей («воспитанник», «стажер», «исследователь»), поддержанием нормативной солидарности в студенческих коллективах.

Последователь интеракционистов американский социолог Э. Гоффман предложил классификацию проявлений идентичности вокруг следующих критериев: 1) типизация личности на основе атрибутов социальной группы; 2) личное своеобразие индивида, связанное с уникальной комбинацией фактов его жизни; 3) субъективное ощущение индивидом своей жизненной ситуации и ее непрерывности. Идентичность, по мнению Э. Гоффмана, – это «комплекс представлений индивида о самом себе, порождаемый в процессе коммуникации через самопрезентацию, инсценирование, занятие ролевой дистанции, стигматизацию» [6, с. 7–8].

Исследователь предложил «драматургический подход» к идентификации. Суть его состоит в обращении внимания на действия акторов в нестабильных ситуациях. В таких социальных условиях, по мнению Э. Гоффмана, проявляются и функционируют два вида идентичности: *истинная* – осознание своего поведения на основе очевидных атрибутов ближайшего окружения; *виртуальная* – типизация поведения, которое можно предположить в новых условиях. Социолог ввел важное понятие «политика идентичности» – влияние человека на информацию о себе, продуцируемую на социальное окружение с помощью различных техник. Это понятие позволяет показать континуальность «Я» и разнообразие идентичностей: каждый индивид укоренен в повседневном потоке пространства и времени, включаясь во множество «порядков взаимодействия», и оказывается относящимся к множеству социальных идентичностей [6, с. 9].

В рамках коммуникативного направления социологии Ю. Хабермас сформулировал концепцию баланса идентичности. В своих работах он предложил использовать *вертикальное измерение* идентичности – «связность истории жизни конкретного индивида»; а также *горизонтальное* – «выполнение требований всех ролевых систем, к которым принадлежит индивид». Только на пересечении этих измерений возможен баланс идентификационного поведения, или «Я-идентичность», как совокупность личностной и социальной идентичностей [7, с. 59]. Установление этого баланса происходит с помощью техник взаимодействия: частная сфера «артикулирует» общественное мнение, вступая с социальными институтами в диалогические отношения. Применение данной концепции к исследованию идентичности означает, что индивиды, вписываясь в ролевую систему трансформирующихся институтов, должны ощущать связность и непрерывность своей деятельности. В противном случае наступает кризис идентичности.

Современная зарубежная социология рассматривает идентичность в сравнении с удачно «играемой» социальной ролью; стремится понять социальные траектории студентов в объективных и субъективных аспектах. Смена ролей трактуется как «переидентификация»; если социальный опыт индивида включает несколько ролей, то у него формируется не одна, а несколько идентичностей. Французский социолог Р. Сенсолю считает, что ведущее место среди ролей всегда принадлежит профессии: «действия акторов определяют не столько их личные качества, сколько профессиональные взаимодействия между ними и агентами социального контроля» [8, с. 146]. Этот вывод имеет методологическое значение: мы полагаем, что профессиональная идентичность молодежи зависит от индивидуальной психологии, ценностей, но меняется под влиянием взаимоотношений с контактными

группами, а также требованиями института образования и производства. Р. Сенсолю выделяет четыре типа «принадлежности к работе», которые включают студентов, осваивающих профессию: 1) симбиотические личности; 2) личности ухода; 3) личности, способные к переговорам; 4) близкие к профессии личности [8, с. 125]. Эта классификация способствовала тому, что Р. Сенсолю сосредоточил свои исследования в трех измерениях: ситуация профессиональной учебы; групповые отношения; восприятие будущего и роли профессии в нем.

Исследуя онтологический аспект проблемы профессиональной идентичности, мы выявили, что молодые люди, осваивая профессиональный мир, включаются в практики «множественной реальности». Идентификация направлена не только на отождествление с социальной реальностью, но и предстает как упорядочивание реальностей, в которых разворачивается осознание себя в профессии. Профессионализм начинающих специалистов можно определить как совокупность освоенных ими теоретических знаний, практического опыта и профессиональных навыков в определенной разделением труда сфере; сложившуюся иерархию ценностей и смыслов профессиональной карьеры. В зарубежной социологии профессиональных групп выделены основные качества начинающего профессионала: «эффективность самореализации; владение специальными знаниями и умениями; способность к творчеству; ответственность за свою карьеру; наличие профессиональной этики» [9, с. 39–40].

Целый ряд работ российских социологов посвящен различным аспектам профессиональной идентичности. Ученые раскрывают ее структуру и генезис, описывают виды и функции, анализируют особенности формирования. В публикациях И. А. Мироновой понятие «профессионализация» используется как синоним понятия «профессиональное становление», которое включено в процесс «профессиональной идентификации». Автор выделяет следующие аспекты профессиональной идентификации: многоплановость; многомерность; многоуровненость; целостность; детерминация; учет динамики профессиональных практик [10, с. 42].

Профессиональная деятельность требует специальной подготовки, начинающейся в вузе и представляющей собой определенный набор профессиональных компетенций, которыми должен владеть выпускник. Положения, изложенные в работах У. С. Родыгиной, представляют важную методологическую основу изучения профессиональных практик студентов, превращения повторяющихся практик в устойчивые типы профессиональной идентификации. У. С. Родыгина считает, что «для формирования и развития профессиональных компетенций необходимы как теоретические знания, которые обычно приобретаются в ходе университетской подготовки, так и практическая деятельность, которая осуществляется в виде практики в период обучения, а затем – в ходе практической работы, желательно под руководством более опытных представителей данной профессии» [11, с. 42].

Иностранцы, которые стали студентами в российских вузах, проходят процесс профессиональной идентификации в более сложных условиях, чем российские студенты. Они имеют достаточно высокую мотивацию для работы в профессиональной сфере после окончания вуза. Но по мере изучения различных дисциплин в вузе у них накапливается как позитивный, так и не-

гативный опыт, пока еще не подкрепленный профессиональной деятельностью. Иная национально-этническая среда, по мнению Л. М. Дробижевой, обостряет процесс культурной идентификации, который реализуется через принятие или неприятие норм, ролей и статусов, присущих чужой и своей культуре. Наиболее значительное влияние «на процесс становления профессиональной идентичности и установок в труде оказывает воспитание в соответствии с традициями семьи и национальной культуры, получение информации о профессии, значимых личностях в ней; получение сведений об особенностях различных профессий; формирование образа профессии, который во многом зависит от эмоциональной окраски полученной информации» [12, с. 135].

Проведенный теоретический анализ проблемы профессиональной идентичности в зарубежных исследованиях позволил выделить следующие противоречия, которые имеют социологическую природу:

– разнообразие теоретических концепций и подходов изучения профессиональной идентичности, которые дают целостное непротиворечивое описание процесса профессиональной идентификации и позволяют объяснить всю совокупность эмпирических данных, получаемых разными исследователями;

– определение специфики профессиональной идентичности в соотношении с другими видами идентичности, поиск единых критериев, по которым можно определить ее сформированность в структуре становления профессионального сознания молодежи;

– оценка содержания профессиональной идентичности субъекта на разных стадиях профессионального становления, преодоление методических трудностей измерения различных показателей, характеризующих уровень профессиональной идентичности студентов в российских вузах.

Подводя итог анализа теоретических оснований исследования профессиональной идентичности молодежи, мы разработали структурную модель изучаемого явления (рис. 1). Она может использоваться в эмпирических исследованиях процесса профессиональной идентификации молодежи, в том числе студенческой молодежи в высших учебных заведениях.

Мы провели анкетный опрос «Профессиональное становление студентов: идеалы и реалии» среди студенческой молодежи высших учебных заведений Ульяновска. Выборка квотная – по профилям обучения; специальная квота выделена для представительства иностранных студентов, обучающихся в ульяновских вузах. Общий объем составил 860 человек. В ходе анализа собранной информации получены следующие результаты.

Большинство студентов вузов (72 %) подчеркивает, что получение высшего образования для них связано с освоением современной профессии, которая обеспечит в будущей жизни материальное благополучие. Две трети опрошенных (68 %) уверены, что выбор профиля обучения сделан ими осознанно. Однако ответы на открытый вопрос: «Как ты представляешь свою будущую профессию?» показали, что у многих студентов достаточно абстрактные представления о будущей профессиональной деятельности: более 40 % респондентов определяют свою профессию через социально-экономические характеристики («высокая оплата труда», «хорошее вознаграждение», «достойный социальный статус»); более трети опрошенных (36 %) выделяют

в профессиональной деятельности только условия труда («работа в офисе», «творческая обстановка», «работа на крупном современном предприятии», «хорошие условия для мозговой активности»); лишь пятая часть студентов вузов (21 %) описывает и примерно представляет внутренние характеристики профессиональной работы.

Рис. 1. Структурная операционализация процесса формирования профессиональной идентичности молодежи

В ходе проведения социологического исследования респондентам предлагалось ответить на следующий полуоткрытый вопрос: «Что, на твой взгляд, означает успех?» В ходе анализа полученных результатов нами был составлен рейтинг из наиболее часто упоминающихся ответов.

*Успех – это достижение поставленных целей, планов, идей (46 % от числа ответивших): *«То, чего ты добился благодаря своим усилиям»; «Достижение жизненных целей – создание семьи, высокий статус в обществе»; «Удовлетворенность реализацией жизненных планов», «Крепкая, счастливая семья».*

*Успех – это работа по специальности, карьерный рост, востребованность в качестве специалиста (35 %): *«Хорошо закончить университет, устроиться по специальности и двигаться по карьерной лестнице»; «Комфорт в профессии», «Высокооплачиваемая работа».*

*Успех – это материальный достаток, обеспеченность (14 %): *«Зависит от количества денег», «Материальное благополучие», «Деньги, популярность», «Это состояние, когда ни в чем себе не отказываешь».*

*Успех – это самореализация и признание среди других (5 %): *«Наличие важных успехов не только в профессии», «Удовлетворенность во всех сферах жизни», «Полная реализация способностей, уважение людьми».*

Сравнение жизненных ценностей студентов из разных социально-демографических и социокультурных сегментов позволило выявить интересные закономерности (табл. 1): профессиональная карьера и профессиональное образование в рейтинге ценностных ориентаций студентов оказались на четвертом месте; более высоко ими оцениваются «крепкая семья», «здоровье», «жизнь человека».

Таблица 1

Влияние социально-демографических и социокультурных характеристик на ценностные ориентации студентов вузов (в процентах от числа опрошенных; *n* = 860)

	Всего	**Принадлежность к стране**		**Курс**			**Профиль специальности**		
		Российские студенты	**Иностранные студенты**	**1–2**	**3**	**4–6**	**Социально-гуманитарный**	**Технический**	**Экономический**
Крепкая семья	**54**	**62**	42	52	55	**62**	**63**	55	51
Здоровье	**40**	37	**46**	36	**48**	42	33	40	43
Жизнь человека	**36**	34	**44**	36	40	34	40	36	34
Профессиональная карьера	**26**	25	**37**	20	26	**34**	23	25	**36**
Образование	**26**	23	**46**	**36**	19	20	**31**	25	27
Реализация способностей	**21**	21	20	24	20	17	**43**	19	18
Материальное благополучие	**20**	**22**	16	17	18	**28**	15	21	**25**

Оценки иностранных студентов, получающих профессию в российских вузах, существенно отличаются. Они выше, чем коренные граждане России, оценивают такие универсальные ценности, как «здоровье», «жизнь человека»; одновременно выше оценивают инструментальные ценности «профессиональная карьера», «образование» (36–37 %). Очевидно, что в сравнении с российскими студентами иностранцы находятся в более сложной обстановке, требующей мобилизации внутренних ресурсов: успешное овладение профессией в ходе образования оценивается каждым вторым из них как необходимое условие дальнейшего жизненного пути.

Одним из критериев успешного формирования профессиональной идентичности иностранных студентов является наличие профессионально детерминированной установки на языковую компетентность в рамках учебного языкового дискурса. Данный вывод подтверждается результатами со-

циологического опроса студентов из других стран, обучающихся в вузах Ульяновска. По их оценкам, после приезда в Россию было труднее всего привыкнуть к необходимости общаться на русском языке (48 %), погоде (26 %), условиям проживания в общежитии (21 %), другому образу жизни (14 %), отсутствию родственников (5 %), русской кухне (3 %).

Даже включившись в учебную деятельность, половина студентов из других стран продолжает говорить на своем языке (51 %); почти столько же – на английском (46 %); менее предпочтительным является русский язык (23 %). Невысокий уровень языковой компетентности – одна из главных причин учебных трудностей и проблем освоения профессии в самооценках иностранных студентов (табл. 2). Чем старше курс, тем меньше доля тех, кто отмечает плохую языковую подготовку; при этом на старших курсах треть студентов из других стран все еще ощущают слабую идентичность с культурой принимающей страны и профессиональной культурой.

Таблица 2

Причины учебных трудностей иностранных студентов
(в процентах от числа опрошенных иностранных студентов; *n* = 254)

Показатели	**Всего**	**Пол**		**Курс**			**Уровень адаптации**		
		М	**Ж**	**1**	**2–3**	**4–6**	**низкий**	**средний**	**высокий**
Плохое знание русского языка	56	56	55	64	53	34	65	41	35
Слабая подготовка по предмету	35	31	42	41	41	16	50	32	30
Различия систем образования	32	31	37	40	41	21	35	32	32
Ограниченные способности студентов	7	7	8	7	8	8	7	6	6
Преподаватель говорит быстро	10	13	10	24	16	6	13	10	4

Примечание. Ответ на вопрос предполагал несколько вариантов, поэтому сумма более 100 %.

Языковая подготовка тесно коррелирует с уровнем учебно-профессиональной адаптации иностранных студентов: чем выше уровень адаптации, тем меньше доля студентов, испытывающих проблемы с языком, а также другие трудности учебного и культурного характера.

Итак, методологическую основу исследования профессиональной идентичности молодежи, на наш взгляд, составляют идеи Р. Мертона о поиске молодыми людьми ценностей в референтных группах; количество групп равно количеству значимых сфер жизни. Важное место в методологии социологического исследования поднятой проблемы имеет концепция «отраженной идентичности» Дж. Мида и Ч. Кули, суть которой в осознании идентичности через оценку других людей и возникновении на этой основе саморефлексии. Исходя из выделенных теорий, исследование профессиональной идентичности молодежи в современных условиях возможно с позиций институционального и коммуникативного подходов: первый позволяет осущест-

вить анализ идентификации на уровне больших групп молодежи, социальных институтов образования и производства, результатом которого является внутригрупповая солидарность с принятыми идеалами и стандартами; второй направлен на анализ самоидентификации в малых группах и выявление места профессиональных общностей среди значимых групп в жизни молодежи.

В результате апробации теоретико-методологических подходов на примере профессионального становления студентов мы пришли к выводу: среди значимых референтных групп профессиональные общности в сознании студентов занимают далеко не первое место; принцип «отраженной идентичности» применительно к профессиональному самосознанию студентов вузов не работает: они практически не получают внешнюю независимую оценку своего становления в профессии. Программа профессионального становления студентов из других стран, кроме отслеживания лояльности профессии, должна включать мониторинг вопросов учебной, психологической, материально-бытовой адаптации в новой среде.

Список литературы

1. **Эриксон, Э.** Идентичность: юность и кризис : [пер. с англ.] / Э. Эриксон. – М. : Флинта, 2006. – 342 с.
2. **Парсонс, Т.** Система современных обществ / Т. Парсонс. – М. : Аспект Пресс, 1998. – 270 с.
3. **Мертон, Р. К.** Референтная группа и социальная структура / Р. К. Мертон. – М. : Ин-т молодежи, 1991. – 258 с.
4. **Мид, Дж. Г.** Избранное : сб. переводов / Дж. Г. Мид ; РАН. Центр социал. науч.-информ. исследований. – М., 2009. – 290 с.
5. **Кули, Ч. Х.** Социальная самость / Ч. Х. Кули // Американская социологическая мысль: тексты. – М. : МГУ, 1994. – 496 с.
6. **Гоффман, Э.** Стигма: заметки об управлении испорченной идентичностью / Э. Гоффман. – 52 с. – URL: http://fb2lib.net.ru/book/145155.
7. **Хабермас, Ю.** Демократия. Разум. Нравственность / Ю. Хабермас. – М. : Academia, 1995. – 244 с.
8. **Sainsaulieu, Renaud.** Sociologie de l'entreprise organisation culture et développement" edition presse science po et dalloz / Renaud Sainsaulieu. – 2002. – 306 p.
9. **Dubar, Claude.** La socialisation. Construction des identités sociales et professionnelles / Claude Dubar. – Paris : Armand Colin, 1999. – 278 p.
10. **Мандриков, В. Б.** Динамика физической подготовленности и работоспособности иностранных студентов в период обучения в вузе / В. Б. Мандриков, И. А. Миронова, В. В. Неумоин // Проблемы адаптации зарубежных студентов. – Волгоград : Перемена, 2001. – С. 40–46.
11. **Родыгина, У. С.** Особенности профессиональной идентичности студентов / У. С. Родыгина // Психологическая наука и образование. – 2007. – № 4. – С. 39–48.
12. **Дробижева, Л. М.** Социальные проблемы межнациональных отношений в постсоветской России / Л. М. Дробижева. – М. : Центр общечеловеческих ценностей, 2003. – С. 336.

References

1. Erikson E. *Identichnost': yunost' i krizis: [per. s angl.]* [Personality: youth and crisis: translation from English]. Moscow: Flinta, 2006, 342 p.
2. Parsons T. *Sistema sovremennykh obshchestv* [System of modern societies]. Moscow: Aspekt Press, 1998, 270 p.
3. Merton R. K. *Referentnaya gruppa i sotsial'naya struktura* [Reference group and social structure]. Moscow: In-t molodezhi, 1991, 258 p.

4. Mid Dzh. G. *Izbrannoe: sb. perevodov* [Selected works: collected translations]. RAN. Tsentr sotsial. nauch.-inform. issledovaniy. Moscow, 2009, 290 p.
5. Kuli Ch. Kh. *Amerikanskaya sotsiologicheskaya mysl': teksty* [American sociological thought: texts]. Moscow: MGU, 1994, 496 p.
6. Goffman E. *Stigma: zametki ob upravlenii isporchennoy identichnost'yu* [Stigma: notes on corrupted identity management]. 52 p. Available at: http://fb2lib.net.ru/book/145155.
7. Khabermas Yu. *Demokratiya. Razum. Nravstvennost'* [Democracy. Mind. Morality]. Moscow: Academia, 1995, 244 p.
8. Sainsaulieu Renaud. *Sociologie de l'entreprise organisation culture et développement" edition presse science po et dalloz* [Sociology of corporative organizational culture and development]. 2002, 306 p.
9. Dubar Claude. *La socialisation. Construction des identités sociales et professionnelles* [Sociology. Formation of social and professional identities]. Paris: Armand Colin, 1999, 278 p.
10. Mandrikov V. B., Mironova I. A., Neumoin V. V. *Problemy adaptatsii zarubezhnykh studentov* [Problems of foreign students adaptation]. Volgograd: Peremena, 2001, pp. 40–46.
11. Rodygina U. S. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie* [Psychology of science and education]. 2007, no. 4, pp. 39–48.
12. Drobizheva L. M. *Sotsial'nye problemy mezhnatsional'nykh otnosheniy v postsovetskoy Rossii* [Social problems of international relations in post-soviet Russia]. Moscow: Tsentr obshchechelovecheskikh tsennostey, 2003, p. 336.

Шиняева Ольга Викторовна
доктор социологических наук, профессор, заведующая кафедрой политологии, социологии и связей с общественностью, Ульяновский государственный технический университет
(Россия, г. Ульяновск, ул. Северный Венец, 32)

E-mail: olses@rambler.ru

Shinyaeva Olga Viktorovna
Doctor of sociological sciences, professor, head of sub-department of political sciences, sociology and public relations, Ulyanovsk State Technical University
(32 Severny Venets street, Ulyanovsk, Russia)

Тчапе Каклеу Анастаси
аспирант, Ульяновский государственный технический университет
(Россия, г. Ульяновск, ул. Северный Венец, 32)

E-mail: tchapeanastasie@yahoo.fr

Tchape Kakleu Anastasie
Postgraduate student, Ulyanovsk State Technical University
(32 Severny Venets street, Ulyanovsk, Russia)

УДК 316

Шиняева, О. В.

Теоретико-методологические подходы к исследованию профессиональной идентификации молодежи / О. В. Шиняева, А. К. Тчапе // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2015. – № 4 (36). – С. 134–145.

УДК 316.334.23

Г. Б. Кошарная

МОТИВАЦИЯ СОВРЕМЕННЫХ РОССИЙСКИХ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ[1]

Аннотация.

Актуальность и цели. Одна из центральных проблем в исследовании предпринимательства – это проблема мотивации. Считается, что предпринимательство по своей сущности заинтересовано главным образом лишь в получении прибыли. Однако социологические исследования показывают, что с возрастом происходит снижение значимости этого мотива в предпринимательской деятельности и увеличение мотивов независимости и самовыражения. Целью данной статьи является выявление мотивации современных российских предпринимателей.

Материалы и методы. Реализация исследовательских задач была достигнута на основе анализа состояния и тенденций развития предпринимательства. Использованы данные авторского опроса предпринимателей Поволжского региона и базы данных других исследований.

Результаты. Результаты исследования показывают, что мотивационное ядро постсоветского предпринимателя, так же как и западного, составляют потребности высшего уровня, и прежде всего потребности в независимости и в достижении успеха. Материальное благополучие является главным мотивирующим фактором для предпринимателя, как правило, на начальном этапе его деятельности. По мере роста доходов предпринимателя, деньги становятся нужны ему для того, чтобы получить больше свободы в своей дальнейшей предпринимательской деятельности.

Выводы. В среде постсоветских российских предпринимателей преобладают лица с деловой, творческой мотивацией. Это вызвано прежде всего стремлением предпринимателей к независимости, самостоятельности, отвечает их жизненным ориентациям.

Ключевые слова: предпринимательство, мотивация предпринимательской деятельности, иновационно-творческая мотивация, структура мотивации предпринимателя, мотивационное ядро.

G. B. Kosharnaya

MOTIVATION OF MODERN RUSSIAN ENTREPRENEURS

Abstract.

Background. One of the central issues in the study of entrepreneurship – a motivation problem. It is believed that entrepreneurship in its essence is interested primarily only to make a profit. However, sociological studies show that with age there is a decrease in importance of this motive in business and an increase in motives of independence and self-expression. The purpose of this article is to identify the motivation of contemporary Russian businessmen.

[1] Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РГНФ «Консолидация различных социальных слоев и групп полиэтнических регионов Поволжья на основе общекультурных норм и единых ценностных приоритетов в условиях современной России», проект № 15-03-00382 а.

Materials and methods. The research tasks were implemented on the basis of the analysis of the state and business trends. The article presents the data of the author's survey of entrepreneurs in Volga region and of other research data bases.

Results. The study results show that the motivational core of a post-Soviet entrepreneur, as well as a western one, constitutes the highest level of need and, above all, the need for independence and success. Material well-being is the main motivating factor for a entrepreneur, as a rule, at the initial stage of his/her activity. As for entrepreneurs' income, money is needed to get more freedom in their future business activities.

Conclusions. The post-Soviet sphere of Russian entrepreneurs is predominated by people with business and creative motivation. This is primarily due to the desire of businessmen for independence, self-reliance, it is in their life orientation.

Key words: entrepreneurship, motivation of entrepreneurial activity, innovative and creative motivation, structure of entrepreneurial motivation, core of motivation.

Центральной проблемой в изучении личности предпринимателя является мотивация, т.е. процесс формирования побудительных начал, причин и целей его деятельности. Однако следует отметить, что вопрос о мотивах предпринимательской деятельности чрезвычайно сложен для анализа, поскольку мотивы не всегда четко осознаются человеком, но обязательно переживаются им как нечто значимое, ценное, т.е. мотивы тесно связаны с ценностями и ценностными установками личности.

В современной социологии и психологии является общепринятым понимание мотивации как совокупности внутренних движущих сил, которые побуждают человека к деятельности. Мотивационная структура характеризует соотношение мотивов, определяющих поведение человека. Она формируется под влиянием различных факторов, как генетических, так и социальных. Как показывают результаты социологических опросов, мотивационная структура существенно зависит от уровня благосостояния, традиций, возраста, социального статуса и других факторов.

Мотивационный механизм у предпринимателей по своей форме мало чем отличается от аналогичного механизма мотивации других работников, поэтому в исследовании предпринимательской мотивации имеются те же проблемы, что и в изучении трудовой мотивации вообще. Одной из самых распространенных концепций трудовой мотивации является концепция американского психолога и социолога А. Маслоу (1908–1970). Заслуга Маслоу, по сравнению с другими исследователями, заключалась в том, что он создал иерархическую теорию потребностей, широко известную как пирамида Маслоу. На основании своих многочисленных исследований Маслоу пришел к выводу, что мотивация работника возникает в результате необходимости удовлетворения серии потребностей, выстроенных иерархически в пирамиду от «низших», материальных, до «высших», духовных. В возрастающем порядке это:

1) физиологические потребности (потребность в пище, одежде, жилище, отдыхе и т.д.);

2) экзистенциальные потребности (уверенность в завтрашнем дне, стабильности условий жизнедеятельности);

3) социальные потребности (потребность в дружеских отношениях, принадлежности к какой-либо группе, стремление к контактам с равными, потребность в заботе о других и внимании к себе);

4) престижные потребности (потребность в уважении, служебном росте, статусе, престиже, признании);

5) духовные потребности (потребность в самореализации через творчество) [1].

Первые две группы потребностей Маслоу называл первичными (врожденными), три последующие – вторичными (социально приобретенными). Когда А. Маслоу опубликовал свой труд в 1943 г., в американской социологии существовало немало классификаций мотивов к труду по различным основаниям. Заслугой Маслоу явилось то, что он попытался объяснить их взаимодействие. Чрезвычайно важным был вывод о том, что потребности каждого нового уровня становятся актуальными для работника лишь после того, как удовлетворены потребности предыдущего уровня. Все потребности, за исключением физиологических (пища, одежда), никогда не удовлетворяются полностью. Неполная удовлетворенность социальных и духовных потребностей ведет к тому, что они являются более сильными мотиваторами, чем потребности физиологические. Если же у человека не удовлетворены потребности более низкого уровня, потребности более высокого уровня, считал А. Маслоу, могут не возникнуть. Редкий человек будет стремиться к творческому самовыражению в труде, если он голоден или раздет, хотя в отдельных случаях это и происходит. Но и сам А. Маслоу считал, что потребность в самовыражении доступна лишь немногим. Тем не менее там, где персоналу предоставляется возможность творчески реализовать себя в результатах своего труда, они выкладываются на работе полностью, сознательно жертвуя потребностями низшего уровня.

Применительно к предпринимательской деятельности, если исходить из концепции иерархии мотивов Маслоу, можно выделить три основных типа мотивации: материальную или потребительскую; социальную; инновационно-творческую.

Именно последний тип мотивации и преобладает у цивилизованного предпринимателя, так как эти мотивы свидетельствуют о наличии у человека интереса к самому делу: его процессу, условиям осуществления, содержанию, результатам, а также возможности самореализации в нем. Напомним, что согласно концепции современного исследователя предпринимательства Й. Шумпетера деятельность предпринимателя относится, безусловно, к творческим видам труда и состоит в поиске или организации ее субъектом новых оригинальных комбинаций факторов производства в целях повышения его эффективности. Необходимым условием предпринимательства является свобода действий, т.е. отсутствие всякого рода ограничений [2]. Конечно, стремление к удовлетворению материальных потребностей, безусловно, присуще предпринимателям, однако М. Вебер считал, что потребительско-гедонистическим мотивам не место в мотивационной структуре личности предпринимателя. Настоящему предпринимателю чужда показная роскошь и расточительство, его образу жизни свойственна аскетическая направленность [3].

Социальные или статусные мотивы – это мотивы общественного признания, утверждения себя в группе, повышения своего социального статуса, приобретения властных полномочий. В разумной мере присутствие этих мотивов у предпринимателей Й. Шумпетер считал необходимым.

Проведенное в 2015 г. исследование в рамках вышеуказанного гранта РГНФ среди населения Поволжского региона (подвыборка предпринимате-

лей составила 208 человек) также подтвердило наличие у них высокого уровня мотивации достижения. В представленном рис. 1 пункт 1 определяет материальную, или потребительскую, мотивацию; пункты 5, 6 – статусную; 2, 3, 4, 7, 8 – инновационно-творческую. Почти половина респондентов в качестве основного мотива своей деятельности отметили «независимость, свободу» и «видеть конкретные, ощутимые результаты своего труда».

Рис. 1. Мотивы и ценности предпринимателей
(в процентах к опрошенным, $n = 208$)

Примечание. Поскольку респонденты могли выбрать более одного варианта ответа, общая сумма ответов составляет более 100 %.

Результаты нашего исследования показывают, что основной тип мотивации у предпринимателей независимо от вида деятельности и размера капитала – инновационно-творческий. Ранее сходные данные были получены и в других исследованиях [4–7].

Вопреки широко распространенному мнению о бизнесменах как людях, стремящихся прежде всего к высокому материальному достатку, этот мотив присутствовал лишь приблизительно у каждого второго. Здесь следует учитывать, что этот мотив заложен в экономической сущности предпринимательства, его главной функции – получении сверхприбыли (предпринимательского дохода) на основе инноваций и хозяйственного риска, без которого не может быть предпринимательства. Тем не менее социологические исследования показывают, что с возрастом происходит снижение значимости этого мотива в предпринимательской деятельности и увеличение мотивов независимости и самовыражения. Если предпринимателей в возрасте от 18 до 35 лет более всего привлекает высокий заработок (67 %), то с увеличением возраста происходит смена приоритетов в сторону независимости (73 %). Денежный доход для таких предпринимателей выступает не в качестве самоцели, а как символ успеха, свободы, расширения возможности для творческого самовыражения. При этом прослеживается связь между уровнем доходов и значе-

нием мотива получения высокой прибыли: с повышением дохода значение материальных мотивов снижается.

Итак, среди предпринимателей преобладают лица с инновационно-творческой мотивацией. Это вызвано прежде всего стремлением предпринимателей к независимости, самостоятельности, отвечает их жизненным ориентациям. Мотивация подобного типа одинаково присуща предпринимателям-мужчинам и женщинам, она побуждает их идти на различные финансовые, социальные и психологические риски и работать, не считаясь со временем, чтобы добиться успеха в новом деле.

Важным исходным пунктом деятельности предпринимателя является решение основать собственное дело, которое включает в себя готовность изменить свой образ жизни. В основе этого решения могут лежать различные мотивы: иногда не устраивает прежняя работа, в других случаях привлекает создание чего-то нового, особенно если есть интересная идея.

Очень часто наибольший стимул к отказу от прежнего образа жизни дает изменение обстоятельств. Американская статистика показывает, что количество вновь зарегистрированных фирм в период массовых увольнений возрастает на 10–12 %. В нашем исследовании о вынужденном уходе в бизнес сообщили 23 % опрошенных. По другим данным [8, 9], эта цифра составляет от 18 до 30 %. Для части респондентов этот уход был связан со стечением обстоятельств, большей частью благоприятных. Однако большинство респондентов (56 %) в нашем исследовании заявило, что их уход был связан с желанием получить независимость, чтобы реализовать свои идеи, стремлением к самореализации в деле (рис. 2).

Рис. 2

В зарубежных концепциях мотивации трудовой деятельности выделяются три главных типа мотивов, которые регулируют отношения личности к социальному окружению, – потребности в общении (аффилиация), достижении, власти.

Роль аффилиации, как отмечает известный американский психолог Х. Хеккаузен, заключается в таком общении с другими людьми, которое приносит удовлетворение и взаимно обогащает обе стороны. Несимметричность в распределении ролей или желание превратить партнера в способ удовлетворения своих потребностей создают вред аффилиации как таковой или совсем уничтожают ее [10, т. 1, с. 289]. Мотив власти определяется как потребность, желание контролировать социальное окружение, влиять на поведение других людей и подчинять их себе.

В результате исследований влияния доминирования того или иного мотива на эффективность предпринимательской деятельности было установлено, что экономическому успеху способствует наличие у предпринимателя высокого уровня мотива достижения и низкого уровня аффилиации, уровень же мотива власти является незначительным.

Практически все исследователи подчеркивают, что для успешной деятельности предпринимателя необходим ярко выраженный мотив достижения и его отрицательная корреляция с мотивом аффилиации (общения). Последнее можно объяснить тем, что, поскольку базовыми чертами предпринимателя являются индивидуализм, стремление к свободе и независимости, потребность в общении у него либо отсутствует, либо он реализует ее в семье, в межличностных, а не в деловых отношениях.

Таким образом, социологические исследования показывают, что мотивационное ядро предпринимателя складывается на основе потребностей высшего уровня; при этом называются в основном потребности в независимости и в достижении успеха. Человек, решивший стать предпринимателем, чаще всего объясняет это стремлением обрести контроль над своей судьбой, свести к минимуму силы внешнего влияния. Тяга к независимости связана также с нежеланием предпринимателя работать под чьим-то руководством.

Значительный вклад в проблему мотивации предпринимательства внес американский исследователь Д. Мак-Клелланд, который выделял три основные потребности, определяющих мотивацию человека к деятельности: соучастие, достижение и властвование. Эти потребности, по мнению Мак-Клеланда, являются приобретенными, т.е. они развиваются на основе обучения, жизненного опыта и обстоятельств.

Потребность соучастия, по Д. Мак-Клелланду, проявляется в коммуникабельности, стремлении установить дружеские отношения с окружающими. Человека с такой потребностью можно охарактеризовать как ярко выраженного коллективиста, что противоречит сущностной черте личности предпринимателя – индивидуализму. Поэтому выраженность этой потребности в структуре мотивации успешного предпринимателя невысока. Основной направленностью потребности властвования является стремление контролировать действия других людей, оказывать влияние на их поведение, брать на себя ответственность за их действия и поступки. И, наконец, потребность достижения проявляется в стремлении человека достигать стоящих перед ним целей более эффективно, чем он это делал ранее.

Все эти три потребности не исключают друг друга и не расположены иерархически, как у Маслоу. Влияние этих потребностей на поведение человека зависит от их сочетания. В результате своих исследований Мак-Клел-

ланд пришел к выводу, что людям с ярко выраженной мотивацией достижения свойственны следующие особенности:

– ситуация достижения как привлекающий фактор;

– уверенность в успешном исходе;

– готовность принять ответственность и решительность в неопределенных ситуациях;

– большая настойчивость при стремлении к цели;

– получение повышенного удовольствия от интересных задач;

– желание делать сложную, но реально выполнимую работу; отсутствие энтузиазма к сверхсложным или простым задачам;

– стремление к разумному риску;

– средний, реалистический уровень притязаний;

– большое упорство при столкновении с препятствиями;

– повышение уровня притязаний после успеха [11].

Таким образом, люди, обладающие высокой мотивацией достижения, самостоятельно ставят себе цели, при этом они выбирают умеренно сложные, реально достижимые цели и задачи и настойчиво стремятся к достижению намеченной цели. Им важно постоянно получать конкретный, ощутимый результат, хотя следует отметить, что результаты не всегда бывают наилучшими и наивысшими.

Основной вывод Д. Мак-Клелланда состоял в том, что предприниматели имеют высокий коэффициент мотивации достижения, включающий постановку реально достижимых целей и достижение этих целей собственными силами. И хотя, по мнению Д. Мак-Клелланда, эта потребность у многих формируется в детстве, в какой-то мере ее возможно развить и у взрослых людей. Проведенные самим Д. Мак-Клелландом и его сотрудниками в ряде слаборазвитых стран курсы мотивационного тренинга дали значительный эффект в повышении предпринимательской активности мелких и средних коммерсантов [12, с. 49–56].

Подводя итоги, следует подчеркнуть, что мотивационная сфера отечественного предпринимательства только формируется. Тем не менее результаты исследований показывают, что мотивационное ядро постсоветского предпринимателя, так же как и западного, составляют потребности высшего уровня, и прежде всего потребности в независимости и в достижении успеха. Решение начать свое дело, нередко сопряженное с риском, связано у предпринимателей со стремлением к независимости, желанием самостоятельно распоряжаться своей судьбой. Материальное благополучие является главным мотивирующим фактором для предпринимателя, как правило, на начальном этапе его деятельности. По мере роста доходов предпринимателя деньги используются им для того, чтобы получить больше свободы в своей дальнейшей предпринимательской деятельности.

Список литературы

1. **Маслоу, А.** Мотивация и личность / А. Маслоу. – 2-е изд. – СПб., 2011.
2. **Шумпетер, Й.** Теория экономического развития (исследование предпринимательской прибыли, капитала, кредита, процента и цикла конъюнктуры) : [пер. с англ.] / Й. Шумпетер. – М. : Прогресс, 1982.

3. **Вебер, М.** Избранные произведения : [пер. с нем.] / М. Вебер ; сост., общ. ред. и послесл. Ю. Н. Давыдова. – М. : Прогресс, 1990.
4. **Голенкова, З. Т.** Российский предприниматель: некоторые аспекты современной жизни / З. Т. Голенкова, Е. Д. Игитханян // Социологические исследования. – 2006. – № 11.
5. **Дыльнова, З. М.** Об изучении проблем становления отечественного предпринимательства / З. М. Дыльнова // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. – 2012. – Т. 12, № 2.
6. **Чепуренко, А. Ю.** Малое предпринимательство в социальном контексте / А. Ю. Чепуренко. – М. : Наука, 2004.
7. **Кошарная, Г. Б.** Стиль жизни предпринимателей в современном российском обществе / Г. Б. Кошарная, Е. А. Киселев // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2013. – № 1.
8. **Чепуренко, А. Ю.** Социология предпринимательства / А. Ю. Чепуренко. – М., 2007.
9. **Васянин, М. С.** Ценности предпринимательского слоя современной России / М. С. Васянин // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2012. – № 2.
10. **Хеккаузен, Х.** Мотивация и деятельность / Х. Хеккаузен. – М., 1986. – Т. 1, 2.
11. **МакКлеланд, Д.** Мотивация человека / Д. МакКлеланд. – СПб. : Питер, 2007.
12. **Хеккаузен, Х.** Психология мотивации достижения / Х. Хеккаузен. – СПб., 2001.

References

1. Maslou A. *Motivatsiya i lichnost'* [Motivation and personality]. 2nd ed. Saint-Petersburg, 2011.
2. Shumpeter Y. *Teoriya ekonomicheskogo razvitiya (issledovanie predprinimatel'skoy pribyli, kapitala, kredita, protsenta i tsikla kon"yunktury): per. s angl.* [Theory of economic development (a study of entrepreneurial income, capital, credit, interest and market trend cycle): translation from English]. Moscow: Progress, 1982.
3. Veber M. *Izbrannye proizvedeniya: per. s nem.* [Selected works: translation from German]. Moscow: Progress, 1990.
4. Golenkova Z. T., Igitkhanyan E. D. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological research]. 2006, no. 11.
5. Dyl'nova Z. M. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Sotsiologiya. Politologiya* [Proceedings of Saratov University. New Series. Series: Sociology. Political science]. 2012, vol. 12, no. 2.
6. Chepurenko A. Yu. *Maloe predprinimatel'stvo v sotsial'nom kontekste* [Small-scale entrepreneurship in a social context]. Moscow: Nauka, 2004.
7. Kosharnaya G. B., Kiselev E. A. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Obshchestvennye nauki* [University proceedings. Volga region. Social sciences]. 2013, no. 1.
8. Chepurenko A. Yu. *Sotsiologiya predprinimatel'stva* [Entrepreneural sociology]. Moscow, 2007.
9. Vasyanin M. S. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Obshchestvennye nauki* [University proceedings. Volga region. Social sciences]. 2012, no. 2.
10. Khekkauzen Kh. *Motivatsiya i deyatel'nost'* [Motivation and activity]. Moscow, 1986, vol. 1, 2.
11. MakKleland D. *Motivatsiya cheloveka* [Human motivation]. Saint-Petersburg: Piter, 2007.
12. Khekkauzen Kh. *Psikhologiya motivatsii dostizheniya* [Psychology of achievement motivation]. Saint-Petersburg, 2001.

Кошарная Галина Борисовна
доктор социологических наук,
профессор, заведующая кафедрой
социологии и управления персоналом,
Пензенский государственный
университет
(Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40)

E-mail: k-galina1@yandex.ru

Kosharnaya Galina Borisovna
Doctor of sociological sciences, professor,
head of sub-department of sociology
and human resource management,
Penza State University
(40 Krasnaya street, Penza, Russia)

УДК 316.334.23
Кошарная, Г. Б.
Мотивация современных российских предпринимателей / Г. Б. Кошарная // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2015. – № 4 (36). – С. 146–154.

УДК 349

Ш. Г. Сеидов, В. Г. Сеидов, И. А. Юрасов

ИННОВАЦИОННОЕ РАЗВИТИЕ РЕГИОНА В УСЛОВИЯХ ИНФОРМАТИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА

Аннотация.

Актуальность и цели. В условиях информатизации современного российского общества возрастает значение исследований возможностей научно-технического творчества молодежи и необходимость его включения в инновационные стратегии, разработанные в качестве направлений региональной политики. Цель данной статьи – это методологическое обоснование исследования инновационного развития региона (субъекта РФ) на примере Пензенской области.

Материалы и методы. Реализация поставленных задач достигается на основе систематизации теоретических разработок, посвященных определению сущности и функций политических коммуникаций в современном обществе. Методологический потенциал включает комплексный подход, который позволяет определить, каким образом связаны политические коммуникации и инновационное развитие в условиях региона. Использованы документальные материалы по юридическому обеспечению инновационного развития в Пензенской области.

Результаты. Определены организационные условия учета проблем молодежи Пензенской области с целью ее эффективной социализации. Результаты работы можно применять для научно-методического обеспечения разделов стратегии инновационного развития региона.

Выводы. Сделан вывод о том, что политические коммуникации с применением информационных технологий и с привлечением научно-технического творчества молодежи как активного участника инноваций приведет к эффективному инновационному развитию региона.

Ключевые слова: регион, инновационное развитие, информатизация, информационное общество, политические коммуникации.

Sh. G. Seidov, V. G. Seidov, I. A. Yurasov

REGIONAL INNOVATIVE DEVELOPMENT IN CONDITIONS OF SOCIETY INFORMATIZATION

Abstract.

Background. In conditions of informatization of the modern Russian society there increases the value of research capabilities of scientific and technical creativity of youth, and the need for its inclusion into innovative strategies developed as areas of regional policies. The purpose of this article is to methodologically substantiate the study of innovation development of regions (subjects of the Russian Federation) by the example of Penza region.

Materials and methods. The research tasks were implemented on the basis of systematization of theoretical works devoted to determining the nature and functions of political communication in the modern society. Methodological potential includes a comprehensive approach that allows to determine the way of relation of political communication and innovative development of the region. The authors used documentary materials on legal support of innovative development in Penza region.

Results. The researchers defined organizational environment of registering the problems of youth of Penza region with a view to its effective socialization. The results can be used for academic support sections of the strategy of innovative development of the region.

Conclusions. The conclusion is that political communication along with usage of information technologies and with involvement of scientific and technical creativity of youth as an active participant in innovation will lead to effective innovation development of regions.

Key words: region, innovative development, informatization, information society, political communication.

Современный вектор развития России подразумевает ее постепенный переход от индустриального общества к информационному. Глобализация, реальные возможности информационных и телекоммуникационных технологий создают модели сетевых связей и процессов развития во всех областях жизни общества. Вся система организации, управления и жизнеобеспечения должна изменяться с учетом этих причин и условий. Информационное общество должно быть гражданским, социальным, демократическим и сильным. Прогресс обеспечить могут лишь те, кто обладает широким спектром теоретических знаний и практических навыков, информацией, умением применять их на практике. Глобализация информационного пространства на современном этапе цивилизационного развития общества предопределила значение и роль информации как универсального эквивалента в межсубъектных отношениях социальных институтов и в политических отношениях.

Р.-Ж. Шварценберг определил понятие политической коммуникации как «процесс передачи политической информации, благодаря которому она циркулирует от одной части политической системы к другой и между политической системой и социальной системой», подчеркивая, что при этом происходит непрерывный обмен информацией между индивидами и группами на всех уровнях [1, с.174].

В работах зарубежных авторов обычно выделяются три основных способа политической коммуникации: коммуникация с помощью средств массовой информации, в том числе печатных (пресса, книги, афиши) и электронных (радио, телевидение и т.д.); коммуникация с помощью организаций, в частности политических партий, которые служат связующим звеном между управляющими и управляемыми, и групп давления; коммуникация с помощью неформальных контактов [1, с. 190].

Отечественный политолог М. Ю. Гончаров считает, что термин «политическая коммуникация» должен описывать циркуляцию информации в сфере политической деятельности, т.е. любые сообщения, тексты, оказывающие воздействие на отношения между классами, нациями и государствами» [2, с. 55].

Мы согласны с М. Н. Грачевым в том, что политическая коммуникация выступает как смысловой аспект взаимодействия субъектов политики путем обмена информацией в процессе борьбы за власть или ее осуществление. Она связана с целенаправленной передачей и избирательным приемом информации, без которой невозможно движение политического процесса [3, с. 75].

И еще, как подчеркивает Ю. В. Ирхин, политическая коммуникация выступает как специфический вид политических отношений, посредством

которого доминирующие в политике субъекты регулируют производство и распространение общественно-политических идей своего времени [4, с. 308].

В последнее время политическая коммуникация рассматривается как функциональный элемент политической системы общества, обеспечивающий взаимосвязь между другими ее компонентами [5, с. 102]. Но в то же время политическая коммуникация выступает и как процесс, как непосредственная деятельность политических акторов по производству и распространению политически значимой информации, направленная на формирование (стабилизацию или изменение) образа мыслей и действий других социальных субъектов. Тогда с учетом «функциональной» и «процессуальной» составляющих объем понятия «политическая коммуникация» в наиболее общем виде должен включать в себя всю совокупность явлений информационного воздействия и взаимодействия в сфере политики, которые связаны с исторической деятельностью политических акторов по поводу власти и властно-управленческих отношений в обществе.

Как связаны политические коммуникации и инновационное развитие в условиях региона? Эта проблема пока даже не ставилась. Думается, что политические коммуникации имеют большие возможности для регулирования инновационного развития региона и для направления человеческих ресурсов (прежде всего связанных с социальными институтами науки и образования) на активное участие в деле инновационного развития региона. И это будет происходить благодаря тому, что в политических коммуникациях основным средством передачи информации, налаживания коммуникаций, координации и регулирования согласованных действий являются информационные технологии и современные средства информатизации общества и многих общественных процессов.

В современном социуме все большее значение приобретает виртуальное измерение (информационные технологии, ресурсы Интернета). Политика перемещается в Интернет, а политические партии активно осваивают потенциал «мировой паутины». Лидеры политический партий имеют собственные сайты, деятельность партий обсуждается в социальных сетях, блогосфере. Это измерение нуждается в особом правовом регулировании. Мы становимся свидетелями того, как скорость динамично изменяющейся политико-информационной реальности выше, чем реакция на эти изменения со стороны институтов, создающих правовые нормы.

В условиях информатизации общества политические отношения приобретают значительно больше, чем было прежде, характеристик коммуникативной деятельности. При этом не только возрастает интенсивность и частота коммуникаций, но и появляется их разнонаправленность. Поэтому в качестве основ для регулирования политического поведения с помощью средств массовой информации должны выступать важные принципы реализации информационной политики, среди которых можно назвать следующие:

– реализация средствами массовой информации роли проводника информационных интересов основных групп населения;

– грамотное построение политического диалога представителей властных структур и журналистов;

– компетентность субъекта, позволяющая оценить последствия предлагаемой программы деятельности, которая должна сочетаться не только с воз-

можностью открыто отстаивать свои убеждения, но и с социальной ответственностью за свои действия [6, с. 50].

Для исследования возможностей применения инновационных технологий в процессе регулирования инновационного развития региона обратимся к региональным программам инновационного развития (на примере Пензенской области).

В Стратегии инновационного развития Пензенской области до 2021 г. и прогнозный период до 2030 г. одним из средств формирования и продвижения на территории Пензенской области идеологии инновационного развития является популяризация инновационной тематики в средствах массовой информации и коммуникации [7, с. 6].

Молодежь с социально-профессиональными статусами, соответствующими выполнению инновационных функций в бизнесе, науке, (высшем) образовании, является важным, может быть, одним из основных человеческих ресурсов, занятых в процессе формирования инновационного капитала региона.

Для наиболее полного учета проблем молодежи Пензенской области, ее эффективной социализации, формирования положительной региональной идентичности и активного включения в процесс инновационного развития региона необходимы:

– регулярный мониторинг потребностей и проблем молодежи, в том числе с использованием социологического инструментария получения первичных данных (массовый опрос, интервьюирование, фокус-группы, панельные исследования);

– информационно-пропагандистское обеспечение молодежи Пензенской области об особенностях планов стратегического развития региона, реализуемых в нем проектах, мероприятиях и, соответственно, о возможностях и перспективах развития для молодежи в регионе [7, с. 43].

Привлечение молодежи означает включение ее в политические отношения, поскольку инновационное развитие региона является предметом региональной политики. При этом должны быть созданы условия для активного использования информационных технологий. К таким условиям относится информационно-идеологическое обеспечение инновационного развития региона. Основными целями информационно-идеологического обеспечения Стратегии инновационного развития в Пензенской области, например, являются:

– повышение конкурентоспособности информационной инфраструктуры, совершенствование структуры системы информационного обеспечения инновационной деятельности, стимулирование развития информационной среды в качестве составляющей инновационной системы;

– повышение уровня информационной грамотности потенциальных потребителей инновационной деятельности, разъяснение широкой общественности основ Стратегии инновационной деятельности с помощью средств массовой коммуникации [7, с. 50].

При этом основными механизмами и инструментами информационно-идеологического обеспечения могут стать:

– анализ списков инновационных проектов (с указанием конкретных продуктов, лучшей практики и результатов инновационной деятельности),

креативная корректировка инновационных продуктов для последующего информационного обеспечения;

– развитие системы информационного обеспечения инновационной деятельности, анализ пополняемых списков инновационных проектов, их модернизация;

– развитие форм и методов информационной работы, коммуникационных инструментов, повышение качества информационного обеспечения;

– расширение частногосударственного партнерства в информационной сфере, привлечение внебюджетных источников финансирования информационного обеспечения, стимулирование инвестиций в информационную сферу;

– совершенствование подготовки и повышения квалификации работников средств массовой информации, улучшение технической и технологической баз СМИ.

В целях усиления взаимодействия и оперативного информирования участников инновационной деятельности целесообразно в рамках межведомственного взаимодействия организовать:

– использование электронных информационных ресурсов, в первую очередь баз данных о проводимых разработках инновационного характера и о результатах таких разработок и мероприятий;

– создание пула специалистов, занимающихся креативным наполнением инновационных проектов [7, с. 51].

Средствами для привлечения молодежи к инновационному развитию региона и для включения ее в процесс регулирования инновационного развития в русле региональной политики стали Центры молодежного инновационного творчества (ЦМИТ). В Пензенской области такие центры создаются при поддержке Министерства экономического развития РФ и Правительства Пензенской области и представляют собой комплексы для осуществления деятельности детей и молодежи в сфере высоких технологий. ЦМИТ позволяет обеспечить доступ детей и молодежи к современному оборудованию цифрового производства, что делает возможным на современном технологическом уровне реализовать на практике технологическую цепочку от формулирования идеи до ее реализации (возникновение идеи – опытная проверка идеи – создание макетного образца – изготовление прототипа – коммерциализация инновационной идеи).

В нашем регионе создано пять Центров молодежного инновационного творчества в г. Пензе с филиалами в других городах области. Сферы их специализации очень широки и отличаются новизной и практичностью. Это электроника и композитные наноматериалы, автомоделирование и 3-D проектирование, технические модельные виды творчества.

Основные направления работы ЦМИТ включают:

– обучение молодежи работе на новом современном оборудовании, внедрение образовательных программ, нацеленных, в том числе, на развитие проектного мышления, навыков исследовательской и проектной деятельности, анализу экономической эффективности создаваемых изделий, прототипирования образцов и т.д.;

– отбор и подготовка кадров для работы с молодежью из числа изобретателей, инженеров различных специальностей, дизайнеров, предпринима-

телей, преподавателей вузов и педагогов школ; создание команды ЦМИТ, способной реализовать на практике основные цели и задачи деятельность ЦМИТ;

– отработка механизмов вовлечения целевой аудитории молодежи в инновационную деятельность центра на основе принципа открытости для всех желающих в возрастной категории детей от 10 до 24 лет, имеющих свои реальные проекты и идеи;

– проведение регулярных обучающих мероприятий и реализация обучающих программ в целях освоения возможностей оборудования пользователями Центра молодежного инновационного творчества;

– организация конференций, семинаров, рабочих встреч, выставок и т.п.;

– формирование базы данных пользователей Центра молодежного инновационного творчества;

– взаимодействие, обмен опытом с другими центрами молодежного инновационного творчества в Российской Федерации и за рубежом.

При Правительстве Пензенской области создано и успешно функционирует Молодежное правительство Пензенской области как консультативно-совещательный орган. В его цели входит привлечение молодых граждан к участию в формировании и реализации социально-экономической политики области[1].

Молодежная администрация является действующим на постоянной основе коллегиальным совещательным органом при главе муниципального образования. Решение о создании Молодежной администрации принимается распоряжением главы муниципального образования. Состав Молодежной администрации избирается на срок до двух лет. Члены Молодежной администрации осуществляют свою деятельность на общественных началах[2].

Основной целью Молодежной администрации является разработка предложений по вопросам взаимодействия молодежи муниципального образования Пензенской области с органами местного самоуправления и привлечения молодежи муниципального образования к участию в общественно-политической и социально-экономической жизни муниципального образования и Пензенской области в целом. В основные задачи Молодежной администрации входит: осуществление в молодежной среде просветительской деятельности, направленной на повышение правовой культуры молодежи и доступности общественно-политической информации; содействие повышению социальной активности молодежи, молодежных общественных объединений муниципального образования.

В условиях информатизации общества инновационное развитие региона будет эффективным, если будут использованы политические коммуникации с применением информационных технологий и с привлечением научно-технического творчества молодежи как активного участника инноваций.

Список литературы

1. **Шварценберг, Р.-Ж.** Политическая социология : в 3 ч. / Р.-Ж. Шварценберг. – М. : Российская академия управления, 1992. – Ч. 1. – 180 с.

[1] URL: http://molod_prav.pnzreg.ru/molod_prav 17.09.2014.

[2] URL: http://molod_prav.pnzreg.ru/moladmin 17.09.2014.

2. **Гончаров, М. Ю.** Риторика политической коммуникации / М. Ю. Гончаров // Массовая коммуникация в современном мире : сб. науч. тр. / под ред. д-ра ф. наук, проф. Ю. П. Буданцева [и др.]. – М. : МГИМО, 1991. – С. 55–60.
3. **Грачев, М. Н.** Политическая коммуникация: теоретические концепции, модели, векторы развития : моногр. / М. Н. Грачев. – М. : Прометей, 2004. – 328 с.
4. **Ирхин, Ю. В.** Политология / Ю. В. Ирхин, В. Д. Зотов, Л. В. Зотова. – М. : Юристъ, 2001. – 511 с.
5. **Кретов, Б. Е.** Средства массовой информации – элемент политической системы общества / Б. Е. Кретов // Социально-гуманитарные знания. – 2000. – № 1. – С. 101–115.
6. **Расулов, З. А.** Теоретические подходы к воздействию средств массовой информации на общественное сознание (в процессе реализации информационной политики) / З. А. Расулов, Ш. Г. Сеидов // Информатизация общества: социально-экономические, социокультурные и международные аспекты : материалы II Междунар. науч.-практ. конф. (15–16 января 2012 г.). – Пенза ; Прага : НИЦ «Социосфера», 2012. – С. 49–52.
7. Стратегия инновационного развития Пензенской области до 2021 года и прогнозный период до 2030 года : [утв. распоряжением Правительства Пензенской области от 21 февраля 2014 г. № 83-рП]. – 80 с.

References

1. Shvartsenberg R.-Zh. *Politicheskaya sotsiologiya: v 3 ch.* [Political sociology: in 3 parts]. Moscow: Rossiyskaya akademiya upravleniya, 1992, part 1, 180 p.
2. Goncharov M. Yu. *Massovaya kommunikatsiya v sovremennom mire: sb. nauch. tr.* [Mass communication in the modern world: collected works]. Moscow: MGIMO, 1991, pp. 55–60.
3. Grachev M. N. *Politicheskaya kommunikatsiya: teoreticheskie kontseptsii, modeli, vektory razvitiya: monogr.* [Political communication: theoretical conceptions, models, development vectors: monograph]. Moscow: Prometey, 2004, 328 p.
4. Irkhin Yu. V., Zotov V. D., Zotova L. V. *Politologiya* [Political science]. Moscow: Yurist", 2001, 511 p.
5. Kretov B. E. *Sotsial'no-gumanitarnye znaniya* [Social and humanitarian knowledge]. 2000, no. 1, pp. 101–115.
6. Rasulov Z. A., Seidov Sh. G. *Informatizatsiya obshchestva: sotsial'no-ekonomicheskie, sotsiokul'turnye i mezhdunarodnye aspekty: materialy II Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (15–16 yanvarya 2012 g.)* [Informatization of society: socioeconomic, sociocultural and international aspects: proceedings of II International scientific and practical conference (15–16 January 2012)]. Penza; Praga: NITs «Sotsiosfera», 2012, pp. 49–52.
7. *Strategiya innovatsionnogo razvitiya Penzenskoy oblasti do 2021 goda i prognoznyy period do 2030 goda: [utv. rasporyazheniem Pravitel'stva Penzenskoy oblasti ot 21 fevralya 2014 g. № 83-rP]* [Strategies of innovative development of Penza region up to 2021 and forecasts for the period up to 2030: approved by the order of the Penza region government from 21st February 2014 № 83-rP]. 80 p.

Сеидов Шахрутдин Гаджиалиевич
доктор политических наук, профессор, кафедра государственно-правовых дисциплин, Пензенский государственный университет
(Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40)

Seidov Shakhrutdin Gadzhialiyevich
Doctor of political sciences, professor, sub-department of state and legal disciplines, Penza State University
(40 Krasnaya street, Penza, Russia)

E-mail: tabaris@mail.ru

Сеидов Вадим Гаджиевич
кандидат исторических наук, профессор, кафедра консульской службы и дипломатии, Дипломатическая академия МИД РФ
(Россия, г. Москва, ул. Остоженка, 53/2, стр. 1)

E-mail: vseidov@mail.ru

Seidov Vadim Gadzhievich
Candidate of historical sciences, professor, sub-department of consular service and diplomacy, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia
(building 1, 53/2 Ostozhenka street, Moscow, Russia)

Юрасов Игорь Алексеевич
доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры государственного управления и социологии региона, Пензенский государственный университет
(Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40);
директор Центра прикладных исследований, Институт регионального развития Пензенской области
(Россия, г. Пенза, ул. Попова, 40)

E-mail: jurassow@mail.ru

Yurasov Igor' Alekseevich
Doctor of sociological sciences, associate professor, professor of sub-department of public administration and regional sociology, Penza State University
(40 Krasnaya street, Penza, Russia);
director of the Center of Applied Research, Institute of Regional Development of Penza region
(40 Popova street, Penza, Russia)

УДК 349
Сеидов, Ш. Г.
Инновационное развитие региона в условиях информатизации общества / Ш. Г. Сеидов, В. Г. Сеидов, И. А. Юрасов // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2015. – № 4 (36). – С. 155–162.

УДК 316.75

Т. А. Рассадина

ИМИДЖ РЕГИОНА: АСПЕКТЫ ФОРМИРОВАНИЯ И ОЦЕНКИ НАСЕЛЕНИЯ (НА ПРИМЕРЕ УЛЬЯНОВСКОЙ ОБЛАСТИ)

Аннотация.

Актуальность и цели. Предмет исследования – формирование и оценки имиджа региона (на примере Ульяновской области). Имидж региона становится его серьезным нематериальным активом: способствует привлечению внимания к территории, более эффективному лоббированию его интересов, улучшению инвестиционного климата и конкурентоспособности; это реальное средство воздействия на массовое сознание, формирования региональной идентификации населения.

Материалы и методы. Методологическую базу исследования составили традиционные принципы, подходы к исследовательской практике, как-то: структурно-функциональный и системный подходы; метод формально-логического анализа понятий; сравнительный метод. Эмпирическую базу исследования составили результаты социологических исследований, выполненных в рамках количественно-качественной методологии: анкетный опрос жителей Ульяновска (выборочная совокупность составила 356 респондентов, организована случайно-бесповторным методом); интервью с представителями управленческих структур Ульяновской области ($N = 10$).

Результаты и выводы. На основе разработанного массива индикаторов в статье анализируются элементы имиджа Ульяновской области в восприятии и оценках населения г. Ульяновска, мнения представителей бизнес-сообщества, журналистов, настоящих и бывших руководителей области. Исследование разных аспектов имиджа региона на основе количественно-качественной методологии показывает очевидные перекосы в его простаивании со стороны власти. Результаты исследования призваны обратить внимание на то, что избыточная активность власти по поиску идентичности региона в рамках коммуникационной стратегии, по простаиванию имиджа региона в ущерб реальным достижениям в области экономики, создания инфраструктуры региона и т.д. не поддерживаются населением. При создании имиджа региона чрезвычайно важны его целесообразность, управляемость; сочетание ориентации на новое и на сохранение лица, традиций, положительно зарекомендовавших себя в прошлом; способность учитывать не только интересы создателя, но и потребности внутренней общественности, а также различных внешних агентов (туристов, политиков, инвесторов и др.); обратная связь, постоянный мониторинг общественного мнения.

Ключевые слова: имидж, имидж региона, формирование имиджа, сконструированный имидж, управление имиджем, оценки имиджа региона населением.

T. A. Rassadina

REGIONAL IMAGE: FORMATION ASPECTS AND POPULATION'S ATTITUDE (BY THE EXAMPLE OF ULYANOVSK REGION)

Abstract.

Background. The research subject is formation and evaluation of a regional image (by the example of Ulyanovsk region). An image of a region becomes its ma-

jor intangible asset: it helps to draw attention to the area, promotes more effective lobbying of interests, improves the investment climate and competitiveness; this is the real means of influence on mass consciousness, of population's regional identity formation.

Materials and methods. The methodological base of the research included traditional principles, approaches to research practices, such as: structural-functional and systematic approaches; the method of formal-logical analysis of concepts; the comparative method. The empirical research base consisted of the results of a sociological research carried out within the framework of the quantitative-qualitative methodology: a questionnaire survey of Ulyanovsk residents (aggregate sample was 356 respondents randomly organized by a random repetition-free method); interviews with representatives of the management structures of Ulyanovsk region ($N = 10$).

Results and conclusions. On the basis of the indicators developed by the array elements, the article analyzes the image of Ulyanovsk region in perception and assessment of the population of Ulyanovsk, the views of representatives of the business community, journalists, the current and former heads of the region. The study of different aspects of the regional image on the basis of the quantitative and qualitative methodology reveals obvious distortions in its downtime from the authorities. The results of the study are intended to draw attention to the fact that excessive activity by the authorities in searching the regional identity within the communication strategy, in idling the regional image to the detriment of real advances in the field of economy, in creation of the region's infrastructure etc., is not supported by the population. When creating a regional image, the following aspects are extremely important: its expediency, manageability; combination of a focus to the new and to preserve those traditions that have previously proven positively; the ability to take into account not only the creator's interests, but also the internal needs of the public, as well as various external agents (tourists, politicians, investors, and others); the feedback and constant monitoring of public opinion.

Key words: image, regional image, image formation, constructed image, image management, population's attitude towards regional image.

Понятие «имидж», которое стало активно использоваться в российском лексиконе примерно с середины 90-х гг. прошлого века, универсально, применимо к любому объекту, становящемуся предметом социального познания. В широком смысле это отражение в психике человека в виде субъективного образа тех или иных естественных и специально сконструированных характеристик объекта или явления. Между имиджем и реальным объектом существует так называемый «разрыв в достоверности», поскольку имидж строится на включении эмоциональных апелляций, он прагматичен, динамичен, создается на основе реальных фактов с помощью целенаправленных манипуляций. Его возникновение – это двусторонний процесс, включающий формирование определенных качеств объекта и их восприятие, признание разными группами общественности. Вместе с тем имидж как совокупность ассоциаций – это самостоятельный конструкт, который создается в соответствии с потребностями аудитории, а также конкретными ситуациями и существующим положением дел. Определение имиджа, как и определение ситуации, согласно теореме У. Томаса, означает, что он становится реальным по своим последствиям. Сконструированный имидж выполняет установочную роль в процессе восприятия, оценивания, поведения, превращается в нематериальный актив своего носителя.

Осознание необходимости управления имиджем городов и регионов, формирования их узнаваемости пришло к российским региональным руководителям в середине 90-х гг.

В годы советской власти имидж российских регионов не отличался разнообразием. Унифицирование территорий, их экономическое и культурное выравнивание были частью государственной политики, потому советские регионы, города, республики были максимально стандартизированы. В постсоветский период регионы приобрели большую самостоятельность и вместе с ней ответственность за вектор и результаты своего развития. Во многом успешность той или иной территории стала зависеть от правильно выбранного имиджа.

Сконструированный имидж способствует привлечению внимания к региону, дает возможность более эффективно лоббировать его интересы, улучшать инвестиционный климат, получать дополнительные ресурсы для развития региональной экономики, становиться кадровым резервом федеральных элит, наконец, это реальное средство воздействия на массовое сознание. В современном российском обществе обостряется конкуренция между регионами за инвестиции, федеральные трансферты, транспортные и туристические потоки, социально-экономические и культурные проекты. В этом конкурентном противостоянии формирование имиджа региона является одним из ключевых ресурсов, обеспечивающих его инвестиционную привлекательность и конкурентоспособность.

Имидж региона (территории) – трудноопределимое понятие, поскольку речь идет о комплексе качеств и свойств, которые не всегда возможно представить в виде зрительного образа. Это относительно устойчивая, воспроизводящаяся в массовом и (или) индивидуальном сознании совокупность эмоционально окрашенных рациональных представлений, убеждений и ощущений людей, которые складываются на основе всей информации, полученной о регионе из различных источников, а также собственного опыта и впечатлений. Это, скорее, символически выраженное представление о своеобразии, специфике, возможно, уникальности территории, ее репутации.

Имидж региона детерминирует формирование, сохранение и успешность осуществления социальной идентификации населения и территории. Региональная идентичность как самоотнесение индивида к определенному территориально ограниченному сообществу (региону), который характеризуется территориальной, историко-культурной, политико-правовой и языковой целостностью, является связующим звеном между отдельным человеком, местом его проживания, страной, тысячелетней судьбой российской государственности. Не случаен глубокий научный интерес за последние полтора десятилетия к проблемам социальной идентичности россиян в условиях социальных трансформаций, глобализации и европеизации [1, 2], к исследованию возможностей позитивной совместимости национально-гражданской и этнической идентичности россиян [3, 4], к политической и этнополитической идентичности регионов [5–7]; к социокультурным особенностям региональной идентичности и вопросам взаимоотношений имиджа территорий и региональной идентификации [8–9]. Территориальная идентичность создает основания для коммуникации между членами регионального сообщества, является основой выработки солидарности, участвует в коммуникации между

региональными и внерегиональными акторами. При этом региональный имидж выполняет функцию согласования региональной Я-концепции (самосознания и самооценки жителей региона) с тем образом, которым наделяют регион внешние коммуниканты.

Проблема формирования имиджа, регионального имиджа уже получила серьезное развитие в социальных и гуманитарных науках [9–21]. В рамках этих исследований были сформулированы представления об имидже, региональном (территориальном) имидже, его значении, структуре; обоснованы методологические аспекты исследования имиджа территории с использованием инструментария разных наук; выделены имиджеобразующие стратегии конкуренции региона, сформулированы принципы маркетинга территории, продемонстрированы примеры их успешного использования, проблемы, затруднения, ошибки в этих процессах; проанализированы механизмы и технологии конструирования. Исследовались различные аспекты формирования имиджей отдельных территорий Российской Федерации, в частности: имидж региона как социокультурного явления, его взаимосвязь с элементами региональной культуры на примере Челябинской области [22]; прикладные аспекты территориального имиджмейкинга как важнейшего инструмента повышения конкурентоспособности на примере Иркутской области [23]; влияние фактора региональных лидеров на особенности формирования региональных имиджей [24–28] и многие другие.

Образ региона складывается на основе представлений о населении, экономике, образовании, науке, культуре, СМИ, здравоохранении, спорте, политике, деятельности властных структур, региональных лидеров, нормативно-правовой базе, быте, коммунальном и транспортном хозяйстве, архитектуре, географических особенностях, историческом прошлом. На формирование имиджа региона влияют его позиция в рейтинге регионов России, экономический потенциал, наличие развитой инфраструктуры, уровень социально-культурного развития, качество жизни, степень экономической и политической стабильности. Наиважнейшим инструментом формирования и мультиплицирования имиджа региона являются средства массовой коммуникации, которые создают информационные поля, ломают устоявшиеся и создают новые стереотипы, эталоны отношений, менее или более устойчивое общественное мнение об объекте. Главными средствами рекламы и PR в формировании имиджа региона являются коммуникационные мероприятия и средства, демонстрирующие открытость территории для контактов и позволяющие внешним субъектам лучше узнать ее, удостовериться в существенности имеющихся у нее преимуществ.

В последние годы властью Ульяновской области ведется поиск позитивного имиджа региона, идет его активное формирование. Результаты этой деятельности не только отражаются в сознании его жителей, «считываются», но и вызывают оценки, отношения к своему краю и инициативам, реализуемым в нем. В статье представлены результаты социологических исследований, выполненных под нашим руководством в 2014 г. в рамках количественно-качественной методологии:

– анкетного опроса жителей Ульяновска (выборочная совокупность составила 356 респондентов, организована случайно-бесповторным методом);

– интервью с представителями управленческих структур Ульяновской области ($N = 10$).

В целом в сознании опрошенных положительные оценки имиджа региона несколько преобладают над негативными: считают имидж региона более положительным, чем негативным, 32,1 % респондентов, положительным – 6,4 %; больше негативным, чем положительным, – 26,9 %, негативным – 4,6 %. Почти каждый третий (30,1 %) не имеет определенного мнения об имидже области в целом. Разброс мнений – свидетельство не только трудности определения, но и сложности отношений.

Таблица 1

Рейтинг образов, с которыми ассоциируется у респондентов Ульяновская область (%)

Образ-ассоциация	%	Ранг
1. Родина В. И. Ленина	34,0	1
2. Авиационная столица России	13,0	3
3. Ульяновский автомобильный завод	17,0	2
4. Родина талантов (Д. Давыдов, Н. Карамзин, И. Гончаров, Н. Сафронов и др.)	9,0	6
5. «Культурная столица»	6,0	7
6. Минеральная вода «Волжанка»	10,0	5
7. Памятник букве «Ё»	11,0	4

Область прежде всего ассоциируется с традиционными образами родины В. И. Ленина (34 %), Ульяновского автомобильного завода (17 %), авиационной столицы России (13 %). Достаточно новый образ авиационной столицы России воспринят больше всего молодежью (18–24 года) – 29,8 %. Следующий эшелон значимых символов: памятник букве «Ё» – 11 %, минеральная вода «Волжанка» – 10 %, родина талантов (Д. Давыдов, Н. Карамзин, И. Гончаров, Н. Сафронов и др.) – 9 %. Формируемый бренд «культурная столица», продвигаемый фондом «Ульяновск – культурная столица», инициированный и активно поддерживаемый властями, получил 6 % голосов.

Актуальным является вопрос выбора стратегии позиционирования территорий. Небольшое количество городов и регионов России подошло к этому вопросу комплексно, с учетом конкурентных преимуществ и особенностей той или иной территории, с четким определением целей имиджевой кампании и плана деятельности. Большинство же городов приняло за основу «самовозвеличивающую» (по классификации Р. Туровского) технологию создания имиджа [29], предполагающую представление роли региона более значимой.

Популярным оказался заманчивый бренд «третьей столицы России». В борьбу за почетное третье место почти одновременно вступило полтора десятка городов – от Новосибирска, занимающего третье место в стране по численности населения, до маленького городка Луховицы, радующего взгляд въезжающих путников жизнерадостным плакатом: «У России три столицы: Москва, Питер, Луховицы». Были и вполне грамотные примеры маркетинга имиджа территории (опыт г. Урюпинска Волгогорадской области как центра российской провинции, опыт Петербурга, Казани и некоторых других городов).

Несмотря на кажущую привлекательность «столичного» бренда, следует учитывать, что имидж региона – это целый комплекс ассоциативных представлений, возникающих в сознании человека при упоминании его названия. Его определяет масса параметров, которые должны находиться в строгом соответствии с выбранным имиджем. Чтобы быть успешным, имидж региона должен быть адекватным, реалистичным и целостным и одновременно отличным от других, особенно однотипных образов.

При упоминании Ульяновской области образ культурной столицы возникает лишь у 6,0 % опрошенных. Большая часть ульяновских респондентов не согласна с установками последних лет называть муниципальные районы региона «столицами». Так, 60,3 % опрошенных солидарно выражают несогласие с фразой «Ульяновск – культурная столица СНГ». 60,9 % не согласны с высказыванием «Ульяновск – молодежная столица Европы» и с продвигаемым брендом «Ульяновск – родина Колобка» (49,4 %). Большинство не согласилось и с определением Димитровграда как культурной столицы Поволжья (58,3 %), а Карсуна в качестве культурной столицы Ульяновской области (57,7 %). Каждый третий респондент (28,9 %) выразил несогласие с названием Мулловки пирожковой столицей, 33,3 % опрошенных «затруднились» выразить свое оценочное отношение. Подобные ответы не требуют особых интерпретаций, поскольку их смыслы и негативные оценки очевидны. Мужчины более резко, чем женщины, выражают свое несогласие. Более сильным, чем у женщин, является их неприятие высказываний: «К взлету готов!», «Ульяновская область – на взлет!» или «Ульяновская область – авиационная столица России».

Ресурсы (особенности, достижения, возможности Ульяновской области), которые необходимо использовать в большей мере для формирования положительного имиджа региона, представлены в табл. 2.

Таблица 2

Ресурсы (особенности, достижения, возможности Ульяновской области), которые необходимо использовать в большей мере для формирования положительного имиджа региона (%)

Ресурсы	**%**	**Ранг**
1. Родина В. И. Ленина	43,0	1
2. Ульяновский автомобильный завод	9,0	6
3. Авиастроительный завод (Авиастар)	23,7	4
4. Родина талантов	23,7	4
5. Речные круизы	36,5	3
6. IT-движение г. Ульяновска	37,8	2
7. Уникальный поделочный камень Ульяновска – Симбирска симбирцит	14,1	5

Среди самостоятельно названных респондентами (около 8 %) ресурсов отметим: природные памятники, приволжские леса; хорошие дороги для путешествий по региону; крупный промышленный центр; экологический, исторический туризм; фестивали кино/театра/музыки; учителя года; археологические раскопки, влияние монголо-татар; музей гражданской авиации. Респон-

денты уверены, что надо использовать то, что есть исключительное в области, чего нет в других, возможно, формировать какую-либо комбинацию особенностей.

Среди мероприятий, наиболее эффективных для формирования позитивного имиджа региона, ульяновцы выделяют: Международную IT-конференцию «Стачка» (55,8 %) (по мнению самих IT-специалистов, Ульяновская область может стать второй «Силиконовой долиной», если и дальше продолжит свой рост в сфере информационных технологий, хотя популяризация IT в регионе происходит практически без помощи правительства Ульяновской области, а за счет профессиональной работы компаний и качества проводимых мероприятий); Международный авиатранспортный форум «МАТФ» (50,6 %). 34,0 % назвали Международный культурный конгресс, столько же – Международный фестиваль живой истории «Волжский путь». Около трети респондентов отметили Международный фестиваль кино- и телепрограмм для семейного просмотра имени В. Леонтьевой «От всей души» (30,8 %), 23,1 % – Всероссийский театральный фестиваль «Герои Гончарова на современной сцене». В самостоятельных ответах респондентов названы: Международная IT-конференция «UlCamp», «Российская студенческая весна», юбилей И. А. Гончарова, «любое крупное мероприятие, привлекающие другие регионы к участию», «ни одно из вышеперечисленных, так как все они одноразовые и не являются частью системы». Тема родины Ленина в имидже Ульяновска остается самой прочной. 75,6 % респондентов считают Ленинский мемориал самым узнаваемым изображением. Для значимого числа информантов дом И. А. Гончарова в Ульяновске (39,1 %) и вид на Волгу (34,6 %) также являются визитными карточками региона (табл. 3).

Таблица 3

Наиболее эффективные мероприятия, по мнению респондентов, для формирования позитивного имиджа региона (%)

Мероприятия	%	Ранг
1. Международный авиатранспортный форум «МАТФ»	50,6	2
2. Международный культурный конгресс	34,0	3
3. Международная IT-конференция «Стачка»	55,8	1
4. Международный фестиваль кино- и телепрограмм для семейного просмотра имени Валентины Леонтьевой «От всей души»	30,8	4
5. Международный фестиваль живой истории «Волжский путь»	34,0	3
6. Всероссийский театральный фестиваль «Герои Гончарова на современной сцене»	23,1	5

Респонденты выразили свое согласие или несогласие с высказываниями об Ульяновске (позитивными и негативными), которые были опубликованы в Интернете туристами, приезжающими в регион.

Отношение к восприятию и оценкам города туристами у ульяновцев разное. В значительной степени совпадают взгляды на город как не идеальный, но интересный, имеющий отличный вид на Волгу, где современный памятник букве «Ё» отлично вписался в городской пейзаж и стал одной из визитных карточек Ульяновска. Поддерживают ульяновцы критический взгляд

гостей на город как на бедный, где на улицах много пыли и серости; где сер, грязен и не ухожен вокзал, остановка «страшнее атомной войны», а «на улицах столько пьяных…». В большей степени не согласились с оценками города как «невзрачного, не нашедшего себя в перестроечные времена»; с тем, что «город депрессивный, соседние города развиваются, а Ульяновск нет». Хорошо зная, каков город не только в центре, но и на окраинах, ульяновцы честно и категорично не согласились с тем утверждением, что город очень чистый и за дорогами в нем следят. Все эти оценки косвенно объясняют слабую поддержку жителями проекта властей «Ульяновск – культурная столица».

Таблица 4

Согласие/несогласие ульяновских респондентов с мнением туристов (%)

Высказывание	**Согласен**	**Скорее согласен**	**Трудно сказать**	**Скорее не согласен**	**Не согласен**
1. Ульяновск оказался совсем не идеальным, но интересным	25,0	46,2	16,0	11,5	1,3
2. Вид на Волгу лучше, чем в Ульяновске, нам пока не попадался	68,0	18,6	7,1	3,2	3,1
3. Современный памятник букве «Ё» отлично вписался в городской пейзаж и стал одной из визитных карточек Ульяновска	30,1	30,1	15,4	15,4	9,0
4. Город выглядит беднее, чем даже меньшие по размеру города ЦФО; на улицах много пыли и серости	35,9	30,8	7,7	16,7	9,0
5. В Ульяновске я увидела столько пьяных…	38,5	22,4	12,2	19,9	7,0
6. Первые впечатления по прибытии в город не самые радужные – вокзал на удивление убог, сер, грязен и не ухожен	61,5	23,7	8,3	3,9	2,6
7. Остановка страшнее атомной войны	36,5	24,4	12,8	19,2	7,1
8. Невзрачный, не нашедший себя в перестроечные времена городок	12,8	19,9	13,5	31,4	22,4
9. Город депрессивный. Кажется, будто здесь всегда льет дождь или идет снег. Соседние города развиваются, а Ульяновск нет	16,0	16,7	16,0	27,6	23,7
10. Ульяновск – город очень чистый, и за дорогами там следят	1,3	12,2	7,7	23,7	55,1
11. Было такое ощущение, что я вернулся лет на 25 назад, в свое глубокое детство, никто никуда не спешит, нет суеты, все вежливые	14,7	25,0	17,3	25,6	17,4

Состояние музеев в Ульяновской области оценено респондентами в целом как хорошее (отличное 9,0 %; скорее хорошее, чем плохое – 55,8 %). Однако сфера туризма оценивается преимущественно негативно. Подавляющее большинство считает, что туристическая инфраструктура в центре Улья-

новска находится или в ужасном, или в плохом состоянии; состояние речного порта, важного пункта в реализации речных круизов, негативно оценили 70 % опрошенных, работу железнодорожного и автовокзалов – каждый второй; ресторанного бизнеса – свыше 40 %; каждый второй затрудняется оценить работу аэропортов г. Ульяновска – визитной карточки «авиационной столицы». Свыше 80 % опрошенных утверждают, что информационная инфраструктура в центре Ульяновска (информационные стенды, карты города, туалеты, наличие информации на английском языке) находится в плохом состоянии.

Деятельность Правительства Ульяновской области по формированию имиджа региона свыше 60 % респондентов в разной степени оценивают как грамотную и эффективную (как полностью грамотную и эффективную – 3,9 %; отчасти грамотную и эффективную – 61,5 %). Одобряются большинством жителей прежде всего конкретные имиджеобразующие мероприятия, нужные для региона дела, организуемые властями, а именно: строительство гостиницы «Хилтон» в Ульяновске, реконструкция аэропорта «Ульяновск-Центральный» (ныне им. Н. Карамзина), долгожданное завершение строительства Президентского моста, открытие памятника букве «Ё» (буква была введена в алфавит уроженцем региона Н. Карамзиным), «Усадьбы Колобка» в с. Новая Беденьга Ульяновского района, региональный закон о запрете продажи алкоголя по субботам и воскресеньям, а также после 20:00 каждого дня, учреждение международной премии имени художника А. А. Пластова (призовой фонд премии – около 25 млн рублей). Находит поддержку большинства опрошенных акция «Роди патриота в День России» (награда – автомобиль «УАЗ-Патриот»).

В ходе проведения полуформализованного интервью с представителями бизнес-структур, журналистов, бывшего и нынешнего руководства региона (N = 10) задавались вопросы об их отношении к имиджу Ульяновской области, выяснялись личные рекомендации по улучшению работы в сфере формирования имиджа региона и т.д. Мнения информантов разные, коннотации зачастую полярные. Результаты исследования, выполненного в рамках качественной методологии, представим в виде описания типов информантов.

Основания для выделения типов – отношение к имиджу региона, отношение к способам формирования имиджа региона. В зависимости от этих оснований выделены типы информантов: позитивисты (сторонники положительного имиджа); негативисты (сторонники негативного имиджа); поддерживающие способы формирования имиджа региона, критикующие способы формирования имиджа региона. Значимым фактором отношений является фактор присутствия – неприсутствия респондента сегодня во властных структурах.

Оценки имиджа региона и способов его формирования присутствующими сегодня во власти

Оценки имиджа региона положительные, присутствует контекст формируемого властью: «у нас динамично развивающийся регион, креативный, ищущий свой путь», «сейчас Ульяновская область достаточно инвестиционно привлекательна», «регион с гармоничным переплетением истории и современности», «очень гостеприимный, открытый, развивающийся регион»,

«чистый, современный регион, где можно провести время с пользой, вне зависимости от социальной принадлежности и профессиональной направленности». Исключение – качество дорог. При упоминании Ульяновской области возникают образы, связанные с имиджевыми проектами власти: «в первую очередь образ авиационной столицы, культурной столицы», «образ родины талантов». Для формирования положительного имиджа региона необходимо в большей мере использовать все новые проекты власти: «использовать нашу ульяновскую авиацию, новый проект “Музей СССР”, который обещает появиться в городе к 2022 году», «развивать кластер креативных индустрий (люди должны иметь возможность заниматься творчеством, современным искусством, а для этого немаловажно создание специальных условий, специальных площадок для самовыражения)». Присутствует чувство гордости за область: «в первую очередь значительным рывком региона в плане экономического развития», «гордость за своих великих земляков, за достижения наших спортсменов». Однозначно положительная оценка деятельности Правительства Ульяновской области по формированию имиджа региона: «правильно выбраны точки роста, такие как авиационная и культурная столицы», «правильно, что развивается образ родины талантов». Неоднозначные оценки бренда «Ульяновская область – авиационная столица России». По мнению одних, область оправдывает бренд: «создан авиационный кластер, он вошел в ассоциацию российских авиационных кластеров», «авиационный кластер Ульяновской области получил новое дыхание, новое развитие, это трудно не заметить», «заводом “Авиастар” получен заказ на изготовление партии самолетов», «прекрасное училище гражданской авиации (УВАУГА), выпускающее настоящих профессионалов». По мнению других, город скорее не оправдывает звание: «несмотря на то что начал работать “Авиастар”, в авиационной столице должны в полной мере работать аэропорты, что в настоящее время только начинает развиваться». Безусловно, положительное отношение к тому, что все больше районов Ульяновской области начинают носить названия «столиц»: Мулловка – пирожковая, Сенгилей – блинная, пос. Лесной – грибная столица и т.д.: «это креативно», «весело», «привлекает внимание». В ряду рекомендаций по формированию имиджа Ульяновской области – проекты власти, мероприятия, имеющие, в том числе, экономический эффект: «акцент на проекте “Музей СССР”», «на развитии региональной идентичности и бренда “Ульяновск – авиационная столица”»; «переименование Ульяновска снова в Симбирск (города должны носить свои исторические названия)»; «реконструкция речного порта (визитная карточка города; принимают речные круизы по Волге, а это значительное количество туристов», «снижение цены в ульяновских гостиницах, строительство гостиниц эконом-класса для туристов».

Таким образом, очевиден тип позитивистов и поддерживающих.

Оценки имиджа региона и способов его формирования не присутствующими сегодня во власти

Оценки конструируемого имиджа региона разные. Оценки прошлого чаще положительные, настоящего – неоднозначные: «помню имидж “Родина Ленина” – этим гордились, это привлекало», «был имидж красного региона, одних это пугало, но многих привлекало социальной защитой населения,

низкими ценами», «многие офицеры выбирали область для проживания после выхода в отставку», «сейчас, скорее, впечатление региона, где самые любимые властью слова: “Мы первые, мы единственные, ни у кого нет и т.д.”»; «если мы говорим об имидже как о сформированном PR-продукте, то его практически нет, его необходимо конструировать». При упоминании Ульяновской области возникают образы, чаще формально не имеющие отношения к сегодняшней власти: Волга и Ленин, родина, дом, детство, работа, Ленин, дворянство, Морозов (губернатор области), Мемцентр, Первая гимназия, музеи, мост. Для формирования положительного имиджа региона необходимо позиционирование имеющегося наследия: Ленин, территориальное расположение, дворянское прошлое, культура; «хорошим при наших возможностях был бы имидж региона, где власть вместе с населением тщательно продумывает самые насущные дела и планы и скрупулезно реализует эти планы», «регион конкретных дел». Неоднозначное присутствие чувства гордости за регион: «горжусь регионом, так как это моя родина и родина большого количества великих людей», «присутствует», «чувство гордости иррационально», «к сожалению, сейчас все чаще чувство неловкости, хотя людьми, которые, несмотря ни на что, честно работают, горжусь». Оценка деятельности Правительства Ульяновской области по формированию имиджа региона неоднозначная: «в целом положительно, однако считаю нужно сконцентрироваться на ряде приоритетов, не начинать новых проектов, пока на них нет средств»; «начальный уровень без осознания стратегии формирования (деятельность ведется, но вслепую)»; «эффективность: 2 из 5»; «оцениваю как судорожную деятельность, и часто единственную и главную»; «жажда – ничто, имидж – все!». Оценка бренда «Ульяновская область – авиационная столица России» осторожно положительная, с авансом: «оправдывает бренд авиационной столицы в части наличия у нас профильных компаний и заводов»; «огромным значимым шагом стала реконструкция центрального аэропорта»; «хотелось бы, чтобы оправдывал». Отношение к тому, что все больше районов Ульяновской области начинают носить названия «столиц»: Мулловка – пирожковая, Сенгилей – блинная, пос. Лесной – грибная столица и т.д. – преимущественно критическое, ироничное: «пирожковые, блинные, капустные – перебор»; «хотелось бы сделать все, чтобы иметь право называться культурной провинцией»; «если авторы данных проектов смогут ответить на вопрос: “Зачем это нужно?”, то я отношусь к этому положительно»; «в любом случае – ничего плохого в этих инициативах я не вижу»; «в отношении муниципальных столиц ничего против не имею, главное, чтобы жителям этих муниципалитетов это нравилось». В ряду рекомендаций по формированию имиджа Ульяновской области мероприятия, вытекающие из критики деятельности нынешней региональной власти: «первым шагом должно быть обширное количественно-качественное исследование о представлении внутренней и внешней целевой аудиторий о таком понятии, как “Ульяновская область”, дальше прописать кампанию с четкими информационно ориентированными целями, задачами, целевыми аудиториями, каналами коммуникации, результатами, оценкой эффективности, медиаторами, суммой сообщений и т.д.»; «улучшить инфраструктуру региона (дороги, в первую очередь)», «сконцентрироваться на конкретных проектах в разных сферах (например, культурная столица, родина Ленина, молодежная столица, инвестиционные проекты)»,

«работать не только на внешний, но и на внутренний продукт»; «“Роди патриота в день России” – более нелепого названия придумать невозможно»; «начать выполнение программы по патриотическому воспитанию»; «пересмотреть программы, определить средства на их выполнение и выполнять (конечно же, программы социально-экономического развития)». Тип респондентов, скорее, негативист, неподдерживающий.

Вне зависимости от фактора присутствия во власти все информанты придерживаются позиции сторонника положительного имиджа региона в части наличия прекрасной природной среды, богатого культурного наследия региона; оценки бренда «Ульяновская область – родина В. И. Ленина» как успешного бренда, на который важно взглянуть по-новому («это часть великой мировой истории, от этого нельзя отказываться»; «основной аспект узнаваемости региона»; «имеет большой потенциал»; «это не значит, что все остальное не нужно, но это должен быть один из основных брендов»).

Таким образом, проведенные социологические исследования на основе количественной и качественной методологии продемонстрировали, что, несмотря на неоднозначные оценки разных элементов имиджа региона, в целом образ Ульяновской области в восприятии респондентов положительный. Однако существуют очевидные перекосы в его формировании. Чрезмерный поиск идентичности региона в рамках коммуникационной стратегии, высокая, нередко избыточная активность власти по простаиванию имиджа региона в ущерб реальным достижениям в области экономики, создания инфраструктуры региона и т.д. не поддерживаются населением. Невнимание к развитию уже существующих привлекательных образов Ульяновской области («родина В. И. Ленина» прежде всего) и акцентирование на сторонах, не являющихся общественно признанными достоинствами региона («культурная столица», «авиационная столица» и пр.), конструирование искусственных образов «блинных, пирожковых» и прочих столиц не формируют положительный имидж территории. Неудачно формируемый, сконструированный или спонтанно возникший имидж способен стать основой рассогласований в процессе взаимодействия, общения, отношений населения региона и внешних сообществ, дестабилизации институциональной структуры, размывания и разрушения социальной идентичности не только территориальной, но и социальной идентичности вообще. При создании имиджа региона чрезвычайно важны его целесообразность, управляемость; сочетание ориентации на новое и на сохранение лица, традиций, положительно зарекомендовавших себя в прошлом; учет не только интересов создателя, различных внешних агентов (туристов, политиков, инвесторов и др.), но и потребностей внутренней общественности; обратная связь, постоянный мониторинг общественного мнения. Необходимы баланс, корреляции между имиджем, практически создаваемым на данном этапе, и имиджем идеальным. Последний важно смоделировать и не только «сверху».

Список литературы

1. Российская идентичность в условиях трансформации: опыт социологического анализа / отв. ред. М. К. Горшков, Н. Е. Тихонова. – М. : Наука, 2005. – 396 с.
2. Гражданские, этнические и религиозные идентичности в современной России / отв. ред. В. С. Магун. – М. : Изд-во ИС РАН, 2006. – 327 с.

3. **Дробижева, Л. М.** Гражданская и этническая идентичность россиян: совместимость или противостояние / Л. М. Дробижева, С. В. Рыжова // Российское общество и вызовы времени. Книга вторая / отв. ред. М. К. Горшков, В. В. Петухов. – М. : Весь Мир, 2015. – С. 176–197.
4. **Дробижева, Л. М.** Гражданская и этническая идентичность и образ желаемого государства в России / Л. М. Дробижева, С. В. Рыжова // Полис. – 2015. – № 5. – С. 9–24.
5. **Гончарик, А. А.** Региональная идентичность в политическом анализе процессов регионализации и формирования регионов / А. А. Гончарик // Политическая наука. – 2011. – № 4. – С. 175–186.
6. **Хоперская, Л. Л.** Этнополитическая идентичность на Северном Кавказе / Л. Л. Хоперская // Идентичность и интеграция: опыт России и Германии: Юг России – Северный Кавказ : сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. – Ростов н/Д : Изд-во СКАГС, 2009. – С. 252–265.
7. **Козырев, Т.** Национальная идентичность: казах и/или мусульманин / Т. Козырев. – URL: http://www.azan.kz/islam/blog/id/1033.html
8. **Котельников, Д. С.** Социокультурные особенности региональной идентичности населения административного центра Южного федерального округа : дис. … канд. социол. наук : 22.00.06 : Социология культуры, духовной жизни / Котельников Д. С. – Ростов н/Д, 2009.
9. **Маркина, Ю. М.** Имидж региона и региональная идентификация населения Дальнего Востока России : дис. … канд. социол. наук : 22.00.04 : Социальная структура, институты и процессы / Маркина Ю. М. – Хабаровск, 2010.
10. **Почепцов, Г. Г.** Имиджелогия / Г. Г. Почепцов. – М. : Рефл-бук, 2000. – 768 с.
11. **Галумов, Э. А.** Международный имидж России: стратегии формирования / Э. А. Галумов. – М. : РИОР, 2003. – 251 с.
12. **Котлер, Ф.** Маркетинг мест. Привлечение инвестиций, предприятий, жителей и туристов в города, коммуны, регионы и страны Европы / Ф. Котлер, К. Асплунд, И. Рейн, Д. Хайдер. – СПб. : Стокгольмская школа экономики в Санкт-Петербурге, 2005. – 382 с.
13. **Линч, К.** Образ города / К. Линч ; пер. с англ. В. Л. Глазычева. – М. : Стройиздат, 2006. – 328 с.
14. Имидж государства/региона: современные подходы. Новые идеи в теории и практике коммуникации : сб. науч. тр. / отв. ред. Д. П. Гавра. – СПб. : Роза мира, 2009. – Вып. 3. – 264 с.
15. **Шепель, В. М.** Имиджелогия. Как нравиться людям / В. М. Шепель. – М. : Народное образование, 2009. – 576 с.
16. **Калюжнова, Н. Я.** Конкурентоспособность российских регионов в условиях глобализации / Н. Я. Калюжнова. – М. : ТЕИС, 2009. – 356 с.
17. **Хасбулатова, Б. М.** Маркетинг территорий как основной фактор повышения социально-экономического уровня региона / Б. М. Хасбулатова // Креативная экономика. – 2010. – № 12 (48). – С. 97–101.
18. **Орешкин, В. Г.** Образование имиджа и имидж образования / В. Г. Орешкин // Сборник трудов Девятой конференции АРСИИ им. Г. Р. Державина / под общ. ред. проф. Д. Н. Киршина. – СПб. : Культура, 2012. – С. 46–49.
19. **Сушненкова, И. А.** Лингвокогнитивное моделирование как перспективный метод исследования регионального имиджа (на примере имиджа Омской области) / И. А. Сушненкова // Вестник Омского университета. – 2011. – № 4. – С. 233–237.
20. **Кухтинова, Л. Г.** Роль государственного сектора в экономике, основанной на знаниях / Л. Г. Кухтинова // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2012. – № 1. – С. 200–207.
21. **Калинина, О. В.** Образ России в романе А. Макина «Французское завещание» / О. В. Калинина // Знание. Понимание. Умение. – 2013. – № 3. – С. 203–206.

22. **Добрикова, А. А.** Имидж региона в пространстве региональной культуры / А. А. Добрикова // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – Тамбов : Грамота, 2011. – № 8. – Ч. 4. – С. 48–50.
23. **Дубровин, С. И.** Из чего складывается имидж Иркутской области / С. И. Дубровин. – URL: http://dubrovin.irk.ru/modules/news/article.php?Storyid
24. **Рыжков, В. А.** Особенности формирования региональных имиджей / В. А. Рыжков. – URL: http://image-of-russia.livejournal.com/tag/2009%20-
25. **Кагиров, Б. Н.** О качествах лидеров, способных формировать позитивный имидж региона, страны / Б. Н. Кагиров, Г. В. Кагирова. – URL: http://image-of-russia.livejournal.com/tag/2009%20-
26. **Воронин, Д. В.** Имиджевая политика лидеров Кузбасса и формирование образа региона / Д. В. Воронин. – URL: http://image-of-russia.livejournal.com/tag/2009%20-
27. **Михеев, С. С.** Региональная власть и перспективы формирования имиджа России / С. С. Михеев. – URL: http://image-of-russia.livejournal.com/tag/2009%20-
28. **Вишневский, Б. Л.** Роль политических лидеров Санкт-Петербурга в формировании имиджа региона / Б. Л. Вишневский. – URL: http://image-of-russia.livejournal.com/tag/2009%20-
29. **Туровский, Р. Ф.** Региональная идентичность в современной России / Р. Ф. Туровский. – М. : Гендальф, 2005. – 164 с.

References

1. *Rossiyskaya identichnost' v usloviyakh transformatsii: opyt sotsiologicheskogo analiza* [Russian identity in conditions of transformation: experience of a sociological analysis]. Moscow: Nauka, 2005, 396 p.
2. *Grazhdanskie, etnicheskie i religioznye identichnosti v sovremennoy Rossii* [Civil, ethnic and religious identities in modern Russia]. Moscow: Izd-vo IS RAN, 2006, 327 p.
3. Drobizheva L. M., Ryzhova S. V. *Rossiyskoe obshchestvo i vyzovy vremeni. Kniga vtoraya* [Russian society and challenges of time]. Moscow: Ves' Mir, 2015, pp. 176–197.
4. Drobizheva L. M., Ryzhova S. V. *Polis* [Polis]. 2015, no. 5, pp. 9–24.
5. Goncharik A. A. *Politicheskaya nauka* [Political science]. 2011, no. 4, pp. 175–186.
6. Khoperskaya L. L. *Identichnost' i integratsiya: opyt Rossii i Germanii: Yug Rossii – Severnyy Kavkaz: sb. materialov Mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* [Identity and integration: Russian and German experience: the Sousth of Russia – the Caucasus]. Rostov-on-Don: Izd-vo SKAGS, 2009, pp. 252–265.
7. Kozyrev T. *Natsional'naya identichnost': kazakh i/ili musul'manin* [National identity: a Kazakh and/or a muslim]. Available at: http://www.azan.kz/islam/blog/id/1033.html
8. Kotel'nikov D. S. *Sotsiokul'turnye osobennosti regional'noy identichnosti naseleniya administrativnogo tsentra Yuzhnogo federal'nogo okruga: dis. kand. sotsiol. nauk: 22.00.06: Sotsiologiya kul'tury, dukhovnoy zhizni* [Sociocultural features of regional identity of population of an administrative center of the Southern Federal District: dissertation to apply for the degree of the candidate of sociological sciences]. Rostov-on-Don, 2009.
9. Markina Yu. M. *Imidzh regiona i regional'naya identifikatsiya naseleniya Dal'nego Vostoka Rossii: dis. kand. sotsiol. nauk: 22.00.04: Sotsial'naya struktura, instituty i protsessy* [A regional image and regional identity of population in the Far East of Russia: dissertation to apply for the degree of the candidate of sociological sciences]. Khabarovsk, 2010.
10. Pocheptsov G. G. *Imidzhelogiya* [Science of image building]. Moscow: Refl-buk, 2000, 768 p.
11. Galumov E. A. *Mezhdunarodnyy imidzh Rossii: strategii formirovaniya* [The international image of Russia: formation strategies]. Moscow: RIOR, 2003, 251 p.

12. Kotler F., Asplund K., Reyn I., Khayder D. *Marketing mest. Privlechenie investitsiy, predpriyatiy, zhiteley i turistov v goroda, kommuny, regiony i strany Evropy* [Marketing of places. Attraction of investments, enterprises, residents and tourists to cities, communities, regions and countries of Europe]. Saint-Petersburg: Stokgol'mskaya shkola ekonomiki v Sankt-Peterburge, 2005, 382 p.
13. Linch K. *Obraz goroda* [A town's image]. Trans. from English V. L. Glazychev. Moscow: Stroyizdat, 2006, 328 p.
14. *Imidzh gosudarstva/regiona: sovremennye podkhody. Novye idei v teorii i praktike kommunikatsii: sb. nauch. tr.* [Images of states/regions: modern approaches. New ideas in the coomunication theory and practice: collected papers]. Saint-Petersburg: Roza mira, 2009, iss. 3, 264 p.
15. Shepel' V. M. *Imidzhelogiya. Kak nravit'sya lyudyam* [Scie of image building. The way people like it]. Moscow: Narodnoe obrazovanie, 2009, 576 p.
16. Kalyuzhnova N. Ya. *Konkurentosposobnost' rossiyskikh regionov v usloviyakh globalizatsii* [Competitiveness of Russian regions in globalization]. Moscow: TEIS, 2009, 356 p.
17. Khasbulatova B. M. *Kreativnaya ekonomika* [Creative economy]. 2010, no. 12 (48), pp. 97–101.
18. Oreshkin V. G. *Sbornik trudov Devyatoy konferentsii ARSII im. G. R. Derzhavina* [Proceedings of 9th conference of ARSII n/a G. R. Derzhavin]. Saint-Petersburg: Kul'tura, 2012, pp. 46–49.
19. Sushnenkova I. A. *Vestnik Omskogo universiteta* [Bulletin of Omsk University]. 2011, no. 4, pp. 233–237.
20. Kukhtinova L. G. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Obshchestvennye nauki* [University proceedings. Volga region. Social sciences]. 2012, no. 1, pp. 200–207.
21. Kalinina O. V. *Znanie. Ponimanie. Umenie* [Knowledge. Understanding. Skills]. 2013, no. 3, pp. 203–206.
22. Dobrikova A. A. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki* [Historical, philosophical, political and juridical sciences, studies of culture and art. Problems of theory and practice]. Tambov: Gramota, 2011, no. 8, part 4, pp. 48–50.
23. Dubrovin S. I. *Iz chego skladyvaetsya imidzh Irkutskoy oblasti* [What makes the image of Irkutsk region]. Available at: http://dubrovin.irk.ru/modules/news/article.php?Storyid
24. Ryzhkov V. A. *Osobennosti formirovaniya regional'nykh imidzhey* [Regional image formation features]. Available at: http://image-of-russia.livejournal.com/tag/2009%20-
25. Kagirov B. N., Kagirova G. V. *O kachestvakh liderov, sposobnykh formirovat' pozitivnyy imidzh regiona, strany* [On features of leaders capable of forming regional and country's images]. Available at: http://image-of-russia.livejournal.com/tag/2009%20-
26. Voronin D. V. *Imidzhevaya politika liderov Kuzbassa i formirovanie obraza regiona* [The image policy of Kuzbass leaders and regional image formation]. Available at: http://image-of-russia.livejournal.com/tag/2009%20-
27. Mikheev S. S. *Regional'naya vlast' i perspektivy formirovaniya imidzha Rossii* [Regional authorities and prospects of Russian image formation]. Available at: http://image-of-russia.livejournal.com/tag/2009%20-
28. Vishnevskiy B. L. *Rol' politicheskikh liderov Sankt-Peterburga v formirovanii imidzha regiona* [The role of political leaders of Saint-Petersburge in regional image formation]. Available at: http://image-of-russia.livejournal.com/tag/2009%20-
29. Turovskiy R. F. *Regional'naya identichnost' v sovremennoy Rossii* [Regional identity in modern Russia]. Moscow: Gendal'f, 2005, 164 p.

Рассадина Татьяна Анатольевна
доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры гуманитарных и социальных дисциплин, Ульяновское высшее авиационное училище гражданской авиации (институт)
(Россия, г. Ульяновск, ул. Л. Толстого, 42)

Rassadina Tat'yana Anatol'evna
Doctor of sociological sciences, associate professor, professor of sub-department of humanities and social disciplines, Ulyanovsk Institute of Civil Aviation
(42 L. Tolstogo street, Ulyanovsk, Russia)

E-mail: t.rassadina@mail.ru

УДК 316.75
Рассадина, Т. А.
Имидж региона: аспекты формирования и оценки населения (на примере Ульяновской области) / Т. А. Рассадина // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2015. – № 4 (36). – С. 163–178.

УДК 338

Н. С. Чернецова

ПРОМЫШЛЕННАЯ ПОЛИТИКА – ОСНОВА МОДЕРНИЗАЦИИ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ

Аннотация.

Актуальность и цели. Санкционная война, спровоцированная США и Евросоюзом в отношении России в связи с событиями на Украине, обострение ситуации на Ближнем Востоке под влиянием действий как коалиции западных стран, так и террористических группировок, резкое падение цен на нефть обострили проблему модернизации российской экономики, социально-экономических институтов как основы для ускорения процесса импортозамещения, повышения конкурентоспособности продукции и страны в целом, возврата к тенденции устойчивого роста. Для современной России проблема модернизации в значительной степени определяется технологическим отставанием, необходимостью переоснащения производства, внедрением новых, наукоемких технологий в ведущие отрасли производства. Важнейшую роль в модернизации отечественного производства играет научно обоснованная промышленная политика. Цель работы – исследование факторов, механизмов и инструментов модернизации, характерных для микро-, макро- и мегауровней данного процесса, внутренних и внешних факторов, влияющих на динамику развития промышленного производства как основы процесса модернизации в России.

Материалы и методы. Достижение цели работы было осуществлено посредством сравнительного анализа факторов, механизмов и инструментов модернизации, характерных для микро-, макро- и мегауровней данного процесса, внутренних и внешних факторов, влияющих на динамику развития промышленного производства в России. Методологический потенциал исследования включает общенаучные методы: диалектический, структурно-функциональный, научной абстракции, сравнительного анализа.

Выводы. Проведенное исследование позволяет определить факторы, механизмы и инструменты модернизации, характерные для микро-, макро- и мегауровней, роль научно обоснованной промышленной политики в процессе модернизации отечественной экономики, определить внутренние и внешние факторы, влияющие на динамику развития промышленного производства в России, задачи государства и бизнеса для развития промышленной и научно-технической деятельности.

Ключевые слова: модернизация, факторы, уровни, механизмы, инструменты модернизации, промышленная политика.

N. S. Chernetsova

INDUSTRIAL POLICY – THE BASIS OF RUSSIAN ECONOMY MODERNIZATION

Abstract.

Background. The Sanctions war provoked by the US and the EU against Russia in connection with the events in Ukraine, aggravation of the situation in the Middle

East under the influence of the coalition of Western countries, as well as terrorist groups, a sharp drop in oil prices exacerbated the problem of modernization of the Russian economy, social and economic institutions as the basis for accelerating the process of import substitution, increasing the competitiveness of products and the country as a whole, a return to the trend of sustained growth. For modern Russia the problem of modernization is largely determined by technological backwardness, the need for re-equipment, introduction of new and high technologies in production of leading industries. The most important role in modernization of the domestic production is performed by the science-based industrial policy. The goal of the article is to study factors, mechanisms and tools of modernization typical for micro, macro and mega-levels of the said process, internal and external factors affecting the dynamics of industrial production as the basis of the modernization process in Russia.

Materials and methods. The goal of the work was achieved by means of a comparative analysis of factors, mechanisms and instruments of modernization typical for micro-, macro- and mega-levels of the said process, internal and external factors affecting the dynamics of industrial production in Russia. The methodological potential of the research included the following scientific methods: dialectical, structural-functional, scientific abstraction, comparative analysis.

Conclusions. The study carried out allows to determine the factors, mechanisms and instruments of modernization typical for micro-, macro- and mega-levels, the role of the science-based industrial policy in the process of modernization of the national economy, to determine the internal and external factors affecting the dynamics of industrial production in Russia, the tasks of the state and business development for industrial, scientific and technical activities.

Key words: modernization, factors, levels, mechanisms, instruments of modernization, industrial policy.

История человеческой цивилизации – результат перманентной модернизации всех сторон общественной жизни, в процессе которой развивались орудия труда, изменялись условия жизнедеятельности человека, возникали новые потребности, интересы, новые формы взаимодействия людей, формировались более комфортные условия существования. В самом общем виде модернизация представляет собой усовершенствование, обновление объектов жизнедеятельности, приведение их в соответствие с новыми потребностями и интересами.

Объективная необходимость модернизации порождается множеством различных факторов: технологических, экономических, социальных, политических, нравственных и др. Технологические факторы связаны с моральным износом орудий труда, исчерпанием возможностей используемых технологий, которые перестают обеспечивать рост производительности труда и эффективности производства: технологии, основанные на ручном труде, сменяются машинными технологиями, внедрению которых предшествовал процесс разработки соответствующего машинного оборудования и обучения работников, способных его обслуживать; им на смену приходят автоматизация производства, нанотехнологии.

Экономические факторы характеризуют противоречия между уровнем развития факторов производства и общественными формами их организации и функционирования, разрешение которых приводит к углублению общественного разделения труда, смене форм собственности, производства, распределения, обмена, переходу от натурального к товарному производству, разви-

тию различных моделей рыночной экономики, обеспечивающих усовершенствование орудий труда, технологий производства, росту производительности труда, эффективности производства, уровня и качества жизни.

Социальные факторы отражают влияние социальной структуры общества, распределительных и патронажных отношений на динамику национальной экономики. Имущественная и доходная дифференциация, величина доли каждой социальной группы в общественном продукте могут оказывать как позитивное, так и негативное влияние на экономическую ситуацию, тенденции в развитии технологических укладов, перспективы общественного развития в целом.

Формы политического устройства, степень разработанности законодательной базы и отлаженность механизмов правоприменения законов, наличие эффективно действующих политических сил лежат в основе политических факторов модернизации. Период вакуума механизмов реализации принятых законов, смены законодательной базы в России в 90-е гг. прошлого века породил резкий рост преступности в разнообразных формах: от обмана граждан в процессе ускоренной, научно не выверенной модели приватизации, рейдерских захватов, физического устранения конкурентов до воровства продуктов питания людьми, потерявшими средства к существованию.

Нравственные факторы, порождаемые институтами семьи, религии, образования, культуры, предопределяют модели поведения граждан во всех сферах общественной жизни, воздействуя на общественную динамику. Кризис семьи во многих странах мира, законодательное признание однополых браков в конечном счете приведет к снижению рождаемости, сокращению активного населения, что, безусловно, скажется на реальном производстве.

Международные факторы определяются отношениями между странами по всему комплексу взаимосвязанных мировых и межстрановых проблем. Современная ситуация, обострившаяся в связи с событиями на Украине, введением санкций против России США и Евросоюзом, российскими антисанкциями, действиями террористических группировок на Ближнем Востоке, обострили проблему модернизации в связи с необходимостью импортозамещения, повышения конкурентоспособности продукции и страны в целом.

Иерархия факторов не является константой. В зависимости от сложившейся ситуации особое значение может приобретать одна из указанных групп. Представляется, что в зависимости от приоритетности одной из групп определяется уровень осуществления модернизации. Она может осуществляться преимущественно на микро-, макро-, мегауровнях либо касаться всех уровней, если идет процесс трансформации социально-экономической системы.

Если ведущая роль отводится технологическим факторам, связанным с физическим и моральным износом техники, исчерпанием возможностей используемых технологий, не обеспечивающих рост производительности труда и эффективности производства, модернизация осуществляется преимущественно на микроуровне. На данном уровне преимущественными методами модернизации являются расширение научно-технических исследований, разработка и внедрение новых средств производства, материалов и технологий, повышение квалификации работающих, что обеспечивает технологический прорыв и выход на новый технологический уровень.

Представление модернизации исключительно как смены технологических укладов недостаточно правомерно. Во-первых, все факторы модернизации находятся в тесной взаимосвязи, и они оказывают непосредственное влияние друг на друга. Во-вторых, изменение технологического уклада неизбежно приводит к изменениям в других сферах общественной жизни, что связано с ростом производительности труда, ростом валового внутреннего продукта, доходов населения, что воздействует на уровень развития вещественного и человеческого капитала, на способы их взаимодействия.

В этой связи модернизация на микроуровне порождает макромодернизацию, которая характеризуется возникновением новых потребностей, хозяйственных интересов, развитием форм собственности и общественных отношений и социально-экономических институтов. В результате осуществляется процесс «перехода от традиционного общества к модерному обществу, от аграрного – к индустриальному» [1, с. 237], а далее к постиндустриальному, информационному обществу, обществу знаний. Такая последовательность характеризует эволюционную форму развития. Модернизация внутри страны влечет за собой изменение положения страны на мировом уровне, развитие международных отношений в различных формах, стимулирует мегамодернизацию.

Выход на основную роль политических и социальных факторов может привести к глубинным социальным процессам в форме реформ, революций, в ходе которых первоначально идут изменения на макроуровне, а затем они транспортируются на микроуровень. Данная ситуация характерна для трансформационных процессов в России, начавшихся в 90-е гг. прошлого столетия, в ходе которых первоначально была модифицирована политическая система, провозглашен отказ от господствующей роли государственной собственности, а затем начались процессы на микроуровне, к сожалению чаще всего носящие негативный характер.

Следовательно, модернизация – многогранный процесс, обусловленный совокупностью взаимосвязанных факторов и нацеленный на повышение эффективности функционирования всех сфер общественной жизни. Процесс модернизации, с одной стороны, порождается указанными факторами, а с другой, призван нейтрализовать негативное воздействие указанных факторов на процессы жизнедеятельности хозяйствующих субъектов. То общество, которое эффективно воздействует на указанные факторы, обеспечивает перманентную модификацию технологического уклада и развитие на этой основе социально-экономических отношений и не ввергается в продолжительные кризисные явления.

У современного общества существует комплекс методов и инструментов воздействия на данные процессы в рамках различных направлений государственной политики: экономической, социальной, промышленной, аграрной, научно-технической, образовательной и др. Примером эффективного использования служат Япония и Китай, которые в последние годы последовательно воздействуют на факторы модификации всех уровней и добиваются позитивных результатов. В табл. 1 показана взаимосвязь уровней, факторов, механизмов и инструментов модернизации.

Таблица 1

Факторы, уровни, механизмы и инструменты модернизации

Уровни модернизации	Факторы модернизации	Механизмы модернизации	Инструменты модернизации
Микроуровень	Технологические, экономические	Корпоративная политика / бизнес-политика	– Реализация бизнес-плана; – инвестирование в человеческий капитал; – техническое перевооружение; – внедрение новых технологий; – расширение выпуска инновационной продукции и др.
Макроуровень	Экономические, социальные, политические, нравственные	Государственная политика: – экономическая; – социальная; – научно-техническая; – образовательная; промышленная; – аграрная и др.	– Госрасходы; – налоги; – ставка рефинансирования; – резервная норма; – операции с ценными бумагами; – денежно-кредитная эмиссия и др.
Мегауровень	Международные, экономические, политические	Внешняя политика, протекционизм	Таможенные тарифы; экспортные и импортные квоты; нетарифные барьеры; лицензии; демпинг и др.

Сложная современная экономическая ситуация в России, обусловленная неэффективной структурой национальной экономики и усиленная санкционной войной, настоятельно требует ее модификации, основу которой должны составить изменение структуры, совершенствование материально-технической базы. Для современной России проблема модернизации в значительной степени определяется технологическим отставанием, необходимостью переоснащения производства, внедрением новых, наукоемких технологий. Осуществление модернизации отечественного производства невозможно без научно обоснованной промышленной политики.

В советский период промышленная политика распространялась преимущественно на крупные производственные комплексы или отрасли. Трактовка современной промышленной политики учитывает структурные изменения в экономике России, появление современных наукоемких технологий и связанных с ними организационных структур, новых социально-экономических инструментов и расширяет сферу действия, включая в нее не только крупные корпорации, но и индивидуальных предпринимателей[1]. Введение

[1] Доклад о промышленной политике Российской Федерации. – URL: http://www.prompolit.ru/90976.

в объект политики новых субъектов не изменили ее цель – обеспечение динамичного развития страны, роста благосостояния ее граждан и конкурентоспособности отечественных производителей.

Анализ показывает наличие внутренних и внешних факторов, влияющих на динамику развития промышленного производства в России. К внутренним относятся:

– низкая емкость внутреннего рынка, обусловливающая недостаточную востребованность продукции, прежде всего отраслей машиностроения и металлообработки, вследствие разрушительной политики 1990-х гг.;

– высокая степень физического и морального износа основных фондов;

– низкий уровень производительности труда;

– устаревшая экспериментально-лабораторная база, не позволяющая осуществлять разработку технологий, отвечающих современному уровню науки и техники;

– низкая восприимчивость предприятий к внедрению инноваций, прежде всего отечественных;

– перманентный рост цен на энергоносители, сырье, материалы;

– неразвитость институциональной сферы инновационного производства;

– высокий уровень налогообложения;

– неконкурентоспособность многих видов производимой продукции;

– постоянная недозагрузка производственных мощностей;

– мелкосерийность производства;

– завышенные по сравнению с зарубежными предприятиями расходы сырья, материалов и энергоресурсов на производство однотипных видов продукции;

– неразвитость сети малых и средних предприятий, производящих широкую номенклатуру изделий, особенно при реализации инновационных проектов в машиностроении;

– недостаточное внимание к проблемам охраны окружающей среды, сверхнормативные выбросы вредных веществ в атмосферу и водные бассейны;

– наличие чрезмерных административных барьеров.

Внешние факторы, сдерживающие развитие отечественной промышленности, следующие:

– низкая восприимчивость внешних рынков к российской продукции высоких переделов;

– высокие объемы российского импорта машин, оборудования, механизмов;

– мировой рост цен на энергоносители;

– санкции стран ЕС и США, связанные с присоединением Крыма к России;

– резкое усиление экспансии Китая и других стран Азиатского региона на мировых рынках промышленной продукции;

– негативные последствия вступления России в ВТО для основных отраслей промышленности, замедление темпов их роста.

Как следует из табл. 2, степень износа основных фондов в РФ с 1990 г. по 2013 г. возросла в 1,35 раза, с 35,6 до 48,2 %.

Таблица 2

Степень износа основных фондов в РФ на конец года[1]

Годы	Степень износа основных фондов
1990	35,6
1995	39,5
2000	39,3
2005	45,2
2010	47,1
2011	47,9
2012	47,7
2013	48,2

Согласно данным Счетной палаты, «износ основных фондов в отдельных отраслях промышленности достигает 80 %, в то время как динамика их обновления не превышает 11 %. По сравнению с 1970 г. средний возраст оборудования отечественной промышленности увеличился почти в два раза. В 1970-м 40,8 % мощностей имело возраст до пяти лет, а в настоящее время – лишь 9,6 %»[2].

Степень износа основных фондов в промышленности составила 45,7 %, полностью изношено 21 % машин и оборудования. В производстве транспортных средств эти показатели выше – 49,6 и 36,7 % соответственно (табл. 3).

Таблица 3

Степень износа основных фондов коммерческих организаций (кроме субъектов малого предпринимательства) в обрабатывающих производствах на конец 2010 г. (%)[3]

	Все основные фонды		В том числе			
			здания и сооружения		машины и оборудование	
	Степень износа	Удельный вес полностью изношенных	Степень износа	Удельный вес полностью изношенных	Степень износа	Удельный вес полностью изношенных
1	2	3	4	5	6	7
Всего	45,7	13,5	42,8	10,8	53,4	21,0
Обрабатывающие производства	42,2	12,8	29,1	5,6	50,3	17,6
Производство пищевых продуктов и табака	41,6	8,2	22,1	2,5	50,7	10,7

[1] Основные фонды: Федеральная служба государственной статистики. – URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/enterprise/fund/#

[2] Счетная палата посчитала износ производственного оборудования. – URL: http://www.pravovest.ru/hotnews/events/8501/

[3] О состоянии и обновлении основных фондов в обрабатывающих производствах. – URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b11_04/IssWWW.exe/Stg/d10/01-00.htm

Окончание табл. 3

1	2	3	4	5	6	7
Металлургическое производство и производство готовых металлических изделий	39,9	11,4	30,5	6,5	44,7	14,1
Производство машин и оборудования	43,2	13,4	29,6	5,8	52,5	18,9
Производство электро-, электронного и оптического оборудования	47,3	17,0	33,0	5,3	57,0	25,3
Производство транспортных средств и оборудования	49,6	22,9	31,4	6,2	63,9	36,7

Не поддается объяснению тот факт, что проблема износа остро стоит даже в самой доходной нефтегазовой отрасли, которую российская промышленность не обеспечивает оборудованием необходимого качества, его приходится закупать в дальнем зарубежье. Санкционная война создает новые проблемы в процессе закупки импортного оборудования, в то время как половина магистральных нефтепроводов прослужила более 20–30 лет, половина труб приблизилась к критическому сроку эксплуатации, степень износа свыше 50 % имеет более чем половина оборудования в нефтяной промышленности, более 80 % составляет износ оборудования в нефтепереработке, 40 % – в газовой промышленности. Две трети действующих магистральных газопроводов эксплуатируется более 10 лет, а свыше 25 % – более 20 лет, треть газоперерабатывающих агрегатов исчерпали свой проектный ресурс [2].

Представляется, что ресурсы для модернизации в стране имеются, необходимо лишь перенаправить финансовые потоки в нужном направлении. Общественность обсуждает возрастание доходов руководителей и членов советов директоров госкорпораций при падении результатов их деятельности. Компания «Роснефть» опубликовала «Стандарт о выплатах и компенсациях топ-менеджерам», согласно которому оклад президента составляет от 15 млн до 20 млн руб. в месяц, размер годовой премии главы «Роснефти» составляет 150 % от годового денежного вознаграждения, т.е. от 270 до 360 млн руб. В то же время в 2014 г. чистая прибыль «Роснефти» сократилась на 9,8 %. По мнению аналитиков, если бы компания не изменила методику учета валютных рисков, она могла бы показать и убыток. Всего на выплаты топ-менеджерам этой компании направлено 2,8 млрд руб. [3].

Развитие промышленной и научно-технической деятельности возможно при одновременном осуществлении модернизации на микро-, на макро- и мегауровнях. С одной стороны, необходима государственная поддержка развития фундаментальной и важнейших направлений прикладной науки как основы для развития материально-технической базы предприятий, повышения их конкурентоспособности, а с другой стороны, требуется активизация инновационной деятельности предприятия, направленной на разработку и внедрение соответствующих мировому уровню технологий, продукции, совершенствование организации производства.

Список литературы

1. **Гавров, С. Н.** Модернизация / С. Н. Гавров // Социокультурная антропология: история, теория, методология : энциклопедический словарь. – М. : Академический проект, Константа, 2012.
2. **Московский, Ю.** Износ оборудования как угроза национальной безопасности России / Ю. Московский // RELGA. – 2010. – № 20. – URL: http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main?level1=main&level2=articles&textid-=2816
3. **Синицын, А.** Передовики государственного капитализма / А. Синицын. – URL: https://news.mail.ru/economics/21934882/

References

1. Gavrov S. N. *Sotsiokul'turnaya antropologiya: istoriya, teoriya, metodologiya: entsiklopedicheskiy slovar'* [Sociocultural anthropology: history, theory, methodology: an encyclopedic dictionary]. Moscow: Akademicheskiy proekt, Konstanta, 2012.
2. Moskovskiy Yu. RELGA. 2010, no. 20. Available at: http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main?level1=main&level2=articles&textid-=2816
3. Sinitsyn A. *Peredoviki gosudarstvennogo kapitalizma* [Foremost people of state capitalism]. Available at: https://news.mail.ru/economics/21934882/

Чернецова Надежда Сергеевна
доктор экономических наук, профессор,
кафедра экономической теории
и международных отношений,
Пензенский государственный
университет
(Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40)

E-mail: chernetsovaNS@mail.ru

Chernetsova Nadezhda Sergeevna
Doctor of economic sciences, professor,
sub-department of economics
and international relations, Penza
State University
(40 Krasnaya street, Penza, Russia)

УДК 338
Чернецова, Н. С.
Промышленная политика – основа модернизации российской экономики / Н. С. Чернецова // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2015. – № 4 (36). – С. 179–187.

УДК 631.151.6

О. С. Кошевой, Е. В. Фудина

ПРОДОВОЛЬСТВЕННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ – ОСНОВА ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Аннотация.

Актуальность и цели. В статье раскрыты негативные тенденции, влияющие на продовольственную безопасность страны. Анализируются меры, предпринимаемые для развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия. Внесены предложения, направленные на повышение эффективности мероприятий по снижению угрозы потери продовольственной безопасности страны. Современное общество характеризуется резким сокращением продолжительности жизни, снижением уровня здоровья активной части населения. В основном это связано с разбалансированностью питания, поэтому решение проблем стабильного и качественного обеспечения всех слоев населения продуктами питания должно занимать одно из главных мест в экономике России. Цель работы – выделить проблемы и факторы продовольственной безопасности России в условиях российской экономики, связанных с нанесением ущерба экономической безопасности.

Материалы и методы. Реализация цели исследования была достигнута посредством изучения существующих проблем продовольственного обеспечения как основы экономической безопасности. Методологическую основу исследования составляют системный и структурный подходы, для которых характерно целостное рассмотрение, установление взаимодействия факторов продовольственной и экономической безопасности.

Результаты. Выявлены внутренние и внешние проблемы продовольственной безопасности, среди которых углубление международной интеграции, дефицит отечественного сельскохозяйственного сырья и ограниченный рост платежеспособного спроса.

Выводы. Проведенное исследование позволяет отметить, что проблема обеспечения экономической безопасности страны на основе достижения продовольственной безопасности комплексная. Все уровни продовольственной безопасности взаимосвязаны и взаимозависимы. При этом основным условием обеспечения продовольственной безопасности как в России, так и в ее регионах является повышение эффективности функционирования национального агропромышленного комплекса.

Ключевые слова: продовольственная и экономическая безопасность, уровень потребления продуктов питания, самообеспечение.

O. S. Koshevoy, E. V. Fudina

FOOD SECURITY – THE BASIS OF ECONOMIC SECURITY

Abstract.

Background. The article reveals the negative trends affecting food security of the country, analyzes the measures taken for development of agriculture and regulation of markets of agricultural products, raw materials and food, as well as give suggestions aimed at improving effectiveness of measures to reduce the threat of loss of food security. The modern society is characterized by a sharp decline in life span, a decline in health of the active population. This is mainly due to the imbalance of

nutrition, so the problem of stability and quality of food provision to all layers of the population should occupy one of the top places in the Russian economy. The purpose of the work is to identify problems and factors of food security of Russia in conditions of the Russian economy, associated with damage to economic security.

Materials and methods. The goals of the study was achieved through investigation of the existing problems of food security as a basis for economic security. The methodological basis of the study included a systematic and structured approach, which is characterized by a holistic consideration, establishment of an interaction of factors of food and economic security.

Results. The authors identified internal and external problems of food security, including the international integration deepening, the lack of domestic agricultural raw materials and a limited growth of effective demand.

Conclusions. This study allows to note that the problem of ensuring the economic security of the country on the basis of ensuring food security is a complex one. All levels of food security are interrelated and interdependent. Herewith, the basic condition for food security in Russia and its regions is an increase of efficiency of the national agro-industrial complex.

Key words: food and economic security, food consumption, self-sufficiency.

Продовольственная безопасность является основой социально-экономического развития, важным элементом экономической и национальной безопасности государства. Необходимо отметить, что только в системе обеспечения продовольственной безопасности создаются условия и формируются механизмы противодействия экономическим угрозам, развития воспроизводственных процессов в сельском хозяйстве как базы производства и повышения уровня самообеспечения регионов продуктами питания. Это обусловлено тем, что в настоящее время продовольственная безопасность приобрела глобальный характер [1].

Рассматривая проблему экономической безопасности России, нельзя не отметить явления, которые непосредственно связаны с нанесением ущерба безопасности агропродовольственной сфере:

– ухудшение демографической ситуации в сельской местности;

– нарушение воспроизводственных процессов в агропромышленном производстве;

– усиление теневых процессов в финансово-экономических и земельных отношениях в аграрной сфере экономики;

– разрушение научно-технического и технологического потенциалов сельскохозяйственного производства;

– низкий уровень защиты экономических интересов сельскохозяйственных товаропроизводителей;

– диспаритет цен на сельскохозяйственную и промышленную продукцию и услуги [2, 3].

Диспропорции в региональной агропромышленной системе обусловлены:

– отсутствием действенного экономического механизма хозяйствования в региональном АПК, ввиду чего сложившиеся экономические отношения между его отраслями и организациями не отражают объективную картину эффективности формирования и использования экономических ресурсов, соответственно, нормативного регулирования распределения и потребления этих ресурсов. Тем самым в территориальных и производственных системах

и их звеньях возникают существенные диспропорции в распределении и использовании ресурсов: при недостатке их в одних сферах и на предприятиях в других создаются излишки, которые подвергаются порче, потерям и хищению;

– ограничительные меры по развитию связей с мировым сообществом по организации и управлению агропродовольственным рынком привели к усилению застоя в инновационной деятельности развития АПК страны на общем фоне мировых достижений научно-технического прогресса [4].

Проблема обеспечения продовольственной безопасности имеет интегральный характер, так как в ней сконцентрированы основные моменты агропромышленной и экономической модернизации, реальное состояние и тенденции развития производства сельскохозяйственной продукции, отечественного рынка продовольствия, изменения степени его зависимости от импорта, платежеспособности населения в различных регионах РФ [5, 6].

Продовольственная безопасность – незаменимая составляющая экономической безопасности, и их двойственная связь вполне очевидна. Относительно других видов безопасности, входящих в состав экономической (информационная, внешнеэкономическая, производственная и др.), продовольственная безопасность является первоосновой.

Продовольственную политику следует рассматривать как комплекс мер по эффективному решению задач интенсивного развития сельскохозяйственного производства, хранения и переработки продукции, внешней торговли, регулирования рынка продовольствия, социального развития села. Она определяет приоритеты и тенденции развития отдельных видов деятельности агропромышленного комплекса и национальной экономики. От нее зависит конкурентоспособность бизнеса, регионов и страны в целом. Если государство не имеет продовольственную безопасность, то оно не может быть экономически устойчивым и иметь перспективы прогрессивного развития [7].

Для современной России проблема продовольственной обеспеченности является отражением качественно нового состояния несоответствия производства продовольствия потребностям общества, которое определяется, во-первых, резким падением сельскохозяйственного производства, обусловленного сокращением материально-технической базы агропромышленного комплекса, деградацией социальной сферы села, снижением уровня научно-технического обслуживания сельскохозяйственного труда; во-вторых, ростом дифференциации доходов населения; в-третьих, резким ухудшением качества продуктов питания ввиду их экологической загрязненности, оказывающей разрушительное влияние на здоровье населения России [8].

Причины, вызвавшие потерю продовольственной самостоятельности в России, можно разделить на две группы: внутренние и внешние. Внутренние причины непосредственно оказывают влияние на функционирование сельского хозяйства: недостаточный уровень развития сельскохозяйственной техники; слабое развитие переработки продукции; запущенность непроизводственной сферы в сельском хозяйстве. Внешние формируют внешнюю среду функционирования продовольственного сектора, создают определенные условия, в которых он развивается. На формирование внешней среды оказывали решающее влияние экономические процессы, кризис неплатежей, рост бюджетного дефицита.

Следовательно, обеспечение продовольственной безопасности зависит не только от непосредственной эффективности продовольственной политики и результатов производственной деятельности субъектов агробизнеса, но и от успехов или неудач макроэкономической политики в целом.

В обобщенном виде оценка состояния продовольственной безопасности населения определяется:

– физической доступностью продовольствия – наличие продуктов питания на всей территории страны в каждый момент времени и в необходимом ассортименте;

– экономической доступностью продовольствия – уровень доходов независимо от социального статуса и места жительства гражданина, который позволяет приобретать продукты питания, по крайней мере на минимальном уровне потребления;

– безопасностью продовольствия для потребителей – предотвращение производства, реализации и потребления некачественных пищевых продуктов, способных нанести вред здоровью населения.

Роль государственного экономического регулирования в обеспечении продовольственной безопасности страны определяется созданием условий для стабильного роста производства в агропромышленном секторе экономики, а также использованием государственных функций для нейтрализации опасности продовольственной зависимости страны.

Значимость проблемы продовольственной безопасности особенно возросла в последние годы. Среди большинства жителей государства наблюдается ряд негативных тенденций в культуре потребления продуктов питания. Определяющими проблемами являются следующие:

– несбалансированность потребления питательных веществ, особенно незаменимых, и пищевой энергии физиологическим потребностям организма;

– дефицит полноценного животного белка, витаминов, микроэлементов, пищевых волокон, полиненасыщенных жирных кислот и избыток простых углеводов и животных жиров.

Если оценивать состояние питания населения страны, то на первый план выходят следующие нарушения пищевого статуса:

– дефицит белка, достигающий до 15 % от рекомендуемых величин потребления среди групп населения преимущественно с низкими доходами;

– дефицит полиненасыщенных жирных кислот на фоне избыточного поступления твердых животных жиров, который отмечается в питании всех групп населения;

– дефицит витаминов, который круглогодично и повсеместно выявляется у более половины населения и составляет 70–100 % для витамина С; 60–80 % – для витаминов группы В и фолиевой кислоты; 40–60 % – для β-каротина.

Наряду с этим актуальной остается проблема загрязнения пищи чужеродными соединениями (пестициды, тяжелые металлы, лекарственные средства и др.). Самые современные технологии пищевых производств не в состоянии полностью очистить сырье.

Оценивая продовольственное обеспечение, необходимо опираться на количественную и качественную характеристики. Количественная характеристика состоит из двух групп показателей:

– первая группа характеризуется уровнем потребления основных продуктов с учетом их дифференциации по группам населения с разными доходами и количеством потребления;

– вторая группа характеризуется уровнем самообеспеченности страны продовольствием.

По данным группам выделяются критериальные показатели, являющиеся пороговыми, минимальными (или максимальными) допустимыми значениями названных показателей. Для первой группы показателей пороговыми значениями могут считаться медицинские нормы и научно обоснованные социально-экономические нормативы. Для второй группы показателей пороговой величиной является уровень импортных поставок продовольствия в страну.

В качестве пороговых значений продовольственной безопасности по отдельным видам пищевых продуктов приняты следующие удельные веса отечественной сельскохозяйственной, рыбной продукции и продовольствия в общем объеме товарных ресурсов внутреннего рынка соответствующих продуктов (не менее): зерна – 95 %, сахара – 80 %, растительного масла – 80 %, мяса и мясопродуктов (в пересчете на мясо) – 85 %, молока и молокопродуктов – 90 %, рыбной продукции – 80 %, картофеля – 95 %, соли пищевой – 85 %[1].

Национальная политика питания базируется на формировании спроса на продовольствие в соответствии с рациональными нормами потребления, но для регионов России характерно несбалансированное питание населения. Обеспечение предложения на продукцию АПК и воздействие на спрос являются основной функцией государства и регионов в области продовольственной безопасности и формировании культуры потребления населения. Стратегия продовольственного обеспечения должна опираться на концепцию сбалансированного питания.

Оценку продовольственного потребления регионов можно провести при помощи показателей минимального физиологического набора, подразумевающего минимальную среднероссийскую норму потребления. Данная норма используется для расчета прожиточного минимума и реального порога безопасности, подразумевающего рекомендуемую норму потребления (табл. 1).

Стоимость условного (минимального) набора продуктов питания в расчете на месяц в среднем по России в конце января 2015 г. составила 3592,5 руб. Стоимость минимального набора в Москве в конце января составила 4307,2 руб. и за месяц выросла на 9,2 %, в Санкт-Петербурге – 4241,3 руб. и увеличилась на 9,0 % [5].

Стоимость условного (минимального) набора продуктов питания, рассчитываемая Росстатом, отражает межрегиональную дифференциацию уровней потребительских цен на продукты питания, входящие в него. При ее расчете используются единые, установленные в целом по Российской Федерации условные объемы потребления продуктов питания и средние потребительские цены на них по субъектам Российской Федерации.

[1] Об утверждении Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации : Указ Президента РФ от 30 января 2010 г. № 120. – URL: http://base.garant.ru/12172719/.

Таблица 1

Стоимость минимального набора продуктов питания и ее изменение по сравнению с предыдущим месяцем в субъектах РФ

Максимальная стоимость			Минимальная стоимость		
Субъект РФ	Руб.	Изменение стоимости набора, %	Субъект РФ	Руб.	Изменение стоимости набора, %
Чукотский автономный округ	7857,4	100,0	Курская область	2864,6	108,6
Магаданская область	6137,0	105,8	Саратовская область	3003,5	108,9
Республика Саха (Якутия)	5499,4	103,3	Липецкая область	3016,2	107,0
Сахалинская область	5331,5	105,8	Омская область	3023,3	103,8
Камчатский край	5306,6	105,0	Пензенская область	3078,7	109,5

Примечание. * Кроме автономных округов, входящих в состав области.

С 1 января 2013 г. вступил в силу Федеральный закон Российской Федерации от 3 декабря 2012 г. № 227-ФЗ «О потребительской корзине в целом по Российской Федерации», согласно которому применяются новые нормы потребления потребительских товаров, а также потребительская корзина для основных социально-демографических групп населения в целом по Российской Федерации должна устанавливаться не реже одного раза в пять лет[1]. Продуктовая потребительская корзина, являющаяся существенной частью потребительской корзины в целом, также претерпела серьезные изменения (табл. 2). Новая потребительская корзина будет действовать до 2018 г.

В потребительскую корзину в первую очередь включены продукты питания, которые составляют около 50 % ее стоимости (для сравнения, в странах Западной Европы эта цифра не превышает 20 %). В большинстве российских семей тратят на продукты питания также более половины семейного бюджета.

Во вторую группу включены непродовольственные товары – одежда, обувь, головные уборы, белье, лекарства.

Третья группа потребительской корзины состоит из услуг: коммунальные услуги, расходы на транспорт, культурные мероприятия и пр.

Среднестатистическим гражданином РФ в наибольшем натуральном объеме потребляются молочные продукты, хлебные продукты, овощи и фрукты.

Наибольшее изменение в структуре продуктового потребления коснулось прочих продуктов, которые включают в себя соль, чай, специи и пр. – увеличение более чем в полтора раза. Также сильно увеличена норма потребления свежих фруктов (+57,5 %) и овощей (+21,7 %)[2].

[1] О потребительской корзине в целом по Российской Федерации : Федеральный закон от 03.12.2012 № 227-ФЗ. – URL: http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?base=LAW;n=138547;req=doc

[2] Об индексе потребительских цен в январе 2015 г. – URL: http://www.gks.ru/bgd/free/b04_03/IssWWW.exe/Stg/d05/22.htm

Таблица 2

Состав, объем и структура продуктовой потребительской корзины России (с 1 января 2013 г.)

Наименование	Расчетный объем потребления (в среднем на 1 человека в год)					
	Трудоспособное население		Пенсионеры		Дети	
	кг	%	кг	%	кг	%
Всего	819,9	100,0	695,4	100,0	861,0	100,0
Молоко и молокопродукты (в пересчете на молоко)	290,0	35,4	257,8	37,1	360,7	41,9
Хлебные продукты (хлеб и макаронные изделия) (в пересчете на муку, крупы, бобовые)	126,5	15,4	98,2	14,1	77,6	9,0
Картофель	100,4	12,2	80,0	11,5	88,1	10,2
Овощи и бахчевые культуры	114,6	14,0	98,0	14,1	112,5	13,1
Свежие фрукты	60,0	7,3	45,0	6,5	118,1	13,7
Сахар и кондитерские изделия (в пересчете на сахар)	23,8	2,9	21,2	3,0	21,8	2,5
Мясопродукты	58,6	7,1	54,0	7,8	44,0	5,1
Рыбопродукты	18,5	2,3	16,0	2,3	18,6	2,2
Яйца*	11,6	1,4	11,0	1,6	11,1	1,3
Масло растительное, маргарин и другие жиры	11,0	1,3	10,0	1,4	5,0	0,6
Прочие продукты (соль, чай, специи)	4,9	0,6	4,2	0,6	3,5	0,4

Примечание. * Показатели потребления яиц конвертированы из штук в килограммы (средний вес куриного яйца составляет 55 г).

Однако среди общего перечня продуктов есть и те, годовой объем потребления которых скорректирован в нижнюю сторону: молочные продукты (–20,3 %), мясопродукты (–6,7 %) и рыбопродукты (–5,4 %). Стоит отметить тот факт, что к снижению рекомендованы продукты животного происхождения.

Чтобы обеспечить продовольственную безопасность, необходимо защитить отечественного производителя, создать льготные условия (субсидии, система налогообложения, механизм ценообразования) по выпуску продуктов питания из отечественного сырья как экономически более чистого.

Необходимым условием функционирования агропромышленного комплекса является незамедлительное создание рыночной инфраструктуры в аграрном секторе, современной системы хранения, переработки и доставки сельхозпродукции до потребителя. В целях смягчения конкурентного давления на отечественного производителя со стороны мирового рынка возникает необходимость внедрения защитно-протекционистских мер [9].

Обеспечение продовольственной безопасности требует использования всех факторов, необходимых для реализации стратегических национальных экономических интересов в сфере производства и продвижения сельскохозяйственной и пищевой продукции к потребителям.

Соответственно, необходимы эффективная стратегия и тактика в данной сфере, находящие выражение в аграрной политике государства, целью которой должно быть создание благоприятных условий для стабильного удовлетворения спроса населения на продукты питания за счет эффективного использования имеющегося у страны производственного и экономического потенциала. Такая политика предполагает реализацию ряда комплексных долгосрочных мероприятий по мониторингу условий, создающих угрозу для обеспечения населения продуктами питания; устранению деструктивных тенденций в области продовольственной безопасности; разработке национальной стратегии продовольственной безопасности; удовлетворению спроса населения на продовольственную продукцию, а спроса промышленности на сельскохозяйственное сырье благодаря выпуску качественной продукции и установлению выгодных и потребителям, и производителям цен.

Список литературы

1. **Винничек, Л. Б.** К вопросу о проблеме продовольственной безопасности / Л. Б. Винничек, А. Г. Папцов, Е. В. Фудина // Нива Поволжья. – 2012. – № 3. – С. 61–64.
2. **Кухарев, О. Н.** Молочное скотоводство на промышленной основе – высокорентабельная отрасль / О. Н. Кухарев, А. С. Ганкин // Молочное и мясное скотоводство. – 2000. – № 4. – С. 7.
3. **Силаева, Л. П.** Организационно-экономический механизм регулирования производства и сбыта продукции скотоводства / Л. П. Силаева // Состояние и перспективы развития АПК : сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 60-летию кафедры «Организация и информатизация производства» / Пензенская ГСХА. – Пенза : РИО ПГСХА, 2014. – С. 40–45.
4. **Климова, Н. В.** Продовольственная безопасность – основа обеспечения экономической безопасности региона / Н. В. Климова // Фундаментальные исследования. Экономические науки. – 2012. – № 9. – С. 214–219.
5. **Кошевой, О. С.** Индексный метод как элемент диагностики производства молока / О. С. Кошевой, Е. В. Фудина // Нива Поволжья. – 2015 г. – № 1. – С. 113–117.
6. **Столярова, О. А.** Молочный подкомплекс Пензенской области в условиях вступления России в ВТО / О. А. Столярова // Нива Поволжья. – 2013. – № 1. – С. 104–111.
7. **Фудина, Е. В.** Социально-экономические основы продовольственного обеспечения / Е. В. Фудина // Научные и технологические подходы в развитии аграрной науки : материалы III Междунар. науч.-практ. конф. молодых ученых. – М. : Вестник Российской академии сельскохозяйственных наук, 2014. – С. 237–240.
8. **Фудина, Е. В.** Состояние и проблемы развития АПК Пензенской области / Е. В. Фудина // Современные проблемы экономики АПК в исследованиях молодых ученых. – М. : ВИАПИ им. А. А. Никонова, 2013. – С. 164–166.
9. **Ушачев, И. Г.** Состояние и проблемы обеспечения продовольственной безопасности страны / И. Г. Ушачев, А. Ф. Серков. – URL: www.vniiesh.ru

References

1. Vinnichek L. B., Paptsov A. G., Fudina E. V. *Niva Povolzh'ya* [Fields of Volga region]. 2012, no. 3, pp. 61–64.
2. Kukharev O. N., Gankin A. S. *Molochnoe i myasnoe skotovodstvo* [Milk and meat cattle-breeding]. 2000, no. 4, p. 7.
3. Silaeva L. P. *Sostoyanie i perspektivy razvitiya APK: sb. st. Mezhdunar. nauch.-prakt. konf., posvyashch. 60-letiyu kafedry «Organizatsiya i informatizatsiya proizvodstva»*

[Condition and prospects of the agricultural sector: proceedings of the International scientific and practical conference devoted to 60th anniversary of the sub-department of "Production organization and informatization"]. Penza: RIO PGSKhA, 2014, pp. 40–45.
4. Klimova N. V. *Fundamental'nye issledovaniya. Ekonomicheskie nauki* [Fundamental research. Economic sciences]. 2012, no. 9, pp. 214–219.
5. Koshevoy O. S., Fudina E. V. *Niva Povolzh'ya* [Field of Volga region]. 2015, no. 1, pp. 113–117.
6. Stolyarova O. A. *Niva Povolzh'ya* [Fields of Volga region]. 2013, no. 1, pp. 104–111.
7. Fudina E. V. *Nauchnye i tekhnologicheskie podkhody v razvitii agrarnoy nauki: materialy III Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. molodykh uchenykh* [Scientific and technological approaches in development of agricultural science: proceedings of III International scientific and practical conference of young scientists]. Moscow: Vestnik Rossiyskoy akademii sel'skokhozyaystvennykh nauk, 2014, pp. 237–240.
8. Fudina E. V. *Sovremennye problemy ekonomiki APK v issledovaniyakh molodykh uchenykh* [Modern problems of the agricultural sector economy in researches of young scientists]. Moscow: VIAPI im. A. A. Nikonova, 2013, pp. 164–166.
9. Ushachev I. G., Serkov A. F. *Sostoyanie i problemy obespecheniya prodovol'stvennoy bezopasnosti strany* [Social and supply problems of country's food security]. Available at: www.vniiesh.ru

Кошевой Олег Сергеевич
доктор технических наук, профессор, кафедра экономики и финансов, Пензенский государственный университет
(Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40)

E-mail: olaa1@yandex.ru

Koshevoy Oleg Sergeevich
Doctor of engineering sciences, professor, sub-department of economics and finances, Penza State University
(40 Krasnaya street, Penza, Russia)

Фудина Елена Васильевна
кандидат экономических наук, доцент, кафедра организации и информатизации производства, Пензенская государственная сельскохозяйственная академия
(Россия, г. Пенза, ул. Ботаническая, 30)

E-mail: fudina_ev@mail.ru

Fudina Elena Vasil'evna
Candidate of economic sciences, associate professor, sub-department of organization and informatization of production, Penza State Agricultural Academy
(30 Botanicheskaya street, Penza, Russia)

УДК 631.151.6
Кошевой, О. С.
Продовольственная безопасность – основа обеспечения экономической безопасности / О. С. Кошевой, Е. В. Фудина // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2015. – № 4 (36). – С. 188–196.

УДК 334.012.3:65.012.614

М. С. Ильина (*Ржевская*)

РОЛЬ УПРАВЛЕНИЯ В ПРОЦЕССЕ ТРАНСФОРМАЦИИ КАПИТАЛИСТИЧЕСКОЙ ФОРМЫ СОБСТВЕННОСТИ: ОТ ЧАСТНОЙ К «МЕНЕДЖЕРСКОЙ»?

Аннотация.

Актуальность и цели. Развитие производительных сил во времени предопределило качественное изменение производственных отношений. Высокий уровень технологии производства потребовал концентрации капитала и привел к образованию ассоциированной, или акционерной, собственности. Исследование экономического содержания отношений акционерной собственности обнаруживает два очевидных противоречия, в них содержащихся, которые являются предпосылкой для современной трансформации формы капиталистической собственности. Целью статьи являлся анализ данного процесса и его результатов.

Материалы и методы. В статье приведены теоретические замечания различных авторов-исследователей, описывающих процесс трансформации собственности; описан основной конфликт обозначенной теории с реальностью и логикой. Противопоставлено мнение автора некоторым теоретическим позициям и приведены аргументы подобной критики. Другими словами, методологический потенциал включает методы сравнительно-экономического и историко-экономического анализа, которые позволяют сопоставить содержание и значение для развития организации любого масштаба теории и практики отношений собственности с учетом конкретных исторических и логических этапов ее эволюции.

Результаты. В результате исследования удалось подтвердить протекание процесса трансформации капиталистической собственности, но проходящее несколько в другом направлении. Установлено, что направление трансформации – не от капиталистической собственности в некапиталистическую по причине «коллективизма» владения и действий наемных управленцев в интересах всего общества, а происходит преобразование ассоциированной частной или частно-коллективной собственности в «менеджерскую», или «управленческую», по причине противоречий самих отношений частно-коллективной собственности, а именно расхождения владения и влияния на объект собственности.

Выводы. Установлено, что по причине активно протекающей трансформации форм собственности самой уязвимой фигурой становится собственник-капиталист, и названы причины такой закономерности. Предложены некоторые меры безопасности для собственника, среди которых снижение «распыленности» капитала и регулярное выполнение специфических функций собственника.

Ключевые слова: акционерная, или ассоциированная, собственность; частная индивидуальная собственность; коллективная собственность; капитал; капитализм; собственник; капиталист; менеджер; управляющий; трансформация капиталистической собственности; «техноструктура»; отношения собственности.

M. S. Ilyina (*Rzhevskaya*)

THE ROLE OF MANAGEMENT IN THE PROCESS OF CAPITALIST OWNERSHIP FORM TRANSFORMATION: FROM PRIVATE TO “MANAGERIAL”?

Abstract.

Background. Development of productive forces over time has predetermined qualitative changes in industrial relations. A high level of production technology

demanded concentration of capital and led to formation of associated or joint-stock property. A study of the economic content of shareholding relationships discovers two obvious contradictions, which are a prerequisite for a modern transformation of capitalist property forms. The purpose of the article is to analyze the said process and its results.

Materials and methods. This article discusses theoretical observations by various authors that describe the process of ownership transformation; describes the main conflict of the said theory with reality and logic. The author's views contrast with some theoretical positions, and there are arguments of such criticism. In other words the methodological capacity included the methods of comparative-economic and historical-economic analysis, which enabled to map the content and importance for development of organizations of all scales of the theory and practice of property relations, taking into account the specific historical and logical stages of its evolution.

Results. As a result, the study managed to confirm the course of the transformation process of capitalist ownership, but passing in another direction. Is has been found that the direction of transformation is not from capitalist property to non-capitalist one due to the "collectivism" form of ownership and actions of salaried managers in the interests of the entire society, but there is a transformation of private or private-collective property into "managerial" or "administrative" property because of contradictions in relations of private-collective property themselves, to be more precise, because of divergence of ownership and influence on the property.

Conclusions. It has been established that as a result of the actively flowing transformation of ownership forms, the most vulnerable figure becomes the proprietor-capitalist and cited reasons for such patterns. The article offers some security measures for an owner, including reduction of capital "sparseness" and regular execution of specific functions of an owner.

Key words: stock or associated ownership, private individual property, collective property, capital, capitalism, owner, capitalist, manager, executive, transformation of capitalist property, "techno-structure", property relations.

Развитие производительных сил во времени предопределило качественное изменение производственных отношений. Высокий уровень технологии производства позволил расширить его масштабы, потребовал концентрации капитала и привел к образованию акционерной собственности. Эволюция экономических процессов больше не могла проходить в рамках индивидуальной капиталистической собственности, поскольку последняя уже не могла удовлетворять регулярно возникающие потребности во все больших размерах капитала. Разрешением нарастающего противоречия стало ассоциирование капитала в форме акционерных обществ и появление акционерных отношений собственности. К. Маркс следующим образом описывал появление последних: «Мир до сих пор оставался бы без железных дорог, если бы приходилось дожидаться, пока накопление не доведет некоторые отдельные капиталы до таких размеров, что они могли бы справиться с постройкой железной дороги. Напротив, централизация посредством акционерных обществ осуществила это в один миг» [1].

Однако исследование экономического содержания отношений современной акционерной собственности обнаруживает два очевидных противоречия, в них содержащихся.

Акционерный капитал обычно создается на основе добровольного коллективного объединения активов, этим он и отличается от индивидуального капитала. В процессе образования коллективного капитала изменяется и

субъект собственности: он становится ассоциированным вместо индивидуального. Другими словами, экономически обособленные собственники становятся носителями общего экономического интереса [2]. Появляется понятие «ассоциированный собственник».

Но при этом сохраняется и индивидуальная, или частная, собственность каждого акционера, которая реализуется посредством капитала, воплощенного в акциях. Акционер является обособленным собственником принадлежащего ему пакета акций, распоряжаться которым он может по своему личному усмотрению.

Получается, что первое противоречие акционерной собственности заключается в том, что в ней одновременно содержатся частная (индивидуальная) и коллективная формы капиталистической собственности. Стоит отметить, что преобразование или комбинация форм собственности никоим образом не изменят способ производства, в котором все это происходит. Маркс писал, что в акционерных обществах происходит «упразднение капитала как частной собственности в рамках самого капиталистического способа производства» [3]. Подобное утверждение говорит о том, что исключительно частная капиталистическая собственность перестала существовать, происходит ее замена частно-коллективной собственностью многих капиталистов. При этом капиталистические отношения продолжают действовать, поскольку продолжает существовать основное противоречие капитализма – между общественным характером производства и частным способом присвоения; смена или совокупность форм собственности этого не меняет.

Второе противоречие акционерной формы собственности возникает в связи с появлением наемного профессионального управленца или топ-менеджера. Это считается закономерным этапом эволюции акционерного общества, ведь в процессе увеличения масштабов производства, его усложнения, умножения количества акционеров ассоциированного капитала возникает необходимость централизованного выполнения специализированной предпринимательской функции в рамках всего общества. Профессиональный управляющий становится исполнителем этой функции, результаты его работы развивают акционерное общество, и он, следовательно, становится еще одним претендентом на присвоение части прибавочной стоимости, основной формой которой является прибыль акционерного общества.

Противоречие здесь, по мнению К. Маркса, заключается в процессе превращения «действительно функционирующего капиталиста в простого управляющего, распоряжающегося чужими капиталами, и собственников капитала – в чистых собственников, чистых денежных капиталистов» [4]. Причем в акционерном обществе «собственность на капитал отделяется от функции в настоящем процессе воспроизводства, подобно тому, как эта функция в лице управляющего отделяется от собственности на капитал» [5]. Это в корне отличает акционерную собственность от индивидуальной, где в большинстве случаев не возникает необходимости в привлечении профессионального наемного управляющего, а, следовательно, капитал-собственность и капитал-функция сосредоточены в одном субъекте собственности.

При анализе акционерной формы собственности Маркс отмечал: «В акционерных обществах функция отделена от собственности на капитал, следовательно, и труд совершенно отделен от собственности на средства произ-

водства и на прибавочный труд…» [3, с. 480]. Слово «труд» в цитате Маркса следует понимать как «труд наемных работников» и «труд наемных управленцев» в совокупности, где и первый, и второй формат отношений несет в себе определенные особенности.

По поводу второго противоречия акционерной формы собственности, говорящего о расхождении капитала-собственности и капитала-функции по разным субъектам, Ф. Энгельс писал, что «классическая капиталистическая собственность трансформируется в акционерную», в результате чего «предприятие становится относительно независимым от своих владельцев» [6].

На основе этого противоречия, описанного авторитетными экономистами, можно сделать вывод о происходящем процессе перерастания формы собственности из частной ассоциированной (акционерной), или частно-коллективной, в «менеджерскую», или «управленческую», собственность. О той роли, которая должна быть отведена профессиональному управленцу, осуществляющему известного рода деятельность в акционерном обществе и не являющемуся легитимным собственником, К. Маркс высказал следующее мнение: «Содержание управляющего является или должно быть просто заработной платой за известного рода квалифицированный труд, цена которого регулируется на рабочем рынке как цена всякого другого труда» [7].

К сожалению, теория Маркса об акционерной собственности не имела особой популярности в экономической науке в свое время. Однако открытие К. Марксом и Ф. Энгельсом второго противоречия акционерной или любой ассоциированной собственности, заключающегося в отделении функции капитала от собственности на капитал, стало своеобразной предпосылкой более поздней теоретической концепции трансформации собственности.

Тезис о трансформации капиталистической собственности впервые после долгого перерыва был заявлен Берле и Минсом. Они высказали мнение о том, что в современном «корпоративном» капитале (акционерных обществах) происходит разложение «неделимого атома собственности», который был всегда основанием для собственников управлять предприятием в своих интересах. Они считали, что большинство собственников или акционеров превратились всего лишь в «пассивных вкладчиков денег» и по этой причине теряют свои собственнические права вплоть до полной потери контроля над предприятием [8]. В своей работе «Современная корпорация и частная собственность» А. Берле и Г. Минс приводят данные, подтверждающие их концепцию: около 65 % крупнейших корпораций США контролируются или менеджментом, или с помощью особого механизма, который включает небольшую группу (меньшинство) акционеров [9].

Другой американский экономист Дж. Бернхем полагал, что в результате развития акционерных предприятий они превратились в «менеджерское общество», поскольку в их внутренней структуре менеджеры заняли место капиталистических собственников. В своей книге «Менеджерская революция» Бернхем пишет, что класс капиталистов-собственников практически вытеснен классом управляющих из организационных процессов предприятия. Более того, производство не испытывает необходимости в собственнике для своего нормального функционирования. Собственность Бернхем отождествлял не просто с фактом наличия капитала, а с обладанием контроля над объектом собственности. И если нет контроля, то не существует и собственно-

сти. А поскольку контроль в большинстве своем сосредоточен в руках управленцев, то трансформируется и форма собственности [10].

Будучи солидарным с Бернхемом относительно процессов отделения власти от собственности в акционерных обществах и продолжая собственные размышления, Берле в своей следующей книге пишет, что, во-первых, власть от собственников переходит к менеджерам, а во-вторых, происходит колоссальное обобществление капитала, поскольку количество акционеров возрастает от сотен к миллионам. Подобные явления, по его мнению, ведут к изменению внутренней сущности капитализма, поскольку исчезают отношения частной собственности, которые всегда были основой капиталистического способа производства. Берле говорил, что, хотя и имеется впечатление о том, что американские экономические отношения базируются на частной собственности, это не соответствует действительности, ибо масса промышленной собственности является не более частной, чем место в метро. «Коллективизм» становится реальностью, так как две трети американских предприятий уже не частные, а коллективные [11].

Еще один его тезис высказывал интересную идею об исчезновении капиталиста как такового субъекта по мере возрастания масштабов производства, причем подобное вытеснение можно усматривать как из производства, так и из общества вообще. Берле утверждал, что «...капитал остается на месте. Также сохраняется и капитализм. Единой фигурой, которая исчезает, есть капиталист» [12].

Кстати, об исчезновении класса капиталистов, поскольку они становятся излишними в процессе организации производства и управлении собственностью, в своих работах также упоминали К. Маркс и Ф. Энгельс. Например, Ф. Энгельс писал: «Итак, мы видим, что, вследствие развития самой системы капиталистического производства, капиталист вытесняется точно так же, как ткач, работавший на ручном станке, с той, однако, разницей, что ткач обречен на медленную смерть от голода, а вытесняемый капиталист – на медленную смерть от обжорства. Но положение того и другого обычно сходно в том отношении, что ни один из них не знает, что ему делать с самим собой» [13].

Изучая мнения других авторов – представителей концепции «трансформации» капиталистической собственности, можно обнаружить единение в том, что современные условия развития капитализма, основанные на научно-техническом прогрессе и усиливающейся монополизации бизнеса, диктуют, в том числе, и усиление тенденции перехода фактической власти над капиталом от собственников к менеджерам. Дж. К. Гэлбрейт в своих рассуждениях даже вводит специальный термин «техноструктура», означающий систему управления крупным акционерным обществом. Таким образом, он подчеркивает реальные технические полномочия управляющих в отношении объекта управления или собственности. Переход власти от легитимных собственников крупного промышленного бизнеса к «техноструктуре» Гэлбрейт объясняет тем, что у первых отсутствуют специализированные знания в отношении эффективности процесса управления, следовательно, принятие основных решений в производстве остается за теми, кто эти знания имеет, т.е. за «техноструктурой» [14].

«На самом высоком уровне развития, – пишет Дж. К. Гэлбрейт, – примером которого служат компании “Дженерал моторс”, “Дженерал электрик”,

“Шелл”, “Юнилевер”, ИБМ, до тех пор, пока фирма делает деньги, власть “техноструктуры” всесильна. Власть собственников капитала, т.е. держателей акций, равна нулю» [14, с. 125].

По мнению В. Фридмана, современное право собственности распадается на две стороны: право извлекать пользу и право контроля. Обе эти стороны представляли собой единство в рамках простого товарного производства, когда собственник самостоятельно контролировал свой капитал и использовал его в своих интересах. Однако в условиях акционерных отношений собственности ситуация в корне поменялась. Фридман утверждал, что на сегодняшний день титул собственности отделился от прав контроля [15, с. 70].

Согласно Сэндлеру, прежнее состояние собственности в условиях современного капитализма можно встретить только на мелких или средних предприятиях. «На крупных же предприятиях, играющих экономически самую главную роль, – заявляет Сэндлер, – это право собственности предпринимателей совершенно расщепилось между вкладчиками, в большинстве своем анонимными, с одной стороны, и руководством предприятия, в лице так называемых менеджеров, – с другой. Личные усилия, которые связывали предпринимателя в ходе работы с принадлежащими ему средствами производства и которые, несомненно, имели также легитимирующую функцию, перешли, таким образом, от собственника к другому кругу лиц» [16].

Резюмируя высказывания вышеперечисленных экономистов, можно сделать вывод о том, что основная идея теории «трансформации» капиталистической собственности заключается в преобразовании отношений собственности и вообще сущности современного капитализма по причине развития ассоциированного капитала или ассоциированных обществ в условиях научно-технической революции. Вследствие подобного развития крупного бизнеса власть собственников-капиталистов над объектом собственности перешла в руки менеджеров или «техноструктуры». Причем теоретики «трансформации» при ответе на вопрос, в чьих же интересах осуществляет свои действия «техноструктура», всерьез заявляют, что управляющие реализуют свои полномочия в интересах всех участников процесса производства, т.е. в интересах чуть ли не всего населения. По словам Гэлбрейта, основной интерес менеджеров при реализации процесса управления крупным бизнесом заключается в достижении процветания общества. Осуществляя свою власть, «техноструктура» приносит пользу всем заинтересованным в процветании: акционерам, рабочим, государству и обществу [17].

С его мнением согласен Фогель, который утверждает, что управляющие бизнесом соблюдают не только «интересы акционеров, но и долгосрочные интересы компании, интересы ее кредиторов, благо ее работников и всего общества» [18].

Другими словами, теория трансформации собственности высказывает идею о том, что преобразуется именно капиталистическая собственность в некапиталистическую. Аргументами называются, во-первых, тот факт, что во владении крупным капиталом господствует глобальный «коллективизм» и, во-вторых, предположение того, что наемные менеджеры, не являясь собственниками капитала, управляют последним без вмешательства собственников и якобы в интересах общества. И если с «коллективизмом» поспорить сложно, то действия наемных менеджеров в интересах общества вызывают боль-

шие сомнения. На наш взгляд, очевидно, что наемный управленец всегда будет действовать в своих личных интересах, даже если они будут противопоставляться интересам общества. Ведь, как отмечает Ф. Фукуяма, интересы наемных управляющих корпорациями «никогда не могут целиком встроиться в интересы нанимателей» [19]. Это, конечно же, не означает, что «техноструктура» всегда будет действовать против интересов собственника, но, если выбор встанет между соблюдением своих целей и целей собственника за счет своих интересов, выбор менеджеров очевиден.

Следовательно, здесь нужно отметить, что формулировка идеи о трансформации капиталистической собственности в некапиталистисческую не выдерживает проверку практикой, поскольку, несмотря на названные тенденции, в экономических отношениях сохраняются основные характеристики капитализма: эксплуатация наемного труда, присвоение прибавочной стоимости капиталистами (в контексте наших рассуждений – собственниками или топ-менеджментом), и по-прежнему усугубляется противоречие между общественным характером производства и частным способом присвоения.

Однако трансформация собственности на самом деле происходит, но не капиталистической собственности в некапиталистическую по причине «коллективизма» владения и альтруистических действий наемных управленцев. Происходит преобразование ассоциированной частной или частно-коллективной собственности в «менеджерскую», или «управленческую», по причине противоречий самих отношений частно-коллективной собственности, а именно расхождения владения и влияния на объект собственности.

Противоречия ассоциированной собственности, обусловливающие процесс ее трансформации, особенно раскрываются и усиливаются при наличии факта так называемой «распыленности» капитала. При этом одно и то же противоречие, заключающееся в расхождении владения и влияния на объект собственности, раскрывается с разных сторон.

Во-первых, «распыленность» капитала в акционерных или других обществах приводит к тому, что власть сосредотачивается в руках мажоритарных акционеров (или пайщиков), следовательно, в отношении миноритарных акционеров актуально исследуемое противоречие частной ассоциированной собственности. Другими словами, миноритарные акционеры не имеют влияния на судьбоносные решения в компании, хотя и являются собственниками, а это значит, что расхождение между влиянием и владением налицо.

С другой стороны, акционеры, которые владеют достаточно большой долей акций, способны реализовывать свои интересы в отношении общества и за счет всего капитала общества, а не только своей, пусть и существенной, доли в этом обществе. Подобные акционеры перестают быть только владельцами ценных бумаг, которые, в свою очередь, дают им право участвовать в общем собрании акционеров, выбирать членов наблюдательного совета, получать дивиденды и отчуждать собственный пакет акций. Такие акционеры приобретают особый статус и являются более реальными собственниками, чем миноритарные акционеры, поскольку обладают властью над обществом, реализуемой либо лично, либо через доверенных лиц в своих интересах, т.е. через уже упомянутую «техноструктуру». Можно даже утверждать, что владелец условного контрольного пакета акций является фактическим собственником предприятия. Причем размер контрольного пакета акций для каж-

дого конкретного общества может иметь различные масштабы, поскольку зависит как раз от степени «рассеянности» акций среди владельцев. Следует отметить, что чем больше «распыленность» акционерного капитала, чем меньшие пакеты акций сосредоточены в руках большого числа акционеров, тем меньший размер контрольного пакета акций необходим для фактического влияния на акционерное общество. Таким образом, получается, что «распыленность» акций усугубляет противоречие власти и владения в рамках ассоциированной собственности.

По словам К. Маркса и Ф. Энгельса, акционерное общество таким образом устроено, что «дает возможность самым крупным и преуспевающим акционерам распоряжаться, кроме своего собственного капитала, капиталом других членов общества, вследствие чего сужается круг лиц, господствующих над производством и управляющих им… Процесс экспроприации в рамках капиталистического способа производства достигает здесь еще более высокой стадии. Экспроприация распространяется с непосредственного производителя на мелких и средних капиталистов» [3, с. 483].

Во-вторых, здесь возможно возникновение другой проблемы отношений собственности. Ведь общепризнанным является тот факт, что чем больше разрозненность капитала, чем меньшими долями обладает большее количество акционеров (или пайщиков), тем больше власти сосредотачивается в руках топ-менеджмента или правления компании, которое зачастую представлено наемными управленцами.

Как отмечал Дж. К. Гэлбрейт, постоянное укрупнение активов акционерных обществ, увеличение их производственного капитала приводит к укреплению положения «техноструктуры». Ситуация развивается таким образом, что, когда увеличивается количество акционеров, это со временем приводит к тому, что доля каждого из них в совокупном капитале общества, выраженном в акциях, существенно снижается, что пропорционально приводит к уменьшению возможности этих акционеров влиять на организационные процессы. «Поэтому и такому важному органу компании, как наблюдательный совет, приходится признавать, что его власть происходит от менеджеров, а не от акционеров» [14, с. 125].

В свою очередь Фридман утверждал по поводу исследуемой проблемы: «Правомочия, которые раньше были неизбежно связаны с собственностью, ныне большей частью перешли к тем, которые – не будучи обязательно собственниками – способны управлять и контролировать массу акционеров или пайщиков вследствие раздробления собственности, пассивности большинства акционеров, ловких манипуляций, централизации технического и административно-технического контроля в руках руководства фирмы или же комбинации всех этих факторов» [15, s. 85].

Если верить исследованию Роберта Ларнера, проведенному в 1970 г., в США в 1963 г. под контролем менеджеров были 84 % из двухсот крупнейших нефинансовых корпораций и 70 % из трехсот последующих в рейтинге «по крупности». Критерием, на основании которого была выстроена классификация, было рассмотрено следующее: предприятие находится под контролем менеджмента, если наиболее крупный акционер или члены одной семьи или бизнес-группы владеют не более чем 10 % акций. По логике Ларнера,

когда акционерный капитал раздроблен, практически неограниченная власть сосредотачивается в руках управленцев[1].

Позиция владельца в условиях трансформации формы собственности становится уязвимой. Ведь получается, что обнаруженное противоречие в отношениях собственности «коллективного» бизнеса угрожает статусу собственника. Источником этой угрозы в большинстве своем является та самая капитал-функция, управляющая предприятием от имени и не всегда в интересах собственника, т.е. «техноструктура». Собственник может потерять свой статус, а объект собственности перейти к другому владельцу. Получается, что в процессе трансформации капиталистической собственности именно собственнику нужно попытаться предпринять меры безопасности. Одной из таких мер может послужить активная позиция собственника при осуществлении контроля над результатами деятельности своего предприятия.

Анализ условий, при которых зачастую производство не удовлетворяет потребности собственника, а менеджеры действуют как подлинные хозяева предприятий, показывает, что это происходит каждый раз, когда «техноструктура» свободна от вмешательства владельцев. Следовательно, собственники не могут себе позволить не принимать участие в жизнедеятельности своего предприятия, поскольку рискуют потерять объект собственности. Принимать участие означает выполнять специфические функции собственника [20].

В качестве дополнительной подушки безопасности, которая поможет сдержать негативные для собственника последствия трансформации собственности, можно рассматривать контроль над степенью «распыленности» капитала и создание препятствий к ее усилению. Отслеживание тенденций «разрозненности» владения активами и ее снижение следует рассматривать как одну из основных функций собственника, которую ему необходимо выполнять наравне со всеми остальными. Ведь, как уже упоминалось, «размывание» капитала не позволяет собственнику установить должный контроль и реализовать свои интересы.

Снижение «распыленности» капитала не решит до конца проблему разделения собственности и управления, т.е. проблему расхождения капитала-собственности и капитала-функции, а следовательно, не остановит процесса трансформации частной собственности. «Нераспыленность» активов поможет лишь единению собственников в установлении более тщательного контроля над предприятием, управляемым «техноструктурой».

Не стоит думать, что проблема расхождения владения и влияния появляется только в ассоциированных (акционерных) обществах. Любой предприниматель (капиталист), даже единолично владеющий своей компанией, встречается с подобной проблемой, как только он нанимает в качестве «помощника» управленца какими-либо процессами в собственной организации. Таким образом, экономическая функция собственности (капитал-функция), основной частью которой является процесс управления, начинает отделяться от самой собственности (капитал-собственность).

В свою очередь, К. Маркс делает следующее заключение: «Подобно тому, как капиталист сначала освобождается от физического труда, как толь-

[1] URL: http://www.rb-edu.ru/library/articles/articles_435.html

ко капитал его достигает той минимальной величины, при которой только и начинается собственно капиталистическое производство, так теперь он передает уже и функции непосредственного и постоянного надзора за отдельными рабочими и группами рабочих особой категории наемных работников» [1, с. 343]. Получается, по мнению Маркса, что при положительной динамике развития производства капиталист (собственник) проходит процесс вытеснения себя самого из предприятия в два этапа: наем обычных работников и наем управляющих как особой категории сотрудников. Другими словами, рост масштабов предприятия приводит к тому, что собственник, уже не справляясь с объемами труда самостоятельно, начинает использовать наемный труд работников (первый этап вытеснения, при котором собственник становится капиталистом). При дальнейшем увеличении масштабов организации собственнику приходится нанимать менеджеров, поскольку он уже не в состоянии единолично охватить процесс управления всем производством (второй этап вытеснения). Следовательно, как бы парадоксально это ни звучало, несмотря на то, что расширение размеров предприятия – это положительная тенденция с позиции интересов организации, для собственника это может привести к потере контроля над бизнесом, а значит, послужить и отрицательной тенденцией.

Анализируя вышесказанное, можно прийти к выводу, что при успешном развитии организации, когда масштабы ее деятельности начинают стабильно увеличиваться, а у собственника уже физически начинает не хватать времени на обработку всей организационной информации и принятие соответствующих решений, последнему просто приходится привлекать дополнительных управленцев для контроля над всеми организационными процессами и слаженной работы компании. Наем дополнительных менеджеров и является запуском «агентской» проблемы – проблемы раздвоения владения и управления. Таким образом, начинают заявлять о себе противоречия частной формы собственности, и запускается процесс ее трансформации в некую другую форму.

Получается, что наем обычных работников на производстве делает из собственника капиталиста, а наем менеджеров, особенно менеджеров топ-уровня, угрожает его статусу собственника, а следовательно, и статусу капиталиста. Более того, при систематическом невыполнении собственником своих «управленческих» функций появление наемных менеджеров может в перспективе и вовсе лишить первого его собственности. Можно даже сказать, что появление менеджера *любого* уровня угрожает статусу собственника и включает процесс дифференциации владения и влияния. Ведь работа управленца любого уровня иерархии предполагает распоряжение какой-либо частью ресурсов организации, т.е. частью ресурсов в переделах занимаемой им позиции, а это значит, что эти ресурсы автоматически уходят из-под контроля и влияния собственника. Следовательно, запускается «агентская» проблема.

Конечно, напрашивается возражение и заявление о том, что, не вручая наемному управленцу ресурсы организации, можно избежать запуска «агентской» проблемы и «оголения» противоречий частной собственности. Однако в ситуации с отсутствием у наемного менеджера в распоряжении части ресурсов организации теряется смысл его работы и вообще его присутствия в организации. Ведь теория менеджмента говорит о том, что для эффектив-

ной работы управленца он должен иметь возможность самостоятельно распоряжаться некоторыми ресурсами организации для выполнения своих основных функций управления, в противном случае его работа становится неэффективной и даже бесполезной, а в некоторых случаях угрожает внутриорганизационной стабильности и развитию [21, 22].

Следовательно, процесс найма управленцев приводит к тому, что некоторые из основных характеристик частной собственности, согласно которой собственник полностью влияет на объект собственности, управляет им и использует в личных интересах, начинают исчезать. А это значит, что происходит трансформация частной собственности в некоторую другую ее форму: как на уровне акционерного общества, так и на уровне других организационно-правовых форм предприятий можно условно назвать ее «менеджерской», или «управленческой», собственностью. Ведь до какой степени субъект управляет капиталом, до такой он и является собственником-капиталистом.

Список литературы

1. **Маркс, К.** Соч. / К. Маркс, Ф. Энгельс. – Т. 23. – С. 642.
2. Ценные бумаги : учеб. / под ред. В. Д. Базилевича. – М., 2011. – 1094 с.
3. **Маркс, К.** Соч. / К. Маркс, Ф. Энгельс. – Т. 25, ч. I. – С. 479.
4. **Маркс, К.** Капитал. Т. 1. Критика политической экономии / К. Маркс // Собр. соч. / К. Маркс, Ф. Энгельс. – М. : Политиздат, 1961. – Т. 23. – С. 3–907.
5. **Маркс, К.** Капитал. Т. 3. Критика политической экономии / К. Маркс // Собр. соч. / К. Маркс, Ф. Энгельс. – М. : Политиздат, 1961. – Т. 25, ч. 1. – С. 3–545.
6. **Тарандо, Е. Е.** Собственность: динамика социально-экономического содержания / Е. Е. Тарандо // Общество. Среда. Развитие. – 2009. – № 1. – С. 3–15.
7. **Маркс, К.** Капитал. Т. 3 / К. Маркс // Соч. / К. Маркс, Ф. Энгельс. – 2-е изд. – Т. 25, ч. I. – М. : Госполитиздат, 1961.
8. **Berle, A. A.** The Modern Corporation and Private Property / A. A. Berle, G. C. Means. – New York, 1934. – P. 351.
9. **Berle, A. A.** The modern corporation and private property / A. A. Berle, G. C. Means. – New York, 1967. – P. 8, 110.
10. **Burnham, J.** The Managerial Revolution / J. Burnham. – New York, 1941. – P. 70.
11. **Berle, A. A.** Power without Property / A. A. Berle. – New York, 1959. – P. 27.
12. **Berle, A. A.** The 20-th Century Capitalist Revolution / A. A. Berle. – New York, 1954. – P. 14, 24.
13. **Маркс, К.** Соч. / К. Маркс, Ф. Энгельс. – Т. 19. – С. 298–299.
14. **Гэлбрейт, Дж. К.** Экономические теории и цели общества / Дж. К. Гэлбрейт. – М. : Прогресс, 1979. – С. 125.
15. **Friedmann, W.** Recht und sozialer Wandel / W. Friedmann. – Frankfurt a. M., 1969. – S. 85.
16. **Sendler, H.** Zum Wandel der Auffassung vom Eigentum / H. Sendler // Die offentliche Verwaltung. – 1974. – Heft 3/1974. – S. 75.
17. **Гэлбрейт, Дж. К.** Экономические теории и цели общества / Дж. К. Гэлбрейт. – М. : Прогресс, 1979. – С. 70, 125.
18. **Vogel, H. J.** Kontinuitat und Verwandlungen der Eigentumsverfassung / H. J. Vogel. – S. 25.
19. **Фукуяма, Ф.** Сильное государство: Управление и мировой порядок в XXI веке / Ф. Фукуяма. – М. : ХРАНИТЕЛЬ, 2006. – 220 с.
20. **Ильина, М. С.** Проблемы управления государственной собственностью в свете противоречий менеджера и собственника / М. С. Ильина // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. – 2015. – № 7 (62).

21. **Лялина, А. М.** Теория менеджмента : учеб. для вузов / А. М. Лялина. – СПб. : Питер, 2009. – С. 286.
22. **Мескон, М. Х.** Основы менеджмента : [пер. с англ.] / М. Х. Мескон, М. Альберт, Ф. Хедоури. – М. : Дело, 2005. – С. 76.

References

1. Marks K., Engel's F. *Soch.* [Works]. Vol. 23, p. 642.
2. *Tsennye bumagi: ucheb.* [Securities: textbook]. Ed. by V. D. Bazilevich. Moscow, 2011, 1094 p.
3. Marks K., Engel's F. *Soch.* [Works]. Vol. 25, part I, p. 479.
4. Marks K., Engel's F. *Sobr. soch.* [Collected works]. Moscow: Politizdat, 1961, vol. 23, pp. 3–907.
5. Marks K., Engel's F. *Sobr. soch.* [Collected works]. Moscow: Politizdat, 1961, vol. 25, part 1, pp. 3–545.
6. Tarando E. E. *Obshchestvo. Sreda. Razvitie* [Society. Environment. Development]. 2009, no. 1, pp. 3–15.
7. Marks K., Engel's F. *Soch.* [Works]. 2nd ed, vol. 25, part I. Moscow: Gospolitizdat, 1961.
8. Berle A. A., Means G. C. *The Modern Corporation and Private Property*. New York, 1934, p. 351.
9. Berle A. A., Means G. C. *The modern corporation and private property*. New York, 1967, pp. 8, 110.
10. Burnham J. *The Managerial Revolution*. New York, 1941, p. 70.
11. Berle A. A. *Power without Property*. New York, 1959, p. 27.
12. Berle A. A. *The 20-th Century Capitalist Revolution*. New York, 1954, pp. 14, 24.
13. Marks K., Engel's F. *Soch.* [Works]. Vol. 19, pp. 298–299.
14. Gelbreyt Dzh. K. *Ekonomicheskie teorii i tseli obshchestva* [Economic theories and goals of society]. Moscow: Progress, 1979, p. 125.
15. Friedmann W. *Recht und sozialer Wandel* [Legal and social changes]. Frankfurt a. M., 1969, p. 85.
16. Sendler H. *Die offentliche Verwaltung* [Public administration]. 1974, 3/1974, p. 75.
17. Gelbreyt Dzh. K. *Ekonomicheskie teorii i tseli obshchestva* [Economic theories and goals of society]. Moscow: Progress, 1979, pp. 70, 125.
18. Vogel H. J. *Kontinuitat und Verwandlungen der Eigentumsverfassung* [Continuity and transformation of property laws]. P. 25.
19. Fukuyama F. *Sil'noe gosudarstvo: Upravlenie i mirovoy poryadok v XXI veke* [A strong state: Management and world order in XXI century]. Moscow: KhRANITEL", 2006, 220 p.
20. Il'ina M. S. *Nauka i obrazovanie: khozyaystvo i ekonomika; predprinimatel'stvo; pravo i upravlenie* [Science and education: national economy; entrepreneurship; law and administration]. 2015, no. 7 (62).
21. Lyalina A. M. *Teoriya menedzhmenta: ucheb. dlya vuzov* [Management theory: textbook for universities]. Saint-Petersburg: Piter, 2009, p. 286.
22. Meskon M. Kh., Al'bert M., Khedouri F. *Osnovy menedzhmenta: per. s angl.* [Basic management: translation from English]. Moscow: Delo, 2005, p. 76.

Ильина (Ржевская) Марина Сергеевна
кандидат экономических наук, доцент,
кафедра экономики и менеджмента,
Государственный морской университет
им. адмирала Ф. Ф. Ушакова
(Россия, Краснодарский край,
г. Новороссийск, Пр. Ленина, 93)

Ilyina (Rzhevskaya) Marina Sergeevna
Candidate of economic sciences, associate
professor, sub-department of economics
and management, Admiral F. F. Ushakov
Marine State University
(93 Lenina avenue, Novorossiysk,
Krasnodar region, Russia)

E-mail: m_rzhevskaya@mail.ru

УДК 334.012.3:65.012.614
Ильина (Ржевская), М. С.
Роль управления в процессе трансформации капиталистической формы собственности: от частной к «менеджерской»? / М. С. Ильина (Ржевская) // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2015. – № 4 (36). – С. 197–209.

УДК 338; 316

В. М. Володин, Л. В. Рожкова, В. А. Скворцова

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ИНТЕРЕСЫ И ОБЕСПЕЧЕНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ

Аннотация.

Актуальность и цели. Проблема обеспечения экономической безопасности страны тесно увязана с реализацией концепции национально-государственных интересов. Национальные интересы лежат в основе любой стратегии безопасности. Снижение рисков и угроз национальной безопасности РФ в экономической сфере обеспечивает прогрессивное развитие страны. Особую актуальность эта проблема приобретает в условиях, во-первых, проведения социально-экономических реформ в стране, во-вторых, нестабильности мировой финансовой системы. Цель исследования состоит в изучении взаимосвязи экономической безопасности и экономических интересов.

Материалы и методы. Реализация исследовательских задач была достигнута на основе изучения нормативно-правовых актов РФ: Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 г., Федерального закона «О государственном регулировании внешнеторговой деятельности», вторичного анализа результатов социологического исследования «Национальная безопасность России в оценках экспертов». Методология исследования базируется на системном подходе; использовались монографический, правовой методы.

Результаты. Проведен теоретический анализ понятия «национальный интерес», раскрыто его содержание, представлена классификация национальных экономических интересов, раскрыта система обеспечения экономической безопасности. На основе опроса экспертов установлена приоритетность экономических проблем как главных угроз национальной безопасности.

Выводы. Обеспечение экономической безопасности и защищенность экономических интересов государства, общества, индивидов должно выстраиваться в рамках системного подхода от совершенствования нормативно-правовой базы до надзора за государственными органами, обеспечивающими экономическую безопасность. Целесообразно привлечение институтов гражданского общества к обеспечению экономической безопасности.

Ключевые слова: национальные интересы, экономические интересы, экономические проблемы, экономическая безопасность, угрозы безопасности.

V. M. Volodin, L. V. Rozhkova, V. A. Skvortsova

NATIONAL ECONOMIC INTERESTS AND ECONOMIC PROTECTION OF RUSSIA

Abstract.

Background. The problem of providing economic security of the country is closely connected to implementation of the concept of national and state interests. National interests are the cornerstone of any strategy of safety. A decrease in risks and threats of national security of the Russian Federation in the economic sphere provides progressive development of the country. This problem gains a special relevance, firstly, in conditions of social and economic reforms in the country, secondly, in conditions of instability of the world financial system. The goal of the work is to study an interrelation of economic security and economic interests.

Materials and methods. The research tasks were implemented on the basis of studying the normative legal acts of the Russian Federation: the Strategy of national security of the Russian Federation till 2020, the Federal law "On state regulation of the foreign trade activity", the secondary analysis of results of the sociological research "National Security of Russia in Estimates of Experts". The methodology of the research was based on the system approach; monographic and legal methods were used.

Results. The theoretical analysis of the concept "national interest" was carried out, its contents were revealed, the classification of national economic interests was presented, the system of economic security provision was revealed. On the basis of the expert survey, the authors revealed the priority of economic problems as main threats to national security.

Conclusions. Provision of economic security and security of economic interests of the state, society, individuals, has to be built within the system approach from improvement of the standard and legal base to supervision of the government bodies ensuring economic security. Involvement of institutions of civil society in provision of economic security is expedient.

Key words: national interests, economic interests, economic problems, economic security, threats to security.

Национальные государственные интересы, с одной стороны, составляют основу международной политики, с другой, являются компонентами национальной безопасности государств. Сам термин «национальный интерес» приобрел официальный политический статус в 1935 г. при включении его в Окфордскую энциклопедию социальных наук. Приоритет в разработке этого понятия принадлежит Р. Нибуру, Ч. Бирду. После Второй мировой войны концепция национального интереса развивалась Г. Моргентау в аспекте категорий власти. По Г. Моргентау, национальный интерес имеет три компонента: природа интереса; политическое окружение; рациональная необходимость, которая ограничивает выбор средств и целей для акторов международной политики [1]. В научной литературе различают понятия «общественный интерес» (в рамках реализации внутригосударственной политики) и понятие «национальный интерес» (сфера внешней политики) [2, с. 18–19]; однако эти интересы не исключают друг друга. На общественные интересы оказывает влияние международная обстановка, на национальные – экономическая ситуация, социальная и политическая стабильность и моральный климат в стране [3, с. 288–298]. Важнейшими характеристиками национальных интересов В. В. Трухачев называет системность, осознанность, причинную обусловленность, интегративность, конкретно-историчность [2, с. 19]. В отношении содержания национальных интересов встречаются разные точки зрения. В соответствии с одной, понятия «национальный интерес», «государственный интерес», «интересы гражданского общества» тождественны (М. А. Молчанов, М. В. Ильин и др.) [2]. Согласно другой точке зрения, которую отстаивает В. Б. Пастухов, государство и нация рассматриваются как единый социальный субъект; они не существуют друг без друга [4, с. 92]. Национальные интересы подразделяются по сферам: политические, военные, экономические, культурные и др. В политической науке понятие «национальный интерес» связано с национальной безопасностью, под которой понимается состояние защищенности государства, личности, общества от угроз внутреннего и внешнего характера [5].

Понятие «национальные интересы» юридически закреплено в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 г. Они рассматриваются как осознанные, объективные, официально выраженные потребности, реализация которых способна обеспечить устойчивость и прогрессивное развитие страны [5]. Значительное внимание в Стратегии уделяется экономическому росту России и постановке стратегических целей: вхождение России в пятерку стран-лидеров по объему ВВП, достижение необходимого уровня национальной безопасности в экономической сфере. Подчеркнем, что в Стратегии четко не раскрываются критерии «необходимого уровня». В этом документе представлены основные стратегические риски и угрозы национальной безопасности РФ в экономической сфере (рис. 1).

Национальная безопасность в экономической сфере: экономический рост

Риски и угрозы: сохранение экспортно-сырьевой модели развития национальной экономики, снижение конкурентоспособности и высокая зависимость ее важнейших сфер от внешнеэкономической конъюнктуры, потеря контроля над национальными ресурсами, ухудшение состояния сырьевой базы промышленности и энергетики, неравномерное развитие регионов и прогрессирующая трудонедостаточность, низкая устойчивость и защищенность национальной финансовой системы, сохранение условий для коррупции и криминализации, незаконной миграции

Направления противодействия угрозам: совершенствование структуры производства и экспорта, антимонопольное регулирование и поддержка конкурентной политики; развитие национальной инновационной системы в целях реализации высокоэффективных проектов и приоритетных программ развития высокотехнологичных секторов экономики; укрепление финансовых рынков и повышение ликвидности банковской системы; сокращение неформальной занятости; обеспечение баланса интересов коренного населения и трудовых мигрантов, обоснованное территориальное распределение трудовых мигрантов; усиление интеграции науки, образования и производства; создание условий для развития конкурентоспособной отечественной фармацевтической промышленности; развитие индустрии информационных и телекоммуникационных технологий

Рис. 1. Риски и угрозы национальной безопасности РФ
в экономической сфере и направления их противодействия им

Примечание. Составлено по: Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года (утв. Указом Президента РФ от 12 мая 2009 г. № 537).

В п. 6 Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 г., утвержденной Указом Президента РФ от 12 мая 2009 г. № 537, «национальная безопасность» определяется как состояние защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз, которое позволяет обеспечить конституционные права, свободы, достойные качество и уровень жизни граждан, суверенитет, территориальную целостность и устойчивое развитие Российской Федерации, оборону и безопасность государства [6].

В известном смысле, термины «безопасность» и «национальная безопасность» можно рассматривать как синонимы, если под национальной безопасностью не понимать исключительно безопасность государственную.

В научной литературе выделяется несколько концептуальных подходов к интерпретации проблемы безопасности:

– гипотетическое отсутствие опасности, самой возможности каких-либо потрясений, катаклизмов для социума;

– реальная защищенность от опасностей, способность надежно противостоять им [7, с. 154].

Основную лепту в исследование категории безопасности вносят философы, социологи, политологи, юристы. Как следствие, экономическая наука не располагает до сих пор общепринятым теоретическим понятием безопасности личности, общества и государства [8]. Существующие экономические дефиниции в качестве стержневой основы используют «состояние экономики и институтов власти, при котором обеспечивается гарантированная защита национальных интересов, а также социально-направленное развитие страны в целом, достаточный оборонный потенциал даже при наиболее неблагоприятных условиях развития внутренних и внешних процессов» [9, с. 72].

Некоторые авторы трактуют безопасность как защиту, т.е. акцентируют внимание на аспектах стабилизации и защитной функции. В таком ключе система безопасности рассматривается как совокупность механизмов предупреждения и эффективного реагирования на возникающие угрозы личности, обществу и государству. Другой подход интерпретирует безопасность как состояние социальной системы. В вытекающих отсюда концепциях речь идет не о защите (функциональный, ситуационно-факторный подход), а о защищенности, т.е. о характере социальных отношений (социальный, институциональный подход) [8].

Думается, отмеченные взгляды на понятие безопасности отличаются только в одном – объеме данного понятия. Сторонники безопасности как «состояния защищенности» утверждают, что это определение исходит из этимологии самого понятия. Те, кто считает, что безопасность не сводится только к состоянию, включают в нее так называемую «систему обеспечения» [10, с. 167]. Безопасность в широком смысле есть защищенность системы (элемента, интересов) от факторов (угроз), которые могут уничтожить либо изменить ее сущность. Это способность социальной системы обеспечить высокий уровень жизнедеятельности личности, общества и государства, их надежное существование и устойчивое развитие.

Механизм безопасности включает в себя целый ряд элементов и их целеустремленное взаимодействие. В их числе объекты защиты (их многообразие содержится, по сути, в триаде личности, общества и государства); научные идеи, взгляды, концепции (идеологическая база обеспечения безопасности); система соответствующих норм (правовых, моральных, традиционных); субъекты обеспечения безопасности; деятельность (средства, методы и способы функционирования субъектов с целью достижения приемлемого уровня защищенности); угрозы безопасности конкретных объектов; критерии оценки состояния социальной безопасности и эффективности ее механизма.

Система обеспечения безопасности призвана устанавливать определенную упорядоченность, устойчивость и нормальное функционирование обще-

ственных отношений, гарантировать их максимальную независимость от нежелательного влияния случайных факторов. При этом соответствующие меры защиты избираются адекватно угрозам жизненно важным интересам личности, общества и государства, обеспечивается по возможности упреждающее реагирование на опасность их возникновения [8]. Безопасность служит, таким образом, условием накопления, наращивания и обогащения других ценностей, при ее отсутствии или недостатке «ценностная структура общества истощается и деформируется, сужаясь до простой самозащиты» [11, с. 11].

При таком подходе к безопасности становится очевидным многообразие ее аспектов. Важнейшими из них являются: военный, политический, экономический, экологический, технологический, информационный, медицинский, правовой.

Экономисты определяют безопасность как состояние экономики и институтов власти, когда обеспечивается защита национальных интересов, социально направленное развитие страны, оборонный потенциал [9, с. 72]. Экономическая безопасность также рассматривается как защищенность экономики от воздействия внутренних и внешних факторов. К внешним угрозам можно отнести нарастание импортной зависимости, бегство капитала, утечку мозгов и др.; к внутренним – разрушение научно-технического потенциала страны, усиление имущественного расслоения, криминализацию общества в целом и экономики в частности.

Взаимосвязь экономической безопасности и экономических интересов представлена в определении «экономическая безопасность», данном в Федеральном законе «О государственном регулировании внешнеторговой деятельности» от 08.12.2003. Это такое состояние экономики, которое обеспечивает достаточный уровень политического, оборонного, социального существования и прогрессивного развития страны, независимость и неуязвимость ее экономических интересов в отношении возможных внешних и внутренних угроз и воздействий [12]. Таким образом, теоретический анализ позволяет утверждать, что в рамках обеспечения экономической безопасности страны реализуется защита экономических интересов, национальных интересов в экономической сфере, национальных экономических интересов.

Поскольку экономическая система страны представляет собой единство четырех элементов (уровней): макроэкономического (экономика страны в целом); регионального и отраслевого (экономика регионов, отраслей); микроэкономического (агенты рынка) [13, с. 298–300]; уровня личности (экономические интересы граждан страны), то можно заключить, что экономические интересы также реализуются на этих уровнях. Поэтому для обеспечения экономической безопасности страны необходима защищенность экономических интересов как отдельных граждан страны, так и экономики в целом. На рис. 2 представлена классификация национальных экономических интересов.

Защищенность экономических интересов и обеспечение экономической безопасности осуществляются в рамках осуществления экономической политики, основанной на системе скоординированных мер, адекватных современным внутренним и внешним угрозам.

Рис. 2. Национальные экономические интересы

Система обеспечения экономической безопасности включает в себя: во-первых, нормативно-правовую базу в области экономической безопасности (на государственном уровне это Концепция долгосрочного социально-экономического развития РФ на период до 2020 г.; Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 г.; Государственная стратегия экономической безопасности РФ от 29.04.1996; Военная доктрина РФ от 30.12.2014; Доктрина продовольственной безопасности РФ от 30.01.2010 и др.); органы государственной власти – законодательной, исполнительной, судебной в области обеспечения экономической безопасности (Совет безопасности РФ, Счетная палата РФ, правоохранительные органы, в том числе Департамент экономической безопасности Министерства внутренних дел РФ и др.), а также предприятия, учреждения, организации, объединения граждан; механизмы контроля и надзора за деятельностью органов, обеспечивающих экономическую безопасность. Экономическая безопасность должна осуществляться на основе следующих принципов: законность; комплексность и учет баланса экономических интересов личности, общества, государства; своевременность и адекватность реакций на снижение угроз экономической безопасности; ответственность субъектов по обеспечению экономической безопасности; непрерывность в обеспечении экономической безопасности.

Обратимся к результатам социологических исследований в отношении обеспечения национальной и экономической безопасности в России. В 2010 г. ИС РАН (М. К. Горшков, И. В. Задорина, В. В. Петухов) совместно с группой «Циркон» реализовали исследование «Национальная безопасность России в оценках экспертов». Результаты показали, что проблема безопасности традиционно входит в пятерку тем, которые в наибольшей степени волнуют россиян. С точки зрения экспертов, обеспечение национальной безопасности в России вызывает высокий уровень тревоги. На рис. 3 показана оценка экспертов уровня национальной безопасности по отдельным видам.

Наиболее острыми угрозами национальной безопасности России эксперты считают (в порядке убывания): коррупцию (6,1 балла из семи возможных), высокую изношенность основных фондов в промышленности (5,9 балла), отставание страны от стран-лидеров в сфере модернизации экономики и внедрения инноваций (5,8 балла), сокращение численности населения (5,6 балла), сохранение экспортно-сырьевой модели развития экономики

(5,6 балла). Таким образом, пятерку главных угроз национальной безопасности в основном составляют экономические проблемы [14, с. 16]. По результатам опроса экспертов был сделан важный вывод относительно приоритетности внутренних угроз национальной безопасности над внешними. Эксперты также оценили эффективность работы российских государственных структур по обеспечению национальной безопасности. Наиболее высоко эксперты оценили роль Президента РФ и разведывательных структур [14, с. 43]. При этом более трети экспертов (37 %) прогнозировали ухудшение обеспечения национальной безопасности России в ближайшие пять лет [14, с. 48].

Рис. 3. Оценка национальной безопасности по отдельным компонентам [14, с. 16]

Примечание. По шкале от –3 (низкий уровень) до +3 (высокий уровень).

В заключение отметим, что уровень экономической безопасности в России сегодня далек от совершенства. Этому в основном способствуют факторы внутреннего порядка, в том числе неразрешенность многих экономических проблем. Обеспечение экономической безопасности и защищенность экономических интересов государства, общества, индивидов должно выстраиваться в рамках системного подхода от совершенствования нормативно-правовой базы до надзора за государственными органами, обеспечивающими экономическую безопасность. Важное значение в процессе обеспечения национальной и экономической безопасности должно также отводиться институтам гражданского общества.

Список литературы

1. **Гаджиев, К. С.** Введение в геополитику / К. С. Гаджиев. – М. : Логос, 1998. – 415 с.

2. **Трухачев, В. В.** Национальные интересы: сущность, структура, политические механизмы формирования / В. В. Трухачев // Международные отношения. – 2010. – № 2. – С. 17–28.
3. **Цыганков, П. А.** Теория международных отношений / П. А. Цыганков. – М., 2002. – 400 с.
4. **Пастухов, В. Б.** Национальный и государственный интересы России: игра слов или игра в слова? / В. Б. Пастухов // Полис. – 2000. – № 1. – С. 92–95.
5. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года : [утв. Указом Президента РФ от 12 мая 2009 г. № 537].
6. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года : Указ Президента РФ от 12.05.2009 г. № 537 // Собрание законодательства РФ. – 2009. – № 20. – Ст. 2444.
7. **Потрубач, Н. Н.** Социально-экономическая безопасность социума / Н. Н. Потрубач, А. Н. Борисевич // Социально-гуманитарные знания. – 2001. – № 3. – С. 153–167.
8. **Скворцова, В. А.** Теоретико-методологические основы исследования экономической составляющей в системе национальной безопасности / В. А. Скворцова, А. С. Фомина // Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В. Г. Белинского. – 2012. – № 28. – С. 562–565.
9. **Сенчагов, В. К.** Экономическая безопасность России / В. К. Сенчагов. – М. : Дело, 2005. – 895 с.
10. **Богомолов, В. А.** Экономическая безопасность / В. А. Богомолов. – М. : Юнити-Дана, 2009. – 295 с.
11. **Демидов, А. И.** О региональном аспекте проблемы безопасности / А. И. Демидов // Политическая правовая жизнь / под ред. А. В. Малько, А. Ю. Саломатина. – Пенза : ИИЦ ПГУ, 2001. – С. 19–25.
12. О государственном регулировании внешнеторговой деятельности : Федеральный закон РФ от 08.12.2003 № 164-ФЗ (ред. от 13.07.2015) // Собрание законодательства РФ. – 2003. – 15 декабря. – № 50. – Ст. 4850.
13. **Скворцова, В. А.** Микроэкономика : учеб. пособие / В. А. Скворцова, И. Е. Медушевская, А. О. Скворцов ; под ред. д-ра экон. наук, проф. В. А. Скворцовой. – 2-е изд., испр. и доп. – Пенза : Изд-во ПГУ, 2014. – 310 с.
14. Национальная безопасность России в оценках экспертов. Аналитический отчет ИС РАН. – М., 2010. – 56 с. – URL: http://www.vestnik.isras.ru/files/File/Gorshkov_analit.otchot.pdf

References

1. Gadzhiev K. S. *Vvedenie v geopolitiku* [Introduction into geopolitics]. Moscow: Logos, 1998, 415 p.
2. Trukhachev V. V. *Mezhdunarodnye otnosheniya* [International relations]. 2010, no. 2, pp. 17–28.
3. Tsygankov P. A. *Teoriya mezhdunarodnykh otnosheniy* [Theory of international relations]. Moscow, 2002, 400 p.
4. Pastukhov V. B. *Polis* [Polis]. 2000, no. 1, pp. 92–95.
5. *Strategiya natsional'noy bezopasnosti Rossiyskoy Federatsii do 2020 goda: [utv. Ukazom Prezidenta RF ot 12 maya 2009 g. № 537]* [The strategy of national security of Russia up to 2020: approved by the decree of the RF Presidents on 12th May 2009 № 537].
6. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collected laws of the Russian Federation]. 2009, no. 20, art. 2444.
7. Potrubach N. N., Borisevich A. N. *Sotsial'no-gumanitarnye znaniya* [Social and humanitarian knowledge]. 2001, no. 3, pp. 153–167.

8. Skvortsova V. A., Fomina A. S. *Izvestiya Penzenskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. V. G. Belinskogo* [Proceedings of Penza State Pedagogical University named after V. G. Belinsky]. 2012, no. 28, pp. 562–565.
9. Senchagov V. K. *Ekonomicheskaya bezopasnost' Rossii* [Economic safety of Russia]. Moscow: Delo, 2005, 895 p.
10. Bogomolov V. A. *Ekonomicheskaya bezopasnost'* [Economic security]. Moscow: Yuniti-Dana, 2009, 295 p.
11. Demidov A. I. *Politicheskaya pravovaya zhizn'* [Political legal life]. Penza: IITs PGU, 2001, pp. 19–25.
12. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collected laws of the Russian Federation]. 2003, 15 Dec., no. 50, art. 4850.
13. Skvortsova V. A., Medushevskaya I. E., Skvortsov A. O. *Mikroekonomika: ucheb. posobie* [Microeconomics: tutorial]. 2nd ed. Penza: Izd-vo PGU, 2014, 310 p.
14. *Natsional'naya bezopasnost' Rossii v otsenkakh ekspertov. Analiticheskiy otchet IS RAN* [National security of Russia in expert estimates. An analytical report of IS RAS] Moscow, 2010, 56 p. Available at: http://www.vestnik.isras.ru/files/File/Gorshkov_analit.otchot.pdf

Володин Виктор Михайлович
доктор экономических наук, профессор,
декан факультета экономики
и управления, Пензенский
государственный университет
(Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40)

Volodin Viktor Mikhaylovich
Doctor of economic sciences, professor,
dean of the faculty of economics
and administration, Penza State University
(40 Krasnaya street, Penza, Russia)

E-mail: ieu@pnzgu.ru

Рожкова Лилия Валерьевна
доктор социологических наук, профессор,
кафедра экономической теории
и международных отношений,
Пензенский государственный
университет
(Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40)

Rozhkova Liliya Valer'evna
Doctor of sociological sciences, professor,
sub-department of economics
and international relations, Penza
State University
(40 Krasnaya street, Penza, Russia)

E-mail: mamaeva_lv@mail.ru

Скворцова Валентина Алексеевна
доктор экономических наук, профессор,
кафедра экономической теории, истории
и политики, Пензенский государственный
университет
(Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40)

Skvortsova Valentina Alekseevna
Doctor of economic sciences, professor,
sub-department of economics, history and
politics, Penza State University
(40 Krasnaya street, Penza, Russia)

E-mail: va_skvortsova@mail.ru

УДК 338; 316

Володин, В. М.

Национальные экономические интересы и обеспечение экономической безопасности России / В. М. Володин, Л. В. Рожкова, В. А. Скворцова // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2015. – № 4 (36). – С. 210–218.

УДК 637.5

В. М. Володин, И. А. Сергеева, В. Д. Дорофеев

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ

Аннотация.

Актуальность и цели. Обострение проблемы обеспечения экономической безопасности государства усиливается в условиях глобализации экономики и ужесточающихся экономических санкций, предъявленных России со стороны ряда промышленно развитых стран, требующих от нашего государства взвешенной и адекватной реакции. Это влечет за собой изменения в экономической политике государства, в которой на современном этапе отсутствуют научно обоснованная промышленная политика, направленная на активизацию процессов создания условий для перевода экономики России на инновационный путь развития. В сложившихся условиях Россия не в состоянии будет противостоять оказываемому давлению и предотвращать угрозы экономической безопасности государства без изменения макроэкономического курса и без развития отечественной промышленности. Цель работы – обосновать необходимость совершенствования государственной экономической политики с целью снижения негативного влияния внешних и внутренних угроз и обеспечения экономической безопасности страны.

Материалы и методы. Реализация исследовательских задач была достигнута на основе использования официальных материалов Министерства финансов РФ и Центрального банка РФ, а также изучения трудов отечественных ученых по данной проблеме и материалов круглого стола, проводившегося 22 октября 2014 г. в Госдуме РФ. Методологический потенциал включает монографический метод, применение которого позволяет исследовать ранее предложенные учеными подходы к развитию промышленных предприятий, а также методический подход и индикаторы оценки экономической безопасности государства, имеющуюся для этого законодательную базу и ее недостатки; статистический метод, использованный для анализа данных, связанных с выявлением вызовов и угроз экономической безопасности, а также состояния и тенденций проблем развития отечественной экономики.

Результаты. Выявлены вызовы и угрозы экономической безопасности, предупреждение и устранение которых является острой необходимостью развития государства и реализации национальных интересов. Выявлены основные угрозы экономической безопасности России, проведен анализ статистических данных, подтверждающих их наличие и негативное влияние на экономику страны. Рассмотрены основные направления государственной политики. Обоснован комплекс мер, направленных на изменение государственной политики и обеспечение экономической безопасности страны.

Выводы. Исследование основных угроз экономической безопасности государства и проблем функционирования экономики в целом обусловливает острую необходимость выработки адекватной и эффективной государственной политики, способствующей системному решению широкого круга задач по нейтрализации реально существующих и предотвращению возникновения новых угроз, а также минимизации их негативных последствий в перспективе.

Ключевые слова: государственная политика, экономическая безопасность, угрозы безопасности, меры нейтрализации угроз.

V. M. Volodin, I. A. Sergeeva, V. D. Dorofeev

PUBLIC POLICY OF ENSURING ECONOMIC SECURITY OF RUSSIA

Abstract.

Background. The growing problem of economic security of the state is amplified in the globalized economy and tightening economic sanctions against Russia by a number of industrialized countries demanding from our government a balanced and adequate response. This entails changes in the economic policy of the state, in which at the present stage there is no science-based industrial policy aimed at enhancing the processes of creating conditions for a transfer of the Russian economy to innovative way of development. In the current conditions Russia would not be able to withstand the exerted pressure and prevent threats to economic security of the state without changing the macroeconomic course and without the developing the domestic industry. The purpose of the article is to justify the need for improvement of the state economic policy with the aim of reducing the negative impact of external and internal threats and ensuring economic security of the country.

Materials and methods. The research tasks was achieved through the use of official materials of the Ministry of Finance and the Central Bank of the Russian Federation, as well as through the study of works by domestic scientists on this problem and materials of the roundtable held on 22nd October 2014 in the State Duma of the Russian Federation. The methodological potential included the monographic method, the use of which allows to explore approaches to development of industrial enterprises, previously suggested by scholars, as well as a methodological approach and indicators for assessing the economic security of the state, the legal framework and its deficiencies; the statistical method used to analyze the data associated with identification of challenges and threats to economic security, and the status and trends of development of the Russian economy.

Results. The authors identified challenges and threats to economic security, prevention and elimination of which is sorely needed for development of the state and fro realization of national interests. The researchers identified the main threats to economic security of Russia, analyzed the statistical data confirming their presence and negative impact on the economy, and considered the main directions of the state policy. The work substantiates a complex of measures aimed at changing the state policy and economic security of the country.

Conclusions. The study of the main threats to economic security of the state and problems of functioning of the whole economy causes an acute need to develop adequate and effective public policies that will contribute to addressing a wide range of tasks on neutralization of the existing threats and on prevention of new threats, and will minimize their negative consequences in the future.

Key words: public policy, economic security, security threats, measures to neutralize the threat.

Обострение проблемы обеспечения экономической безопасности государства усиливается в условиях ужесточающихся экономических санкций, предъявленных России со стороны ряда промышленно развитых стран, требующих от нашего государства взвешенной и адекватной реакции. Это, несомненно, влечет за собой изменения в экономической политике государства, так как экономическую безопасность можно рассматривать как целевую функцию политики, отражающую необходимость защиты национальных ин-

тересов, развития отечественной экономики, поддержки социально-политической стабильности в обществе.

В условиях высокой внешней зависимости российской экономики ужесточение экономических санкций создает серьезные угрозы для ее экономической безопасности. Наиболее острые угрозы касаются рисков замораживания валютных активов, отключения российских банков от международных платежных и информационных систем, запретов на поставки высокотехнологической продукции.

Национальные интересы России требуют решительных действий по созданию надежной и эффективной системы организационно-правовых и экономических механизмов их защиты, а также комплекса превентивных и реактивных мер устранения и предупреждения угроз экономической безопасности государства.

В «Основных направлениях деятельности Правительства Российской Федерации на период до 2018 года» определены приоритеты политики Правительства Российской Федерации в области социального и экономического развития страны, а также ряд внутренних условий, которые окажут на него существенное влияние[1]. В качестве основных выделены: необходимость более сбалансированного роста заработной платы и производительности труда; необходимость сокращения дефицита федерального бюджета и проведения политики бюджетной консолидации и др. Однако в сложившейся экономической ситуации назрела острая необходимость пересмотра государственной политики в вопросах обеспечения экономической безопасности страны и разработки комплекса мер, способных нейтрализовать реально существующие угрозы, предотвратить возникновение новых, а также минимизировать их негативные последствия в перспективе.

Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года, утвержденная распоряжением Правительства Российской Федерации от 17 ноября 2008 г. № 1662-р, устанавливает, что важнейшим сектором реализации знаний, занятости населения и производства доходов в предстоящие 10–15 лет будут базовые отрасли промышленности, транспорта, строительства и аграрного сектора[2]. Именно в этих секторах Россия обладает значительными конкурентными преимуществами. Однако именно здесь накопились основные барьеры роста и провалы в эффективности.

Уровень экономической безопасности страны обеспечивается состоянием самой экономики, в частности высокой производительностью труда, высококачественной продукцией, профессионализмом административного персонала, инженеров и рабочих. От этого зависит ее конкурентоспособность на внешних рынках и способность удовлетворять материальные потребности населения внутри страны.

В рамках круглого стола «Проблемные точки возможной дестабилизации социально-экономической ситуации в России. Пути нейтрализации уг-

[1] Основные направления деятельности Правительства Российской Федерации на период до 2018 года (утв. Председателем Правительства РФ 31 января 2013 г.). – URL: http://base.garant.ru

[2] ИА «ГАРАНТ». – URL: http://www.garant.ru/news

роз», состоявшегося в Государственной Думе РФ 22 октября 2014 г., обсуждались основные вызовы и угрозы экономической безопасности, в числе которых была выделена чрезмерная нагрузка на домохозяйства при значительном снижении их доходов. Возрастание нагрузки на население обусловлено увеличением тарифов и доли платных услуг, закредитованностью населения, ведущей к росту неплатежей и проблем, связанных с невыплатой кредитов вплоть до отъема недвижимости. Кроме того, с 2015 г. в связи с введением налога на недвижимость, значительно возрастет налоговая нагрузка. Все это ведет к обнищанию населения и возрастанию социально-экономической напряженности в обществе.

Кроме того, в связи с неблагоприятными экономическими условиями наблюдается тенденция сворачивания деятельности малого бизнеса, являющегося источником создания рабочих мест около 20 млн граждан. Все это сказывается не только на социальной напряженности в обществе, но и значительно снижает потребительский спрос населения.

В современных условиях неопределенности по-прежнему актуальны угрозы экономической безопасности Российской Федерации, которые были указаны в свое время в двух основных концептуальных документах: в Государственной стратегии экономической безопасности Российской Федерации (Основные положения), одобренной Указом Президента РФ от 29.04.1996 г. № 608 и в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года, утвержденной Указом Президента РФ от 12.05.2009 № 537.

В Государственной стратегии обеспечения экономической безопасности выделены следующие группы угроз[1]:

– увеличение имущественной дифференциации населения и повышение уровня бедности. По данным Федеральной службы государственной статистики, численность населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума в 2014 г. составила 11,2 %, что в 1,04 раза больше, чем в 2013 г. Уровень безработицы составил в 2013 г. 5,5 %, в 2014 г. – 5,2 %[2];

– деформированность структуры российской экономики. Она может быть обусловлена такими факторами, как: усиление топливно-сырьевой направленности экономики; отставание разведки запасов полезных ископаемых от их добычи; низкая конкурентоспособность продукции большинства отечественных предприятий; свертывание производства в отраслях обрабатывающей промышленности, прежде всего в машиностроении; разрушение технологического единства научных исследований и разработок, подрыв научно-технического потенциала России; завоевание иностранными фирмами внутреннего рынка России по многим видам товаров народного потребления; приобретение иностранными фирмами российских предприятий в целях вытеснения отечественной продукции как с внешнего, так и с внутреннего рынка, рост внешнего долга России;

– возрастание неравномерности социально-экономического развития регионов;

[1] «О Государственной стратегии экономической безопасности Российской Федерации» (Основные положения) : Указ Президента Российской Федерации от 29.04.1996 г. № 608.

[2] Федеральная служба государственной статистики. – URL: http://www.gks.ru

– криминализация общества и хозяйственной деятельности. В сфере экономики в 2014 г. зарегистрировано 75,7 тыс. преступлений, из них 21,8 тыс. совершены в крупном и особо крупном размере[1].

В настоящее время одной из острых проблем в социально-экономической сфере является проблема экономических правонарушений. Важность проблемы обусловлена усилением борьбы с коррупцией, являющейся серьезным препятствием в развитии страны, и поиском эффективных механизмов функционирования экономики без использования нелегальных способов.

Национальной проблемой в России стала проблема теневой экономики. Ежегодно Росстат сообщает официальные данные о численности населения, занятых в неофициальном секторе экономики РФ. По последней оценке Росстата, на конец второго квартала 2015 г. в неформальном секторе экономики было занято 15,4 млн человек, или 21,3 % к общей численности занятого населения. Иными словами, каждый пятый работающий россиянин занят в неформальном секторе. В отношении структуры неформальной занятости наибольшее число занято в сегменте торговли и ремонта (34,3 % всех неформальных работников)[2].

Специфика и уникальность отечественной теневой экономики связана с такими чертами, как перелив капитала за рубеж, уход от налогов, двойная бухгалтерия, скрытая безработица, челночная и бартерная торговля, коррупция. В 2014 г. отток капитала из России составил 154,1 млрд долл. Согласно данным Центробанка, оборот теневой обналички за 2013–2015 гг. составил около 3,7 трлн рублей. За первое полугодие 2015 г. Центробанк оценил рынок теневого обналичивания средств через схемы с платежными агентами в 390 млрд рублей, а через банки – примерно в 200 млрд рублей[3] [1].

По оценке Минфина, в 2015 г. отток капитала из России составил 70–80 млрд долл.[4].

Самый распространенный способ незаконного вывоза капитала – создание дочерних компаний в офшорных зонах с использованием корпоративных банков. В опубликованных Минфином «Основных направлениях налоговой политики на 2014–2016 гг.» предложено подписать со всеми офшорными юрисдикциями двусторонние соглашения об обмене информацией с целью достижения прозрачности деятельности бизнеса[5].

Кроме того, можно выделить такие внутренние угрозы экономической безопасности государства, как: коррумпированность бюрократии, зависимость от импорта потребительских товаров; слабость механизмов предотвращения утечек денежно-валютных ресурсов за рубеж; низкая конкурентоспособность продукции; несовершенство нормативно-правовой базы; ухудшение состояния научно-технического потенциала.

Для своевременного предотвращения угроз национальным интересам России в сфере экономики целесообразно осуществлять постоянный мониторинг индикаторов экономической безопасности. В условиях глобализации

[1] Федеральная служба государственной статистики. – URL: http://www.gks.ru
[2] Там же.
[3] Центральный банк Российской Федерации (Банк России). – URL: www.cbr.ru
[4] Министерство финансов РФ. – URL: www.minfin.ru
[5] Там же.

мировой экономики важнейшими для России являются следующие показатели экономической безопасности [1]:

– качество жизни населения, в состав которого могут быть включены такие показатели, как производство реального ВВП на душу населения, средняя и минимальная заработная плата, личный располагаемый доход и др. По данным Федеральной службы государственной статистики, денежный доход на душу населения в 2014 г. составил 27 714 рублей, что на 6,9 % больше, чем в 2013 г. Среднемесячная начисленная заработная плата одного рабочего на 2014 г. составила в среднем 32 600 рублей. Реальные располагаемые денежные доходы в 2014 г. по сравнению с 2013 г. снизились на 1,0 %[1];

– конкурентоспособность национальной экономики, степень ее встроенности в мировую экономику и способность к получению выгод от участия в международном разделении труда. По данным Федеральной таможенной службы Российской Федерации, оборот внешней торговли России за первый квартал 2014 г. составил 189 322 млн долл. США. Основными торговыми партнерами РФ выступили страны Европейского Союза (ЕС), которые обеспечили 49,7 % торгового оборота, вторыми по значимости торговыми партнерами выступили страны Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества, которые обеспечили России 25,6 % ее торгового оборота. Несмотря на санкции со стороны Соединенных Штатов Америки, торговый оборот с данной страной вырос на 13,5 %, при этом рост экспорта составил 26,6 %, а импорта 6,2 %. Основными экспортными товарами России являются энергоресурсы (нефть, газ, уголь и т.д.), которые занимают 72 % в структуре ее экспорта. Основными товарами, импортируемыми в Россию, являются автомобили, машинное оборудование и транспортные средства, которые в структуре импорта занимают 47 %[2];

– темпы инновационного развития. Расходы федерального бюджета на НИОКР на протяжении последних пяти лет составляют примерно 5 % общих расходов федерального бюджета с тенденцией к росту до 4,96 % в 2014 г. [4];

– темпы экономического роста. В 2014 г. рост российской экономики замедлился. Темп прироста ВВП снизился с 3,4 % в 2012 г. до 1,3 % в 2013 г. и до 0,6 % в 2014 г. Инвестиционная активность снизилась. Ухудшение внешнеэкономической конъюнктуры и слабый внешний спрос оказывали сдерживающее влияние на развитие российской экономики[3];

– состояние валютно-финансовой системы страны, при оценке которой следует прежде всего обращать внимание на показатели, характеризующие степень устойчивости национальной денежной единицы, степень конвертируемости национальной валюты, уровень инфляции, курсовое соотношение национальной валюты и валют ведущих стран, соотношение между темпами инфляции и динамикой валютного курса и т.д.

Центральный Банк Российской Федерации установил обновленные курсы валют на 26.09.2015. Курс американского доллара составляет уже 65 рублей 67 копеек, а курс евровалюты установился на отметке 73 рубля 14 копеек. Уровень инфляции на август 2015 г. составил 15,8 %[4];

[1] Федеральная служба государственной статистики. – URL: http://www.gks.ru
[2] Там же.
[3] Там же.
[4] Центральный банк Российской Федерации (Банк России). – URL: www.cbr.ru

– уровень безработицы. По данным Росстата, уровень безработицы (отношение численности безработных к численности экономически активного населения) в январе 2015 г. составил 5,5 %[1];

– дефицит бюджета, его динамика. Дефицит бюджета РФ в 2014 г. составил 845,6 млрд рублей. Дефицит федерального бюджета России за первые четыре месяца 2015 г. составил 995,8 млрд рублей (4,4 % ВВП);

– внешний и внутренний государственный долг. По данным Министерства финансов РФ, государственный внешний долг в декабре 2014 г. составлял 53,97 млрд долл. За первый квартал 2015 г. внешний долг составил в среднем 54,31 млрд долл., что на 0,63 % выше. Государственный внутренний долг РФ в первом квартале 2015 г. по сравнению с первым кварталом 2014 г. возрос на 22,9 % и составил в среднем 5464,64 млрд рублей[2] и др.

Изменения в экономической сфере России в первую очередь произошли из-за с санкций в связи с украинскими событиями 2014 г. Санкции имеют негативные последствия для российской экономики в целом и, как следствие, представляют реальную угрозу экономической безопасности государства.

Экономика России от введенных санкций сильно пострадала. Наиболее сильное влияние санкций ощущает банковский сектор, лишившийся доступа к западным кредитам. По итогам 2014 г. прибыль российских финансовых учреждений снизилась на 40 %, а в январе-феврале 2015 г. тридцать крупнейших банков России получили общий убыток в объеме 22,7 млрд рублей. Возник дефицит ликвидности [2]. Кроме того, число банков в Российской Федерации за прошедшие годы непрерывно снижается.

По данным Центрального Банка РФ, в 2014 г. общая доналоговая выручка банковского сектора России по сравнению с 2013 г. снизилась на 40,7 %[3].

В последнее время санкции стали ощущаться и в реальном секторе экономики, в связи с тем что особенно малым и средним предприятиям все труднее получить банковский кредит. Последствием введения санкций, наложенных на нефтяную отрасль, стало резкое снижение уровня цен на нефть. На начало 2015 г. цены снизились до отметки 50 долл./ барр., побивая при этом свой исторический минимум [3].

Учитывая складывающееся положение в экономике, угрозы безопасности могут возрасти, если своевременно не будут приняты соответствующие меры.

В сложившейся ситуации необходимо предпринять комплекс мер по укреплению экономической безопасности, направленных на устойчивое экономическое развитие и изменение экономической политики государства:

– осуществлять финансовые потоки государства в отечественной валюте либо в валюте стран БРИКС;

– заместить валютные активы, размещенные в обязательствах других стран, участвующих в санкциях против России, инвестициями в золото;

– запретить передачу иностранным собственникам стратегических и социально значимых предприятий;

[1] Федеральная служба государственной статистики. – URL: http://www.gks.ru

[2] Министерство финансов РФ. – URL: www.minfin.ru

[3] Центральный банк Российской Федерации (Банк России). – URL: www.cbr.ru

– провести перевооружение промышленности с ориентацией на инновационное развитие;

– разработать крупномасштабные программы импортозамещения, сбалансированные по материальным, финансовым и трудовым ресурсам для преодоления зависимости от импорта иностранной техники;

– обеспечить работу российских платежных инструментов;

– осуществить деофшоризацию экономики, направленную на прекращение систематического оттока капитала;

– ориентировать собственную финансовую систему на внутренние источники кредитования;

– обеспечить льготное финансирование реального сектора экономики, сокращение налогов на производственную деятельность и заработную плату;

– создать реальные условия для активизации предпринимательской деятельности.

Решение проблемы обеспечения экономической безопасности должно быть направлено на усиление восприимчивости сфер экономики к инновационному развитию, позволяющему наиболее полно использовать позитивное воздействие внешних и внутренних факторов для повышения эффективности и конкурентоспособности отечественной продукции.

Список литературы

1. **Дудин, М. Н.** Экономическая безопасность России: угроза национальным интересам и их отражение / М. Н. Дудин, Н. В. Лясников, В. Н. Сидоренко // МИР (Модернизация, инновации, развитие). – 2014. – № 20. – С. 98–106.
2. **Стефанова, Н. А.** Влияние экономических санкций на банковский сектор России / Н. А. Стефанова // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2015. – № 4–1. – С. 258–261.
3. **Джео, М. Ф.** Влияние санкций на экономическое развитие России / М. Ф. Джео, З. С. Дотдуева // Современные тенденции развития науки и технологий. – 2015. – № 2–7. – С. 36–40.

References

1. Dudin M. N., Lyasnikov N. V., Sidorenko V. N. *MIR (Modernizatsiya, innovatsii, razvitie)* [Modernization, innovations, development]. 2014, no. 20, pp. 98–106.
2. Stefanova N. A. *Aktual'nye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk* [Urgent problems of humanities and natural sciences]. 2015, no. 4–1, pp. 258–261.
3. Dzheo M. F., Dotdueva Z. S. *Sovremennye tendentsii razvitiya nauki i tekhnologiy* [Modern trends of scientific and technological development]. 2015, no. 2–7, pp. 36–40.

Володин Виктор Михайлович
доктор экономических наук, профессор,
декан факультета экономики
и управления, Пензенский
государственный университет
(Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40)

Volodin Viktor Mikhaylovich
Doctor of economic sciences, professor,
dean of the faculty of economics
and administration, Penza State University
(40 Krasnaya street, Penza, Russia)

E-mail: ieu@pnzgu.ru

Сергеева Ирина Анатольевна
доктор экономических наук, профессор, кафедра менеджмента и экономической безопасности, Пензенский государственный университет
(Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40)

E-mail: iransergeeva@yandex.ru

Sergeeva Irina Anatol'evna
Doctor of economic sciences, professor, sub-department of management and economic safety, Penza State University
(40 Krasnaya street, Penza, Russia)

Дорофеев Владимир Дмитриевич
доктор технических наук, профессор, заведующий кафедрой менеджмента и экономической безопасности, Пензенский государственный университет
(Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40)

E-mail: management@pnzgu.ru

Dorofeev Vladimir Dmitrievich
Doctor of engineering sciences, professor, head of sub-department of management and economic safety, Penza State University
(40 Krasnaya street, Penza, Russia)

УДК 637.5

Володин, В. М.

Государственная политика обеспечения экономической безопасности России / В. М. Володин, И. А. Сергеева, В. Д. Дорофеев // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2015. – № 4 (36). – С. 219–227.

УДК 339.13

Е. А. Неретина, Т. Г. Соловьев

ДИНАМИЧЕСКИЕ СПОСОБНОСТИ ВЫСШЕГО УЧЕБНОГО ЗАВЕДЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ ОРГАНИЗАЦИОННОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Аннотация.

Актуальность и цели. Быстрота и глубина изменений, происходящих во внешней среде, диктует необходимость поиска и наращивания высшими учебными заведениями динамических способностей. Их наличие у вуза позволяет объединять, создавать, реконфигурировать его внешние и внутренние компетенции. Актуальным является необходимость понимания требований высокоизменчивой среды, которая побудит вузы к поиску новых идей, построению систем и структур управления, адекватных требованиям потребителей и деловых партнеров. Цель работы – проанализировать механизмы реализации и содержание концепции динамических способностей.

Материалы и методы. Реализация исследовательских задач была достигнута на основе анализа основных подходов, раскрывающих природу организационной идентичности вуза с учетом его поведения на рынках труда и образовательных услуг. Методологический потенциал включает метод системного анализа, который позволяет структурировать и формализовать современные модели развития вуза на основе идентификации и развития динамических способностей.

Результаты. Исследованы подходы к организации эффективного внутривузовского сетевого взаимодействия, проанализированы необходимые условия и требования к его организации от всех участников сети, определена роль и необходимость формирования динамических способностей высшего учебного заведения для наращивания и реализации лидерского потенциала вуза.

Выводы. В России назрела необходимость формирования новой модели сетевого взаимодействия вузов, субъектов бизнеса и органов государственной власти. Она должна осуществляться на основе идентификации и развития динамических способностей вуза. Сетевое взаимодействие должно стать основной для динамичного и прогрессивного развития вузов.

Ключевые слова: высшее учебное заведение, динамические способности, сетевое взаимодействие вузов, конкурентное преимущество.

E. A. Neretina, T. G. Solovyev

DYNAMIC CAPABILITIES OF HIGHER EDUCATION INSTITUTIONS IN THE CONTEXT OF ORGANIZATIONAL IDENTITY

Abstract.

Background. The speed and depth of changes occurring in the environment dictates the need to find and accumulate dynamic capabilities by institutions of higher education. Possession pf such capabilities by universities allows to combine, create, reconfigure theirs internal and external competences. It is urgent is to understand the requirements of a highly volatile environment, which will encourage universities to explore new ideas, build systems and structures of management, adequate to the demands of consumers and business partners. The purpose of the work is to analyze the mechanisms of implementation and content of the concept of dynamic capabilities.

Materials and methods. The research objectives were implemented on the basis of the analysis of main approaches that reveal the nature of the institutional identity of universities taking into account their behavior in the labor and educational services market. The methodological capacity included the system analysis method, which allows to structure and formalize the current models of development of the university-based identification and development of dynamic capabilities.

Results. The authors studied the approaches to effective networking within a university, analyzed the necessary conditions and requirements for its organization from all members of the network, as well as determined the role and the need to create dynamic capabilities of higher education institutions to build up and implement the leadership potential of high school.

Conclusions. In Russia, there is a need to form a new model of network interaction of universities, business entities and government bodies. It should be based on identification and development of dynamic capabilities of universities. Networking should be the basis for dynamic and progressive development of universities.

Key words: university, dynamic capabilities, networking of universities, competitive advantage.

В мировом образовательном пространстве ведущие позиции сегодня занимают те страны, которые рассматривают высшее образование как отрасль рыночной экономики, а вузы – как участников международной конкуренции в этой отрасли. Российская высшая школа, относительно недавно вступившая на путь рыночных преобразований, находится в стадии институционального обновления. Перед ней стоит очень важный вопрос: изменяют ли отечественные вузы свою идентичность или они только модернизируют свой имидж, не затрагивая сущностных характеристик и направлений деятельности? В связи с этим проблема организационной идентичности приобретает особую значимость для исследования процессов институционального обновления.

В научной литературе представлены два методологических подхода, раскрывающих природу организационной идентичности. Первый подход разработали теоретики, занимающиеся исследованиями проблем организационной культуры, второй – неоинституционалисты. Институционалисты акцентировали свое внимание на изучении организаций с точки зрения копирования ими опыта друг друга и констатирования, что это впоследствии приводит к большему изоморфизму и гомогенности. Ученые, занимающиеся проблемами организационной культуры, напротив, рассматривают различные культурные практики и через них пытаются найти истоки уникальности организации. Следовательно, неоинституционалисты характеризуют организацию и деятельность как социальный институт, формируемый вне организации, к которому она вынуждена приспосабливаться. Она должна соответствовать сложившимся во внешней среде представлениям о данном типе организации, т.е. определенной смысловой сущности. Применительно к вузам это означает формирование представления о них посредством использования символов, языка, эмоций. Таким образом, вместо понятия, зародившегося глубоко внутри организации, идентичность, локализованная в формальной структуре, становится, по мнению Доббина и Педерсена, «похожей на хамелеона, имитируя образы, господствующие на постсовременном рынке» [1, с. 168]. Допустим, это образы инновационного, предпринимательского, проектноориентированного вуза (университета).

В то же время теоретики, делающие акцент на организационную культуру, рассматривают организационную идентичность как феномен, возникающий внутри самой организации. Он может быть охарактеризован как коллективная ментальность или идентичное понимание членами организации ее специфических черт (характеристик), которые являются ключевыми, относительно неизменными и отличают эту организацию от других.

Фактически формирование идентичности через уникальность и легитимизация через единообразие – две стороны одной медали. В реальной действительности процессы, связанные с внутренней идентичностью организации, как правило, пересекаются с периферийной деятельностью, которая связана с позиционированием организации, например с формированием собственного имиджа в ответ на запросы внешней среды. Такое размежевание внутренней и внешней идентичности организации приводит к необходимости выстраивать организационную структуру посредством слабых связей.

Слабосвязанные организации обладают рядом преимуществ в изменяющейся сложной среде. Более автономные структурные подразделения или группы могут быть более чувствительными к тем или иным изменениям факторов внешней среды и готовыми самостоятельно к ним адаптироваться. При этом такого рода проблемы могут не затрагивать систему в целом.

Вузы можно идентифицировать как слабосвязанные организации. Слабая связь позволяет им урегулировать противоречия и конфликты, возникающие на стыке академической и рыночной составляющих в их деятельности. Например, оценка качества образовательного процесса и его результатов в рамках самого вуза сопряжена со значительными трудностями, однако рынок труда нуждается в такой информации. В связи с этим возникает потребность в создании имиджа вуза, символизирующего качество, престижность и другие характеристики. Все это свидетельствует о необходимости определения каждым вузом своей организационной идентичности. Однако при всей важности выявления организационной идентичности вуза как его смысловой сущности еще более значимой проблемой в современных условиях является то, как он действует. Действия вуза, образцы поведения на рынке, социально-экономическая ценность его продуктов и услуг (образовательных, научно-исследовательских, экспертных, консультационных и др.) зависят от исторической траектории развития, накопленного потенциала и динамических способностей.

Сегодня вузы должны располагать такими способностями, которые позволяют:

– формировать потенциал долгосрочных конкурентных преимуществ, который можно использовать быстрее и эффективнее, чем конкуренты;

– учитывать опосредованность связи динамических способностей с результатами их деятельности, что обусловлено не только неодинаковыми затратами на их поддержание, но и их разновременностью;

– создавать специальные механизмы обучения и организационные формы, обеспечивающие гибкость и быстроту реакции на внешние изменения.

В реальном секторе экономики аналогичные задачи наиболее успешные компании решают путем реализации идей концепции динамических способностей фирмы, которая возникла в начале 90-х гг. XX в. Основополагающей для разработки данной концепции явилась работа Д. Тиса, Г. Пизано и

Э. Шуена «Динамические способности и стратегическое управление» [2]. Основной акцент в данной концепции был сделан на синтез экономических и поведенческих аспектов в деятельности фирмы в целях поиска источников конкурентных преимуществ.

Методология концепции Тиса и его соавторов основана на интеграции идей «асимметричного» преимущества и организационной адаптации к изменениям рынка, а также на синтезе концепций лидерства, организационного обучения, предпринимательства и экономической теории фирмы. Ее использование позволяет создавать динамические способности, которые невозможно быстро скопировать или купить на рынке. Неслучайно наиболее продуктивной она оказалась при исследовании проблем управления знаниями. Знания встроены в организации, их нельзя легко купить или продать. В связи с этим основные положения концепции динамических способностей представляют интерес и имеют практическую значимость для образовательных учреждений, особенно вузов.

В условиях начавшихся в системе высшего профессионального образования кардинальных изменений, обусловленных вхождением России в Болонский процесс, ухудшением демографических процессов, ростом конкуренции, необходимостью активизации инновационных процессов, вузы вынуждены не только адаптироваться к этим изменениям, но и искать новаторские подходы как в академической, так предпринимательской областях деятельности. В этой связи руководству любого вуза будет полезно, на наш взгляд, осмыслить содержание и механизмы реализации концепции динамических способностей.

В классической трактовке динамические способности рассматриваются как «потенциал фирмы в интегрировании, создании и реконфигурации внутренних и внешних компетенций для соответствия быстро меняющейся среде» [3, с. 148]. Эйзенхардт и Мартин характеризуют динамические способности как внутрифирменные процессы интегрирования, реконфигурации, приобретения ресурсов либо избавления от них в целях соответствия рыночным изменениям или даже их генерирования.

Важнейшими детерминантами устойчивых конкурентных преимуществ вузов, безусловно, являются накопленные ими уникальные знания, навыки и способности, которые в рамках ресурсной концепции принято называть ключевыми компетенциями и рассматривать в качестве стратегических активов. В основу их формирования должны быть положены динамические способности вуза, которые состоят в распознании и освоении новых возможностей, реконфигурации его знаний и навыков как активов, отборе надлежащих организационных форм, а также правильном размещении ресурсов.

В стратегическом плане трактовка знаний как нематериальных активов предусматривает изменение целевых установок вуза в социальном плане на создание более высокой ценности для потребителей его услуг, а в экономическом – с минимизации издержек на получение экономических выгод. Однако для российских вузов стратегическое планирование и стратегический менеджмент являются большой редкостью. При этом даже в тех вузах, где стратегии разрабатываются, сами структуры управления практически остаются неизменными. Следовательно, «структура определяет стратегию», и именно

она является своеобразной «смирительной рубашкой», сдерживающей процессы рыночных преобразований, проводимые в российских вузах.

В связи с этим одной из главных управленческих компетенций (организационных способностей), которой необходимо овладеть руководству вузов, является адаптация к конкурентной среде. Это требует, в свою очередь, хороших знаний в области рыночной экономики, предпринимательства и менеджмента. Именно на их основе вузы формируют организационную культуру, нацеленную на усиливающуюся конкуренцию на рынках труда и образовательных услуг.

Следовательно, стратегическое управление вузом в рамках концепции динамических способностей должно быть переориентировано с мобилизации и использования операционных (рутинных) способностей на принципиально иные, связанные с распознанием новых возможностей бизнеса, общества и их потребностей на основе проактивного анализа рыночных и социально-экономических процессов.

На сегодняшний день многие вузы в ходе своего эволюционного развития накопили навыки и рутины, которые не только становятся факторами организационной инерции (встроенность в социальные структуры, нормативно-правовое поле, способы финансирования и инвестирования и др.), но и искажают процессы формирования и использования новых знаний и способов взаимодействия с постоянно изменяющейся внешней средой. Безусловно, очень важным фактором для всех вузов и каждого вуза в частности является историческая траектория развития. С одной стороны, вузы, имеющие длительную богатую историю развития, сформировали свои имиджевые характеристики и заняли достойные позиции в отечественной системе образования. С другой стороны, они отличаются большей академичностью и инерционностью развития, им в гораздо меньшей степени присущи предпринимательские способности. В то же время сравнительно молодые вузы, появившиеся в РФ в условиях рыночных преобразований экономики, отличаются высокой активностью, гибкостью, предпринимательским стилем поведения, готовностью к быстрым преобразованиям и инновациям.

В новой плоскости сегодня следует рассматривать и рынки, на которых представлены образовательные учреждения, в том числе и вузы (рынки труда и образовательных услуг). Согласно экономической теории рынки рассматриваются как заданные, они выступают своеобразными барометрами и оценщиками результатов деятельности вузов. Между тем вузы сегодня не только адаптируются к требованиям рынков, но и, в свою очередь, сами «создают» рынки, оказывая влияние на их конъюнктуру и перспективы развития. Данный тезис особенно наглядно отражается в системе преобразований, осуществляемых в вузах в рамках Болонского процесса. Следовательно, адаптация и отбор не являются противоречащими друг другу процессами, напротив, они взаимосвязаны и взаимозависимы.

Особого внимания в реальной вузовской практике заслуживает идея интеграции индивидуальных и организационных знаний. Создание организационного знания рассматривается как процесс, усиливающий создаваемые индивидами знания, или процесс, трансформирующий их в часть «сети знания», которая очень динамична и функционирует в основном посредством неформальных сетей внутриорганизационных отношений.

Организация эффективного внутривузовского сетевого взаимодействия в условиях широкой дифференциации функций и областей деятельности, а также необходимости реализации требований принципа децентрализации управления, требует глубокой интеграции и четкой координации действий всех участников сети. Построение сетевой организационной модели в вузе должно осуществляться через интеграционные процессы, основанные на выработке и исполнении миссии, новой структуре управления и современных информационных технологиях. Миссия является набором конкретных решений, определяющих перспективы и динамику функционирования вуза. В структуре управления для ее реализации должны быть сформированы инновационно-активные децентрализованные структурные подразделения, обладающие высокой адаптивностью и гибкостью, а также потенциалом для связей с внешней средой. Это могут быть как академические вузовские структуры, так и вновь образованные подразделения рыночного типа (малые предприятия, отдел маркетинга, экспертные и консультационные службы и др.). Новые подходы к управлению предполагают также переход от традиционного контрольно-координирующего воздействия к сущности, основанной на ценностях (качество, значимость, эффективность, преимущество), разделяемых всеми сотрудниками вуза. Применение информационных технологий позволяет осуществить интеграцию всех участников сетевого взаимодействия за счет постоянного и «прозрачного» информационного обмена. Все это помогает им сосредоточить внимание на поиске новых возможностей развития за счет создания конкурентных преимуществ.

Компетенции отдельных вузов не всегда позволяют самостоятельно решать обозначенные задачи, поэтому они вынуждены формировать так называемые коспециализированные активы, вступая в стратегические партнерства и стратегические альянсы. Эти организационные структуры созвучны тем, что формируются в рамках модели «открытой инновации», предложенной Г. Чезборо. Чезборо считает, что в высококонкурентной среде неэффективно проводить все НИОКР внутри самой компании. Он предложил использовать леверидж (рычаг), заключающийся в том, что значительная часть НИОКР может быть заказана на стороне [4].

Вступление вузов в стратегические партнерства и союзы может быть обусловлено не только необходимостью совместного осуществления научно-исследовательских проектов и разработок, но и в целях обмена кадрами, информацией, совместного использования финансовых, инвестиционных ресурсов, элементов инфраструктуры.

Сотрудничество (collaboration) является формализованным видом межорганизационных отношений. Оно может быть двух типов: отраслевое и внешнее. Отраслевое сотрудничество – это сотрудничество вузов, конкурирующих на одних и тех же рынках или сегментах рынков (труда и образовательных услуг). Оно чаще всего принимает форму союза (например, Союз ректоров России). Стратегический союз может охватывать либо все функциональные области деятельности вузов (образовательную, научно-исследовательскую, международную), либо ограничиваться сотрудничеством в одной области (разработка и реализация инновационных проектов, проведение конференций, симпозиумов, конкурсов и т.п.). Зарубежные вузы, как правило,

создают подобные союзы как «системы», совместно использующие ресурсы и компетенции в целях обеспечения конкурентных преимуществ. В отечественной практике также имеются примеры тесного взаимодействия вузов (особенно это характерно для крупных и наиболее продвинутых классических университетов). Тем не менее эти взаимоотношения чаще всего не имеют под собой надлежащую нормативно-правовую основу и четко выраженные целевые установки, что, безусловно, снижает результативность их деятельности.

Наряду с отраслевым в последнее время начало активно развиваться межорганизационное сотрудничество вузов. Оно осуществляется с предприятиями, работающими в сфере бизнеса, с органами власти, общественными организациями. Каждый участник такого типа стратегического партнерства привносит в сферу сотрудничества свои специфические знания, навыки, ресурсы и активы, что позволяет создавать новую ценность для потребителей образовательных и других услуг вуза. Значимость партнерских взаимоотношений многие российские вузы осознали в условиях наблюдающегося демографического спада и ужесточения внутриотраслевой конкуренции, а также нарастающего разрыва между предлагаемыми вузами услугами и ожиданиями общества и конкретных потребителей. Кроме того, полномасштабная реализация требований Болонской конвенции неизбежно приведет к усилению международной конкуренции между вузами. Многие российские вузы не готовы сегодня работать в условиях таких вызовов внешней среды. Они не имеют адекватных сложившейся конкуренции бизнес-моделей развития и стратегически ориентированных структур управления.

Решение этих задач должно осуществляться на основе идентификации и развития динамических способностей вуза в рамках построения современных моделей его развития (предпринимательский, исследовательский, проектно-ориентированный и др.) (рис. 1).

Рис. 1. Современные концептуальные модели вузов

Опыт лучших зарубежных и отечественных вузов, реализующих данные модели, свидетельствуют о том, что достижение успеха возможно лишь при оптимальном сочетании трех важнейших составляющих: предпринимательской способности, сильной академической культуры, гибкой организационной структуры. В противном случае положительный эффект инновационных изменений, как правило, будет кратковременным. Следовательно, функция стратегического управления должна стать профессиональным приоритетом руководителей российских вузов. Они должны наращивать и реализовывать свой лидерский потенциал в направлении формирования динамических способностей высшего учебного заведения.

Список литературы

1. Экономика университета: института и организации. – М. : Изд. дом ГУ ВШЭ, 2007. – 249 с.
2. **Тис, Д. Дж.** Динамические способности и стратегическое управление / Д. Дж. Тис, Г. Пизано, Э. Шуен // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. Серия: Менеджмент. – 2003. – Вып. 4. – С. 133–183.
3. **Катькало, В. С.** Эволюция теории стратегического управления / В. С. Катькало. – СПб. : Изд-во Санкт-Петербургского гос. ун-та, 2006. – 548 с.
4. **Чезборо, Г. У.** Организационные формы инноваций: когда виртуальная корпорация эффективна? / Г. У. Чезборо, Д. Дж. Тис // Российский журнал менеджмента. – 2003. – № 1. – С. 123–136.

References

1. *Ekonomika universiteta: instituta i organizatsii* [Economy of a university: an institute and an organization]. Moscow: Izd. dom GU VShE, 2007, 249 p.
2. Tis D. Dzh., Pizano G., Shuen E. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Menedzhment* [Bulletin of Saint-Petersburg State University. Series: Management]. 2003, iss. 4, pp. 133–183.
3. Kat'kalo V. S. *Evolyutsiya teorii strategicheskogo upravleniya* [Strategtic management theory evolution]. Saint-Petersburg: Izd-vo Sankt-Peterburgskogo gos. un-ta, 2006, 548 p.
4. Chezboro G. U., Tis D. Dzh. *Rossiyskiy zhurnal menedzhmenta* [Russian journal of management]. 2003, no. 1, pp. 123–136.

Неретина Евгения Алексеевна
доктор экономических наук, профессор, заведующая кафедрой маркетинга, Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева
(Россия, г. Саранск, ул. Большевистская, 68)

E-mail: ch.marketing@econom.mrsu.ru

Neretina Evgenia Alexeevna
Doctor of economic sciences, professor, head of sub-department of marketing, Ogarev Mordovia State University
(68 Bolshevistskaya street, Saransk, Russia)

Соловьев Тимофей Геннадьевич
кандидат экономических наук, доцент, кафедра прикладной информатики, Саровский физико-технический институт – филиал Национального исследовательского ядерного университета «МИФИ»
(Россия, Нижегородская область, г. Саров, ул. Духова, 6)

E-mail: timofey@bk.ru

Solovyev Timofey Gennadyevich
Candidate of economic sciences, associate professor, sub-department of applied informatics, Sarov Institute of Physics and Technology "NRNU "MEPhI"
(6 Dukhova street, Sarov, Nizhny Novgorod region, Russia)

УДК 339.13
Неретина, Е. А.
Динамические способности высшего учебного заведения в контексте организационной идентичности / Е. А. Неретина, Т. Г. Соловьев // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2015. – № 4 (36). – С. 228–236.

УДК 330.1

И. А. Питайкина

К ВОПРОСУ О ТЕОРИИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА

Аннотация.

Актуальность и цели. Необходимость выработки практических решений в рамках реализации стратегии долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации и принятия практических мер по выходу российской экономики из затянувшегося структурного кризиса в условиях формирования нового технологического уклада на основе экономики знаний актуализирует внимание ученых к исследованию теории человеческого капитала. Цель работы – исследование эволюции теории человеческого капитала и выявление экономической сущности основной ее категории.

Материалы и методы. Достижение цели базировалось на использовании общенаучных методов единства исторического и логического, анализа и синтеза.

Результаты. Автором проведено исследование такого явления в современной экономической теории, как человеческий капитал, проанализирован процесс развертывания данной дефиниции в экономическую категорию западными экономистами, а также выявлены ее родовые свойства с экономической категорией «человеческий потенциал».

Выводы. Развитие парадигмы постиндустриального общества на основе экономики знаний формирует новые качество и роль человека в экономике, обостряя основное социально-экономическое противоречие между трудом и капиталом в условиях структурного кризиса современной экономики. Данное положение диктует необходимость дальнейшего исследования феномена человеческого потенциала в экономической теории.

Ключевые слова: капитал, человеческий капитал, человеческий потенциал, основные понятия и категории экономической теории.

I. A. Pitaikina

ON THE ISSUE OF THE HUMAN CAPITAL THEORY

Abstract.

Background. Scientists put a lot of emphasis on the theory of human capital at present. It is connected with the requirements of developing tactical decisions and practical measures to overcome a lingering structural crisis in the Russian economy. These decisions must be taken under the following conditions: a new technological mode based on the economy of knowledge and the long-term social and economic development strategy of the Russian Federation. The purpose of the article is to study the evolution of the theory of human capital and to identify the economic substance of its main categories.

Materials and methods. The research tasks were implemented through general scientific methods of unity of the historical and logical approaches, analysis and synthesis.

Results. The author carried out the research of human capital in the modern economic theory; analyzed the development of this definition into the economic category by foreign scientists; revealed its ancestral features of the economic category of “human potential”.

Conclusions. The development paradigm of post-industrial society based on the economy of knowledge forms a new quality and a new role of a person in the eco-

nomy, and aggravates a contradiction between labor and capital in terms of the structural crisis of the modern economy. Therefore, it is necessary to carry out further study of the phenomenon of human capital in economics.

Key words: capital, human capital, human potential, main definitions and economic categories of economics.

Процесс трансформации современной мировой экономики характеризуется сменой экономической парадигмы на фоне структурных политических сдвигов. Происходит формирование нового типа экономического мышления хозяйствующих субъектов, вовлеченных в хозяйственные связи, основу которого составляют такие факторы, как изменение роли человека в экономике, переход к инновационному производству и возможность выхода на тренд устойчивого развития. Подобные качественные трансформации усилили внимание ученых-экономистов в XXI в. к теории человеческого капитала, начало теоретической разработки которой было положено Т. Шульцем и Г. Беккером в 60-е гг. XX в. Результатом теоретических изысканий стало утверждение, что человеческий капитал как совокупность накопленных знаний, умений, навыков человека вкупе с капиталом здоровья признается ведущим фактором развития экономики. Естественно, уровень образования и культуры населения, показатели его физического здоровья – все это является основой для перехода на инновационный тип развития, однако не стоит забывать, что именно труд (способность человека к труду) и эффективность его использования до сих пор составляют основу формирования экономического потенциала любого государства.

Из содержания современного курса экономической теории достаточно хорошо известно, что труд есть функция самого работника, затраты его физической и умственной энергии в процессе производства жизненных благ и услуг. Он неотделим от человека как такового, является формой жизнедеятельности личности и в этой связи не может являться объектом купли-продажи.

На рынке труда продается и покупается не сам труд как таковой, а рабочая сила или услуги труда. Количество и качество услуг труда зависят от многих факторов: уровня профессиональной подготовки работника, его квалификации, опыта, добросовестности и т.п. Купля-продажа услуг труда выступает в форме найма свободного работника на определенных условиях, касающихся продолжительности рабочего дня, размеров заработной платы, должностных обязанностей и некоторых других. На период найма работодатель покупает право на использование услуг труда работника, а не сам труд, собственником которого продолжает оставаться наемный работник.

Общеизвестно, что человек как субъект деятельности в любой экономике играет много различных ролей. Например, человек есть субъект социального творчества, а также гражданин, личность с особой культурой, нравственностью и т.п. Это вполне очевидное утверждение. Однако в рамках неоклассического направления это положение хотя полностью и не отрицается, но в большинстве случаев просто игнорируется.

Исследования человека имеют глубокие корни: проблема человека в экономической теории стоит как минимум со времен А. Смита. Ученый оценивал человеческую составляющую национального богатства гораздо

выше, чем вещественную. Вложения в обучение человека он приравнивал к вложениям в машину: «человек, изучивший с затратой большого труда и продолжительного времени какую-либо из тех профессий, которые требуют чрезвычайной ловкости и искусства, может быть сравнен с такою же дорогой машиной. Следует ожидать, что труд, которому он обучается, возместит ему сверх обычной заработной платы за простой труд все расходы, затраченные на обучение, с обычной, по меньшей мере, прибылью на капитал, равный этой сумме расходов» [1, с. 88].

Необходимо отметить, что в концепции марксизма человек является центром социально-экономического развития общества, а не капиталом. Согласно марксистскому учению, капитал – это самовозрастающая стоимость, это деньги, приносящие дополнительные деньги, а человек есть главный фактор развития и совершенствования производства. Его существо и роль определяются тем, что он и личный фактор производства, и субъект производственных и всех других общественных отношений. Человек создает и оживляет средства производства, тем самым превращая их в элемент производительных сил. Уже поэтому рабочая сила – главная производительная сила общества, а в обществе все исходит от человека и все сводится к нему.

С позиций производства человек – это не только его субъект, но и его конечная цель. Общественный продукт, пройдя через распределение и обмен, завершает свой путь в потреблении. Без потребления любое производство бессмысленно. В потреблении удовлетворяются запросы людей.

Интерес к человеку как особому объекту анализа экономическая наука испытывала и в более позднее время, о чем свидетельствуют многочисленные работы, посвященные данной проблематике. Это труды Дж. С. Милля, Г. Госсена, С. Джевонса, К. Менгера, А. Маршалла, Й. Шумпетера. В них обоснованы значительные изменения в практике жизнедеятельности капитала в постиндустриальный период развития экономики. Так, фирмы столкнулись с тем, что использование ими человеческих ресурсов не исчерпывается проблемой приобретения на рынке и использования в производстве товара «рабочая сила». Жизнь поставила задачи направления существенных инвестиций в развитие человеческих качеств наемных работников. В связи с этим возникла острая необходимость отображения этих инвестиционных расходов и измерения их эффективности. Поскольку внешне эти расходы и отдача от них по механизму своего воспроизводства напоминают капитал, создают видимость капиталоподобия, постольку в рамках неоклассической концепции это явление интерпретировалось в «человеческий капитал».

Кроме этого, существенное изменение качества и роли наемного работника вызвало рост значения творческой деятельности. Творческая деятельность создает всеобщее богатство (например, картина художника), имеющее общественную ценность независимо от рыночного признания. В этом смысле она очень сходна с деньгами, со временем постоянно возрастающими в своем объеме, т.е. капиталом. Сам же творческий работник, будучи свободным, по своему усмотрению находит потребителя созданного им продукта, назначает его цену. Поэтому перед капиталом встала проблема приобретения и использования в производстве не просто рабочей силы, а взаимодействия с субъектом творческой деятельности, который становится как бы предпринимателем. В связи с этим у авторов работ по проблеме человека появляется дополни-

тельная возможность провозгласить следующий тезис: в рыночной экономике человек обретает форму человеческого капитала.

Под человеческим капиталом ими понимается капитал в форме врожденных способностей и таланта; интеллектуального запаса знаний, приобретенного человеком в результате обучения или на основе практического опыта; состояния здоровья как некой совокупности врожденных характеристик, так и вложений в его сохранение, восстановление и поддержание в течение жизни. «Человеческим» его называют потому, что он является неотъемлемой частью индивида, а «капиталом» – потому, что представляет собой источник будущих доходов. В общем виде структуру человеческого капитала согласно западной концепции можно представить в виде следующей схемы (рис. 1).

Рис. 1. Структура человеческого капитала

Естественно, представленная схема не обладает полнотой передачи всех нюансов концепции человеческого капитала. Однако, согласно трактовке человеческого капитала Г. Беккером, он «формируется за счет инвестиций в человека, среди которых можно назвать обучение, подготовку на производстве, расходы на здравоохранение, миграцию и поиск информации о ценах и доходах» [2, с. 39]. В дальнейшем разработка концепции человеческого капитала послужила началом формирования отдельных ее направлений, в основном трех: теории капитала здоровья, капитала образования и капитала культуры. Развитие теории капитала здоровья связывают с именем М. Гроссмана, который и ввел понятие «капитал здоровья» в экономическую теорию. И. Розмаинский поддерживает М. Гроссмана в следующем аспекте: несмотря на тот факт, что капитал здоровья интерпретируется как элемент человеческого капитала, оба этих вида капитала необходимо рассматривать раздельно [3].

По мнению большинства западных исследователей, человеческий капитал создается тогда, когда индивид осуществляет инвестиции в самого себя, оплачивая расходы на образование, приобретение квалификации, поддержание здоровья.

Понятие «человеческий капитал» стало общеупотребительным и прочно вошло в лексикон не только экономистов, но и политиков. Традиционные

представления о рабочей силе как о том товаре, который работник продает на рынке, оказались недостаточными. Поэтому в аппарате экономической теории и появилась теория человеческого капитала. Свое законченное оформление она получила на рубеже 50–60-х гг. XX столетия. Ее авторами стали известные американские экономисты Т. Шульц, Г. Беккер, Дж. Минцер и др. Из отечественных ученых-экономистов концепцию человеческого капитала поддерживает Р. Капелюшников, утверждая, что человеческий капитал представляет собой научно обоснованное понятие [4, с. 46].

Предметом исследования авторов данной теории являются не столько общественные отношения между людьми при производстве и использовании живых производительных сил человека, сколько сами силы, их конкретное воспроизводство и применение. Это объясняется тем, что в современной экономике человек играет ключевую роль, и она постоянно повышается. Причиной этого является то, что возможности использования всех ресурсов не бесконечны. Единственный ресурс, возможности разумного использования которого практически безграничны, – производительные способности человека. В этой ситуации человек расценивается как наиболее ценный и неиссякаемый производительный ресурс по сравнению с капиталом вещественным. Поэтому в технико-экономической сфере капитал стремится иметь в человеке труда своего верного союзника. Кроме этого, несомненно, капитал понимает, что в социально-экономической сфере он может существовать и прирастать, исключительно только лишь эксплуатируя наемного работника. Именно рабочая сила человека является основным источником прибыли на капитал. Поэтому человека труда как личность, гражданина с особой культурой, нравственностью и т.д. капитал вынужден включить в процесс рыночных отношений, в ходе которого за счет повышения образования и квалификации возрастает и стоимость рабочей силы работника. А поскольку стоимость рабочей силы имеет тенденцию к росту, то и сам человек выступает в форме капиталоподобного материала.

Из сказанного можно заключить следующее. В рыночном хозяйстве человек все более воспринимается как субъект хозяйственной деятельности, но при этом он целиком подчинен рынку и капиталу, и в силу этого на поверхности явлений он как бы принимает форму человеческого капитала.

Однако различия между человеческими способностями к трудовой деятельности и капиталом достаточно велики для того, чтобы с научной точки зрения было бы определено объединение их в классическое определение – «капитал».

Человеческие способности к трудовой деятельности есть необходимое условие производительного применения капитала. Наряду с этим сам процесс применения способностей человека одновременно является и процессом их совершенствования, чего нельзя сказать о вещественных элементах капитала – они только изнашиваются в процессе их применения. А стремление человека обеспечить себе в будущем более высокие доходы все же отличается от стремления получить прибыль на вложенный капитал. Следовательно, категория «человеческий капитал» в научном смысле слова – это вовсе не капитал, а ложные умозаключения ученых в рамках буржуазной системы, в которых выхолащивается суть капиталистического процесса производства и маскируется эксплуатация человека труда капиталом. Наоборот, в работах запад-

ных экономистов работодатель и наемный работник представлены в качестве социальных партнеров, а прибыль человеческого капитала – как часть прибыли, получаемой фирмой от продажи товара. Так создается основа видимости единства интересов и ценностей наемного работника и работодателя.

Спецификой современной системы экономических отношений становится тотальное подчинение капиталу не просто труда, а человека как личности. Это одно из самых серьезных противоречий, с которыми сталкивается современный капитализм.

Появление словосочетания «человеческий капитал» повлекло за собой возникновение в экономической науке одноименной теории. Ей посвящено много работ, большинство из которых написано зарубежными авторам. Она стала зримым достижением экономической теории и прежде всего экономики образования и труда. Большое число авторов, пишущих на данную тему, появилось и в России. Сторонники теории человеческого капитала в нашей стране подражают зарубежным авторам и, по сути дела, не выделяют отношения подчинения наемного труда капиталу. Признавая существование человеческого капитала, хотя и неоднозначно трактуя его, многие из них пытаются дать стоимостную оценку человеческому капиталу. С легкостью взяли на вооружение теорию человеческого капитала и связанную с ней терминологию и многие авторитетные российские экономисты, социологи, философы и др.

Здесь уместно привести высказывание министра финансов царской России С. Ю. Витте: «До тех пор, покуда русская жизнь не выработает своей национальной экономики, основанной на индивидуальных особенностях русского грунта, до тех пор мы будем находиться в процессе шатания между различными модными учениями, увлекаясь поочередно то одним, то другим...» [5, с. 70].

В этой связи следует отметить, что современная теория человеческого капитала может оказать отрицательное влияние при выработке стратегии социально-экономического развития российского общества, центр которой занимает человек. Человек – инициатор и автор, архитектор и движущая сила происходящих перемен. Он главная цель, высший критерий и основной ресурс социально-экономического прогресса. А неоклассические догмы настойчиво убеждают нас, что деньги превыше человека. В этой связи современная теория человеческого капитала несет антигуманную направленность.

Знания, умения и иные качества человека, которые могут применяться и потребляться в ходе любого производства, способности к труду вообще представляют собой личное достояние или богатство человека. Они существуют со времени появления рода человеческого, но капиталом стать не могут. Это положение К. Маркс изложил следующим образом: «Мы должны проводить следующее различие: рабочая сила в руках рабочего является товаром, а не капиталом; ею обусловливается доход для него лишь постольку, поскольку он может постоянно повторять ее продажу; в качестве капитала она функционирует после продажи, в руках капиталиста, во время самого процесса производства» [6, с. 169].

Важнейшим условием рыночного хозяйства является экономическая и политическая свобода человека. Свободный человек не может быть продан, а поэтому неотделимые от него функции, в том числе и труд, не могут служить объектом купли-продажи. Следовательно, и сам человек не является

капиталом, а дефиниция «человеческий капитал» заимствована из западной экономической литературы, в которой прочно утвердился основополагающий принцип: рынок – это все, а человек – ничто.

В рамках неоклассической школы человек определяется как частная собственность. А раз это так, то личностные качества человека, являющиеся частной собственностью и, более того, капиталом, могут отчуждаться, т.е. их можно продать и купить. При таком подходе очевидна ограниченность взгляда, фактически сводящего статус человека в экономике к капиталу.

Фундаментальных причин для трактовки человека как носителя «человеческого капитала» нет. Есть огромное желание неоклассиков снять проблему эксплуатации наемного работника и, наоборот, показать, что в современной экономике происходит социальное партнерство двух видов капитала: вещественного и человеческого.

По мнению ученых-неоклассиков, все разговоры о противоположности интересов труда и капитала – это лишь пережитки прошлого. Однако почему-то эти пережитки не желают уходить из практической жизни. Современный капитал доводит до совершенства систему прямого насилия как средства подчинения человека своей власти, контролирует при помощи различных технологий политическую жизнь страны, властвует в духовной сфере, манипулируя сознанием масс с использованием средств массовой информации. В данном контексте вызывает научный интерес исследование современной системы капитализма д.э.н. В. Катасонова. Можно согласиться с его мнением, что формирование «религии» прибыли в рамках концепции «денежной цивилизации» трансформирует идеологию общества и нормы взаимоотношений между людьми, когда присваиваемые результаты работы одного человека другим не что иное, как различные формы рабства: если в натурально-вещественной форме, то патриархального, если в денежной – то классического рабства и современного капиталистического [7, с. 405]. В этой связи становится очевидным, почему с таким упорством приверженцы теории человеческого капитала не хотят замечать ее грубейших несоответствий опыту социально-экономической практики. Для них догмы зарубежных ученых, в которых рынок оказывается превыше человека, не дают оснований усомниться в их научности.

Само определение «человеческий капитал» нельзя считать строго научной категорией, поскольку всякий ограниченный подход к человеку и его деятельности больше искажает, чем проясняет, реальное положение дел. В этой связи уместно привести изречение И. Канта: «Поступай так, чтобы ты всегда относился к человечеству и в своем лице, и в лице всякого другого так же, как к цели, и никогда не относился как к средству» [8, с. 270]. Неоклассики, вводя дефиницию «человеческий капитал», как раз и видят в человеке средство для достижения стратегической цели – максимизации прибыли.

Если взять всю совокупность атрибутивных свойств и качеств человека (врожденные способности и талант, здоровье, образование и квалификацию, навыки и профессиональный опыт, мотивы и интересы, творчество и культуру, нравственность и добросовестность, убеждения и традиции и т.п.), которые при определенных условиях становятся средством целенаправленной деятельности по созданию благ, то при внимательном рассмотрении этих феноменов можно сделать вывод, что это составляющие человеческого потенциала.

Теория человеческого капитала не может быть адаптирована для российской действительности, так как в ней приоритет принадлежит капиталу. В нашей стране социалистические идеалы, втоптанные в грязь недальновидными политиками и конъюнктурщиками от науки, вновь оживают и набирают силу. Они начинают определять новую парадигму экономического развития, в большей степени ориентированную на человека, а именно экономическую теорию развития человека, включающую в качестве составной части теорию экономического роста.

Повышение качества жизнедеятельности населения, развитие человека целесообразно поставить в центр не только социальной, но и экономической политики. А экономическая наука должна сегодня сосредоточиться не на развитии антинаучных положений теории человеческого капитала, а на познании условий, факторов и механизмов развития и функционирования человеческого потенциала. Его наращивание и реализация – единственно эффективный путь решения задач экономики.

Список литературы

1. **Смит, А.** Исследование о природе и причинах богатства народов / А. Смит. – М., 1993.
2. **Беккер, Г. С.** Человеческое поведение: экономический подход: избранные труды по экономической теории / Г. С. Беккер. – М. : ГУ ВШЭ, 2003. – 672 с.
3. **Розмаинский, И.** Почему капитал здоровья накапливается в развитых странах и «проедается» в постсоветской России? (опыт посткейнсианского анализа) / И. Розмаинский // Вопросы экономики. – 2011. – № 10. – С. 113–131.
4. **Капелюшников, Р.** Человеческий капитал России: эволюция и структурные особенности / Р. Капелюшников // Вестник общественного мнения. – 2005. – № 4. – С. 46–54.
5. **Витте, С. Ю.** Избранные воспоминания : в 2 т. / С. Ю. Витте. – М. : TERRA, 1997. – Т. 2. – 400 с.
6. **Маркс, К.** Сочинения / К. Маркс, Ф. Энгельс. – Т. 24.
7. **Катасонов, В. Ю.** Капитализм. История и идеология «денежной цивилизации» / В. Ю. Катасонов ; науч. ред. О. А. Платонов. – М. : Институт русской цивилизации, 2013. – 1072 с.
8. **Кант, И.** Сочинения : в 6 т. / И. Кант. – М. : Мысль, 1965. – Т. 4., ч. 1. – 478 с.

References

1. Smit A. *Issledovanie o prirode i prichinakh bogatstva narodov* [Study of the nature and reasons of peoples' wealth]. Moscow, 1993.
2. Bekker G. S. *Chelovecheskoe povedenie: ekonomicheskiy podkhod: izbrannye trudy po ekonomicheskoy teorii* [Human behavior: an economic approach: selected works in economics]. Moscow: GU VShE, 2003, 672 p.
3. Rozmainskiy I. *Voprosy ekonomiki* [Economic problems]. 2011, no. 10, pp. 113–131.
4. Kapelyushnikov R. *Vestnik obshchestvennogo mneniya* [Bulletin of public opinion]. 2005, no. 4, pp. 46–54.
5. Vitte S. Yu. *Izbrannye vospominaniya: v 2 t.* [Selected memoirs: in 2 volumes]. Moscow: TERRA, 1997, vol. 2, 400 p.
6. Marks K., Engel's F. *Sochineniya* [Works]. Vol. 24.
7. Katasonov V. Yu. *Kapitalizm. Istoriya i ideologiya «denezhnoy tsivilizatsii»* [Capitalism. History and ideology of "money civilization"]. Moscow: Institut russkoy tsivilizatsii, 2013, 1072 p.
8. Kant I. *Sochineniya: v 6 t.* [Works: in 6 volumes]. Moscow: Mysl', 1965, vol. 4, part 1, 478 p.

Питайкина Инна Анатольевна
кандидат экономических наук, доцент,
кафедра экономической теории
и международных отношений,
Пензенский государственный
университет
(Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40)

Pitaikina Inna Anatol'evna
Candidate of economic sciences, associate
professor, sub-department of economics
and international relations, Penza State
University
(40 Krasnaya street, Penza, Russia)

E-mail: Persey_@bk.ru, IPitaykina@yandex.ru

УДК 330.1
Питайкина, И. А.
К вопросу о теории человеческого капитала / И. А. Питайкина // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2015. – № 4 (36). – С. 237–245.

УДК 334

В. А. Канакина, А. В. Понукалин

МЕЖФИРМЕННАЯ ИНТЕГРАЦИЯ КАК ОДНА ИЗ ФОРМ КООПЕРАЦИИ

Аннотация.

Актуальность и цели. Современный этап развития как отечественной, так и зарубежной экономики характеризуется ростом межфирменной кооперации. Понятие «межфирменное сотрудничество» охватывает различные аспекты взаимодействия предприятий – от простейших форм кооперации до более совершенных, именуемых интеграционными. Последние представляют собой более высокую степень кооперации различных хозяйствующих субъектов, которая на основе институциональных механизмов способна согласовывать экономические интересы партнеров и получать синергетический эффект от взаимодействия нескольких компаний. Цель работы – исследовать интеграционные объединения и их место в современной экономике.

Материалы и методы. Достижение цели работы было осуществлено посредством сравнительного анализа принципов кооперации и интеграции и исследования межфирменных интеграционных объединений. Методологический потенциал исследования включает общенаучные методы: абстракции, дедукции, сравнительного анализа.

Результаты. Исследованы интеграционные объединения и механизмы согласования экономических интересов предприятий – участников межфирменной интеграции.

Выводы. Проведенное исследование позволяет определить институциональные механизмы эффективного функционирования интеграционных объединений на основе согласования экономических интересов предприятий – участников межфирменной интеграции.

Ключевые слова: кооперация, интеграция, межфирменное сотрудничество, картель, синдикат, трест, концерн, конгломерат, консорциум, стратегический альянс.

V. A. Kanakina, A. V. Ponukalin

INTERCOMPANY INTEGRATION AS ONE OF THE FORMS OF COOPERATION

Abstract.

Background. The present stage of development of both domestic and foreign economies is characterized by a growth of intercompany cooperation. The term “intercompany cooperation” covers various aspects of B2B (business-to-business) interaction – from the simplest forms of cooperation to a more complicated one, known as integration. The latter is characterized by a higher degree of cooperation between businesses and helps to coordinate economic interests of partners and to obtain synergies from combining their resources. The aim of the paper is to study the process of intercompany integration and its role in the modern economy.

Materials and methods. The aim of the research was achieved by the comparative analysis of the principles of cooperation and intercompany integration. The scientific methods of abstraction, deduction and comparative analysis were used as the methodological basis of the research.

Results. Intercompany integration and mechanisms of co-ordinating economic interests of the enterprises involved in the process of intercompany integration were analyzed.

Conclusions. The results of the research allowed us to determine the institutional mechanisms of the effective intercompany integration on the basis of coordination of economic interests of the enterprises involved in the process of intercompany integration.

Key words: cooperation, integration, intercompany cooperation, cartel, syndicate, trust, corporation, conglomerate, consortium, strategic alliance.

Современный этап развития как отечественной, так и зарубежной экономики характеризуется ростом межфирменной кооперации. Каждое предприятие первоначально выступает на рынке со своими отдельными интересами, такими как:

– интерес в получении дохода от хозяйственной деятельности;
– интерес в получении прибыли от хозяйственной деятельности;
– интерес в снижении затрат (издержек) производства;
– интерес в конкурентоспособности;
– интерес в развитии предприятия как производственной единицы;
– интерес в загрузке производственных мощностей;
– интерес в расширении объемов хозяйственной деятельности;
– интерес в рынке сбыта и его расширении;
– интерес в квалифицированной рабочей силе;
– интерес в получении организационной и финансовой поддержки со стороны государства.

Основная цель каждого хозяйствующего субъекта – реализация экономических интересов. Вместе с тем в процессе самостоятельной хозяйственной деятельности предприятия становятся субъектами конкурентной борьбы, что приводит к конфликту интересов. Данная ситуация подводит к необходимости в той или иной межфирменной кооперации, создающей условия для согласования экономических интересов самостоятельных хозяйствующих субъектов. Согласование экономических интересов участников кооперации происходит на основе институционального сотрудничества, когда партнерские отношения могут быть достигнуты посредством формальных отношений на основе заключения долгосрочных хозяйственных договоров и неформальных отношений. Каждое предприятие, вступая в кооперационные связи, знает, что оно хотело бы получить от сотрудничества и, взаимодействуя с другими фирмами, стремится реализовать свои экономические интересы, поэтому договоры выступают итогом «взаимных уступок», в них находит отражение конкретный баланс интересов партнеров [1].

Понятие «межфирменное сотрудничество» охватывает различные аспекты взаимодействия предприятий – от простейших форм кооперации (аутсорсинг, субконтрактинг, франчайзинг) до более совершенных, именуемых интеграционными (картель, синдикат, трест, концерн) [2]. Простейшие формы межфирменного сотрудничества предполагают добровольное партнерство юридически и финансово независимых фирм на основе стабильных долгосрочных договоров. Основой сотрудничества являются преимущества общественного разделения труда, специализация партнеров на выполнении

определенных работ и их кооперация с целью повышения конкурентоспособности.

Н. Ю. Иванова называет подобное сотрудничество стратегическим союзом, под которым понимает «долговременные партнерские соглашения между малыми фирмами и другими рыночными структурами с целью повышения конкурентоспособности каждого из партнеров» [3]. Так, например, при применении такого вида кооперации, как аутсорсинг, фирма-заказчик выделяет и передает непрофильные функции другим организациям, которые специализируются в конкретной области и обладают соответствующим опытом, знаниями, техническим оборудованием. При использовании субконтрактинга одно предприятие (контрактор) поручает другому (субконтрактору) осуществить изготовление некоторой продукции (деталей, комплектующих, НИОКР) в соответствии с предъявленными требованиями. Работа в рамках такого вида кооперации, как франчайзинг, подразумевает на основе договора продажу или передачу в пользование франчайзи (пользователю) лицензии (франшизы), разрешающей использовать в предпринимательской деятельности торговую марку, фирменную услугу, идею, процесс, патент или оборудование, а также имидж и ноу-хау, принадлежащие франчайзору (правообладателю), за вознаграждение на срок или без указания срока (рис. 1).

Рис. 1. Простейшая форма межфирменного сотрудничества

Интеграционные объединения представляют собой более высокую степень кооперации различных хозяйствующих субъектов, в рамках которой достигается органическая согласованность в осуществлении воспроизводственных процессов отдельных сторон [4] и реализация их экономических интересов. Целью подобных союзов является получение синергетического эффекта от взаимодействия нескольких компаний. Образование кооперационных групп предприятий способствует появлению нового качества производства продукции, которое было бы невозможно либо которое значительно труднее получить на индивидуальном, самостоятельном предприятии.

В научной литературе существует несколько определений понятия «интеграция». В нашем исследовании мы будем придерживаться определения, данного И. О. Сорокиной, согласно которому «интеграция – это добровольное объединение двух или более ранее самостоятельных экономических субъектов путем установления между ними различных типов и форм связей, оговоренных посредством заключения гражданско-правовых актов, с целью

реализации эффективного совместного сотрудничества во благо каждого из объединяемых субъектов» [5] (рис. 2).

Рис. 2. Межфирменное сотрудничество на принципах интеграции

Она проявляется в расширении и углублении производственно-технологических связей, совместном использовании ресурсов, объединении капиталов, в создании друг другу благоприятных условий осуществления экономической деятельности, снятии взаимных барьеров, что обеспечивает согласование экономических интересов и их оптимальную реализацию для каждого субъекта интеграции.

Таким образом, интеграция как более высокая форма кооперации не противоречит ее основным принципам, а именно:

– добровольности. При недружественном поглощении компаний не устанавливается взаимовыгодная связь самостоятельных участников межфирменной кооперации;

– взаимной заинтересованности, взаимовыгодности. Деятельность межфирменных объединений не может быть направлена на реализацию экономических интересов одного субъекта, исключая экономические интересы другого;

– демократии. Вхождение в интегрированную структуру должно обеспечивать соблюдение и выполнение ряда условий, которые способствуют достижению цели сотрудничества, а именно обеспечению партнерских экономических условий для каждого его участника;

– социально-экономической направленности деятельности нового интеграционного объединения. Участники межфирменного сотрудничества помимо реализации собственных интересов и целей должны одновременно участвовать в реализации экономических и социальных программ, предоставляя рабочие места и содействуя росту доходов населения.

В зависимости от целей и направленности деятельности интеграционных межфирменных объединений различают картель, синдикат, трест, концерн, конгломерат, консорциум, стратегический альянс и др. (табл. 1).

Картель (*открытое соглашение*) – это объединение нескольких фирм, как правило, одной отрасли, которые согласуют свои решения об условиях сбыта продукции, а именно цене, рынках, объемах продукции. Цель заключения картельного соглашения – создание благоприятных условий для реализации экономических интересов каждого субъекта, входящего в картель, за счет устранения конкуренции на рынке, установление монополии на производство определенной продукции.

Таблица 1

Характеристика межфирменных объединений

Наименование	Характеристика	Механизм согласования интересов
Картель	Объединение фирм одной отрасли, которые остаются финансово и юридически самостоятельными хозяйствующими субъектами рынка, при этом централизованное руководство отсутствует	Совместная стратегия по поводу ценообразования, сферы влияния, регулирования объемов производства и условий продаж, использования патентов, согласования условий сбыта продукции, найма рабочих, установления квот каждого участника и механизма контроля за выполнением принятых решений
Синдикат	Разновидность картельного соглашения, по условиям которого предприятия теряют коммерческую независимость, но остаются юридически и производственно самостоятельными	Единая сбытовая контора, выполняющая следующие функции: реализация однотипной продукции; установление единой цены; закупка сырья для его участников по монопольно низким ценам; определение квот для участников; концентрация всех заказов с последующим распределением их между партнерами в строгом соответствии с установленными квотами; мониторинг рынка
Трест	Объединение в единый производственный комплекс ранее самостоятельных фирм, утрата ими юридической, производственной и коммерческой самостоятельности	Централизованное управление активами, производством, закупками сырья и сбытом готовой продукции вошедших в трест предприятий
Концерн	Объединение юридически самостоятельных предприятий разных отраслей промышленности, банков, транспорта, торговли	Централизация производственных функций, выработка совместной рыночной стратегии, формирование общей централизованной системы контроля
Консорциум	Временное объединение на основе кооперационного договора. Спецификой является участие в отношениях третьего лица – заказчика	Договор, разграничивающий функции и определяющий обязанности партнеров, их роли как поставщика товаров (исполнителя работ) с указанием условий осуществления ими своих обязанностей, устанавливающий размер вознаграждения партнеров за выполненную работу
Стратегический альянс	Союз, объединение двух или более организаций в целях реализации общего интереса партнеров, а именно достижения конкурентных преимуществ за счет объединения ресурсов и совместных действий	Долгосрочное соглашение о кооперации, обеспечивающей конкурентные преимущества на основе проведения совместной политики, формирование в руководстве мозгового центра для определения движения, приоритетов и выделение ресурсов для обеспечения стабильности

Предприятия, участвующие в картельном соглашении, остаются финансово и юридически самостоятельными хозяйствующими субъектами рынка с присущими им экономическими интересами, при этом централизованное руководство в подобном сотрудничестве отсутствует. Механизм согласования экономических интересов партнеров требует от них выработки совместной стратегии по поводу ценообразования, сферы влияния, регулирования объемов производства и условий продаж, использования патентов, согласования условий сбыта продукции, найма рабочих, установления квот каждого участника и механизма контроля за выполнением принятых решений. Участники картели преследуют цель максимизации совокупной или отраслевой прибыли либо распределения и фиксации рыночных долей. Установление монопольных высоких цен увеличивает прибыль всех участников при обязательном снижении объемов продаж; выделение фирме определенной доли рынка исключает взаимную конкуренцию, способствует росту прибыли и гарантирует монопольное положение.

У партнеров существует стимул для поддержания интеграционного межфирменного сотрудничества: более полная реализация своих экономических интересов за счет назначения высокой цены при сохранении оговоренной квоты, но тем не менее у них может возникнуть желание отклониться от условий партнерства путем снижения цены, что может привести к существенному увеличению объемов продаж [6]. Подобное нарушение соглашения приводит к разрушению картели.

Следует сказать, что картельный сговор во многих странах осуждается и подпадает под действие антимонопольного законодательства. Тем не менее, по мнению экспертов, «склонность к картелизации в нашей стране выше, чем в других странах»[1]. Так, например, Управление Федеральной антимонопольной службы (УФАС) России по Алтайскому краю привлекло к административной ответственности три строительные компании г. Барнаула за сговор на аукционных торгах. Управление установило факт заключения и реализации компаниями соглашения, которое привело к поддержанию цен на торгах на право выполнения капитального ремонта кровли жилого многоквартирного дома в г. Барнауле. В результате антиконкурентной стратегии поведения один из участников сговора получил право на ремонтные работы по цене ниже всего лишь на 1,5 % от начальной (максимальной) стоимости[2].

В 2013 г. было возбуждено дело о картельном соглашении в отношении «Группы компаний «Русское море» и семи других рыбных компаний в рамках уже имеющегося дела о поставках норвежской рыбы в Россию. Среди фигурантов дела оказались предприятия из Калининграда, Петербурга, Москвы[3].

За период 2011–2012 гг. ФАС рассмотрела семь дел, связанных со сговорами на торгах по закупке лекарств по программе «7 нозологий», которые в 2008–2009 гг. проводило Минздравсоцразвития. ФАС проанализировала

[1] Картельные сговоры в экономике. – URL: http://www.forbes.ru/forbes/issue/2004-07/20026-kartelnye-sgovory-v-ekonomike/

[2] В Барнауле несколько строительных компаний уличили в картельном сговоре. – URL: http://www.fas.gov.ru/fas-in-press/fas-in-press_38979.html/

[3] Случаи выявления картельных сговоров в России в 2010–2013 гг. – URL: http://ria.ru/spravka/20130527/939703562.html

результаты торгов по 188 лотам пяти аукционов и по 34 лотам выявила нарушения. По данным ФАС, «компании обеспечили друг другу победу путем неявки или пассивного поведения на торгах», что в итоге позволило им заключить госконтракты на поставку лекарств без снижения начальной (максимальной) цены[1].

Синдикат является разновидностью картельного соглашения. Механизм согласования экономических интересов его участников подразумевает подписание договора, по условиям которого готовый товар предприятий, входящих в интеграционное объединение и производящих массовую однотипную продукцию, реализуется как общая продукция через единую сбытовую контору. Сбытовая контора может быть в форме акционерного общества или общества с ограниченной ответственностью. Она принимает продукцию предприятий по ценам, заранее установленным синдикатным объединением, что позволяет достичь монопольно высоких цен на весь однотипный товар. В функции сбытовой конторы может входить также концентрация всех заказов с последующим распределением их между партнерами в строгом соответствии с установленными квотами. Кроме того, синдикат может осуществлять закупки сырья для его участников по монопольно низким ценам. Таким образом, концентрация торговых операций в одной конторе позволяет фирмам, принявшим условия соглашения, получать непосредственную выгоду от закупок сырья по заниженным ценам и продажи продукции по завышенным, а также диктовать цены на рынке и устранить конкуренцию между компаниями. Организации, не входящие в синдикат, сталкиваются с очень большой ценовой конкуренцией, которую устанавливают участники синдикатного договора, так как в них сообща планируются все торговые операции от закупки сырья до оптового сбыта готовой продукции.

Фирмы, участвующие в данном монопольном союзе, теряют коммерческую независимость, но при этом остаются юридически и производственно самостоятельными предприятиями со своими экономическими интересами. Основной целью синдиката как межфирменной кооперации является реализация экономических интересов своих участников путем расширения и удержания рынка сбыта, регулирования объема выпускаемой продукции внутри синдиката и цен на внешних рынках сбыта продукции.

В настоящее время синдикатное объединение не очень распространено, но практика его применения довольно часто наблюдалась в XIX и XX вв. Примером крупнейшего синдиката является лондонский «De Beers» – международная корпорация, которая занимается добычей, обработкой и продажей природных алмазов, а также производством синтетических алмазов для промышленных целей. Основанная в 1888 г. на территории нынешней ЮАР, она превратилась в монополиста в своей области и являлась крупнейшей компанией в мире по стоимости добываемых алмазов: до кризиса 2008 г. обеспечивала 45–49 % (48 млн карат) мировой добычи алмазов. Бизнес компании серьезно пострадал в кризисные 2008–2009 гг., и она уступила первое место по объему добычи российской горнорудной корпорации «Алроса»[2].

[1] Случаи выявления картельных сговоров в России в 2010–2013 гг. – URL: http://ria.ru/spravka/20130527/939703562.html

[2] Алроса: лидерство, стабильность, уникальность. – М. : Фондовый центр «Стабильность», 2013. – С. 4. – URL: http://data.investfunds.ru/comments/stocks/file/2013-11/infina_Review_291113_45289.pdf/

В России синдикаты получили широкое распространение до 1917 г. и в период НЭПа. В современных условиях синдикатные объединения почти повсеместно заменили более прогрессивные формы межфирменного сотрудничества, такие как концерны, консорциумы.

Трест представляет собой объединение деятельности предприятий по закупке сырья, сбыту готовой продукции на основе совместной собственности. Иными словами, сливаясь в единый производственный комплекс (особую организационно-правовую форму бизнеса), ранее самостоятельные фирмы с присущими им экономическими интересами добровольно лишаются юридической и хозяйственной самостоятельности. Передача активов в централизованное управление способствует согласованию интересов участников межфирменной кооперации. Во главе треста стоит правление, руководящее производством, сбытом товара, финансовыми операциями всех предприятий, входящих в объединение. Каждый участник монопольного объединения получает определенный пакет акций в соответствии со своей долей капитала, что дает ему право участвовать в делах треста, общая прибыль распределяется согласно долевому участию отдельных предприятий. В отличие от картели и синдиката, в тресте объединяются все стороны хозяйственной деятельности фирмы, а более высокая концентрация капитала обеспечивает более полную реализацию экономических интересов партнеров путем повышения уровня конкурентоспособности треста.

Данная форма межфирменной кооперации удобна для организации комбинированного производства, т.е. объединения в одной компании предприятий разных отраслей промышленности, либо представляющих собой последовательные ступени обработки сырья, либо выполняющих вспомогательные функции в производственном процессе.

Данная форма сотрудничества широко использовалась на начальном этапе развития интеграционного взаимодействия. К известным трестам относится «Standard Oil Trust», организованный в 1882 г. для повышения эффективности деятельности и дальнейшего роста корпорации «Standard Oil». Это был первый трест в истории США, который состоял из группы предприятий различного назначения. В сфере автомобильной промышленности образовались такие крупнейшие тресты, как «Ford Motor Company» и «General Motors».

В России широкое распространение тресты получили в XIX в., в СССР указанные объединения появились в период новой экономической политики. В настоящее время на территории РФ из действующих трестов можно назвать, например, производственно-инжиниринговую компанию ЗАО «Трест Севзапэнергомонтаж», предоставляющую услуги в организации всех стадий строительства, реконструкции, модернизации и ремонта энергетических объектов, объединяющую 15 специализированных предприятий в Северо-Западном федеральном округе России, которые совместно концентрируют свои усилия для реализации строительства крупных энергетических объектов[1].

ОАО «Трест Мосэлектротягстрой» – генподрядный строительно-монтажный трест по строительству, реконструкции и капитальному ремонту объ-

[1] Трест СЗЭМ: от истоков до сегодняшних дней. – URL: http://www.trestszem.ru/history.html

ектов. В его состав входят 26 дочерних предприятий, которые расположены в различных регионах России[1].

Концерн представляет собой объединение юридически самостоятельных предприятий разных отраслей промышленности, банков, транспорта, торговли с присущими им экономическими интересами. Целью создания монопольного объединения является выполнение определенных функций или задач, решение которых возможно только при условии слияния производственного и финансового потенциала нескольких компаний [7]. Объединяющиеся предприятия имеют общие и однонаправленные экономические интересы и заключают долгосрочные взаимовыгодные договоры о сотрудничестве.

Следовательно, механизм согласования экономических интересов в рамках монопольной организации подразумевает объединение экономического потенциала и усилий в рыночной стратегии, формирование общей централизованной системы контроля. Предприятия сохраняют свою юридическую самостоятельность, но финансовый контроль и определенные функции по производственной, финансовой, инвестиционной и другой деятельности сведены в систему единого централизованного управления. Выделяют вертикальные, горизонтальные и смешанные концерны, последние называются также конгломератами. Под вертикальными понимаются объединения фирм, охватывающие весь цикл от закупки материалов через изготовление до сбыта одного определенного вида продукции. Примером может служить концерн «Volkswagen», состоящий из 342 компаний, занимающихся автомобильным производством. Для горизонтальных концернов характерно объединение похожих фирм с различными потребителями, например, пивоваренная компания «Балтика» входит в датский пивоваренный концерн «Carlsberg»[2].

Большую роль в становлении современных концернов сыграла динамика финансовых рынков в 60-х гг. XX в. со спадами и подъемами. Это позволило конгломератам или концернам смешанного типа диверсифицировать производство. Подобным образом возник и получил дальнейшее развитие концерн «General Electric», который продолжает успешно функционировать и в настоящее время. Среди продукции компании многие виды техники – от локомотивов, газовых турбин и атомных реакторов до медицинского оборудования и осветительных приборов. Известен концерн своими авиационными двигателями, изготовлением высококачественных герметиков и пластмасс. Также компанию называют самой крупной в мире ТНК нефинансового профиля. Также в качестве примера конгломерата можно привести крупный южнокорейский концерн «LG Group», чья специализация довольно разнообразна – это электроника, энергетика, телекоммуникации, химическая промышленность, банковские услуги.

Консорциум представляет собой временное объединение независимых предприятий, целями которого является в первую очередь реализация крупномасштабных проектов, когда по производственным, финансовым, техническим или иным причинам требуется объединение усилий нескольких фирм и (или) банков [8]. Отличительной чертой данного интеграционного объеди-

[1] О компании. – URL: http://tmets.ru/o_kompanii/

[2] Продажи пивоваренной компании Carlsberg в России упали в 2013 г. на 7 %. – URL: http://itar-tass.com/ekonomika/982986/

нения является участие в отношениях третьего лица – заказчика, чаще всего в этой роли выступают государственные учреждения или предприятия. Фирмы – участники консорциального соглашения остаются, как правило, юридически самостоятельными субъектами рынка со свойственными им экономическими интересами и не занимаются операциями, не связанными с их хозяйственной деятельностью. Управление консорциумом осуществляется из центра, который ведет поиск партнеров, осуществляет подготовку и заключение договоров, поддерживает оперативные связи, контролирует соблюдение и выполнение договорных обязательств, занимается ведением бухгалтерии и т.д.

В качестве механизма согласования экономических интересов участников консорциума выступает договор, в котором прописываются функции и обязанности партнеров, определяются их роли как поставщика товаров (исполнителя работ) с указанием условий осуществления ими своих обязанностей, устанавливается размер вознаграждения партнеров за выполненную работу.

В настоящее время консорциальные соглашения активно применяются в различных областях деятельности, например в машиностроении: в 2010 г. «Объединенная судостроительная корпорация» (ОСК) и французское военное судостроительное объединение «DCNS» подписали соглашение о создании консорциума в области военного и гражданского кораблестроения [9]; в сфере производства нематериальных благ: 1 марта 2013 г. в «Роскосмосе» было подписано соглашение о сотрудничестве и совместной деятельности в области формирования современной эффективной системы подготовки квалифицированных кадров для ракетно-космической промышленности (РКП), которое подразумевает создание Космического научно-образовательного инновационного консорциума[1].

Стратегический альянс представляет собой долгосрочное соглашение о кооперации двух и более независимых предприятий по сотрудничеству в области сбыта продукции, научных исследований и опытно-конструкторских разработок, производства продукции и технологического развития[2]. Взаимная выгода не означает равенства доходов партнеров, все участники альянса получают прибыль в зависимости от вклада. Стимулом возникновения и развития стратегического альянса является реализация общего интереса партнеров, а именно достижение конкурентных преимуществ за счет объединения ресурсов и совместных действий. Помимо общих экономических интересов каждый из участников имеет свои интересы. Механизм согласования экономических интересов партнеров подразумевает формирование в руководстве мозгового центра для определения движения, приоритетов и выделение ресурсов для обеспечения стабильности, выработку согласованной политики для достижения поставленных целей.

В российской практике применение стратегического альянса не ново. Так, например, было подписано генеральное соглашение о стратегическом партнерстве на 2005–2014 гг. компаниями «Газпром» и «ЛУКОЙЛ» [10].

В заключение следует отметить, что вышеуказанные интеграционные межфирменные объединения представляют собой монопольные объединения,

[1] Космический научно-образовательный инновационный консорциум. – URL: http://www.federalspace.ru/440/

[2] Межфирменные стратегические альянсы как фактор развития конкуренции. – URL: http://www.finanal.ru

целью образования которых является осуществление контроля над рынками при помощи концентрации материальных и финансовых ресурсов, научно-технического потенциала, ограничения действия конкуренции для получения большей прибыли. Согласование экономических интересов предприятий – участников интеграционных объединений осуществляется на основе институционального механизма, который зависит от специфики выбранной формы кооперации.

Список литературы

1. **Барышников, М. Н.** Бизнес в историческом измерении: эффективность и социокультурные предпочтения / М. Н. Барышников // Terra economikus. – 2012. – Т. 10, № 1. – С. 125.
2. **Соболева, Ю. П.** Теоретические аспекты исследования межфирменного сотрудничества / Ю. П. Соболева // Инновационный вестник регион. – 2011. – № 3. – С. 55.
3. **Иванова, Н. Ю.** Стратегический союз малых фирм / Н. Ю. Иванова // Государственное управление. Электронный вестник. – 2006. – Вып. 9. – С. 1. – URL: http://e-journal.spa.msu.ru/uploads/vestnik/2006/vipusk_9._dekabr_2006_g./ivanova.pdf
4. **Суханова, И. Ф.** Закономерности развития интеграционных отношений России в условиях становления рыночной экономики : автореф. дис. … д-ра экон. наук : 08.00.01 / Суханова И. Ф. – М., 2000. – С. 10.
5. **Сорокина, И. О.** Теоретические основы понятия «интеграция» и принципы ее осуществления / И. О. Сорокина // Менеджмент в России и за рубежом. – 2008. – № 2. – С. 25.
6. **Авдашева, С.** Программа ослабления наказания: зависимость результативности от структуры рынка / С. Авдашева, В. Симакова // Экономическая политика. – 2009. – № 1. – С. 158–173.
7. **Исакова, Н. Ю.** Интегративная парадигма объединения предприятий в условиях глобализации экономики и интеграции капитала / Н. Ю. Исакова // Фундаментальные исследования. – 2013. – № 10. – Ч. 1. – С. 164. – URL: http://www.rae.ru/fs/pdf/2013/10-1/32237.pdf
8. **Хайруллин, А. М.** К вопросу о правовой природе договора консорциума / А. М. Хайруллин // Ученые записки и материалы круглого стола, посвященного памяти доктора права, ординарного профессора К. И. Малышева (1841–1907 гг.) : сб. ст. преподавателей, магистров и аспирантов. – Челябинск : Полиграф-Мастер, 2013. – С. 221.
9. **Челпанова, М.** «От “Мистраля” до Арктики» / М. Челпанова, Д. Шабашов. – URL: http://www.rbcdaily.ru/industry/562949979132159#
10. **Королева, Е. В.** Стратегические альянсы: зарубежный опыт и российские особенности / Е. В. Королева // Мировая экономика. – 2009. – № 5. – С. 10.

References

1. Baryshnikov M. N. *Terra economikus*. 2012, vol. 10, no. 1, p. 125.
2. Soboleva Yu. P. *Innovatsionnyy vestnik region* [regional innovative bulletint]. 2011, no. 3, p. 55.
3. Ivanova N. Yu. *Gosudarstvennoe upravlenie. Elektronnyy vestnik* [Public administration. Online bulletin]. 2006, iss. 9, p. 1. Available at: http://e-journal.spa.msu.ru/uploads/vestnik/2006/vipusk_9._dekabr_2006_g./ivanova.pdf
4. Sukhanova I. F. *Zakonomernosti razvitiya integratsionnykh otnosheniy Rossii v usloviyakh stanovleniya rynochnoy ekonomiki: avtoref. dis. d-ra ekon. nauk: 08.00.01* [Regularities of integration relations development in Russia in conditions of the market economy establishment: author’s abstract of dissertation to apply for the degree of the doctor of economic sciences]. Moscow, 2000, p. 10.

5. Sorokina I. O. *Menedzhment v Rossii i za rubezhom* [Management in Russia and abroad]. 2008, no. 2, p. 25.
6. Avdasheva S., Simakova V. *Ekonomicheskaya politika* [Economic policy]. 2009, no. 1, pp. 158–173.
7. Isakova N. Yu. *Fundamental'nye issledovaniya* [Fundamentla research]. 2013, no. 10, part 1, p. 164. Available at: http://www.rae.ru/fs/pdf/2013/10-1/32237.pdf
8. Khayrullin A. M. *Uchenye zapiski i materialy kruglogo stola, posvyashchennogo pamyati doktora prava, ordinarnogo professora K. I. Malysheva (1841–1907 gg.): sb. st. prepodavateley, magistrov i aspirantov* [Proceedings and materials of the round table in the memory of doctor of law, professor in ordinary K. I. Malyshev (1841–1907): collected papers by teachers, graduate and postgraduate students]. Chelyabinsk: Poligraf-Master, 2013, p. 221.
9. Chelpanova M., Shabashov D. *«Ot "Mistralya" do Arktiki»* [From "the Mistral" to "the Arctic"]. Available at: http://www.rbcdaily.ru/industry/562949979132159#
10. Koroleva E. V. *Mirovaya ekonomika* [World economy]. 2009, no. 5, p. 10.

Канакина Валентина Александровна
аспирант, Пензенский государственный университет
(Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40)

E-mail: kan-vala@mail.ru

Kanakina Valentina Aleksandrovna
Postgraduate student, Penza State University
(40 Krasnaya street, Penza, Russia)

Понукалин Александр Владимирович
кандидат экономических наук, доцент, кафедра экономики и финансов, Пензенский государственный университет
(Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40)

E-mail: avp1123@mail.ru

Ponukalin Aleksandr Vladimirovich
Candidate of economic sciences, associate professor, sub-department of economics and finances, Penza State University
(40 Krasnaya street, Penza, Russia)

УДК 334

Канакина, В. А.

Межфирменная интеграция как одна из форм кооперации / В. А. Канакина, А. В. Понукалин // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2015. – № 4 (36). – С. 246–257.

УДК 338.246.2:336.2

Ю. А. Щеглов

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА «РЕЙДПРИГОДНОСТИ» ПРЕДПРИЯТИЙ

Аннотация.

Актуальность и цели. В настоящее время рейдерство является одним из самых быстро развивающихся видов захвата предприятий организованными преступными группами в современной России. Риск в первую очередь вызван несовершенством законодательной базы. В большей части является незащищенным промышленный сектор российской экономики. Цель работы – провести анализ рисков и предложить варианты их сокращения.

Материалы и методы. Реализация исследовательских задач была достигнута на основе анализа деятельности предприятий, подвергшихся рейдерству, а также организаций, к которым проявляется интерес. Большинство авторов ограничивается лишь рассмотрением факторов, учитываемых агрессором при оценке рейдпригодности объекта. В методиках, предлагаемых учеными-экономистами, основным критерием оценки является риск, измеряемый соотношением прибыли и стоимости активов. При этом как высоковероятностный риск рейдерского поглощения рассматривается ситуация, при которой прибыль меньше или равна стоимости активов, а также в случае отсутствия перспектив развития при средней эффективности предприятия.

Результаты. Рассмотренные в статье методики оценки рейдпригодности показывают необходимость при оценке организаций опираться в первую очередь на математическую модель, которая исключает двусмысленность в толковании результатов.

Выводы. Создание системы по оценке рейдпригодности предприятий позволит предупредить наступление риска рейдерства, а при наступлении рейдерства найти пути выхода из него или минимизировать последствия. Данная система сможет повысить привлекательность для инвесторов и увеличить прибыль предприятий за счет большей защищенности.

Ключевые слова: рейдпригодность, предприятие, недружественное поглощение, прибыль.

Yu. A. Shcheglov

ECONOMIC ASSESSMENT OF “RAID-SUITABILITY” OF ENTERPRISES

Abstract.

Background. Nowadays raiding is one of the fastest growing types of takeovers of enterprises by organized criminal groups in contemporary Russia. The risk is primarily caused by imperfection of the legislative framework. The most unprotected area of the Russian economy is the industrial sector. Due to its specificity, in some cases it may lead to an efficient capture of an enterprise. The aim of this work is to analyze risks and to propose options to reduce them.

Materials and methods. The research tasks were implemented on the basis of the analysis of companies, exposed to raiding, as well as organizations, which hold the interest. The majority of authors is limited to consideration of factors, considered by an aggressor in assessing raid-suitability of an object. In the methods proposed by academic economists, the main criterion of evaluation is the risk as measured by the

ratio of profit and asset value. At the same time of highly probable risk of raider takeovers is the situation, in which the profit is less than or equal to the value of assets, and also in the absence of development prospects at the average efficiency of an enterprise.

Results. The methods of assessing raid-suitability, considered in the article, show the need to evaluate organizations to rely primarily on a mathematical model, which eliminates ambiguity in interpretation of the results, as well as the specifics of an enterprises.

Conclusions. Establishment of a system for assessing raid-suitability of enterprises can prevent occurrence of the risk of raiding, and in case of raiding to find a way out of it or minimize the consequences. This system will be able to increase attractiveness to investors and increase the profit of enterprises at the expense of more security.

Key words: raid-suitability, enterprise, hostile takeover, profit.

Экономика Российской Федерации будет более привлекательной, если будут минимизированы риски вложения капитала инвесторами. Их минимизация может быть связана как с совершенствованием законодательной базы, так и с выявлением условий, их порождающих [1]. В настоящее время особое значение приобретают скрытые риски.

На российском рынке принято условно квалифицировать латентные риски следующим образом:

1. Крупные финансово-промышленные группы, выстраивающие вертикально интегрированные холдинги.

2. Явные конкуренты, стремящиеся установить контроль над большей частью рынка конкретной продукции или услуги.

3. Инвестиционные компании, в которых недружественное поглощение служит основным способом заработка.

4. Компании, которые специализируются и действуют в интересах существующих либо потенциальных заказчиков.

5. Корпоративные шантажисты («greenmailers»).

Таким образом, для каждой рейдерской компании характерны те или иные мотивы «захватчиков»: увеличение массы влияния на рынке; устранение конкурентов; установление контроля над рынком сырья и сбыта; «приобретение доходов» захватываемой компании; перепродажа компании в целом или части активов для получения максимальной прибыли; корпоративный шантаж [2].

Определившись с мотивами, рейдер выбирает цель, после чего начинается подготовительный этап, который не всегда заметен для компании-мишени, но очень важен для рейдера, поскольку на данном этапе осуществляется планирование захвата, концентрация сил и ресурсов для реализации рейдерских замыслов, сбор и анализ информации. Для оценки «рейдпригодности» наибольший интерес для «захватчика» представляют:

– корпоративная информация: учредительные документы, положения, регламентирующие деятельность органов управления, протоколы собраний, протоколы заседаний советов директоров, сведения о дочерних и зависимых обществах, о величине и структуре уставного капитала, оперативная информация об изменениях в реестре акционеров компании;

– финансово-экономическая информация: бухгалтерские балансы, сведения о наличии и структуре дебиторской и кредиторской задолженности,

о наличии ликвидного имущества и его правовом статусе, информация об имеющихся обременениях имущества, информация о контрагентах компании-цели, информация о налоговой и банковской истории предприятия;

– сведения о менеджменте и собственниках компании-цели: данные о занимаемых должностных позициях, количестве принадлежащих им акций или долей в уставном капитале, способе приобретения и оплаты акций долей в уставном капитале, личная информация.

Необходимо отметить, что промышленный сектор российской экономики имеет свою специфику, которая в ряде случаев способствует эффективному захвату предприятия. Среди таких предпосылок можно выделить неоцененность с точки зрения рыночной привлекательности основной массы предприятия, а также создание стратегии корпоративной защиты уже после начала активных действий агрессоров.

Рейдеры в первую очередь к «рейдпригодным объектам» относят компании, стоимость бизнеса которых существенно ниже рыночной цены принадлежащих им активов. Как правило, это предприятия, обладающие привлекательными активами в виде земельных участков, объектов недвижимости и т.д., но неэффективные в своей хозяйственной деятельности. Зачастую такие предприятия убыточны либо низкоприбыльны, не платят дивиденды, ущемляют права миноритарных акционеров.

При этом наибольшая опасность состоит не в том, что какое-либо предприятие может быть подвергнуто рейдерской атаке, а в том, что его хозяева до конца не осознают данного риска и не принимают никаких мер по его предотвращению.

Риск как экономическая категория – это экономические отношения, возникающие между субъектами по поводу возможности (вероятности) наступления негативных событий, непредвиденных потерь при наличии альтернатив хозяйственной деятельности в условиях, различающихся степенью неопределенности.

В экономической науке к анализу проблем измерения и соответствующей оценки риска недружественного поглощения предприятия обращаются отдельные авторы. Из них основное большинство ограничивается лишь рассмотрением факторов, учитываемых агрессором при оценке рейдпригодности объекта. В методиках, предлагаемых учеными-экономистами, основным критерием оценки является риск, измеряемый соотношением прибыли и стоимости активов. При этом как высоковероятный риск рейдерского поглощения изучается ситуация, при которой прибыль меньше или равна стоимости активов, а также в случае отсутствия перспектив развития при средней эффективности предприятия.

В основу практически всех предлагаемых наукой методик положен алгоритм оценки риска рейдерства, созданный в 2007 г. Н. А. Кричевским. Методика Н. А. Кричевского учитывает основные факторы, принимаемые рейдерами во внимание при подготовке и реализации недружественного поглощения. Факторы реализации риска структурированы Н. А. Кричевским по пяти группам: организационной структуре, собственности, финансово-экономическому состоянию, менеджменту и внешнему окружению (табл. 1) [3]. Если в результате оценки, проведенной по рассматриваемой методике, предприятие набирает три и более балла, то риск рейдерства высокий. Главными

достоинствами этой методики являются простота применения и конкретизация основных факторов риска недружественных поглощений. К недостаткам этой методики следует отнести отсутствие дифференциации веса факторов и недостаточное внимание такой группе факторов риска, как финансово-экономическое состояние.

Таблица 1

Оценка риска рейдерства по методике Н. А. Кричевского [1]

Факторы риска	Баллы	
	0,5	1,0
I. Организационная структура		
АО: контрольного пакета нет	+	
ООО: наличие учредителей, не участвующих в деятельности	+	
II. Собственность		
Наличие недвижимости, объектов интеллектуальной собственности		+
Ненадлежащее правовое оформление активов		+
Действующие обременения	+	
III. Финансово-экономическое состояние		
Рост стоимости предприятия	+	
Наличие просроченной кредиторской задолженности	+	
Ведение двойной бухгалтерии		+
IV. Менеджмент		
Внутренние конфликты за весь период деятельности	+	
Отсутствие мотивации и стимулирования менеджмента	+	
V. Внешнее окружение		
Отсутствие постоянных контактов с регистратором	+	
Неблагоприятное социальное окружение	+	
Негативные отношения с органами власти		+
Отсутствие «контактов» с законными силовыми структурами	+	
Неудавшиеся попытки рейдерских акций	+	
Проходной балл – 3,0		
Результат 3 балла и больше – риск рейдерства высокий		

Различные авторы на основе методики Н. А. Кричевского, исходя из результатов их собственных исследований, предложили скорректированные алгоритмы оценки «рейдпригодности».

В частности, Э. Савуляк предложил методику оценки «рейдпригодности» компании по 16 критериям, по каждому из которых определен коэффициент, имеющий вес, дифференцированный по степени значимости (табл. 2) [4]. Методика Э. Савуляка позволяет «протестировать» разработанную систему противодействия недружественным поглощениям с учетом основных механизмов, используемых рейдерами. Наряду с определенным усовершенствованием ранее существовавшей методики, Э. Савуляк все же не учел некоторые факторы развития современной российской экономики. Так, учет в перечне коэффициентов региона, в котором расположено предприятие, не совсем актуален в настоящих реалиях. Некоторые эксперты, анализируя перспективы

развития рейдерства в России, пришли к мнению, что зоной риска на современном этапе является регион. Предприятия в регионах наиболее уязвимы в посткризисных условиях, поскольку на периферии произошло наиболее существенное снижение стоимости активов предприятия. Ни для кого не является секретом, что основная масса предприятий в регионах в своей деятельности использует заемные средства. Анализ структуры капитала (с мультипликаторами: собственный капитал и кредиторская задолженность, включая краткосрочные кредиты и займы, долгосрочные обязательства) отдельных предприятий Пензенской области, подверженных риску рейдерства, позволяет сделать вывод, что резкое снижение коэффициента автономности и высокая степень зависимости предприятия от внешних займов увеличивают вероятность риска рейдерской атаки.

Таблица 2

Оценка риска рейдерства по методике Э. Савуляка [2]

Коэффициенты	Значения	Баллы
1	2	3
К 1 – степень консолидированности структуры фирмы	А) пакет акций «распылен» выше 51 %	30
	Б) пакет акций «распылен» на 25–51 %	10
	В) пакет акций «распылен» менее 25 %	3
К 2 – доля рыночной стоимости недвижимости в активах	А) свыше 50 %	30
	Б) 10–50 %	10
	В) менее 10 %	1
К 3 – доля кредиторской задолженности в активах фирмы	А) свыше 50 %	5
	Б) 10–50 %	3
	В) менее 10 %	1
К 4 – частота выплаты дивидендов	А) ежегодно	1
	Б) не выплачиваются	3
К 5 – отрасль, в которой работает фирма	А) экспертно наиболее рентабельная (топливная, черная и цветная металлургия, розничная торговля и общественное питание, связь, строительство, финансы и страхование)	3
	Б) прочие	1
К 6 – регион, в котором расположена фирма	А) экспертно подверженный инфраструктурному воздействию в наибольшей степени (Москва, Санкт-Петербург, Московская и Ленинградская области)	3
	Б) прочие	1
К 7 – организационно-правовая форма	А) ОАО, ЗАО	3
	Б) ООО	2
	В) прочие	1
К 8 – реальность юридического и фактического адресов фирмы	А) не реальны	3
	Б) реальны	1
К 9 – проведение процедуры due diligence в отношении первичных учредителей и директоров фирмы	А) нет, не проводились	3
	Б) да, проводились	1

Окончание табл. 2

1	2	3
К 10 – центры владения активами	А) все активы сосредоточены в одном центре	5
	Б) центры владения и прибыли разделены	1
К 11 – вид фирмы, на которую выведены самые ценные активы	А) траст/фонд	1
	Б) прочее	10
К 12 – реальность личностей учредителей и директора	А) собственник номинален	5
	Б) собственник все контролирует «напрямую» либо через трастового управляющего	1
К 13 – ведение реестра	А) реестр ведет российский или иностранный депозитарий	5
	Б) реестр ведет сама фирма	1
К 14 – публичность реального собственника	А) собственник известен	10
	Б) собственник скрыт	1
К 15 – надежность регистратора	А) информации о регистраторе нет	5
	Б) репутация регистратора безупречна	1
К 16 – подлинность подписи директора/ акционера	А) подпись факсимильная и прочее	10
	Б) подпись всегда только собственноручная	1

Вызывает сомнение и дифференциация в методике Э. Савуляка веса коэффициента «отрасль, в которой работает предприятие». Рейдеры всеядны: им все равно, кого и что захватывать; главное – получить сверхприбыль. Поэтому если предприятие работает в низкорентабельной отрасли, но обладает «сверхрейдпригодными» активами, то вряд ли данный коэффициент будет иметь значение.

Е. В. Громовой предложена для предприятий, подверженных риску рейдерства, авторская методика fraud scoring (оценка вероятности мошенничества), учитывающая организационно-правовой статус предприятий и возможные дополнительные факторы риска, связанные со статусом учредителей. Кроме того, данным автором особое значение придано оценке рисков, относящихся к корпоративному управлению [5].

На основе вышеперечисленных методик Н. С. Согриной в 2010 г. предложена авторская модель оценки «рейдпригодности», учитывающая взаимовлияние и взаимосвязь между уровнем недружественного поглощения (рейдерства) и финансово-экономическим состоянием предприятия, а также предполагающая ориентир на критериальные значения показателей для оценки риска рейдерства. По методике Н. С. Согриной основные факторы «рейдпригодности» оцениваются по скорректированным коэффициентам с дифференциацией веса, поскольку влияние факторов неравнозначно. При этом фактор «финансово-экономическое состояние» представлен основными показателями, применяемыми в ходе экономического анализа финансово-хозяйственной деятельности (табл. 3) [6].

Таблица 3

Показатели для оценки финансово-экономического состояния фирмы по методике Н. С. Согриной [3]

Показатели	Расчетная формула		Нормативное значение
	Числитель	Знаменатель	
Раздел 1. Платежеспособность (ликвидность)			
1.1. Коэффициент текущей ликвидности; общее покрытие («текущий показатель»)	Текущие оборотные активы	Краткосрочные заимствования	2
1.2. Коэффициент абсолютной ликвидности; денежное покрытие («быстрый показатель»)	Наличные средства и денежные эквиваленты	Краткосрочные обязательства фирмы	0,25
Раздел 2. Финансовая устойчивость			
2.1. Коэффициент автономии (коэффициент финансирования)	Капитал и резервы	Финансовый капитал	> 0,5 –
Раздел 3. Деловая активность (оборачиваемость средств)			
3.1. Коэффициент оборачиваемости капитала (деловая активность фирмы)	Чистые доходы от реализации продукции	Среднегодовая стоимость капитала	> 1 –
Раздел 4. Рентабельность (эффективность управления)			
4.1. Рентабельность оборота (продаж)	Прибыль от продаж	Выручка	> 0,75d% –
4.2. Экономическая рентабельность	Чистая прибыль	Денежный капитал	> 1,5d% –
4.3. Финансовая рентабельность	Чистая прибыль	Собственный капитал	> 1,0d% –

Безусловно, методика факторной оценки «рейдпригодности» должна опираться в первую очередь на систему показателей, поддающихся математической обработке и исключающих двусмысленность в толковании результатов. Программный продукт на основе такой методики, помимо универсальности применения и оперативности выявления условий благоприятствования для реализации рейдерских замыслов, должен обладать практической значимостью, не зависящей от трансформации внешних факторов. А результаты применения подобного программного продукта должны представлять реальную и объективную оценку «рейдпригодности» любого конкретного предприятия, что позволит руководству и (или) собственнику предпринимать на превентивном этапе меры по противодействию недружественному поглощению.

Список литературы

1. **Путин, В. В.** Нам нужна новая экономика / В. В. Путин // Ведомости. – 2012. – 30 января.
2. **Желнорович, А. В.** Рейдерство в России – показатель институционального дефицита российской экономики / А. В. Желнорович // Российская юстиция. – 2007. – № 8.
3. **Громова, Е. В.** Методы и инструменты управления риском рейдерства предприятий и организаций : дис. … канд. экон. наук / Громова Е. В. – Пенза, 2010.

4. **Кричевский, Н.** Рейдерство: штрихи к портрету явления / Н. Кричевский // Независимая газета. – 2007. – 12 октября.
5. **Громова, Е. В.** Зарубежный опыт формирования стратегии защиты от рейдерства / Е. В. Громова // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2009. – № 3.
6. **Согрина, Н. С.** Особенности недружественных поглощений (рейдерства) в трансформируемой экономике : автореф. дис. … канд. экон. наук / Согрина Н. С. – Челябинск, 2010.

References

1. Putin V. V. *Vedomosti* [Bulletin]. 2012, 30 Jan.
2. Zhelnorovich A. V. *Rossiyskaya yustitsiya* [Russian justice]. 2007, no. 8.
3. Gromova E. V. *Metody i instrumenty upravleniya riskom reyderstva predpriyatiy i organizatsiy: dis. kand. ekon. nauk* [Methods and instruments of raiding risk management at interprises and organizations: dissertation to apply for the degree of the candidate of economic sciences]. Penza, 2010.
4. Krichevskiy N. *Nezavisimaya gazeta* [The independent newspaper]. 2007, 12 Oct.
5. Gromova E. V. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Obshchestvennye nauki* [University proceedings. Volga region. Social sciences]. 2009, no. 3.
6. Sogrina N. S. *Osobennosti nedruzhestvennykh pogloshcheniy (reyderstva) v transformiruemoy ekonomike: avtoref. dis. kand. ekon. nauk* [Features of hostile take-overs (raiding) in the transforming economy: author's abstract of dissertation to apply for the degree of the candidate of economic sciences]. Chelyabinsk, 2010.

Щеглов Юрий Александрович
соискатель, кафедра менеджмента,
Пензенский государственный
университет
(Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40)

E-mail: Sheglov.pgu@mail.ru

Shcheglov Yuriy Aleksandrovich
Applicant, sub-department of management,
Penza State University
(40 Krasnaya street, Penza, Russia)

УДК 338.246.2:336.2
Щеглов, Ю. А.
Экономическая оценка «рейдпригодности» предприятий / Ю. А. Щеглов // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2015. – № 4 (36). – С. 258–265.

УДК 336

А. А. Андриянова, Л. С. Андриянова

К ВОПРОСУ О ВАЛЮТНОЙ ПОЛИТИКЕ БАНКА РОССИИ

Аннотация.

Актуальность и цели. В статье обозначена проблема преемственности и качественных переломов в валютной политике Банка России как факторов существенного влияния на инвестиционную активность в государстве, уровень занятости и потребления, в целом – темпы экономического роста.

Материалы и методы. Работа основана на системном подходе в исследовании процессов валютной политики Банка России, представляющей важнейшее структурное звено в денежно-кредитной активности учреждения. Метод сравнительного анализа позволил замерять показатели результативности валютной политики Банка России в плоскости теории экономического роста, степени реализации задач повышения деловой активности и снижения уровня инфляции.

Выводы. На протяжении последних пяти лет валютная политика Банка России носила реактивный характер, что не позволило стабилизировать валютные ожидания и создать условия для перехода к плавающему обменному курсу рубля. В условиях неразвитости российского финансового рынка и нехватки инструментов хеджирования рисков Банку России следует отойти от заимствования опыта валютной политики развитых стран и перенимать меры валютной политики, доказавшие свою результативность в странах с формирующимися рынками. В дополнение к организационно-финансовым мерам правительство должно разработать и осуществить меры, которые стимулировали бы процессы капиталообразования и инвестирования в отечественный производящий сектор.

Ключевые слова: Банк России, валютная политика, валютный курс, таргетирование валютного курса.

A. A. Andrianova, L. S. Andrianova

ON THE ISSUE OF THE MONETARY POLICY OF THE BANK OF RUSSIA

Abstract.

Background. The article designates a problem of continuity and quality of fractures in the monetary policy of the Bank of Russia as factors of material impact on the investment activity in the country, employment and consumption, in general – the pace of economic growth.

Materials and methods. The work was based on a systematic approach in the study of the monetary policy the Bank of Russia, representing an important structural element in the monetary activity of the institution. The method of comparative analysis allowed to measure performance indicators of the monetary policy of the Bank of Russia in the plane of the theory of economic growth, the extent to which the objectives of improving business activity and inflation reduction were realized.

Conclusions. Over the past five years, the Bank of Russia's monetary policy was of a reactive nature, and that has not allowed to stabilize the foreign exchange expectations and to create conditions for a transition to a floating exchange rate of the ruble. In conditions of underdevelopment of the Russian financial market and the lack of hedging instruments The Bank of Russia should move away from borrowing

experience from monetary policies of developed countries and has to adopt measures and exchange rate policies that have proven their effectiveness in countries with emerging markets. In addition to the organizational and financial measures the government should develop and implement measures in the financial market that would stimulate capital formation and investments in the domestic manufacturing sector.

Key words: Bank of Russia, monetary policy, exchange rate, exchange rate targeting.

Политика валютного курса Банка России в настоящее время ориентирована на снижение волатильности рубля как важнейшего условия обеспечения макроэкономической стабильности. Это обусловило реализацию им политики управляемого плавания рубля по отношению к двум ведущим мировым валютам – доллару и евро.

Банк России 10 ноября 2014 г. упразднил действовавший механизм курсовой политики (де-юре относившийся к управляемым режимам), отменив интервал допустимых *значений стоимости* бивалютной корзины, на границах и за пределами которого он совершал регулярные валютные *интервенции*. Однако смена режима обменного курса не привела к ожидавшейся Банком России финансовой стабилизации, наоборот, спровоцировала панику на финансовых рынках.

Игра на обесценивание национальной валюты стала одним из наиболее прибыльных видов деятельности не только для банков, но и для хозяйствующих субъектов. Более того, если исходить из часто используемого в теоретической литературе определения различных финансовых кризисов, то смена режима обменного курса в нашей стране стала триггером полномасштабного валютного кризиса, угрожающего перерасти в полномасштабный системный банковский кризис [1, с. 12].

Исходя из стандартного теоретического подхода (так называемого «биполярного предписания»), Банк России полагал, что переход к гибко плавающему режиму обменного курса рубля позволит эффективнее абсорбировать негативные внешние шоки и будет способствовать поддержанию макроэкономической и финансовой стабильности российской экономики. Но главным недостатком режима управляемого валютного плавания стало то, что активы Банка России не используются на модернизационное развитие экономики, а размещаются за рубежом (внешние активы) [2, с. 45].

Проанализируем современную курсовую политику Банка России, адекватность валютных резервов, валютных интервенций и меры по поддержанию устойчивости финансового сектора.

В период с января по ноябрь 2015 г. продолжилось ослабление рубля, как и в 2014 г., к основным мировым валютам, при этом в отдельные периоды динамика курса рубля была подвержена воздействию как общих для валют стран с развивающимися рынками факторов, так и специфических, связанных с возрастанием геополитических рисков для России. Так, в I квартале 2015 г. усиление неопределенности относительно развития ситуации на Украине и ее последствий для российской экономики, введение санкций против России рядом стран и последовавшее снижение суверенного рейтинга России агентством Standard&Poor's привели к ослаблению рубля относительно большин-

ства мировых валют. Во II квартале 2015 г. по мере стабилизации ситуации на внутреннем валютном рынке произошло укрепление рубля, после чего до конца рассматриваемого периода волатильность курса национальной валюты оставалась умеренной.

Банк России в январе–августе 2015 г. продолжил осуществлять курсовую политику в рамках режима управляемого плавающего валютного курса, не устанавливая фиксированные ограничения на уровень курса национальной валюты или целевые значения его изменения.

Если механизм курсовой политики в 2014 г. предполагал возможность осуществления покупок или продаж иностранной валюты при нахождении стоимости бивалютной корзины в операционном интервале, причем внутри него выделялся «нейтральный» диапазон, в котором валютные интервенции, направленные на сглаживание волатильности курса рубля, не совершались. Корректировка границ операционного интервала осуществлялась автоматически, при достижении установленной величины накопленным объемом операций Банка России, в расчет которого не включалась величина целевых покупок и продаж иностранной валюты. То с 10 ноября 2014 г. Банк России упразднил действовавший механизм курсовой политики, отменив интервал допустимых значений стоимости бивалютной корзины и регулярные интервенции на границах указанного интервала и за его пределами. При этом новый подход Банка России к проведению операций на внутреннем рынке не предполагает полного отказа от валютных интервенций, их проведение возможно в случае возникновения угроз для финансовой стабильности[1].

Для Банка России управляемое валютное плавание по сравнению с политикой фиксированного валютного курса при обеспечении макроэкономической стабильности потенциально может стать дополнительным источником прибыли в форме курсовой маржи.

В сущностном плане курсовая маржа приводит к формированию или увеличению реализованных разниц по отдельным активам (ценные бумаги, драгоценные металлы и пр.), которые вследствие продажи их по более низкому курсу национальной валюты приводят к получению Банком России экономического выигрыша, относимого на финансовый результат в состав доходов [3, с. 128].

В то же время следует осознавать, что в массированных покупках Центральным банком инвалютных активов у правительства присутствуют проинфляционные факторы, которые, в свою очередь, будут подстегивать волатильность обменного курса и девальвационные ожидания хозяйствующих субъектов[2]. Во всем нужны мера, разъяснение и прозрачность.

На 10.12.2015 стоимость бивалютной корзины составила 73,3 рубля, увеличившись на 11,8 % по сравнению с началом года. Номинальный эффективный курс рубля к валютам стран – основных торговых партнеров России снизился в июне 2015 г. по отношению к декабрю 2014 г. на 1 %.

---

[1] Центральный банк Российской Федерации. История курсовой политики Банка России. – URL: http://www.cbr.ru/DKP/?PrtId=e-r_policy (дата обращения: 15.12.2015).

[2] Центральный банк Российской Федерации. Инфляционные ожидания населения. Ноябрь 2015 г. – URL: http://www.cbr.ru/DKP/standart_system/Infl_exp_15-11.pdf (дата обращения: 15.12.2015).

Ограничение отдельными странами доступа ряда российских организаций к внешним финансовым рынкам стало дополнительным фактором увеличения напряженности на внутреннем валютном рынке и способствовало ухудшению возможностей банковского сектора по управлению краткосрочной валютной ликвидностью. Банк России для смягчения указанных негативных воздействий с 17 сентября 2014 г. ввел операции «валютный своп» по продаже долларов США за рубли с их последующей покупкой.

Новый инструмент предполагает заключение Банком России сделок «валютный своп» на срок один день с расчетами «сегодня / завтра» и «завтра / послезавтра» в соответствующем сегменте торгов ОАО «Московская биржа». Учитывая вспомогательный характер указанных операций, Банк России лимитировал объемы сделок с расчетами «сегодня / завтра» и «завтра / послезавтра» величинами 1 и 2 млрд долларов США соответственно. Процентные ставки по данным операциям были установлены на фиксированном уровне 7,00 % годовых по рублевой части и 1,50 % годовых по валютной части. Предоставление Банком России иностранной валюты носит временный характер и направлено на уменьшение рисков нарушения стабильного функционирования внутреннего финансового рынка [4].

В рамках мер по дальнейшему повышению гибкости курсообразования Банк России 13.01.2014 снизил объем целевых валютных интервенций с 60 млн долларов США в день до нуля и величину накопленных интервенций, приводящих к сдвигу границ операционного интервала на 5 копеек, с 400 до 350 млн долларов США. В связи с обострением внешнеполитической ситуации, спровоцировавшим резкое ослабление рубля, которое могло создать угрозы для устойчивости внутренних финансовых рынков, Банк России в целях стабилизации ситуации на внутреннем валютном рынке повысил величину накопленных интервенций до 1,5 млрд долларов США. Прочие параметры механизма курсовой политики остались неизменными. Временное уменьшение гибкости курсообразования национальной валюты позволило Банку России стабилизировать ситуацию на внутреннем валютном рынке, в результате чего снизились девальвационные ожидания в экономике и не произошло существенного роста долларизации депозитов. Кроме того, указанная мера способствовала смягчению инфляционных последствий ослабления национальной валюты [5].

Тем не менее доходность от золотовалютных резервов находится на низком уровне – она не превышает 1 %. Риск их размещения в зарубежных банках очень высок. В то же время доходность российских корпоративных еврооблигаций при заимствовании капитала отечественными предприятиями за рубежом находится на уровне 4–10 % годовых. В связи с этим было бы разумно направить часть золотовалютных резервов, хранящихся на счетах в иностранных банках, на кредитование российского реального сектора экономики, для того чтобы инвестиционные программы отечественных предприятий не подпали под ножницы цен между стоимостью выведенного ЦБ РФ из страны капитала и стоимостью привлекаемого капитала в качестве «зарубежных» заимствований [6, с. 20].

Развитие российского финансового рынка в рамках единого евразийского финансового рынка – это новая тенденция сотрудничества проявляется в активизации торгов иностранными валютами на российском валютном

рынке. На Московской Бирже проходят торги рубль/юань. Торговля валютами стран ЕАЭС и других членов СНГ пока составляет небольшую долю. В структуре биржевого валютного рынка операции USD/RUB составляют 82 %, EUR/RUB – 16 %, другие валютные пары – около 2 % (на долю стран СНГ приходится 1 %) [7].

Создание благоприятной институциональной среды является важным направлением в целом социально-экономического реформирования, финансового, банковского сектора в частности [8]. Кризис в целом акцентировал внимание на проблеме некорректного соотношения государственного регулирования и рыночных законов, в котором вмешательство государства в экономику признается неэффективным, приводящим к формированию диспропорций в повышении цен на товары и услуги при ухудшении их качества, росте компенсации за труд [9, с. 74].

Кризис поставил перед экономикой политико-экономическую проблему экзистенциального характера – разработать принципиально новую организационно-хозяйственную модель экономического роста. Пока этой модели нет, речь постоянно идет лишь о возврате после очередного кризиса к прежней модели инфляционного роста на основе различных форм кредита (как классического, так и через ценные бумаги и деривативы), в лучшем случае – на усовершенствованных технологических основах и с новыми формами пруденциального надзора [10].

Тенденции совершенствования инфраструктуры российского финансового рынка в соответствии с международными тенденциями сохранятся в ближайшее время. Увеличение банками объема сделок РЕПО с Банком России связано с нехваткой ликвидности и ограниченным доступом к внешним рынкам капитала. На наш взгляд, указанные тенденции будут усиливаться до восстановления геополитических отношений России с ЕС и США. В связи с этим, несмотря на развитие институциональной структуры и инфраструктуры, наблюдается отсутствие эффективной связи реального и финансового секторов российской экономики.

Список литературы

1. **Кузнецова, В. В.** Банк России как кредитор последней инстанции / В. В. Кузнецова // Банковское дело. – 2015. – № 4. – С. 6–14.
2. **Андриянова, А. А.** Развитие и эффективная деятельность банков в регионе / А. А. Андриянова, Т. С. Кулумбекова, Н. Х. Токаев. – Пенза, 2010.
3. **Колчина, Н. В.** Финансы предприятий / Н. В. Колчина. – М., 2011. – 367 с.
4. **Гиблова, И. М.** Влияние денежно-кредитной политики на экономический рост в условиях нестабильности / И. М. Гиблова // Банковское дело. – 2015. – № 2. – С. 14–21.
5. **Кузнецова, В. В.** Курсовая политика Банка России и валютные интервенции / В. В. Кузнецова // Банковское дело. – 2015. – № 2. – С. 6–13.
6. **Иванченко, И. С.** Сравнительный анализ функций ЦБ РФ сквозь призму экономического роста / И. С. Иванченко // Банковское дело. – 2015. – № 9. – С. 19–23.
7. **Ширшова, М. А.** Современные тенденции развития российского финансового рынка / М. А. Ширшова // Банковское дело. – 2015. – № 4. – С. 21–27.
8. **Кавицкая, И. Л.** Институциональные детерминанты эффективности монетарной политики / И. Л. Кавицкая // Журнал институциональных исследований. – 2012. – № 4. – С. 73–82.

9. **Подколзина, И. А.** О влиянии стоимости активов на денежно-кредитную политику центральных банков / И. А. Подколзина // Деньги и кредит. – 2011. – № 7. – С. 71–75.
10. **Симонов, В.** Антироссийские санкции и системный кризис мировой экономики / В. Симонов // Вопросы экономики. – 2015. – № 2. – С. 49–68.

References

1. Kuznetsova V. V. *Bankovskoe delo* [Banking]. 2015, no. 4, pp. 6–14.
2. Andriyanova A. A., Kulumbekova T. S., Tokaev N. Kh. *Razvitie i effektivnaya deyatel'nost' bankov v regione* [Development and efficient activity of banks in a region]. Penza, 2010.
3. Kolchina N. V. *Finansy predpriyatiy* [Finances of enterprises]. Moscow, 2011, 367 p.
4. Giblova I. M. *Bankovskoe delo* [Banking]. 2015, no. 2, pp. 14–21.
5. Kuznetsova V. V. *Bankovskoe delo* [Banking]. 2015, no. 2, pp. 6–13.
6. Ivanchenko I. S. *Bankovskoe delo* [Banking]. 2015, no. 9, pp. 19–23.
7. Shirshova M. A. *Bankovskoe delo* [Banking]. 2015, no. 4, pp. 21–27.
8. Kavitskaya I. L. *Zhurnal institutsional'nykh issledovaniy* [Journal of institutional research]. 2012, no. 4, pp. 73–82.
9. Podkolzina I. A. *Den'gi i kredit* [Money and credit]. 2011, no. 7, pp. 71–75.
10. Simonov V. *Voprosy ekonomiki* [Economic problems]. 2015, no. 2, pp. 49–68.

Андриянова Алена Александровна
кандидат экономических наук, доцент,
кафедра экономики и финансов,
Новороссийский филиал Финансового
университета при Правительстве
Российской Федерации
(Россия, г. Новороссийск, ул. Видова, 56)

Andrianova Alyona Aleksandrovna
Candidate of economic sciences, associate
professor, sub-department of economics
and finances, Novorossiysk branch
of the Financial University under
the Government of the Russian Federation
(56 Vidova street, Novorossiysk, Russia)

E-mail: andriyanovaaa@Krasnodar.vtb24.ru

Андриянова Людмила Сергеевна
кандидат экономических наук, доцент,
кафедра философии, истории и права,
Новороссийский филиал Финансового
университета при Правительстве
Российской Федерации
(Россия, г. Новороссийск, ул. Видова, 56)

Andrianova Lyudmila Sergeevna
Candidate of economic sciences, associate
professor, sub-department of philosophy,
history and law, Novorossiysk branch
of the Financial University under
the Government of the Russian Federation
(56 Vidova street, Novorossiysk, Russia)

E-mail: LAndriyanova@fa.ru

УДК 336

Андриянова, А. А.

К вопросу о валютной политике Банка России / А. А. Андриянова, Л. С. Андриянова // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2015. – № 4 (36). – С. 266–271.

Вниманию авторов!

Редакция журнала «Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки» приглашает специалистов опубликовать на его страницах оригинальные статьи, содержащие новые научные результаты в области социологии, экономики, педагогики, права, а также обзорные статьи по тематике журнала.

Статьи, ранее опубликованные, а также принятые к опубликованию в других журналах, редколлегией не рассматриваются.

Редакция принимает к рассмотрению статьи, подготовленные с использованием текстового редактора Microsoft Word for Windows (тип файла – RTF, DOC).

Необходимо представить статью в электронном виде (VolgaVuz@mail.ru) и дополнительно на бумажном носителе в двух экземплярах. Оптимальный объем рукописи 10–14 страниц формата А4. Основной шрифт статьи – Times New Roman, 14 pt через полуторный интервал. Статья **обязательно** должна содержать индекс УДК, ключевые слова и развернутую аннотацию объемом от 100 до 250 слов, имеющую четкую структуру **на русском** (Актуальность и цели. Материалы и методы. Результаты. Выводы) **и английском языках** (Background. Materials and methods. Results. Conclusions).

Рисунки и таблицы должны быть размещены в тексте статьи и представлены в виде отдельных файлов (растровые рисунки в формате TIFF, BMP с разрешением 300 dpi, векторные рисунки в формате Corel Draw с минимальной толщиной линии 0,75 pt). Рисунки должны сопровождаться подрисуночными подписями.

Формулы в тексте статьи **обязательно** должны быть набраны в редакторе формул Microsoft Word Equation (версия 3.0) или MathType. Символы греческого и русского алфавита должны быть набраны прямо, нежирно; латинского – курсивом, нежирно; обозначения векторов и матриц прямо, жирно; цифры – прямо, нежирно. Наименования химических элементов набираются прямо, нежирно. Эти же требования **необходимо** соблюдать и в рисунках. Допускается вставка в текст специальных символов (с использованием шрифтов Symbol).

В списке литературы **нумерация источников** должна соответствовать **очередности ссылок** на них в тексте ([1], [2], …). Номер источника указывается в квадратных скобках. **Требования к оформлению списка литературы** на русские и иностранные источники: **для книг** – фамилия и инициалы автора, название, город, издательство, год издания, том, количество страниц; **для журнальных статей, сборников трудов** – фамилия и инициалы автора, название статьи, полное название журнала или сборника, серия, год, том, номер, страницы; **для материалов конференций** – фамилия и инициалы автора, название статьи, название конференции, город, издательство, год, страницы.

К материалам статьи **должна** прилагаться следующая информация: фамилия, имя, отчество, ученая степень, звание и должность, место и юридический адрес работы (на русском и английском языках), e-mail, контактные телефоны (желательно сотовые).

Обращаем внимание авторов на то, что перевод имен собственных на английский язык в списке литературы осуществляется автоматически с использованием программы транслитерации в кодировке BGN (сайт translit.ru). Для обеспечения единообразия указания данных об авторах статей во всех реферируемых базах при формировании авторской справки при подаче статьи необходимо предоставить перевод фамилии, имени, отчества каждого автора на английский язык, или он будет осуществлен автоматически в программе транслитерации в кодировке BGN.

Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается. Рукопись, полученная редакцией, не возвращается. Редакция оставляет за собой право проводить редакторскую и допечатную правку текстов статей, не изменяющую их основного смысла, без согласования с автором.

Статьи, оформленные без соблюдения приведенных выше требований, к рассмотрению не принимаются.